

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

1

ВЛАДИСЛАВ
ХОДАСЕВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

1

.....

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

ТОМ
1

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

МОСКВА
«Русский путь»
2009

УДК 882
ББК 84(2Рос)6
Х-69

ISBN 978-5-85887-304-4 (т. 1)
ISBN 978-5-85887-303-7

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Составление, подготовка текста, комментарии
Дж. Малмстада, Р. Хьюза

Вступительная статья
Дж. Малмстада

Оформление
И. Антоновой

© Дж. Малмстад, Р. Хьюз, составление,
подготовка текста, комментарии, 2009
© Дж. Малмстад, вступительная статья, 2009
© Русский путь, 2009

«Очень важная во мне черта — нетерпеливость», — заметил однажды Владислав Фелицианович Ходасевич в начале автобиографического очерка «Младенчество». «Может быть, — продолжал он, — происходит она оттого, что я, так сказать, опоздал родиться»¹. Ибо когда он, последний из шестерых детей, появился на свет (16/28 мая 1886 г.), родители были уже немолодыми: отцу, Фелициану Ивановичу, выходящу из польско-литовской обедневшей дворянской семьи, шел пятьдесят второй год, а матери, Софье Яковлевне, сорок второй². Одиннадцать лет отделяло его от родившейся до него сестры. Многие годы Ходасевича преследовала мысль о том, что он «подкидыш», впоследствии, уже в поздних стихах, отозвавшаяся мотивом «сироты» и «пасынка». Как бы в возмещение за позднее появление на свет он родился двумя неделями прежде положенного срока. Это проявление нетерпеливости едва ли не стоило будущему поэту жизни и стало первой в ряду «многих неприятностей», доставленных ему попыткой «наверстать упущенное», как сам Владислав Фелицианович отмечал в автобиографии. Хрупкое сложение («Я был слаб и хил чрезвычайно»³) и слабое здоровье сопровождали его до конца дней.

Как сам Ходасевич заметил в «Младенчестве», позднее рождение сказалось даже на его месте в истории русской литературы. «Родись я на десять лет раньше, был бы я сверстником декадентов и символистов:

¹ Ходасевич В. Младенчество (Отрывки из автобиографии) // Возрождение. 1933. 12, 15, 19 октября; перепеч. в: Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 190.

² Об отце см. примечание к стихотворению «Дактили», а также: Берберова Н. Памяти Ходасевича // Современные Записки. 1939. Кн. 69. С. 257. Мать поэта была дочерью Я.А. Брафмана, известного в свое время составителя двух книг — «Книга кагала» и «Еврейские братства». В них он обличал «зловещую природу» иудаизма. Сам он перешел из иудаизма в православие, а его дочь была окрещена католичкой и воспитывалась в польской семье. Ходасевич отдал дань своим кровным корням в переводах из еврейских и польских поэтов, которые составляют значительную долю его переводческого наследия.

³ Ходасевич В. Указ. изд. Т. 4. С. 191.

года на три моложе Брюсова, года на четыре старше Блока. Я же явился в поэзии как раз тогда, когда самое значительное из мне современных течений уже начинало себя исчерпывать, но еще не настало время явиться новому. Городецкий и Гумилев, мои ровесники, это чувствовали так же, как я. Они пытались создать акмеизм, из которого, в сущности, ничего не вышло и от которого ничего не осталось, кроме названия. Мы же с Цветаевой, которая, впрочем, моложе меня, выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими, “дикими”. Литературные классификаторы и составители антологий не знают, куда нас приткнуть»¹.

Есть определенная закономерность в том, что Ходасевич постоянно ставил в тупик литературных систематизаторов и что его место в истории русской литературы отмечено печатью некоторого смещения. Избалованный любовью и заботой родителей, старших братьев и сестер, он в то же время очень рано познал горечь разочарования. В возрасте четырех лет, впервые попав в Большой театр, Ходасевич решил стать танцором. Имея незаурядные способности к танцам и до конца жизни сохранив любовь к балетному искусству, он, тем не менее, не мог по состоянию здоровья вынести жесткой системы балетных тренировок. И если сам по себе балет так или иначе привел Ходасевича, как он сам отметил в «Младенчестве», «к искусству вообще и к поэзии в частности», то особая очарованность танцем, тот непосредственный интерес к балету, который делал сцену Большого театра его «духовной родиной», будут ему навсегда заказаны². Оркестровая яма, отделявшая зрителя от танцора, — вот первая пропасть в ряду многих последующих, наведение мостов через которые станет для Ходасевича делом его жизни и искусства.

Чтобы как-то приукрасить не располагавшую к себе внешность, молодой Ходасевич какое-то время носил маску денди, изысканная одежда и манеры которого были как бы укором грубости и несовершенству мира. Озабоченность внешним видом и привычка подвергать тщательному анализу видимую миру внешнюю сторону самого себя так и не покинули его, найдя свое выражение в зрелых стихах, с их зеркалами и темой нарциссической одержимости («Перед зеркалом», 1924).

Понятие компенсации лежит в самом представлении Ходасевича об искусстве. Он настаивает на том, что литература, как всякая работа воображения, является попыткой человека компенсировать свою ограничен-

¹ Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 190.

² См. там же. С. 197.

ность. Это убеждение составляет основную драму в его зрелых стихах, которая рождается из противоречий между возможным и действительным, стремлением и невозможностью достижения, умозрительным и вещным, идеальным и земным, — противоречий, которых поэт не в состоянии разрешить, поскольку жизнь, порождая стремления, одновременно ограничивает любые порывы к трансцендентальному. И все же Ходасевич не может не стремиться к примирению этих противоположностей, даже сознавая всю невозможность этого примирения, зная, что жизнь и воображение — силы враждебные, абсолютно непримиримые¹. В результате — всепроникающий скептицизм и беспощадная ирония. Поэт силится достичь абсолютного, некоей трансформированной реальности, цельности личности, но даже если ему удастся достичь этого, то лишь на одно мгновение, чаще всего в момент творчества. Произведение искусства может зафиксировать и воплотить это мгновение, когда поэт на миг поднимается над собой (тема знаменитой «Баллады», 1921), но этот опыт непродолжителен. Через бездну невозможно перекинуть мост. Разочарование неизбежно, «компенсация» искусства коротка. «Дать портрет писателя значит прежде всего — во всей полноте представить его творческую трагедию (по существу всякое творчество внутренне трагично)»², как написал сам Ходасевич в 1933 г.

В статье, озаглавленной «Глуповатость поэзии», которая, может быть, более, чем какая-либо другая, заслуживает права называться литературным манифестом, Ходасевич настаивает на том, что «поэт, не искажая, но преображая, создает новый, собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышимым. Есть каждый раз нечто чудесное в возникновении нового бытия. <...> “Попадая в поэзию”, вещи приобретают четвертое, символическое измерение, становятся не только тем, чем были в действительности. То же надо сказать о самом поэте. Преобразуется и он»³. В многочисленных своих статьях он еще и еще раз подтверждает эту свою веру в то, что «преображение действительности» является единственно подлинной заботой искусства. Это и делает искусство одновременно мифологическим и религиозным в особом смыс-

¹ Характерно, что в гимназическом сочинении Ходасевича, написанном на тему «Правда ли, что стремиться лучше, чем достигать?», он утверждает: «Да, лучше» (см.: Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Н.А. Богомолов. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 85).

² Ходасевич В. <Рецензия на кн.:> Слоним М. Портреты советских писателей. Париж, 1933 // Возрождение. 1933. 25 мая.

³ Ходасевич В. Глуповатость поэзии // Современные Записки. 1927. Кн. 30. С. 281.

ле, и для Ходасевича этими особенностями была отмечена, в частности, русская литература. «...Русская литература велика и сильна <...> своим даром с необычайным бесстрашием и напряжением искать высшей правды, философской и религиозной. Это искание понуждает ее с тою же силой стремиться к осознанию того, что есть мир вообще и Россия в частности. Процесс осознания такого протекает в форме преобразования действительности, то есть в единственном художественно-законном действии»¹.

В Ходасевиче не было ни капли русской крови, но он всегда считал себя русским по культуре и, как многие русские, написал свое первое стихотворение, будучи еще ребенком, в возрасте шести лет. К 1903 г. семнадцатилетний студент с уверенностью заявил о том, что «стихи навсегда»², и никогда впоследствии не сомневался в своем выборе. Когда в символистском альманахе «Гриф» в 1905 г. появились его первые стихи, он учился (впрочем, урывками) в Московском университете (так никогда и не получив университетской степени)³. С этого времени Ходасевич зарабатывал на жизнь стихами, переводами, рецензиями, фельетонами, рассказами и случайной литературной поденщиной, такой, как составление антологий, часто ведя божественный образ жизни на грани нищеты в компании таких же, как он, писателей⁴. Однако никакая другая, кроме литературной, карьера никогда всерьез не привлечет его.

«У символизма был *genius loci*⁵, дыхание которого разливалось широко. Тот, кто дышал этим воздухом символизма, навсегда уже чем-то отмечен, какими-то особыми признаками (дурными или хорошими или и дурными и хорошими — это вопрос особый)»⁶, — напишет Ходасевич в статье о символизме. Он явился в литературе, по его собственным словам, когда в символизме уже проступали признаки исчерпанности, но еще успел вдохнуть его наэлектризованный воздух в московских литературных кругах первого десятилетия XX в., «когда этот воздух еще не рассеялся и символизм еще не успел стать планетой без атмосферы»⁷.

¹ Ходасевич В. <Рецензия на кн.:> *Слоним М.* Указ. изд.

² Запись Ходасевича в канве автобиографии, составленной по просьбе Н.Н. Берберовой (см.: *Берберова Н.Н.* Курсив мой. М., 1996. С. 181).

³ См.: *Колкер Ю.* Университетские годы В.Ф. Ходасевича // *Русская Мысль.* 1986. 6 июня.

⁴ См.: *Богомолов Н.А.* Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу // *Н.А. Богомолов.* Указ. соч. С. 343–358.

⁵ Дух местности (*лат.*).

⁶ *Ходасевич В.* О символизме // *Возрождение.* 1928. 12 января; *Собр. соч. М., 1997.* Т. 2. С. 174–175.

⁷ *Ходасевич В.* *Собр. соч. Т. 2.* С. 173.

Ходасевич знал всех крупных и второстепенных писателей, объединенных вокруг символизма в России, печатался в символистских изданиях и принимал участие в литературной деятельности этого направления, хотя сам стоял в стороне от них. Таким образом, он получил возможность постичь суть этого явления, будучи причастным ему, и в то же время сохранить чувство перспективы, неведомое самим символистам. Это преимущество вкупе с острым критическим чутьем и по существу историческим, филологическим в большей степени, чем философским, воображением дали ему возможность писать воспоминания и критические работы, посвященные символизму, не превзойденные до сих пор.

В статье 1929 г., посвященной поэзии Бунина, Ходасевич делает отступление, чтобы заметить, что «появление символизма было неизбежно, и в начале девятисотых годов он стал самым деятельным и самым определяющим явлением русской поэзии. Можно было его принять или отвергнуть, быть с ним или против него. Остаться вне борьбы могли только существа литературно безвольные, мертвые. <...> В условиях русской поэзии XX века нельзя было безнаказанно отвергнуть весь символизм, отбросив все его правды вместе с неправдами»¹. Ходасевич прекрасно понимал, что глубочайшими корнями своей поэзии он коснулся «правды» символизма (его субъективизма, идеалистических воззрений на искусство и приверженности к преобразению действительности в творческом акте). Но «неправда» символизма тоже слишком очевидна в его первом сборнике стихов.

* * *

На стихах 1905–1907 гг., вошедших в сборник «Молодость» (1908), лежит ощутимый отпечаток *fin de siècle*². Позднее Ходасевич со свойственной ему откровенностью напишет: «Было мне двадцать лет. Я жил в Москве, писал декадентские стихи и ничему не удивлялся, предпочитая удивлять других»³. Бледные и болезненные стихи «Молодости», с их замкнутым пространством, тревогой, сумерками, стоят в опасной близости

¹ Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа; Собр. соч. Т. 2. С. 183, 187.

² Конца века (фр.).

³ Ходасевич В. Мариэтта Шагинян (Из воспоминаний) // Дни. 1925. 4 октября; Собр. соч. Т. 4. С. 336. Ср. письмо Р.Н. Гринберга к В.В. Набокову от 28 мая 1949 г., в котором он пишет, что знал Ходасевича «еще по Москве, когда он ходил в локонах и в младших символистах» («Дребезжание моих ржавых русских струн...»). Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ. Р. Янгирова // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб; Париж, 2000. С. 361).

сти к соблазнительным безднам и поверхностному позерству пресыщенного жизнью декадентства. В свое время они едва ли привлекли чей бы то ни было интерес, и Ходасевич никогда их не переиздавал¹. В них можно найти образы и мотивы, которые останутся и в зрелых стихах: окно, звезда, человек, который смотрит на себя и ужасается.

Самого себя жутко.
Я — не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки протянется?

«Ряженные», 1906²

Но в целом сборник представляет собой доказательство сказанного самим Ходасевичем: «Юношеские творения каждого выдающегося художника далеко отстоят от его зрелых произведений»³.

Годы подлинного поэтического ученичества Ходасевича приходятся на 1908–1913-й. Именно тогда он занялся внимательным изучением поэзии Пушкина и его современников, которое продолжалось до конца жизни и выдвинуло его в ряды ведущих специалистов в области так называемого золотого века русской поэзии. Это занятие помогло Ходасевичу выбраться из сумерек осеннего декадентства эпохи и прочно связать свое творчество с традицией, которая выдержала испытание временем. Нелегкой задачей оказалось выработать стиль, корнями уходящий в классицизм, сбрасывая с себя при этом декадентский маньеризм (поэт называл его «ядом, бродящим в крови» символизма⁴) и стараясь преодолеть ту «расплывчатость мысли и неточность словаря», которыми были отмечены «обыкновенные стихи символистской поры» (не исключая и его собственных)⁵, не сводя ни на минуту глаз с «правды» символизма.

¹ В 1921 г. Ходасевич задумал переиздать свой первый сборник в значительно переработанном виде, но план не был осуществлен. В связи с этим он писал: «...это очень слабая книжка, и мила она мне не литературно, а биографически. <...> Ее заглавие, когда-то звучавшее горькой иронией, стало теперь точным обозначением <...> отдельные образы, строки, слова этих стихов имели когда-то особый, ныне затерянный смысл. <...> сам перестал понимать их» (наст. изд. С. 352).

² См. также: «Нет, молодость, ты мне была верна...» и «Звезда» из сборника «Молодость».

³ Ходасевич В. О Бунине // Возрождение. 1933. 16 ноября; Собр. соч. Т. 2. С. 285.

⁴ См.: Ходасевич В. О поэзии Бунина // Собр. соч. Т. 2. С. 183. Далее он писал: «Все последовавшие гражданские войны внутри его (символизма. — Дж. М.) были не чем иным, как борьбою здоровых, символистских начал с большими, декадентскими».

⁵ См.: Ходасевич В. С.Я. Парнок // Возрождение. 1933. 14 сентября; Собр. соч. Т. 4. С. 315.

Однако Ходасевич постепенно сумел дисциплинировать свой язык, свою мысль и самого себя, что было особенно удивительно, если вспомнить, сколько литературных произведений (да и судеб литераторов) были разрушены необузданным своеволием.

Лучшие из стихотворений (их было немного, в общей сложности тридцать девять), написанных в этот период, появились во второй книге его стихов «Счастливый домик» (1914). Владимир Вейдле считал, что это «предрасветные стихи — не стихи Ходасевича — стихи до Ходасевича», в этом смысле сходные со стихами «Молодости»¹. Как и эти последние, они не были включены поэтом в итоговый однотомник, опубликованный в 1927 г. Вместе с тем ими ни в коем случае нельзя пренебречь (как отметили в свое время несколько рецензентов, в том числе и взыскательный, как всегда, Гумилев²). Их заметная сдержанность говорит о том, чего достиг Ходасевич, погрузившись в изучение строгой поэтики пушкинского времени и его «школы гармонической точности», заимствуя ставший классическим термин Л.Я. Гинзбург³. Пушкиным же («И от недружеского взора / Счастливый домик охрани»; «Домовому», 1819) подсказано и само название сборника, конкретная предметность которого контрастирует с абстрактной «молодостью» первой книги. Характерно, что образ крыльев как эмблема духовного порыва, занимающий центральное место в зрелых стихах Ходасевича и отсутствующий в статичном и одноцветном мире первого сборника, появляется впервые здесь, в заключительном стихотворении «Рай» (1913).

...а в последнем сне

Сквозь узорный полог, в высоте сапфирной

Ангел златокрылый пусть приснится мне.

¹ См.: Вейдле В. Владислав Ходасевич // Возрождение. 1930. 3 апреля. Ср.: «В “Молодости” вместо Пушкина — Брюсов, и на месте Ходасевича еще никого нет. В “Счастливом домике” Ходасевич очищается постепенно от всего, что не Пушкин и не он сам» (Вейдле В.В. Поэзия Ходасевича // Современные Записки. 1928. Кн. 34. С. 456; Русская литература. 1989. № 2. С. 150).

² См.: Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 5; То же. М., 1990. С. 186–187. Любопытно, что Гумилев, не будучи еще лично знаком с Ходасевичем, использует в конце своей рецензии сравнение с балетом: «...он пока только балетмейстер, но танцы, которым он учит, — священные танцы».

³ Фраза восходит к рецензии А.С. Пушкина на книгу Ф.Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830): «...слог его не напоминает <...> ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым».

И все же, несмотря на эти завоевания, на разнообразие тона (поэт не боится теперь улыбнуться, а по временам даже рассмеяться) и интимность интонации, здесь еще нет непосредственной реакции на жизненные впечатления, характерной для зрелого Ходасевича: подлинное его лицо еще не определилось.

В рецензии 1914 г. на брюсовскую «*Juvenilia*» Ходасевич точно определил то, что, по его представлениям, лежало в основе символистской «неправды». Символизм не только противопоставляет предметную реальность и реальность создаваемого произведения искусства, но и окончательно разрывает всякие связи между ними, говоря о том, что «два мира разделены окончательно»¹. Теперь поэту ясно, что для него подобный разрыв губелен, а существенным, напротив, является, говоря его же собственными словами, «сплав жизни и творчества»², индивидуальная жизнь, прожитая в определенном времени и месте. (Нас не удивляет поэтому, что в своей критике, особенно в статьях о Пушкине, Ходасевич будет настаивать на неразрывных связях творчества и биографии как совершенно обязательных и подлежащих выявлению.) Искусство должно преобразовывать мир, но художник должен стремиться через воображение овладеть повседневностью. Эта «правда» открылась Ходасевичу, когда однажды, путешествуя по Италии, он стоял над Brentой, сравнивая ее откровенно прозаический вид («Брента, рыжая речонка, / Живой образ красоты!») с «вдохновенными мечтами», вызванными ею в душах предшествующих поэтов. Позднее он напишет: «С той поры люблю я, Brentа, / Прозу в жизни и в стихах» («Брента», 1920). Мы находим плоды этого прозрения уже в отдельных стихах «Счастливого домика», но только лирика, созданная между 1914 и 1920 гг., по-настоящему документирует заново открытый им мир — в этот процесс так или иначе были вовлечены все постсимволистские поэты, — и, вырвавшись таким образом из творческого тупика, поэт сумеет достичь вершин в своей поэзии 20-х годов, когда напишет:

Потом, когда в своем наитье
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

«Пока душа в порыве юном...», 1924

¹ Ходасевич В. «*Juvenilia*» Брюсова // София. 1914. № 2 (февраль); Собр. соч. Т. 1. М., 1997. С. 405.

² См.: Ходасевич В. Конец Ренаты // Возрождение. 1928. 12, 13, 14 апреля; Собр. соч. Т. 4. С. 7.

«В жизни каждого поэта (если только не суждено ему остаться вечным подражателем) бывает минута, когда полусознанием, полуощущением (но безошибочным) он вдруг постигает в себе строй образов, мыслей, чувств, звуков, связанных так, как дотоле они не связывались ни в ком. Его будущая поэзия вдруг посылает ему сигнал. Он угадывает ее — не умом, скорей сердцем. Эта минута неизъяснима и трепетна, как зачатие. <...> После нее все дальнейшее — лишь развитие и вынашивание плода»¹. Так писал Ходасевич в своей биографии Державина, и он мог бы иметь в виду самого себя, когда (начиная с 1914 г.) он начал писать стихи, которыми хотел бы быть отмеченным в памяти потомков. Этот период совпал с началом Первой мировой войны, о котором Ахматова сказала: «Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один» («Памяти 19 июля 1914»). В Ходасевиче перемены не произошли «в час один». Все написанное в 1914–1915 гг. (за исключением четырех стихотворений) он не стал публиковать в составе третьего сборника — «Путем зерна» (1920; 2-е изд., перераб. — 1921), первой книги, вобравшей в себя то, что Ходасевич и большинство его критиков считали зрелыми произведениями. «...Только в “Путем зерна”, погрузившись в Пушкина целиком, Ходасевич становится самим собою»². Но «сигнал» своей будущей поэзии он услышал в 1914 г., и именно тогда он посадил «зерно», проросшее позднее «плодом» его зрелых стихов.

Поэт в буквальном смысле выходит на свою дорогу в стихотворении 1916 г., озаглавленном «На ходу»: стиснув пакет, ощущая боль в руке, теперь он в самом деле становится частью этого мира. Но это еще в большей степени делает его чувствительным к присутствию в мире чего-то еще, чего-то неопределимого, но поэтически реального.

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но всё ясней, уверенней сознание,
Что ты близка.

Тема «другого» звучала и в ранних стихах Ходасевича, но здесь впервые это чувство дает о себе знать через такое же обостренное ощущение реальности и пристальное внимание к деталям жизни, окружающей поэта. Обстановка этого стихотворения все еще недостаточно диффе-

¹ Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 82; Собр. соч. М., 1997. Т. 3. С. 191.

² Вейдле В.В. Поэзия Ходасевича // Русская литература. 1989. № 2. С. 150.

ренцирована, но, по мере того как тема «другого» звучит во все большем и большем числе лирических произведений, вместе с ней определяется и чувство места. Это место — родная поэту Москва. Первые два стихотворения, заимствующие свои названия в реальной топонимике города, — «В Петровском парке» и «Смоленский рынок» — написаны в конце 1916 г. Тема их — смерть, одна из главных тем «Молодости» и «Счастливого домика», но как отличаются эти стихи от ранней поэзии! В первом из них от третьего лица описывается самоубийство («Висел он, не качаясь, / На узком ремешке...»). Поэт никак не комментирует происшедшее, он просто сообщает о реально увиденном ужасе, как это явствует из инскрипта Ходасевича на экземпляре своего «Собрания стихов» (1927), принадлежавшем Н.Н. Берберовой. «Видел это весной 1914 г. на рассвете, возвращаясь <...> из ночного ресторана в Петр<овском> Парке». В «Смоленском рынке» нет и следа декадентства. Отход от обычного сознания и преображение уродливой реальности остаются здесь основной целью, но слова «Преобразись, / Смоленский рынок!» в конце стихотворения идут за символическим приятием поэтом прозаической реальности, которая его окружает, более того — его «приобщением» к ней. «Всё к той же чаше / Припал — и пью...». Сборник «Путем зерна» открывается стихотворением, в центре которого — библейский (и символический) образ зерна, умирающего, чтобы дать новую жизнь. Этот образ проходит через всю книгу, которая кончается стихотворением «Хлебы» (1918), где зерно «собрано» и «преобразено». Ангел благословляет земной труд выпекания хлебов как залог ценности жизни. «Клянется ангел нам, что истинны, как небо, / Земля, любовь и труд». В 1927 г. Ходасевич написал, что молодой Веневитинов обрел себя на второстепенность, так как «свои чувства он всё хотел очистить от личного, непосредственного. <...> Он не мог допустить и мысли о том, чтоб явиться в поэзию в своем собственном виде. <...> Он никак не хотел и не мог допустить, что поэт именно превращает свое малое, минутное — в великое и вечное, а не наоборот»¹. Ходасевич мог бы то же сказать и о своей ранней поэзии, и за те десять лет, что отделяют его первые опыты от лирики 1916 г., он хорошо усвоил этот урок.

¹ Ходасевич В. Веневитинов // Возрождение. 1927. 24 марта. Ср. письмо Ходасевича к Г.И. Чулкову от 16 апреля 1914 г. по поводу рецензии Владимира Пяста на «Счастливый домик»: «...он меня обидел своей незоркостью, особенно упреком в презрении к “невинному и простому”. Я всю книгу писал ради второго отдела, в котором решительно принял “простое” и “малое” — и ему поклонился. Это “презрение” осуждено в моей же книге» (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 389).

В стихах, написанных в 1916–1920 гг., язык Ходасевича, все яснее передававший его видение мира, получил способность сопротивляться субъективным преувеличениям и иметь дело с той реальностью, содержанием которой было, например, самоубийство его ближайшего друга, поэта Муни (С.В. Кисина), или тяжелая болезнь самого поэта в 1916 г., не говоря уже, безусловно, о мировой и Гражданской войнах и революции. Наиболее поразительными в сборнике являются, без сомнения, длинные повествовательные стихотворения, особенно четыре из них, написанные в 1918 г. («Эпизод», «2-го ноября», «Полдень» и «Встреча»). Создается впечатление, что здесь белый стих, поначалу заимствованный у Пушкина, как бы смягчает синтаксис поэта и расширяет диапазон его дикции. Словарь, основанный на языке, которым говорило русское образованное общество, вполне соответствует поставленной задаче: охватить и суметь выразить как наиболее разговорное, так и наиболее возвышенное. Здесь прозаическое, земное сочетается с поэтическим и высоким. Вместе с другими лучшими стихотворениями сборника они рассказывают о моментах напряженного, порой даже запредельного опыта, поводом к которому послужил какой-то конкретный случай в настоящем («Эпизод», «2-го ноября») или воспоминание о таком случае в прошлом («Полдень», «Встреча»). Здесь достигнута та основательность детализирования, соединенная с точностью и экономностью, по которым можно безошибочно определить зрелый стиль Ходасевича. Темы символизма остаются, но с них совлечена метафизическая претенциозность и риторическая расплывчатость. Глубоко продуманные темы «другого» и «потустороннего» в контексте повседневности, лежащие в основе «Эпизода» и отзывающиеся в таких стихотворениях 1918–1919 гг., как «Стансы» («Но душу полнит сладкой полнотой / Зерна немое прорастанье») или «Про себя» (где тема раздельного бытия поэта впервые ясно заявлена: «И вот — живу, чудесный образ мой / Скрыв под личиной низкой и ехидной...»), отныне будут определять следующий поэтический период в творчестве Ходасевича¹.

¹ В.В. Вейдле с предельной и точной сжатостью писал: «“Эпизод” <...> открывает важнейшую для Ходасевича тему раздвоения, просвечивания там сквозь здесь, второго “я”, того, что смотрит со стороны на первое, тему души, обходящейся без мира, и мира, не населенного душой, — тему, которая получит наиболее законченное выражение в “Тяжелой лире” и которая для Пушкина была бы не только неприемлема, но, что еще важнее, непонятна» (Вейдле В.В. Поэзия Ходасевича // Русская литература. 1989. № 2. С. 151).

В годы революции и Гражданской войны поэту пришлось разделить горькую участь всех соотечественников. Он нашел себе кратковременную урочную работу в качестве сотрудника различных организаций, учрежденных большевиками, с юмором, но и с дурными предчувствиями вспоминая об этом позднее в нескольких мемуарных набросках о своей «советской службе»¹. В конце 1920 г., по настоянию Горького, он переехал из Москвы, города, в котором он до того провел практически всю свою жизнь, в Петроград, где вскоре поселился в Доме Искусств, известном, по определению Ольги Форш, как «сумасшедший корабль». С переменой места и атмосферы — «В Петербурге настоящая литература»² — начался для него новый, необычайно длительный творческий период. В это время написаны стихи для четвертой книги Ходасевича, «Тяжелая лира» (1922; 2-е изд., перераб. — 1923), появившейся всего через два года после выхода его третьего сборника стихов (тогда как между предыдущими книгами прошло шесть лет). В центре сборника «Путем зерна» была тема жизни человека как земного существа. Ее Ходасевич не оставляет и в «Тяжелой лире», однако теперь в фокусе его внимания — творчество и связанные с ним мотивы поэзии и непреходящего в человеке: души, духа. Впервые эта тема возникает в стихотворении 1917 г. из сборника «Путем зерна».

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

Тема эта становится центральной в «Тяжелой лире».

Глядя в окно своей полукруглой комнаты в Доме Искусств (обстановка «Баллады», 1921), поэт обретает видение мира в какой-то новой перспективе, а с ним и новый взгляд на себя. «Смотреть наружу» и «смотреть в себя» оказываются процессом одновременным. «Смотрю в окно — и презираю. / Смотрю в себя — презрен я сам» (1921). Характерной для сборника является ситуация, в которой «я» поэта в начале стихотворе-

¹ См. такие статьи, как: «Законодатель», «Пролеткульт», «Книжная Палата», «Здравница», «Белый коридор» (см.: Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4).

² Ходасевич В. О себе // Новая Русская Книга. 1922. № 7. С. 37; Собр. соч. Т. 4. С. 188. См. также: Богомолов Н.А. Владислав Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу // Н.А. Богомолов. Указ. соч. С. 343–358.

ния лишено всего, кроме осознания собственной преходящести и неудовлетворенности миром. Будучи не в состоянии жить с тем «я», которое дано ему этим миром, поэт вынужден искать другого себя: совершенство своей души. Эта целомудренная и чистая женская сущность (Ходасевич еще в детстве отождествлял себя скорее с балериной, чем с танцором) существует в звездной, залитой лунным светом сфере. (Солнце в сборнике представляет собой исходный символ обычного земного времени, прозаическое и ничем не озаренное существование, «воспаленный диск» или «солнце в шестнадцать свечей», не позволяющее нам узреть абсолютное. «Дневным сиянием объятый, / Один беззвездный вижу мрак...»; «Смотрю в окно...», 1921.) Поэт любит ее не только потому, что она существует там, в мире совершенного, но и потому, что она — его Муза. (Ходасевич сравнивал Психею с «Прекрасной Дамой» А.А. Блока¹.) Это ей дан был «дар тайнослышанья тяжелый» («Психея! Бедная моя!..», 1921). «Дух» поэта, его мужская ипостась, увязшая в мире безобразия, лишен свободы и красоты Психеи и должен прилагать невероятные усилия, чтобы преодолеть этот плен и достичь ее, как в стихотворении «Из дневника» (1921), наполненном образами, которые связаны с насилием, с чем-то режущим (символика очистительной боли, сопро-вождающей духовный рост).

Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

В других стихах сама душа заточена в несовершенное тело и служит источником мучительной боли, когда она пытается освободиться и вернуться в область совершенного.

Пробочка над крепким иодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

«Пробочка», 1921

Поэт — пленник в этом мире и пытается выйти за пределы заданной ему реальности. Человек и его дух освободятся только после смерти, пока же он обречен лишь на бесплодные попытки вырваться из плена.

¹ См.: Ходасевич В. Конрад Валленрод. 1827–1927 // Возрождение. 1927. 24 ноября.

Эта тема, безусловно, не нова, но Ходасевич разрабатывает мотив двойственности в стихах «Тяжелой лиры» — и прежде всего раздвоенности личности — с большим своеобразием и динамизмом: мечта / реальность; воображение / тривиальность; поэтическая выдумка / стерильность: «я»-душа или дух / «я»-тело; «я»-поэт / «я»-обычный человек. Его влечет к состояниям сознания, имеющим двойственную природу: сон / пробуждение; видимое, каким оно представляется впечатлениям наблюдателя, и сокрытое, доступное внутренним ощущениям («Ласточки», 1921). На эту двойственность указывают порой даже его рифмы, с их разъединяющей парностью различных стилистических регистров, например иноязычных слов, часто прозаических, со словами родного языка — прием, которым Ходасевич пользовался еще в «Путем зерна»: «балкон» / «сон» («Вариация»); «свете» / «паркетe» («Ищи меня»); «розам» / «туберкулезом» («Бельское Устье»); «коридоре» / «море» («Странник прошел, опираясь на посох...»); «отрадой» / «эстрадой» («Большие флаги над эстрадой...»)¹.

В рецензии 1932 г. Ходасевич заметил по поводу любовной лирики в христианскую эпоху: «В ней нет или почти нет чистой эротики, *бескрылой, приземистой, материалистической*, а потому и неизбежно нехудожественной»². Три прилагательных, которые я выделил курсивом, и представляют собой тех врагов, с которыми, как считает Ходасевич, поэт и его «дух» должны сражаться. Мир, как это видно в стихотворении «Из окна» (1921), является достаточно сильным противником. В первой части стихотворения попытки к освобождению ни к чему не приводят. «Восстает мой тихий ад / В стройности первоначальной». Однако во второй части поэт, несмотря ни на что, ждет апокалиптического момента.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

В напряженной артикуляции этих стихов, написанных поэтом, ощущающим свою физическую и духовную изолированность, старающимся преодолеть все, что его ограничивает, и жаждущим освобождения, то впадающим в отчаяние (как в мрачном «Аutomobile», 1921, где поэт теряет «Психею светлую мою»), то иронизирующим («Перешагни, перескочи...»),

¹ О семантическом, образном и лексическом диссонансах см.: Фомин С. С раздвоенного острия. Поэтический диссонанс в творчестве В.Ф. Ходасевича // Вопросы литературы. 1997. № 4 (июль–август). С. 32–43.

² Ходасевич В. Erotopaegnia // Возрождение. 1932. 29 сентября; Собр. соч. Т. 2. С. 235.

1922), достигается сжатость восприятий благодаря выразительности и точности деталей, а также едва различимому усилению речи (порой встречающийся архаизм). Прямота и неукрашенный показ настроений или размышлений, связанных с конкретной ситуацией, обращают на себя внимание читателя в достаточно простых, канонических метрах (большинство стихотворений написано четырехстопным ямбом)¹. Ходасевич не любил «преувеличенной метафоричности» в поэзии первых десятилетий прошлого века, сопутствующей, как ему казалось, избытку неряшливого «самовыражения»². Он пользовался метафорой крайне редко (и с предельной осторожностью и умеренностью), предпочитая ей сравнение, ибо последнее не размывает границ между различием и подобием, между переходом из одной сущности в другую, как это свойственно метафоре. В тропе отражена главная суть его дуализма: невозможность ни полностью стать иным, ни оставаться в исходном положении³.

Предпочитая в манере выражения простую декларативность, а в структуре логики, Ходасевич видится обновителем поэтики предшествующего века, «поэзии мысли». Подобно Т.С. Элиоту и У. Йейтсу, он находит свой голос через приобщение к прошлому. Тем не менее читатель никогда не спутает эту обманчиво простую и одновременно строгую лирику со стихами Пушкина, Баратынского, Тютчева или даже более близко по времени Анненского⁴.

¹ Н.А. Богомолов пишет: «Из 45 стихотворений “Тяжелой лиры” (по второму ее изданию) 26 написаны четырехстопным ямбом, причем чаще всего с регулярной строфой перекрестной рифмовки, где женские рифмы чередуются с мужскими» (Богомолов Н.А. Указ. соч. С. 111). См. также: Smith G.S. The Versification of V.F. Khodasevich 1915–1939 // *Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA, September 22–26, 1975*. Columbus, Ohio, 1983. P. 373–391.

² «Все это (стихотворение Д. Резникова. — Дж. М.) перегружено метафорами и аллегориями, не сведенными ни к какому логическому единству. <...> она (стихотворение А.С. Гингера «Любовь». — Дж. М.) загромождена метафорами: это сейчас едва ли не повальная поэтическая мода» (Ходасевич В. Заметки о стихах П. (Конкурс «Звена») // *Дни*. 1926. 14 марта).

³ В письме к Ходасевичу от 12 января 1925 г. В.И. Иванов писал о тесной связи между формой и содержанием в стихах «Тяжелой лиры». «Из дуализма лирического пафоса вытекает с художественной закономерностью и дуализм формы. Это соединение жестокого веризма и гимнической монументальности» (Новый Журнал. 1960. № 62. С. 287).

⁴ Обычно пронизательный Юрий Тынянов не сумел рассмотреть существенной новизны и современности стихов Ходасевича и отверг их. «В стих, “завещанный веками”, плохо укладываются сегодняшние смыслы» (Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173). В рецензии на «Тяжелую лиру» Валерий Брюсов продемонстрировал свое полное непонимание поэтики Ходасевича. «...Стихи эти больше всего похожи на пародии стихов Пушкина и Баратынского. Автор все учился по классикам и до того заучился, что уже ничего не может, как только передразнивать внешность» (Брюсов В.Я. Среди стихов // Печать и Революция. 1923. № 1. С. 73; перепеч.: Брюсов В.Я. Среди стихов. М., 1990. С. 616).

Ходасевич был в зените своей славы как поэт в начале 20-х годов¹. В стихотворении, написанном уже позднее, в 1926 г., он будет вспоминать:

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

«Петербург»

«Тяжелая лира» удостоилась высокой похвалы многих критиков, среди них наиболее заметной — Андрея Белого, который в двух рецензиях-статьях говорил о появлении нового большого русского поэта и пронизательно возводил родословную Ходасевича к Пушкину, Баратынскому, Тютчеву и Фету². С ним, однако, не согласились другие. Белый в своей первой рецензии цитировал следующие строки из «Когда б я долго жил на свете...» (1921):

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа, —

говоря о них: «Разве это поэзия? Простой ямб, нет метафор, нет красок — почти протокол; но протокол — правды отстоянного душевно-духовно-го знания. Знаете, чем волшебным освещены эти не маркированные строчки? Одной строкой, верней, одним словом “почти”. <...> Как в “чуть-чуть” на-

¹ Ср.: «Именно в это время в некоей имплицитной иерархии современной русской поэзии Ходасевич неожиданно занимает одно из первых мест. Вышедший во второй половине 1922 года сборник “Тяжелая лира” лишь подтверждает эту уже сложившуюся новую литературную репутацию Ходасевича» (Ратгауз М.Г. 1921 год в творческой биографии В. Ходасевича // Блоковский сборник X (А. Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра). Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 881. Тарту, 1990. С. 117).

² Белый А. Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича) // Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 136–139; «Тяжелая лира» и русская лирика // Современные Записки. 1923. Кн. 15. С. 371–388.

чинается тайна искусства, так в слове “почти” <...> и это “почти” — суть поэзии Ходасевича»¹. Д.П. Святополк-Мирский, который позднее назовет Ходасевича «маленьким Баратынским из Подполья, любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзию»², цитировал те же строки в обзоре современной русской поэзии в 1922 г., но написал о них: «Последние его стихи <...> достигают пределов, за которыми начинается уже не поэзия, а “умное делание”. Крайняя простота, почти скудость строжайшей формы усиливает их бестелесность»³. Эти два взгляда на Ходасевича довольно точно суммируют раскол мнений в критике о поэзии Ходасевича, который продолжался много лет и который длится, может быть, до сегодняшнего дня. Для нас, однако, лучше вспомнить слова самого Ходасевича: «Тысячекратно осмеянное “родство душ” все же имеет решающее влияние на то, как складывается наше отношение к тому или иному художнику»⁴.

В 1921–1922 гг., когда, как писал Ходасевич в «Петербурге»:

...в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкальный
.....
И я безумел от видений,
.....
И, каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку, —

он ощущал свое поэтическое дарование как никогда раньше. В стихотворениях «Музыка» и «Баллада», которые открывают и заключают «Тяжелую лиру», Ходасевич прославляет власть поэта, способного возвыситься над повседневностью (снова образ крыльев) и трансформировать «косную, нищую скудость безвыходной жизни» своего «я» и мира

¹ Белый А. Указ. соч. С. 137. Курсив А. Белого.

² Святополк-Мирский Д.П. Рец. на «Современные Записки» и «Волю России» // Версты. 1926. № 1. С. 208. О полемике вокруг сборника «Версты» см.: Ходасевич В. Собр. соч. Т. 2. / Под ред. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. Анн Арбор. Ardis, 1990. С. 544–549.

³ Святополк-Мирский Д.П. О современном состоянии русской поэзии // Новый Журнал. 1978. № 131. С. 98 (публ. Г.П. Струве).

⁴ Ходасевич В. «Juvenilia» Брюсова // В. Ходасевич. Собр. соч. Т. 1. С. 403.

вокруг¹. Этого чувства трансцендентного становилось все меньше в эмигрантский период его творчества.

* * *

В июне 1922 г. Ходасевич, как многие другие, но «легально» («для поправки здоровья») покинул Россию навсегда. С начинающей поэтессой Н.Н. Берберовой, сопровождавшей его, он на время поселился в Берлине. Там он писал стихи, наполненные кошмарными образами, подобными тем, что смотрят на нас с картин и рисунков немецкого художника Жоржа Гроса. Это стихотворения «An Mariechen», «С берлинской улицы», «Берлинское», «Нет, не найду сегодня пищи я...» и «Дачное»; все они были написаны в 1922–1923 гг. Он покинул Берлин в ноябре 1923 г. и странствовал по Европе, дважды останавливаясь на продолжительное время на вилле Горького в Сорренто. Наконец в 1925 г. поселился в Париже, где в тяжких условиях изгнания провел остаток жизни².

Стихотворения, написанные в этот период, составляют заключительную часть («Европейская ночь») его «Собрания стихов» 1927 г. (также содержащего переработанный сборник «Путем зерна» и «Тяжелую лиру»). Мир «Тяжелой лиры» был для поэта временами уродливым и гнетущим. Теперь, оторванный от дома и находящийся в чуждом для себя окружении, Ходасевич беспощадным взглядом смотрит на реальность вокруг. В этих стихах мир современного города предстает гротескным, отвратительным, населенным чудовищами, бесами и деформированными людьми. Читатель может не обратить внимания на ощущение поэтом униженного родства с этими ужасающими фигурами, возникающими в стихах. Но ирония поэта, его горький сарказм в одинаковой степени направлены и на самого себя («Я, я, я. Что за дикое слово!...»; «Перед зеркалом», 1924), как это случалось порой и в «Тяжелой лире» («Смотрю в окно...», 1921). Тем не менее в его строках не надо искать признаний. В них звучит обвинение.

В стихах «Тяжелой лиры» ощущается возможность перемен, ибо сквозь всю «непрочную грубость» земной жизни мы все еще чувствуем другую жизнь, к которой есть смысл стремиться.

¹ См. рецензию В.В. Набокова на «Собрание стихов» 1927 г. (подпись: «В. Сирин»): «...в "Балладе" <...> Ходасевич достиг, по моему мнению, пределов поэтического мастерства. <...> Ходасевич — огромный поэт» (Руль. 1927. 14 декабря).

² Подробные сведения о жизни Ходасевича в Париже можно найти в автобиографии Н.Н. Берберовой «Курсив мой» (М., 1996). См. также: *Толмачев В.М.* Владислав Ходасевич: Материалы к творческой биографии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6.

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

«Ни жить, ни петь почти не стоит...», 1922

И искусство предлагало возможность трансформировать воображением опыт жизни в этом мире, в котором, несмотря ни на что, есть красота и который в конечном итоге поставляет поэту образы, перерабатываемые творческим воображением. В «Европейской ночи», по мере того как поэт все явственнее видит вокруг себя разлагающуюся цивилизацию, это предчувствие возможности преображения истончается («Нет, не найду сегодня пищи я / Для утешительной мечты...») или, что чаще, если и сулит перемены, то к худшему. Временами поэт испытывает утомление и от искусства, и от трансцендентного.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн, —
И так отраднo, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

«Хранилище», 1924

Вместо этого в стихах, передающих мучительный опыт одиночества и смятения, Ходасевич подчеркивает растущее в нем чувство границ и конечности. Однажды «окна» открылись для него, с тем чтобы дать хоть на миг представление о другой реальности. Теперь «Окна во двор» (1924) обнаруживают только замкнутое пространство двора за ними. «Всегда в тесноте и всегда в темноте, / В такой темноте и в такой тесноте!».

В нескольких стихотворениях «Тяжелой лиры» важную символическую роль играют руки как посредники между душой и телом. В наводящем ужас «Автомобиле», например, они беспомощно протянуты в тщетной попытке поймать утерянную Психею. В «Балладе» (1921) им вручают «тяжелую лиру» триумфального поэта Орфея. В двух из лучших стихотворений «Европейской ночи» появляются фигуры без рук: «безрукий» в другой «Балладе» (1925) и портной в «Джоне Боттome» (1926) являются предметными символами не только обезображивающих результатов войны, но и ни во что не трансформируемых ужасов реальности настоящего. Везде в сборнике, по мере того как Ходасевич подвергает анализу те последствия для поэтического сознания, которые несет с

собой отсутствие или недоступность как «другого», так и трансцендентных переживаний, чувствуется трагическая утрата поэтом всякого ощущения связи между ним и его Психеей. Здесь перед нами не столько дуализм его предшествовавшей лирики, сколько, как пронизательно определил Владимир Вейдле, «душевная разъятость»¹.

Иль сон, где, некогда единый, —
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

«Весенний лепет не разнежит...», 1923

Личная боль поэта дает определенное представление о мрачной беспочвенности и отчуждении самого европейского общества в годы после Первой мировой войны.

Поэтической вершиной сборника является большое стихотворение «Соррентинские фотографии» (1926) — размышление о связи воображения и памяти, в которой возникает двойной ряд накладываемых одно на другое воспоминаний. Первый ряд воссоздает картины похорон бедного «полотера» в Москве и пасхальной процессии по кривым улочкам Сорренто. Во втором на вид Неаполя сквозь легкую утреннюю дымку накладывается петербургский вид отраженного в Неве Петропавловского собора. Эти воспоминания группируются вокруг определяющей метафоры: снимка с двойной экспозицией, сделанного забывчивым фотографом-любителем («Порой фотограф-ротозей / Забудет снимкам счет и пленкам...»). Поразительное достижение последнего периода творчества Ходасевича, не вполне характерное для стихов «Европейской ночи», — неожиданное чувство блаженства, возникающее, когда статую Богородицы вносят в собор. Но даже здесь поэт остро осознает смещенность места и времени, собственную свою бездомность и зависимость от капризов памяти.

Воспоминанье прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...

⁸ См.: Вейдле В.В. Поэзия Ходасевича // Русская литература. 1989. № 2. С. 155.

Как заметил Делакруа, «быть поэтом в двадцать лет — это просто быть двадцатилетним, в сорок же это быть Поэтом». Всего двадцать лет отделяют стихотворения первого сборника Ходасевича «Молодость» и последнего «Собрание стихов». Он никогда больше не издавал поэтических книг. В начале 1927 г. парижская ежедневная газета «Возрождение» объявила Ходасевича своим главным критиком (а не литературным редактором, что неоднократно подчеркивал сам Ходасевич, умоляя авторов не присылать ему рукописей). Оставаясь на этой должности до самой смерти, он также (один или вместе с Н.Н. Берберовой) должен был составлять раз в неделю «литературную летопись», подписываемую псевдонимом Гулливер¹. Теперь Ходасевич зарабатывал на жизнь журнальной работой, не только в «Возрождении», но и в других значительных эмигрантских изданиях Парижа, в основном в журнале «Современные Записки». Сотни рецензий и статей создали ему репутацию одного из авторитетнейших арбитров в литературных баталиях эмиграции; к тому же Ходасевича больше, нежели других, боялись. Подобная репутация предшествовала его карьере критика, как сам он, со свойственной ему иронией, подтвердил в стихах 1924 г.:

...тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

«Перед зеркалом»

Кроме того, Ходасевич написал великолепную биографию Державина (1931), продолжал свои занятия Пушкиным и начал серию мемуарных очерков о своих современниках («Некрополь», 1939). За стихи он, однако, садился редко.

После 1927 г., вплоть до последнего своего часа (он умер от рака в Париже 14 июня 1939 г.), вскоре после того, как ему исполнилось пятьдесят три года, Ходасевич написал в общей сложности около пятнадцати стихотворений. Большинство относится к 1928 г.; среди них мастерски исполненные «Дактили» — портрет отца и в то же время одно из наиболее важных стихотворений об искусстве.

¹ Более подробно см.: Малмстад Дж. Единство противоположностей. История взаимоотношения Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 53.

Мир созерцает художник — и судит,
и дерзкою волей,
Демонской волей творца — свой
созидает, иной.

Даже случайные начала стихов или фрагменты редки в 30-е годы. Смерть его кота послужила поводом для создания одной из замечательнейших в русской поэзии элегий («Памяти кота Мурра», 1934), в которой на смену интенсивности прежней лирики приходит какое-то новое (и необычное для Ходасевича) спокойствие. Совершенно очевидно, что возраст не сказался на силе его поэтического дарования. Как не истощились и источники его поэзии. Несмотря на минуты отчаяния, связанного с невозможностью жить и писать «и там и здесь», Ходасевич, в отличие от Георгия Адамовича или Марка Слонима, всегда ратовал за возможность, и даже необходимость, эмигрантской литературы¹. Объяснение поэтического молчания Ходасевича можно, скорее всего, найти в его взглядах на поэзию и искусство.

В «Европейской ночи» Ходасевич, которого волновала связь между идеальным и реальным миром, с метафизическим остроумием и иронией «очистил» большую поэзию от отчаяния. В отличие от поэтов так называемой парижской ноты эмигрантской поэзии он дал муче связанное выражение и не находил удовольствия в оцепенелом перечислении безрадностей жизни и мелких ран. Готфрид Бенн заметил однажды, что фоном современной культуры является пессимизм, однако любой писатель оказывается оптимистом самим фактом своего писательства. К концу 20-х годов Ходасевич достиг того предела, за которым он уже не мог оказаться «оптимистом» в понятии Бенна. Намек на это содержится в заключительных строках последнего стихотворения «Европейской ночи», замечательных «Звезд», где элементы реального мира — «созвездия», украшающие скудные костюмы исполнителей стриптиза в убогом парижском «театрике», — и воображение сливаются в один ужасающий кошмар, который поэт больше не в состоянии ни просветлить, ни трансформировать.

¹ Г.В. Адамович стал ведущим оппонентом Ходасевича в эмигрантской критике. Оба критика не щадили друг друга, ведя острую полемику о перспективах грядущего развития русской поэзии и возможности литературы в эмиграции. См. ответ Ходасевича на статью Марка Слонима в журнале «Воля России» (1931. № 7–9. С. 616–627): Литература в изгнании // Возрождение. 1933. 27 апреля, 4 мая; Собр. соч. Т. 2. С. 256–267.

Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

Или, как он написал в «Хранилище»: «От восхождений и падений / Уж позволительно устать». Четыре года спустя эта усталость превратилась во что-то другое в исключительно личном «К Лиле» (1929), где заключительная строфа не в состоянии смягчить мучительную горечь предшествующих строк, в которых поэт растаптывает каблуком свою «лиру». (Потрясающее воздействие этого стихотворения и подобных ему, таких, как «Звезды» или вторая «Баллада», в которой поэт бьет своих ангелов, частично является следствием того, что читатель понимает: поэт обесценивает здесь или отвергает центральные символы своей предшествующей поэзии.)

Через три года после выхода ходасевичевского «Собрания стихов» Георгий Иванов мог, например, написать:

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать.

«Хорошо, что нет царя...», 1930

Ходасевич же, в силу присущего ему взгляда на искусство, не мог, в отличие от Иванова, создавать поэзию из нигилизма. «...На стихах я поставил крест. Теперь нет у меня ничего»¹. Он не мог допустить взгляда на жизнь как на бесконечный поток без какого-либо высшего смысла, что является первой предпосылкой религии и метафизики. Когда вера его поколебалась, он предпочел больше не писать стихов. В этом смысле можно согласиться с Владимиром Марковым, который видел в Ходасевиче, поэте трагического тупика, «жертву собственных, обусловленных символизмом эсхатологических ожиданий»².

¹ Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой // Минувшее: Исторический альманах. 5. Paris, 1988. С. 285 (публ. Д. Бетеа).

² Markov V. Preface // Modern Russian Poetry / V. Markov, M. Sparks (eds.). N.Y., 1967. P. LXV.

На какое-то время Ходасевич мог видеть надежду, связанную с будущим, в постоянстве истории, прекрасно сознавая, что всякое серьезное углубление в перемены требует одновременно и внимания к непрерывности. В своей критике, как до того в стихах, он страстно защищал существенно важную роль традиции как живой и освободительной силы в искусстве, оказываясь в одном ряду с такими разными представителями модернизма, как Т.С. Элиот, Игорь Стравинский, Пабло Пикассо и Джордж Баланчин. Но в 30-е годы критическая проза Ходасевича все больше и больше свидетельствует о возрастающем понимании того, что нарушен создававшийся веками культурный строй. Дававшие ему духовную поддержку культурные мифы Запада начинают блекнуть. «...Утрачивая свою религиозную основу, европейская культура только в хронологическом смысле переживает новую эпоху. По существу же, она умирает — перестает быть собой»¹. В последних рецензиях видно, как мало осталось у него надежды в эту эпоху «умирания искусства»². Станным образом он как бы проделал полный круг от воображаемых ужасов декадентства в своей юности до таких уже реальных теперь ужасов отчуждения, физических страданий и потери поддерживавшей его веры, которые в конечном итоге ничто, и менее всего искусство, не могло уже умиротворить.

Джон Малмстад

¹ Ходасевич В. Жалость и «жалость» // Возрождение. 1935. 11 апреля; Собр. соч. Т. 2. С. 358.

² См.: Ходасевич В. «Умирание искусства» (рец. на книгу В.В. Вейдле) // Возрождение. 1938. 18 ноября; Собр. соч. Т. 2. С. 444–448.

МОЛОДОСТЬ

Марине

В моей стране

В МОЕЙ СТРАНЕ

Посв <ящается> Муни

Мои поля сыпучий пепел кроет.
В моей стране печален страдный день.
Сухую пыль соха со скрипом роет,
И ноги жжет затянутый ремень.

В моей стране — ни зим, ни лет, ни весен,
Ни дней, ни зорь, ни голубых ночей.
Там круглый год владычествует осень,
Там — серый свет бессолнечных лучей.

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля как пес, влачась как вьючный скот,
В родную землю втаптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.

А в шалаше — что делать? Выть да охать,
Точить клинок нехитрого ножа
Да тешить женщин яростную похоть,
Царапаясь, кусаясь и визжа.

А женщины, в игре постыдно-блудной,
Открытой всем, все силы истощив,
Беременеют тягостно и нудно
И каждый год ролят, не доносив.

В моей стране уродливые дети
Рождаются, на смерть обречены.
От их отцов несу вам песни эти.
Я к вам пришел из мертвенной страны.

9 июня 1907

Лидино

* * *

Нет, молодость, ты мне была верна,
Ты не лгала, притворствуя, не льстила.
Ты тайной ночью в склеп меня водила
И ставила у темного окна.
Нас возносила грузная волна,
Качались мы у темного провала,
И я молчал, а ты была бледна,
Ты на полу простертая стонала.
Мой ранний страх вздымался у окна,
Грозил всю жизнь безумием измерить...
Я видел лица, слышал имена —
И убегал, не смея знать и верить.

19 июня 1907

Лидино

* * *

Вокруг меня кольцо сжимается,
Неслышно подползает сон...
О, как печально улыбается,
Скрываясь в занавесях, он!
Как заунывно заливается
В трубе промерзлой — ветра вой!
Вокруг меня кольцо сжимается,
Вокруг чела Тоска сплетается
Моей короной роковой.

18 ноября 1906

Москва

* * *

Один, среди речных излучин,
При кликах поздних журавлей,
Сегодня снова я научен
Безмолвной мудрости полей.

И стали мысли тайней, строже,
И робче шелест тростника.
Опавший лист в песчаном ложе
Хоронит хмурая река.

16 ноября 1906
Лидино

КАК СИЛУЭТ

I

Как силуэт на лунной синеве,
Чернеет ветка кружевом спаленным.
Ты призраком возникла на траве, —
Как силуэт на лунной синеве, —
Ты вознесла к невнемлющей листве
Недвижность рук изгибом исступленным...
Как силуэт на лунной синеве,
Чернеет ветка кружевом спаленным.

II

Из-за стволов забвенная река
Колелет пятна лунной пуантели.
О, как чиста, спокойна и легка
Из-за стволов — забвенная река!
Ты темная пришла издалека
Забуть, застыть у светлой колыбели.
Из-за стволов забвенная река
Колелет пятна лунной пуантели...

19–20 июля 1907
Москва

ОСЕНЬ

Свет золотой в алтаре,
В окнах — цветистые стекла.
Я прихожу в этот храм на заре,
Осенью сердце поблекло...
Вещее сердце — поблекло...

Грустно. Осень пирует,
Осень развесила красные ткани,
Ликует...
Ветер — как стон запоздалых рыданий.
Листья шуршат и, взлетая, танцуют.

Светлое утро. Я в церкви. Так рано.
Зыблется золото в медленных звуках органа,
Сердце вздыхает покорней, размерней,
Изъявленное иглами терний,
Иглами терний осенних...
Терний — осенних.

1 сентября 1905
Москва

SANCTUS AMOR¹

Нине Петровской

И я пришел к тебе, любовь,
Вслед за людьми приволочился.
Сегодня старый посох вновь
Пучком веселых лент покрылся.

И, как юродивый счастлив,
Смотрю на пляски алых змеек,
Тебя целую в чаще слив,
Среди изрезанных скамеек.

¹ Святая любовь (лат.).

Тенистый парк, и липы цвет,
И всё — как в старых песнях пелось,
И ты, шепча «люблю» в ответ,
Как дева давних лет, зарделась...

Но миг один — и соловей
Не в силах довершить обмана!
Горька, крива среди ветвей
Улыбка мраморного Пана...

И снова ровен стук сердец;
Кивнув, исчез недолгий пламень,
И понял я, что я — мертвец,
А ты лишь мой надгробный камень.

8 октября 1906 — 8 января 1907

УТРО

Молчи, склони свое лицо.
Ночному страху нет ответа.
Глубинней серого рассвета
Твое жемчужное лицо.

Томлений темных письмена
Ты иссекла на камне черном.
В моем гробу, как ночь упорном,
И ты была заключена.

Теперь молчи. Склони лицо,
Не плачь у гроба и не сетуй,
Навстречу мертвому рассвету
Яви застывшее лицо!

3 июля 1907

Лидино

Протянулись дни мои,
Без любви, без сил, без жалобы...
Если б плакать — слез не стало бы...
Протянулись дни мои.

Оглушенный тишиной,
Слышу лёт мышей летучих,
Слышу шелест лап паучьих
За моей спиной.

О, какая злая боль
Замолчать меня заставила.
Долго мука сердце плавил,
И какая злая боль!

На распутьях, в кабаках
Утолял я голод волчий,
И застыла горечь жёлчи
На моих губах.

Я тобой смирён, молчу.
Дни мои текут без жалобы.
Если б плакать — слез не стало бы...
Я тобой смирён. Молчу.

14 мая 1907
Лидино

РЯЖЕННЫЕ

Мы по улицам темным
Разбежимся в молчании.
Мы к заборам укромным
Припадем в ожидании.

...«Эй, прохожий! прохожий!
Видел черта рогатого,
С размалеванной рожей,
Матерого, мохнатого?»

Ветер крепок и гулок.
Снег скрипит, разматается...
Забегу в переулочек —
Там другие шатаются.

В лунном отсвете синем
Страшно встретиться с ряженым!
Мы друг друга окинем
Взором чуждым, неслаженным.

Самого себя жутко.
Я — не я? Вдруг да станется?
Вдруг полночная шутка
Да навеки протянется?

1 января 1906
Лидино

ГАДАНИЕ

Гадает ветренная младость...
Пушкин

Ужели я, людьми покинутый,
Не посмотрю в лицо твое?
Я ль не проверю жребий вынутый —
Судьбы слепое острие?

И плавлю мертвенное олово.
И с тайным страхом в воду лью...
Что шлет судьба? Шута ль веселого,
Собаку, гроб или змею?

Свеча колеблет пламя красное.
Мой Рок! Лицо приблизь ко мне!
И тень бессмысленно-неясная,
Кривляясь, пляшет на стене.

1 мая 1907
Лидино

* * *

Все тропы проклятью преданы,
Больше некуда идти.
Словно много раз изведаны
Непройденные пути!

Словно спеты в день единственный
Песни все и все мольбы...
Гимн любви, как гимн воинственный,
Не укрылся от судьбы.

Но я знаю — песня новая
Суждена и мне на миг.
Эй, гуди, доска сосновая!
Здравствуй, пьяный гробовщик!

4 октября 1906
Москва

К ПОРТРЕТУ В ЧЕРНОЙ РАМКЕ

*Послание к ****

Твои черты передо мной,
Меж двух свечей, в гробу черном.
Ты мне мила лицом склоненным
И лба печальной белизной.

Ты вдалеке, но мне мила
Вспоминаньем тайных пыток...
Моей судьбы унылый свиток
Ты развернула и прочла.

Как помню дни и вечера!
Нешадно нас сжимали звенья, —
Но не свершились дерзновенья,
Моя печальная сестра!

Опять вокруг ночная глушь,
И «неизменно всё, как было»,
Вновь отвратил свое кормило
Сребролюбивый возчик душ.

Случайный призрак отошел,
И снова нами время правит,
И ждем, когда судьба заставит
Отдать решительный обол...

Твои черты передо мной,
Меж двух свечей, во гробе черном.
Ты мне мила лицом покорным
И лба холодной белизной.

11 мая 1907
Лидино

НОЧИ

Сергею Кречетову

Чуть воют псы сторожевые.
Сегодня там же, где вчера,
Кочевий скудных дети злые,
Мы руки греем у костра.

И дико смотрит исподлобья
Пустых ночей глухая сонь.
В дыму рубиновые хлопья,
Свистя, гремя, кружит огонь.

Молчит пустыня. В даль без звука
Колючий ветер гонит прах, —
И наших песен злая скука,
Язвя, кривится на губах...

Чуть воют псы сторожевые.

7 мая 1907

Лидино

* * *

Опять во тьме. У наших ног
Простертых тел укромный шорох,
Неясный вскрик, несмелый вздох
И затаенный страх во взорах.

Опять сошлись. Для ласк и слез,
Для ласк и слез — увы, нескрытых!
Кто чашу скорбную вознес,
Бокал томлений неизбытых?

Кто опрокинул надо мной
Полночных мук беззвездный купол,
И в этот кубок чьей рукой
Подлит отравы малый скрупул?

Ужели бешеная злость
И мне свой уксус терпкий бросит?
И снова согнутая трость
Его к устам, дрожа, подносит?

Увы, друзья, не отойду!
Средь ваших ласк — увы, нескрытых —

Еще покорней припаду
К бокалу более неизбытых...

Пылай, печальное вино!
Приму тебя как знак заветный,
Когда в туманное окно
Заглянет сумрак предрассветный.

23–25 мая 1907

Лидино

Кузина

ЗАРНИЦА

Когда, безгромно вспыхнув, молния
Как птица глянет с вышины,
Я затаенней и безмолвнее
Целую руки Тишины.

Когда серебряными перьями
Блеснет в глаза, пахнёт в лицо,
Над ослепленными деревьями
Взметнет зеленое кольцо, —

Я вспоминаю: мне обещаны —
Последний, примиренный день,
И в небе огненные трещины,
И озаренная сирень.

И мнится: сердце выжжет молния,
Развеет боль, сотрет вины, —
И всё покорней, всё безмолвнее
Целую руки Тишины.

2 февраля 1907

Москва

ЗВЕЗДА

Выходи, вставай, звезда,
Выгибай дугу над прудом!
Вмиг рассечена вода
Неуклонным изумрудом.

Ты, взнесенная свеча,
Тонким жалом небо лижешь,
Вкрут зеленого меча
Водяные кольца движешь.

Ты вольна! Ведь только страсть
Неизменно цепи множит!
Если вздумаешь упасть, —
Удержать тебя кто может?

Лишь мгновенная струя
Вспыхнет болью расставанья.
В этот миг успею ль я
Прошептать мои желанья?

29 мая 1907

Лидино

СТИХИ О КУЗИНЕ

Mädchen mit dem roten Mündchen.

Heinrich Heine¹

I
ОНА

Как неуверенно-невинна
Ее замедленная речь!
И поцелуи у жасмина!
И милая покатошь плеч!

¹ Девочка с красным ротиком. Генрих Гейне (нем.).

Над взором ласковым и нежным
Легко очерченная бровь, —
И вот опять стихом небрежным
Поэт приветствует любовь!

19 августа 1907

Лидино

II

СТАРИННЫЕ ДРУЗЬЯ

...Заветный хлам витий.

Валерий Брюсов

О, милые! Пурпурный мотылек
Над чашечкой невинной повилики,
Лилейный стан и звонкий ручеек, —
Как ласковы, как тонки ваши лики!

В весенний день — кукушки дальней клики,
Потом — луной овеванный восток,
Цвет яблони и аромат клубники!
Ваш мудрый мир как нежен и глубок!

Благословен ты, рокот соловьиный!
Как хорошо опять, еще, еще
Внимать тебе с таинственной кузиной,

Шептать стихи, волнуясь горячо,
И в темноте, над дремлющей куртиной,
Чуть различать склоненное плечо!

13 июля 1907

Лидино

III
ВОСПОМИНАНИЕ

Сергею Ауслендеру

Всё помню: день, и час, и миг,
И хрупкой чаши звон хрустальный,
И темный сад, и лунный лик,
И в нашем доме топот бальный.

Мы подошли из темноты
И в окна светлые следили:
Четыре пестрые черты —
Шеренги ровные кадрили...

У освещенного окна
Темнея тонким силуэтом,
Ты, поцелуем смущена,
Счастливым медлила ответом.

И вдруг — ты помнишь? — блеск и гром,
И крупный ливень, чаще, чаще,
И мы таимся под окном,
А поцелуи — глубже, слаще...

А после — бегство в темноту,
Я за тобой, хранитель зоркий;
Мгновенный ветер на лету
Взметнул кисейные оборки.

Летим домой, быстрее, быстрее,
И двери хлопают со звоном.
В блестящей зале, среди гостей,
Немножко странно и светло нам...

Стоишь с улыбкой на устах,
С приветом ласково-жеманным,
И только капли в волосах
Горят созвездием неожиданным.

*30–31 октября 1907
Петербург*

IV
КУЗИНА ПЛАЧЕТ

Кузина, полно... Всё изменится!
Пройдут года, как нежный миг,
Янтарной тучкой боль пропенится
И окропит цветник.

И вот, в такой же вечер тающий,
Когда на лицах рдяный свет,
К тебе, задумчиво вздыхающей,
Вернется твой поэт.

Поверь судьбе. Она не строгая,
Она берет — и дарит вновь.
Благодарю ее за многое,
За милую любовь...

Не плачь. Ужели не отдаст она
Моим устам твои уста?
Смотри, какая тень распластана
От белого куста!

12 сентября 1907
Москва

РОМАНС

«Накинув плащ, с гитарой под полою...»
Цвети звездой, ночная синева!
Ах, я лица влюбленного не скрою,
Когда пою наивные слова.

Она скромна, проста ее одежда,
В глазах — любовь и ласковый испуг.
Не обмани, последняя надежда,
Не обмани, пожатье робких рук!

Она тиха, влюбленная голубка.
Поможет ночь любовной ворожке.

В который раз на дно хмельного кубка
Бросаю скорбь и память — о тебе!

Не уловить доверчивому взгляду
В моем лице восторженную ложь.
*«Иль, может быть, услышав серенаду,
Ты из нее хоть что-нибудь поймешь?»*

Я прожил годы в боли неизменной.
Шутя пою наивные слова,
«Но песнь моя есть фимиам священный!..»
Благослови, ночная синева!

27–30 августа 1907

Москва

ПОЭТ

Элегия

Не радостен апрель. Вода у берегов
Неровным льдом безвременно одета.
В холодном небе — стаи облаков
Слезливо-пепельного цвета...
Ах, и весна, воспетая не мной
(В румянах тусклых дряхлая кокетка!),
Чуть приоткрыла полог заревой, —
И вновь дождя нависла сетка.

Печален день, тоскливо плачет ночь,
Как плеск стихов унылого поэта:
Ему весну велели перевозмочь
Для утомительного лета...
*«Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?»*
О, много раз встречались вы со мной,
Но тайных слез не замечали.

22 апреля 1907

Лидино

Вечер холодно-весенний
Застыл в безнадежном покое.
Вспыхнули тоньше, мгновенней
Колючки рассыпанной хвои.

Насыпи, рельсы и шпалы,
Извивы железной дороги...
Я, просветленный, усталый,
Не думаю больше о Боге.

На мост всхожу, улыбаясь,
Мечтаю о милом, о старом...
Поезд, гремя и качаясь,
Обдаст меня ветром и паром.

21–22 мая 1907

Лидино

ВЕЧЕРОМ СИНИМ

Вечерних окон свет жемчужный
Застыл, недвижимый, на полу,
Отбросил к лицам блеск ненужный
И в сердце заострил иглу.

Мы ограждались тяжким рядом
Людей и стен — и вновь, и вновь
Каким неотвратимым взглядом,
Являющим жалом, тонким ядом
Впилась усталая любовь!

Слова, и клятвы, и обьятья
Какой замкнули тесный круг,
И в ненавидящем пожатьи
Как больно, больно — пальцам рук!

Но нет, молчанья не нарушим,
Чтоб клясть судьбу твою, мою,
Лишь молча, зубы стиснув, душим
Опять подкравшуюся к душам
Любовь — вечернюю змею.

Начало 1907

* * *

За окном гудит метелица,
Снег взметает на крыльцо.
Я играю — от бездельца —
В обручальное кольцо.

Старый кот, по стульям лазая,
Выгнул спину и молчит.
За стеной метель безглазая
Льдяным посохом стучит.

Ночи зимние! Кликуши вы,
В очи вам боюсь взглянуть...
Медвежонок, сын мой плюшевый,
Свесил голову на грудь.

9 февраля 1907
Москва

КОЛЬЦА

I

Я тебя провожаю с поклоном,
Возвращаю в молчаньи кольцо.
Только вечер настойчивым стоном
Вызывает тебя на крыльцо.

Ты уходишь в ночную дорогу,
Не боясь, не дрожа, не смотря.
Ты доверилась темному богу?
Не возьмешь моего фонаря?

Провожу тебя только поклоном.
Ожестóчено сердце твое!..
Ах, в часовне предутренним звоном
Отмечается горе мое.

24 ноября 1907

Москва

II

Велишь — молчу. Глухие дни настали!
В последний раз ко мне приходишь ты.
Но различу за складками вуали
Без милой маски — милые черты.

Иди, пляши в бесстыдствах карнавала,
Твоя рука без прежнего кольца, —
И Смерть вольна раскинуть покрывало
Над ужасом померкшего лица.

17–22 ноября 1907

Петербург — Москва

PASSIVUM¹

Листвой засыпаны ступени...
Луг потускнелый гладко скошен...
Бескрайним ветром в бездну взброшен,
День отлетел, как лист осенний.

¹ Страдательный залог (*лат.*).

Итак, лишь нитью, тонким стеблем,
Он к жизни был легко прицеплен!
В моей душе огонь затеплен,
Неугасим и неколеблем.

27 мая 1907

Лидино

* * *

Мои слова печально кротки.
Перебирает Тишина
Всё те же медленные четки,
И облик давний, нежно-кроткий,
Опять недвижим у окна.

Я снова тих и тайно — весел...
За дверью нашей — Тишина.
Я прожил дни, но годы взвесил,
И вот как прежде — тих и весел,
Ты — неподвижна у окна.

И если я тебя окликну,
Ответом будет Тишина,
Но я к руке твоей приникну,
И если вновь тебя окликну —
Ты улыбнешься у окна!

22–23 августа 1907

Лидино

ЗА СНЕГАМИ

Елка выросла в лесу.
Елкич с шишкой на носу.
Ф. Сологуб

Наша елка зажжена.
Здравствуй, вечер благовонный!
Ты опять бела, бледна,
Ты бледней царевны сонной.

Снова сердцу суждена
Радость мертвенная боли.
Наша елка зажжена:
Светлый знак о смертной доле.

Ты стройна, светла, бледна,
Ты убьешь рукой невинной...
Наша елка зажжена.
Здравствуй, вечер, тихий, длинный...

Хорошо в моей тиши!
Сладки снежные могилы!
Елкич, милый, попляши!
Елкич, милый, милый, милый.

16 ноября 1907
Петербург

* * *

Время легкий бисер нижет:
Час за часом, день ко дню...

Не с тобой ли сын мой прижит?
Не тебя ли хороню?

Время жалоб не услышит!
Руки вскину к синеве, —

А уже рисунок вышит
На исколотой канве.

12 декабря 1907
Москва

ЦВЕТКУ ИВАНОВОЙ НОЧИ

Я до тебя не добреду,
Цветок нетленный, цвет мой милый,
Я развожу костер в саду,
Огонь прощальный и унылый.

Цвети во тьме, лелея клад!
Тебя лишь ветер вольно склонит
Да волк, блуждая наугад,
Хвостом ленивым тихо тронет.

В лесу, пред ликом темноты,
Не станешь ты ничьей добычей.
Оберегут тебя цветы,
Да шум сосны, да окрик птичий...

А я у дымного костра
Сжигаю всё, что было мило,
Огня бессонная игра
Лицо мне болью оттенила.

Но та же ночь, что сердце жмет
В неумолимых тяжких лапах,
Мне как святыню донесет
Твой несказанный, дальний запах.

Я жду. Рассветный ветерок
Золу рассыплет, дым разгонит,
Я брошу в озеро венки,
И как он медленно потонет!

23 июня 1907
Лидино

ПРОЛОГ НЕОКОНЧЕННОЙ ПЬЕСЫ

Андрею Белому

Самая хмельная боль — Безнадежность,
Самая строгая повесть — Любовь.
В сердце Поэта за горькую нежность
С каждым стихом проливалась кровь.

Жребий поэтов — бичи и распятыя.
Каждый венчался терновым венцом.
Тот, кто слагал вам стихи про объята,
Их разомкнул и упал — мертвецом!

Будьте спокойны! — всё тихо свершится.
Не уходите! — не будет стрельбы.
Должен, быть может, слегка уклониться
Слишком уверенный шаг Судьбы.

В сердце Поэта за горькую нежность
Темным вином изливается кровь...
Самая хмельная боль — Безнадежность,
Самая строгая повесть — Любовь!

*12 декабря 1907
Москва*

**СЧАСТЛИВЫЙ
ДОМИК**

Жене моей Анне

Пленные шумы

ЭЛЕГИЯ

Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива:

Осенних звезд задумчивая сеть

Зовет спокойно жить и мудро умереть, —

Легко сойти с последнего обрыва

В долину кроткую.

Быть может, там ручей,

Еще кипя, бежит от водопада,

Поет свирель, вдали пестреет стадо,

И внятно щелканье пастушеских бичей.

Иль, может быть, на берегу пустынном

Задумчивый и ветхий рыболов,

Едва оборотясь на звук моих шагов,

Движением внимательным и чинным

Забросит вновь прилежную уду...

Страна безмолвия! Безмолвно отойду

Туда, откуда дождь, прохладный и привольный,

Бежит, шумя, к долине безглагольной...

Но может быть — не кроткою весной,

Не мирным отдыхом, не сельской тишиной,

Но памятью мятежной и живой

Дохнет сей мир — и снова предо мной...

И снова ты! а! страшно мысли той!

Блистательная ночь пуста и молчалива.

Осенних звезд мерцающая сеть

Зовет спокойно жить и умереть.

Ты по росе ступаешь боязливо.

15 августа 1908

Гиреево

УЩЕРБ

Какое тонкое терзанье —
Прозрачный воздух и весна,
Ее цветочная волна,
Ее тлетворное дыханье!

Как замирает голос дальний,
Как узок этот лунный серп,
Как внятно говорит ущерб,
Что нет поры многострадальной!

И даже не блеснет гроза
Над этим напряженным раем, —
И, обессилев, мы смежаем
Вдруг потускневшие глаза.

И всё бледнее губы наши,
И смерть переполняет мир,
Как расплеснувшийся эфир
Из голубой небесной чаши.

3 (или 10) апреля 1911
Москва

* * *

Когда почти благоговейно
Ты указала мне вчера
На девушку в фате кисейной
С студентом под руку, — сестра,

Какую горестную скуку
Я пережил, глядя на них!
Как он блаженно жал ей руку
В аллеях темных и пустых!

Нет, не пленяйся взором лани
И вздохов томных не лови.

Что нам с тобой до их мечтаний,
До их неопытной любви?

Смешны мне бедные волнения
Любви невинной и простой.
Господь нам не дал примиренья
С своей цветущею землей.

Мы дышим легче и свободней
Не там, где есть сосновый лес,
Но древним мраком преисподней
Иль горним воздухом небес.

Декабрь 1913

ЗИМА

Как перья страуса на черном катафалке,
Кольшутся фабричные дымы.
Из черных бездн, из предрассветной тьмы
В иную тьму несутся с криком галки.
Скрипит обоз, дыша морозным паром,
И с лесенкой на согнутой спине
Фонарщик, юркий бес, бежит по тротуарам...
О скука, тощий пес, взывающий к луне!
Ты — ветер времени, свистящий в уши мне!

Декабрь 1913

* * *

В тихом сердце — едкий пепел,
В темной чаше — тихий сон.
Кто из темной чаши не пил,
Если в сердце — едкий пепел,
Если в чаше — тихий сон?

Всё ж вина, что в темной чаше,
Сладким зельем не зови.
Жаждет смерти сердце наше, —
Но, склонясь над общей чашей,
Уст улыбкой не криви!

Пей, да помни: в сердце — пепел,
В чаше — долгий, долгий сон!
Кто из темной чаши не пил,
Если в сердце — тайный пепел,
Если в чаше — тихий сон?

3 августа 1908

Гиреево

МАТЕРИ

Мама! Хоть ты мне откликнись и выслушай: больно
Жить в этом мире! Зачем ты меня родила?
Мама! Быть может, всё сам погубил я навеки, —
Да, но за что же вся жизнь — как вино, как огонь,
как стрела?

Стыдно мне, стыдно с тобой говорить о любви,
Стыдно сказать, что я плачу о женщине, мама!
Больно тревожить твою безутешную старость
Мукой души ослепленной, мятежной и лживой!
Страшно признаться, что нет никакого мне дела
Ни до жизни, которой меня ты учила,
Ни до молитв, ни до книг, ни до песен.
Мама, всё я забыл! Всё куда-то исчезло,
Всё растерялось, пока, палимый вином,
Бродил я по улицам, пел, кричал и шатался.
Хочешь одна узнать обо мне всю правду?
Хочешь — признаюсь? Мне нужно совсем не много:
Только бы снова изведать ее поцелуи
(Тонкие губы с полосками рыжих румян!),
Только бы снова воскликнуть: Царевна! Царевна! —
И услышать в ответ: Навсегда.

Добрая мама! Надень-ка ты старый салопчик,
Да пойдя помолись Ченстоховской
О бедном сыне своем
И о женщине с черным бантом!

<Осень 1910>

ЗАКАТ

В час, когда пустая площадь
Желтой пылью повита,
В час, когда бледнеют скорбно
Истомленные уста, —
Это ты вдали проходишь
В круте красного зонта.

Это ты идешь, не помня
Ни о чем и ни о ком,
И уже тобой томятся
Кто знаком и не знаком, —
В час, когда зажегся купол
Тихим, теплым огоньком.

Это ты в невинный вечер
Слишком пышно завита,
На твоих щеках ложатся
Лиловатые цвета, —
Это ты качаешь нимбом
Нежно-красного зонта!

Знаю: ты вольна не помнить
Ни о чем и ни о ком,
Ты падешь на сердце легким,
Незаметным огоньком, —
Ты как смерть вдали проходишь
Алым, летним вечерком!

Ты одета слишком нежно,
Слишком пышно завита,
Ты вдали к земле склоняешь
Круг атласного зонта, —
Ты меня огнем целуешь
В истомленные уста!

21 мая 1908

Москва

* * *

Увы, дитя! Душе неутоленной
Не снишься ль ты невыразимым сном?
Не тенью ли проходишь омраченной,
С букетом роз, кинжалом и вином?

Я каждый шаг твой зорко стерегу.
Ты падаешь, ты шепчешь — я рыдаю,
Но горьких слов расслышать не могу
И языка теңей не понимаю.

Конец 1909

ДУША

О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа,
не внемлешь миру.

Усталая! К чему влачить усталую свою порфиру?

Что жизнь? Театр, игра страстей, бряцанье шпаг
на перекрестках,

Миганье ламп, игра теней, игра огней
на тусклых блестках.

К чему рукоплескать шутам? Живи на берегу
угрюмом.

Там, раковины приложив к ушам, внемли
пленным шумам, —

Проникни в отдаленный мир: глухой старик
ворчит сердито,
Лады скрипит, шуршит весло, да вопли —
с берегов Коцита.

Ноябрь 1908
Гиреево

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОРФЕЯ

О, пожалейте бедного Орфея!
Как скучно петь на плоском берегу!
Отец, взгляни сюда, взгляни, как сын, слабя,
Еще сжимает лирную дугу!

Еще ручьи лепечут непрерывно,
Еще шумят нагорные леса,
А сердце замерло и внемлет безотзывно
Послушных струн глухие голоса.

И вот пою, пою с последней силой
О том, что жизнь пережита вполне,
Что Эвридики нет, что нет подружки милой,
А глупый тигр ласкается ко мне.

Отец, отец! Ужель опять, как прежде,
Пленять зверей да камни чаровать?
Иль песнью новою, без мысли о надежде,
Детей и дев к печали приучать?

Пустой души пустых очарований
Не победит ни зверь, ни человек.
Несчастен, кто несет Коцитов дар стений
На берега земных веселых рек!

О, пожалейте бедного Орфея!
Как больно петь на вашем берегу!
Отец, взгляни сюда, взгляни, как сын, слабя,
Еще сжимает лирную дугу!

20 февраля 1910

ГОЛОС ДЖЕННИ

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Пушкин

Мой любимый, где ж ты коротаешь
Сиротливый век свой на земле?
Новое ли поле засеваешь?
В море ли уплыл на корабле?

Но вдали от нашего селенья,
Друг мой бедный, где бы ни был ты,
Знаю тайные твои томленья,
Знаю сокровенные мечты.

Полно! Для желанного свиданья,
Чтобы Дженни вновь была жива,
Горестные нужны заклинанья,
Слишком безутешные слова.

Чтоб явился призрак, еле зримый,
Как звезды упавшей беглый след,
Может быть, и в сердце, мой любимый,
У тебя такого слова нет!

О, не кличь бессильной, скорбной тени,
Без того мне вечность тяжела!
Что такое вечность? Это Дженни
Видит сон родимого села.

Помнишь ли, как просто мы любили,
Как мы были счастливы вдвоем?
Ах, Эдмонд, мне снятся и в могиле
Наша нива, речка, роща, дом!

Помнишь — вечер, у скамьи садовой
Наших деток легкие следы?
Нет меня — дели с подругой новой
День и ночь, веселье и труды!

Средь живых ищи живого счастья,
Сей и жни в наследственных полях.
Я тебя земной любила страстью,
Я тебе земных желаю благ.

Февраль 1912

* * *

Века, прошедшие над миром,
Протяжным голосом теней
Еще взывают к нашим лирам
Из-за стигийских камышей.

И мы, слышав стон и скрежет,
Ступаем на Орфеев путь,
И наш напев, как солнце, нежит
Их остывающую грудь.

Былых волнений воскреситель,
Несет тням любой из нас
В их безутешную обитель
Свой упоительный рассказ.

В беззвездном сумраке Эреба,
Вокруг певца сплотясь тесней,
Родное вспоминает небо
Хор воздыхающих теней.

Но горе! мы порой дерзаем
Всё то в напевы лир влагать,
Чем собственный наш век терзаем,
На чем легла его печать.

И тени слушают недвижно,
Подняв углы высоких плеч,
И мертвым предкам непостижна
Потомков суетная речь.

Конец 1912

Жеманницы былых годов,
Читательницы Ричардсона!
Я посетил ваш ветхий кров,
Взглянул с высокого балкона

На дальние луга, на лес,
И сладко было мне сознание,
Что мир ваш навсегда исчез
И с ним его очарование.

Что больше нет в саду цветов,
В гостиной — нот на клавесине,
И вечных вздохов стариков
О матушке-Екатерине.

Рукой не прикоснулся я
К томам библиотеки пыльной,
Но радостен был для меня
Их запах, затхлый и могильный.

Я думал: в грустном сем краю
Уже полвека всё пустует.
О, пусть отныне жизнь мою
Одно грядущее волнует!

Блажен, кто среди разбитых урн,
На невозделанной куртине,
Прославит твой полет, Сатурн,
Сквозь многозвездные пустыни!

Конец 1912

Лары

* * *

Когда впервые смутным очертанием
Возникли вдалеке верхи родимых гор,
Когда ручей знакомым лепетаньем
Мне ранил сердце — руки я простер,
Закрыв глаза и слушал, потрясенный,
Далекий топот стад и вольный клект орла,
И мнилось — внятны мне, там, в синеве бездонной,
Удары мощные упругого крыла.
 Как яростно палило солнце плечи!
 Как сладостно звучали из лугов
 Вы, жизни прежней милые предтечи,
Свирели стройные соседних пастухов!
И так до вечера, в волненьи одиноком,
 Склонив лицо, я слушал шум земной,
Когда ж открыл глаза — торжественным потоком
 Созвездия катились надо мной.

Май 1911

К МУЗЕ

Я вновь перечитал забытые листы,
Я воскресил угасшее волненье,
И предо мной опять предстала ты,
Младенчества прекрасное виденье.
В былые дни, как нежная подруга,

Являлась ты под кров счастливый мой
Делить часы священного досуга.
В атласных туфельках, с девической косой,
С улыбкой розовой, и легкой, и невинной,
Ты мне казалась близкой и родной,
И я шутя назвал тебя кузиной.
О муза милая! Припомни тихий сад,
Тумана сизого вечерние куренья,
И тополей прохладный аромат,
И первые уроки вдохновенья!
Припомни всё: жасминные кусты,
Вечерние мечтательные тени,
И лунный серп, и белые цветы
Над озером склонявшейся сирени...
Увы, дитя! Я жаждал наслаждений,
Я предал всё: на шумный круг друзей
Я променял священный шум дубравы,
Венок твой лавровый, залог любви и славы,
Я, безрассудный, снял с главы своей —
И вот стою один среди теней.
Разуверение — советчик мой лукавый,
И вечность — как кинжал над совестью моей!

Весна 1910

СТАНСЫ

Святыня меркнувшего дня,
Уединенное презренье,
Ты стало посещать меня,
Как посещало вдохновенье.

Живу один, зову игрой
Слова романсов, письма, встречи,
Но горько вспоминать порой
Свои лирические речи!

Но жаль невозвратимых дней,
Сожженных дерзко и упрямо, —
Душистых зерен фимиама
На пламени души моей.

О, радости любви простой,
Утехи нежных обольщений!
Вы величавей, вы священной
Величия души пустой...

И хочется упасть во прах,
И хочется молиться снова,
И новый мир создать в слезах.
Во всем — подобие бывшего.

Январь 1909

В АЛЬБОМ

Вчера под вечер веткой туи
Вы постучали мне в окно.
Но я не верю в поцелуи
И страсти не люблю давно.

В холодном сердце созидаю
Простой и нерушимый храм...
Взгляните: пар над чашкой чаю!
Какой прекрасный фимиам!

Но, внемля утро, щебет птичий,
За озером далекий гром,
Кто б не почтил призыв девичий
Улыбкой, розой и стихом?

Лето 1909
Гиреево

не матерью, но Губицкою Крестовицею
Елена-Кубанская и Векорилли. Она
Сибирячихи мне грела нагулашки,
Крестила нас потъ от дурман сна.

21

Она не галла скажет и не паша,
За то всегда вранья был дель,
В железном ударе, восточном жестом блещи,
Но притом кубанский, то шибкого каучи!

20

Она манит манит так не убила,
Но шибкого мне безраздельно дел:
И материнство жесткое шее,
И ~~то, что~~ ~~то, что~~
прито-во, что горю-либ шее:

Ах вот раз, когда устал и устал,
Во дурном сонном - как паша дур дель!
Гражданско шибко за удное садасиен
И шибкого паша шее.

22

~~Меня шибко шибко, шибко шибко, шибко шибко,~~
~~шибко шибко шибко шибко шибко шибко,~~
и шибко шибко шибко шибко шибко,
Меня шибко шибко шибко шибко шибко...

23

В том шибко шибко, в том шибко шибко,
Каждому шибко и в каждом шибко,
И шибко шибко шибко шибко шибко,
И шибко шибко шибко шибко шибко

А шибко, шибко шибко шибко шибко
шибко шибко шибко шибко шибко,
шибко шибко шибко шибко шибко,
шибко шибко шибко шибко шибко,

ПОЭТУ

Со колчаном вьется мальчик,
С позлащенным легким луком.

Державин

Ты губы сжал и горько брови сдвинул,
А мне смешна печаль твоих красивых глаз.
Счастлив поэт, которого не минул
Банальный миг, воспетый столько раз!

Ты кличешь смерть — а мне смешно и нежно:
Как мил изменницей покинутый поэт!
Предчувствую написанный прилежно,
Мятежных слов исполненный сонет.

Пройдут года. Как сон, тебе приснится
Минувших горестей невозвратимый хмель.
Придет пора вздохнуть и умилиться:
Над чем рыдала детская свирель!

Люби стрелу блистательного лука.
Жестокой шалости, поэт, не прекословь!
Нам всем дается первая разлука,
Как первый лавр, как первая любовь.

Весна 1908

Гиреево

ДОЖДЬ

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шелком лоснясь,
Свергают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,

Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.

Я рад, что дождь пошел сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что, выйдя из того крыльца,
Ты на окно мое не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне все-таки видна,
Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

7 апреля 1908
Москва

МИЛОМУ ДРУГУ

Ну, поскрипи, сверчок! Ну, спой, дружок запечный!
Дружок сердечный, спой! Послушаю тебя —
И, может быть, с улыбкою беспечной
Припомню всё: и то, как жил любя,

И то, как жил потом, счастливые волненья
В душе измученной похоронив навек, —
А там, глядишь, усну под это пенье.
Ну, поскрипи! Сверчок да человек —

Друзья заветные: у печки, где потепле,
Живем себе, живем, скрипим себе, скрипим,
И стынет сердце (уголь в сизом пепле),
И всё бывшее — призрак, отзвук, дым!

Для жизни медленной, безропотной, запечной
Судьба заботливо соединила нас.

Так пой, скрипи, шурши, дружок сердечный,
Пока огонь последний не погас!

8 августа 1911
Звенигород

МЫШИ

1

ВОРОЖБА

Догорел закат за речкой.
Загорелись три свечи.
Стань, подруженька, за печкой,
Трижды ножкой постучи.

Пусть опять на зов твой мыши
Придут вечер коротать.
Только нужно жить потише,
Не шуметь и не роптать.

Есть предел земным томленьям,
Не горюй и слез не лей.
С чистым сердцем, с умилением
Дорогих встречай гостей.

В сонный вечер, в доме старом,
В круге зыбкого огня
Помолись-ка нашим Ларам
За себя и за меня.

Свечи гаснут, розы вянут,
Даже песне есть конец, —
Только мыши не обманут
Истомившихся сердец.

Январь 1913

2
СЫРНИКУ

Милый, верный Сырник, друг незаменимый,
Гость, всегда желанный в домике моем!
Томно веют весны, долго длятся зимы, —
Вечно я тоскую по тебе одному.

Знаю: каждый вечер робко скрипнет дверца,
Прошуршат обои — и приходишь ты
Ласковой беседой веселить мне сердце
В час отдохновенья, мира и мечты.

Ты не разделяешь слишком пылких бредней,
Любишь только сыр, швейцарский и простой,
Редко ходишь дальше кладовой соседней,
Учишь жизни ясной, бедной и святой.

Заведу ли речь я о Любви, о Мире —
Ты свернешь искусно на любимый путь:
О делах подпольных, о насущном сыре, —
А в окно струится голубая ртуть...

Друг и покровитель, честный собеседник,
Стереги мой домик до рассвета дня...
Дорогой учитель, мудрый проповедник,
Обожатель сыра, — не оставь меня!

Осень 1913

3
МОЛИТВА

Все бывшие страсти, все тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вам молюсь я, маленькие боги,
Добрые хранители мои.

Скромные примите приношенья:
Ломтик сыра, крошки со стола...
Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

<Осень 1913>

Звезда над пальмой

* * *

За окном — ночные разговоры,
Сторожей певучие скребки.
Плотные спусти, Темира, шторы,
Почитай мне про моря, про горы,
Про таверны, где в порыве ссоры
Нож с ножом скрещают моряки.

Пусть опять селенья жгут апахи,
Угоняя тучные стада,
Пусть блестят в стремительном размахе
Томагавки, копья и навахи, —
Пусть опять прихлынут к сердцу страхи,
Как в былые, детские года!

Я устал быть нежным и счастливым!
Эти песни, ласки, розы — плен!
Ах, из роз люблю я сердцем лживым
Только ту, что жжет огнем ревнивым,
Что зубами с голубым отливом
Прикусила хитрая Кармен!

1 января 1916

ПОРТРЕТ

Царевна ходит в красном кумаче,
Румянит губы ярко и задорно,

И от виска на поднятом плече
Ложится бант из ленты черной.

Царевна душится изнеженно и пряно
И любит смех и шумный балаган, —
Но что же делать, если сердце пьяно
От поцелуев и румян?

Начало 1911

ПРОГУЛКА

Хорошо, что в этом мире
Есть магические ночи,
Мерный скрип высоких сосен,
Запах тмина и ромашки
И луна.

Хорошо, что в этом мире
Есть еще причуды сердца,
Что царевна, хоть не любит,
Позволяет прямо в губы
Целовать.

Хорошо, что, словно крылья
На серебряной дорожке,
Распластался тонкой тенью,
И колышется, и никнет
Черный бант.

Хорошо с улыбкой думать,
Что царевна (хоть не любит!)
Не забудет ночи лунной,
Ни меня, ни поцелуев —
Никогда!

Весна 1910

ДОСАДА

Что сердце? Лань. А ты стрелок, царица.
Но мне не пасть от полудетских рук,
И, промахнувшись, горестно и гневно
Ты опускаешь неискусный лук.

И целый день обиженная бродишь
Над озером, где ветер и камыш,
И резвых игр, как прежде, не заводишь,
И песнями подруг не веселишь.

А день бежит, и доцветают розы
В вечерний, лунный, в безысходный час, —
И, может быть, рассерженные слезы
Готовы хлынуть из огромных глаз.

Начало 1911

УСПОКОЕНИЕ

Сладко жить в твоей, царица, власти,
В круте пальм, и вишен, и причуд.
Ты как пена над бокалом Асти,
Ты — небес прозрачный изумруд.

День пройдет, сокроет в дымке знойной
Смутные, ленивые черты, —
Тихий вечер мирно и спокойно
Сыплет в море синие цветы.

Там, внизу, звезда дробится в пене,
Там, вверху, темнеет сонный куст.
От морских прозрачных испарений
Солонь края румяных уст...

И душе не страшно расставанье —
Мудрый дар играющих богов.

Мир тебе, священное сиянье
Лигурийских звездных вечеров.

Июнь 1911
Генуя

ЗАВЕТ

Благодари богов, царевна,
За ясность неба, зелень вод,
За то, что солнце ежедневно
Свой совершает оборот;

За то, что тонким изумрудом
Звезда скатилась в камыши,
За то, что нет конца причудам
Твоей изменчивой души;

За то, что ты, царевна, в мире
Как роза дикая цветешь
И лишь в моей, быть может, лире
Свой краткий срок переживешь.

Осень 1912

ФЕВРАЛЬ

Этот вечер, еще не весенний,
Но какой-то уже и не зимний...
Что ж ты медлишь, весна? Вдохновенней,
Ты, влюбленных сердец Полигимния!

Не воскреснуть минувшим волнениям
Голубых предвечерних свиданий, —
Но над каждым сожженным мгновеньем
Возникает, как Феникс, — предание.

Февраль 1913

БЕГСТВО

Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной,
Внимая брань друзей и персов дикий вой,
И все-таки горжусь: я, воин недостойный,
 Всех превзошел завидной быстротой.

Счастливец! я сложил у двери потаенной
Доспехи тяжкие: копье, и щит, и меч.
У ложа сонного, разнеженный, влюбленный,
Хламиду грубую бросаю с узких плеч.

Вот счастье: пить вино с подругой темноокой
И ночью, пробудясь, увидеть над собой
Глаза звериные с туманной поволокой,
Ревнивый слышать зов: ты мой? ужели мой?

И целый день потом с улыбкой простодушной
За Хлоей маленькой бродить по площадям,
Внимая шепоту: ты милый, ты послушный,
 Приди еще — я всё тебе отдам!

Осень 1911

СИТЦЕВОЕ ЦАРСТВО

1

По вечерам мечтаю я
(Мечтают все, кому не спится).
Мне грезится любовь твоя,
Страна твоя, где всё — из ситца.

Высокие твои дворцы,
Задрапированные залы,
Твои пажы, твои льстецы,
Твой шут, унылый и усталый.

И он, как я, издалека
День целый по тебе томится.
Под вечер белая рука
На пестрый горб легко ложится.

Тогда из уст его, как дым,
Струятся ситцевые шутки, —
И падают к ногам твоим
Горошинки да забудки.

В окне — далекие края:
Холмы, леса, поля — из ситца...
О, скромная страна твоя!
О, милая моя царица!

О, вечер синий! Звездный свет
Дрожит в твоём прекрасном взоре,
И кажется, что я — поэт,
Воспевший ситцевые зори...

Так сладостно мечтаю я
По вечерам, когда не спится...
О, где ты, милая моя?
Где нежная моя царица?

16 апреля 1909
Гиреево

2

К большому подойдя окну,
Ты плачешь, бедная царица.
Окутали твою страну
Полотнища ночного ситца.

Выходишь на пустой балкон,
Повитый пеленой тумана.
Безгласен неба синий склон.
Жасмин благоухает пряно.

Ты комкаешь платок в руке,
Сверкает, точно нож, зарница —
И заунывно вдалеке
Курлыкает ночная птица.

И плачешь, уронив венец.
Твой шут, щадя покой любимой,
Рукой зажавши бубенец,
На цыпочках проходит мимо.

Раздвинул пестрым колпаком
Росой пропитанные ситцы
И спрятался. Как знать, о чем
Предутренняя грусть царицы?

Начало 1913

ВЕЧЕР

Красный Марс восходит над агавой,
Но прекрасней светят нам они —
Генуи, в былые дни лукавой,
Мирные, торговые огни.

Меркнут гор прибрежные отроги,
Пахнет пылью, морем и вином.
Запоздалый ослик на дороге
Торопливо плещет бубенцом...

Не в такой ли час, когда ночные
Небеса синели надо всем,
На таком же ослике Мария
Покидала тесный Вифлеем?

Топотали частые копыта,
Отставал Иосиф, весь в пыли...
Что еврейке бедной до Египта,
До чужих овец, чужой земли?

Плачет мать. Дитя под черной тальмой
Сонными губами ищет грудь,
А вдали, вдали звезда над пальмой
Беглецам указывает путь.

Весна 1913

РАЙ

Вот, открыл я магазин игрушек:
Ленты, куклы, маски, мишура...
Я заморских плюшевых зверушек
Завожу в витрине с раннего утра.

И с утра толпятся у окошка
Старички, старушки, детвора...
Весело — и грустно мне немножко:
День за днем, сегодня — как вчера.

Заяц лапкой бьет по барабану,
Бойко пляшут мыши впятером.
Этот мир любить не перестану,
Хорошо мне в сумраке земном!

Хлопья снега вьются за витриной
В жгучем свете желтых фонарей...
Зимний вечер, длинный, длинный, длинный!
Милый отблеск вечности моей!

Ночь настанет — магазин закрою,
Сосчитаю деньги (я ведь не спешу!)
И, накрыв игрушки легкой кисеею,
Все огни спокойно погашу.

Долгий день припомнив, спать улягусь мирно,
В колпаке заветном, — а в последнем сне
Сквозь узорный полог, в высоте сапфирной
Ангел златокрылый пусть приснится мне.

Декабрь 1913

НОВЫЙ ГОД

«С Новым Годом!» Как ясна улыбка!
«С Новым счастьем!» — «Милый, мы вдвоем!»
У окна в аквариуме рыбка
Тихо блещет золотым пером.

Светлым утром, у окна в гостиной,
Милый образ, милый голос твой...
Поцелуй, душистый и невинный...
Новый Год! Счастливый! Золотой!

Кто меня счастливее сегодня?
Кто скромнее шутит о судьбе?
Что прекрасней сказки новогодней,
Одинокой сказки — о тебе?

14 декабря 1909
Москва

ПУТЕМ ЗЕРНА

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

23 декабря 1917

СЛЕЗЫ РАХИЛИ

Мир земле вечерней и грешной!
Блещут лужи, перила, стекла.
Под дождем я иду неспешно,
Мокры плечи, и шляпа промокла.
Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,

И поет нам дождь неумемный
Про древние слезы Рахили.

Пусть потомки с гордой любовью
Про дедов легенды сложат —
В нашем сердце грехом и кровью
Каждый день отмечен и прожит.
Горе нам, что по воле Божьей
В страшный час сей мир посетили!
На щеках у старухи прохожей —
Горючие слезы Рахили.

Не приму ни чести, ни славы,
Если вот, на прошлой неделе,
Ей прислали клочок кровавый
Заскорузлой солдатской шинели.
Ах, под нашей тяжелой ношей
Сколько б песен мы ни сложили —
Лишь один есть припев хороший:
Неутешные слезы Рахили!

5–30 октября 1916

РУЧЕЙ

Взгляни, как солнце обольщает
Пересыхающий ручей
Полдневной прелестью своей, —
А он рокочет и вздыхает
И на бегу оскудевает
Средь обнажившихся камней.

Под вечер путник молодой
Приходит, песню напевая;
Свой посох на песок слагая,
Он воду черпает рукой
И пьет — в струе, уже ночной,
Своей судьбы не узнавая.

*Лето 1908, Гиреево
30 января 1916*

Сладко после дождя теплая пахнет ночь.
Быстро месяц бежит в прорезях белых туч.
Где-то в сырой траве часто кричит дергач.

Вот, к лукавым губам губы впервые льнут.
Вот, коснувшись тебя, руки мои дрожат...
Минуло с той поры только шестнадцать лет.

8 января 1918

БРЕНТА

Адриатические волны!
О, Брента!..
«Евгений Онегин»

Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,
Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!

Я и сам спешил когда-то
Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.

С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья,
Частого дождя кропанье
Да на согнутых плечах

Плащ из мокрого брезента.
С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах.

Весна 1920, Москва
1921, Петербург
17 мая 1923, Saarow

МЕЛЬНИЦА

Мельница забытая
В стороне глухой.
К ней обоз не тянется,
И дорога к мельнице
Заросла травой.

Не плеснется рыбица
В голубой реке.
По скрипучей лесенке
Сходит мельник старенький
В красном колпаке.

Постоит, послушает —
И грозит перстом
Вдаль, где дым из-за лесу
Завился веревочкой
Над людским жильем.

Постоит, послушает —
И пойдет назад:
По скрипучей лесенке,
Поглядеть, как праздные
Жернова лежат.

Потрудились камушки
Для хлебов да каш.
Сколько было ссыпано,
Сколько было смолото,
А теперь шабаш!

А теперь у мельника —
Лес да тишина,
Да под вечер трубочка,
Да хмельная чарочка,
Да в окне луна.

Весна 1920, Москва
13 марта 1923, Saarow

АКРОБАТ

Надпись к силуэту

От крыши до крыши протянут канат.
Легко и спокойно идет акробат.

В руках его палка, он весь — как весы,
А зрители снизу задрали носы.

Толкаются, шепчут: «Сейчас упадет!» —
И каждый чего-то взволнованно ждет.

Направо — старушка глядит из окна,
Налево — гуляка с бокалом вина.

Но небо прозрачно, и прочен канат.
Легко и спокойно идет акробат.

А если, сорвавшись, фигляр упадет
И, охнув, закрестится лживый народ, —

Поэт, проходи с безучастным лицом:
Ты сам не таким ли живешь ремеслом?

1913, 1921

* * *

Обо всем в одних стихах не скажешь.
Жизнь идет волшебным, тайным чередом,
Точно длинный шарф кому-то вяжешь,
Точно ждешь кого-то, не грустя о нем.

Нижутся задумчивые петли,
На крючок помотришь — всё желтеет кость,
И не знаешь, он придет ли, нет ли,
И какой он будет, долгожданный гость.

Утром ли он постучит в окошко
Иль стопой неслышной подойдет из тьмы
И с улыбкой, страшною немножко,
Всё распустит разом, что связали мы.

24 декабря 1915

* * *

Со слабых век сгоняя смутный сон,
Живу весь день, тревожим и волнуем,
И каждый вечер падаю, сражен
Усталости последним поцелуем.

Но и во сне душе покоя нет:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сон я слышу бред,
Дневную жизнь с трудом припоминая.

30 августа 1914

* * *

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

14 декабря 1916 — 7 января 1917

ПРО СЕБЯ

I

Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно
Его назвать перед самим собой,
Перед людьми ж — подавно: с их обидной
Душа не примирится похвалой.

И вот — живу, чудесный образ мой
Скрыв под личиной низкой и ехидной...
Взгляни, мой друг: по травке золотой
Ползет паук с отметкой крестовидной.

Пред ним ребенок спрячется за мать,
И ты сама спешишь его согнать
Рукой брезгливой с шейки розоватой.

И он бежит от гнева твоего,
Стыдясь себя, не ведая того,
Что значит знак его спины мохнатой.

30 ноября 1918

II

Нет, ты не прав, я не собой пленен.
Что доброго в наемнике усталом?
Своим чудесным, божеским началом,
Смотря в себя, я сладко потрясен.

Когда в стихах, в отображеньи малом,
Мне подлинный мой образ обнажен, —
Всё кажется, что я стою, склонен,
В вечерний час над водяным зеркалом.

И, чтоб мою к себе приблизить высь,
Гляжу я в глубь, где звезды занялись.
Упав туда, спокойно угасает

Нечистый взор моих земных очей,
Но пламенно оттуда проступает
Венок из звезд над головой моей.

17 января 1919

СНЫ

Так! наконец-то мы в своих владеньях!
Одежду — на пол, тело — на кровать.
Ступай, душа, в безбрежных сновиденьях
Томиться и страдать!

Дорогой снов, мучительных и смутных,
Бреди, бреди, несовершенный дух.
О, как еще ты в проблесках минутных
И слеп, и глух!

Еще томясь в моем бессильном теле,
Сквозь грубый слой земного бытия
Учись дышать и жить в ином пределе,
Где ты — не я;

Где, отрешен от помысла земного,
Свободен ты... Когда ж в тоске проснусь,
Соединимся мы с тобою снова
В нерадостный союз.

День изо дня, в миг пробужденья трудный,
Припоминаю я *твой* вещей сон,
Смотрю в окно и вижу серый, скудный
 Мой небосклон,

Всё тот же двор, и мгlistый, и суровый,
И голубей, танцующих на нем...
Лишь явно мне, что некий отсвет новый
 Лежит на всем.

17 декабря 1917

* * *

О, если б в этот час желанного покоя
Закреть глаза, вздохнуть и умереть!
Ты плакала бы, маленькая Хлоя,
И на меня боялась бы смотреть.

А я три долгих дня лежал бы на столе,
Таинственный, спокойный, сокровенный,
Как золотой ковчег запечатленный,
Вмещающий всю мудрость о земле.

Сойдясь, мои друзья (невелико число их!)
О тайнах тайн вели бы разговор.
Не внемля им, на розах, на левкоях
Растерянный ты нежила бы взор.

Так. Резвая — ты мудрости не ценишь.
И пусть! Зато сквозь смерть услышу, друг живой,
Как на груди моей ты робко переменишь
Мешок со льдом заботливой рукой.

12 марта — 18 декабря 1915

Милые девушки, верьте или не верьте:
Сердце мое поет только вас и весну.
Но вот, уж давно меня клонит к смерти,
Как вас под вечер клонит ко сну.

Положивши голову на розовый локоть,
Дремлете вы, — а там — соловей
До зари не устанет щелкать и цокать
О безвыходном трепете жизни своей.

Я бессонно брожу по земле меж вами,
Я незримо горю на легком огне,
Я сладчайшими вам расскажу словами
Про всё, что уж начало сниться мне.

1912, 5 августа 1916

ШВЕЯ

Ночью и днем надо мною упорно,
Гулко стрекочет швея на машинке.
К двери привешена в рамочке черной
Надпись короткая: «Шью по картинке».

Слушая стук над моим изголовьем,
Друг мой, как часто гадал я без цели:
Клонишь ты лик свой над трауром вдовьим
Иль над матроской из белой фланели?

Вот, я слабею, я меркну, сгораю,
Но застучишь ты — и в то же мгновенье,
Мнится, я к милой земле приникаю,
Слушаю жизни родное биенье...

Друг неизвестный! Когда пронесутся
Мимо души все былые обиды,

Мертвого слуха не так ли коснутся
Взмахи кадила, слова панихиды?

3 марта – 30 декабря 1917

НА ХОДУ

Метель, метель... В перчатке — как чужая,
Застывшая рука.

Не странно ль жить, почти что осязая,
Как ты близка?

И все-таки бреду домой с покупкой,
И все-таки живу.
Как прочно всё! Нет, он совсем не хрупкий,
Сон наяву!

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но все ясней, уверенней сознанье,
Что ты близка.

7 февраля 1916

УТРО

Нет, больше не могу смотреть я
Туда, в окно!

О, это горькое предсмертье, —
К чему оно?

Во всем одно звучит: «Разлуке
Ты обречен!»
Как нежно в нашем переулке
Желтеет клен!

Ни голоса вокруг, ни стука,
Всё та же даль...
А все-таки порою жутко,
Порою жаль.

16 ноября 1916

В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

Висел он, не качаясь,
На узком ремешке.
Свалившаяся шляпа
Чернела на песке.
В ладонь впивались ногти
На стиснутой руке.

А солнце восходило,
Стремя к полудню бег,
И перед этим солнцем,
Не опуская век,
Был высоко приподнят
На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу столпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

27 ноября 1916

СМОЛЕНСКИЙ РЫНОК

Смоленский рынок
Перехожу.
Полет снежинок
Слежу, слежу.

При свете дня
Желтеют свечи;
Всё те же встречи
Гнетут меня.
Всё к той же чаше
Припал — и пью...
Соседки наши
Несут кутью.
У церкви — синий
Раскрытый гроб,
Ложится иней
На мертвый лоб...
О, лёт снежинок,
Остановись!
Преобразись,
Смоленский рынок!

12–13 декабря 1916

ПО БУЛЬВАРАМ

В темноте, задыхаясь под шубой, иду,
Как больная рыба по дну морскому.
Трамвай зашипел и бросил звезду
В черное зеркало оттепели.

Раскрываю запекшийся рот,
Жадно ловлю отсыревший воздух, —
А за мной от самых Никитских ворот
Увязался маленький призрак девочки.

25 марта — 17 апреля 1918

У МОРЯ

А мне и волн морских прибой,
Влача каменья,
Поет летейскою струей,
Без утешенья.

Безветрие, покой и лень.
Но в ясном свете
Откуда же ложится тень
На руки эти?

Не ты ль еще томишь, не ты ль,
Глухое тело?
Вон — белая вскрутилась пыль
И пролетела.

Взбирается на холм крутой
Овечье стадо...
А мне — айдесская сквозь зной
Сквозит прохлада.

*Июль 1917, Коктебель —
8 декабря 1917, Москва*

ЭПИЗОД

...Это было

В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных, —
В одно из утр пятнадцатого года.
Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила,
Я в комнате своей сидел один. Во мне,
От плеч и головы, к рукам, к ногам,
Какое-то неясное струенье
Бежало трепетно и непрерывно —
И, выбежав из пальцев, длилось дальше,
Уж *вне* меня. Я сознавал, что нужно

Остановить его, сдержать в себе, — но воля
Меня покинула... Бессмысленно смотрел я
На полку книг, на желтые обои,
На маску Пушкина, закрывшую глаза.
Все цепенело в рыжем свете утра.
За окнами кричали дети. Громыхали
Салазки по горе, но эти звуки
Неслись во мне как будто бы сквозь толщу
Глубоких вод...
В пучину погружаясь, водолаз
Так слышит беготню на палубе и крики
Матросов.
И вдруг — как бы толчок, — но мягкий,
осторожный, —

И все опять мне прояснилось, только
В перемещенном виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; еще нога
Под крепким днищем ясно слышит землю,
И близким кажется зеленый берег
И кучи дров на нем; но вот, качнуло нас —
И берег отступает; стала меньше
Та рощица, где мы сейчас бродили;
За рощей встал дымок; а вот — поверх деревьев
Уже видна поляна, и на ней
Краснеет баня.

Самого себя

Увидел я в тот миг, как этот берег;
Увидел вдруг со стороны, как если б
Смотреть немного сверху, слева. Я сидел,
Закинув ногу на ногу, глубоко
Уйдя в диван, с потухшей папиросой
Меж пальцами, совсем худой и бледный.
Глаза открыты были, но какое
В них было выражение — я не видел.
Того меня, который предо мною
Сидел, — не ощущал я вовсе. Но другому,
Смотревшему как бы бесплотным взором,
Так было хорошо, легко, спокойно.

И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,
Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашел он в гости,
И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.

Так видел я себя недолго: вероятно,
И четверти положенного круга
Секундная не обежала стрелка.
И как пред тем не по своей я воле
Покинул эту оболочку — так же
В нее и возвратился вновь. Но только
Свершилось это тягостно, с усилием,
Которое мне вспомнить неприятно.
Мне было трудно, тесно, как змее,
Которую заставили бы снова
Вместиться в сброшенную кожу...

Снова

Увидел я перед собою книги,
Услышал голоса. Мне было трудно
Вновь ощущать всё тело, руки, ноги...
Так, весла бросив и сойдя на берег,
Мы чувствуем себя вдруг тяжелее.
Струилось вновь во мне изнеможенье,
Как бы от долгой гребли, — а в ушах
Гудел неясный шум, как пленный отзвук
Озерного или морского ветра.

25–28 января 1918

ВАРИАЦИЯ

Вновь эти плечи, эти руки
Погреть я вышел на балкон.
Сижу, — но все земные звуки —
Как бы во сне или сквозь сон.

И вдруг, изнеможенья полный,
Плыву: куда — не знаю сам,
Но мир мой ширится, как волны,
По разбежавшимся кругам.

Продлись, ласкательное чудо!
Я во второй вступаю круг
И слушаю, уже оттуда,
Моей качалки мерный стук.

Август 1919
Москва

ЗОЛОТО

Иди, вот уже золото кладем в уста
твои, уже мак и мед кладем тебе
в руки. *Salve aeternum*¹.

Красиньский

В рот — золото, а в руки — мак и мед;
Последние дары твоих земных забот.

Но пусть не буду я, как римлянин, сожжен:
Хочу в земле вкусить утробный сон,

Хочу весенним злаком прорасти,
Кружась по древнему, по звездному пути.

В могильном сумраке истлеют мак и мед,
Провалится монета в мертвый рот...

Но через много, много темных лет
Пришлец неведомый отроет мой скелет,

И в черном черепе, что заступом разбит,
Тяжелая монета загремит —

¹ Здравствуй вечно (*лат.*).

И золото сверкнет среди костей,
Как солнце малое, как след души моей.

7 января 1917

ИЩИ МЕНЯ

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простерты в текучий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Еще одно усилие для меня —
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня.

3 января 1918

2-го НОЯБРЯ

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь — и, обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливой выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля...
К полудню стали собираться кучки.

Глазели на пробоины в домах,
На сбитые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользнувших пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лавок. Проволок обрывки висли
Над улицами. Битое стекло
Хрустело под ногами. Желтым оком
Ноябрьское негреющее солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой желчью пахло это утро.
А между тем уж из конца в конец,
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчуга в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проведать
Родных, знакомых, близких: живы ль, нет ли?
Иные узелки несли подмышкой
С убогой снедью: так в былые годы
На кладбище москвич благочестивый
Ходил на Пасхе — красное яичко
Съесть на могиле брата или кума...

К моим друзьям в тот день пошел и я.
Узнал, что живы, целы, дети дома, —
Чего ж еще хотеть? Побрел домой.
По переулкам ветер, гость залетный,
Гонял сухую пыль, окурки, стружки.
Домов за пять от дома моего,
Сквозь мутное окошко, по привычке
Я заглянул в подвал, где мой знакомый
Живет столяр. Необычайным делом
Он занят был. На верстаке, вверх дном,
Лежал продолговатый, узкий ящик
С покатыми боками. Толстой кистью
Водил столяр по ящику, и доски
Под кистью багровели. Мой приятель
Заканчивал работу: красный гроб.
Я постучал в окно. Он обернулся.
И, шляпу сняв, я поклонился низко
Петру Иванычу, его работе, гробу,

И всей земле, и небу, что в стекле
Лазурью отражалось. И столяр
Мне тоже покивал, пожал плечами
И указал на гроб. И я ушел.

А на дворе у нас, вокруг корзины
С плетеной дверцей, суетились дети,
Крича, толкаясь и тесня друг друга.
Сквозь редкие, поломанные прутья
Виднелись перья белые. Но вот —
Протяжно заскрипев, открылась дверца,
И пара голубей, плеща крылами,
Взвилась и закружилась: выше, выше,
Над тихой Плющихой, над рекой...
То падая, то подымаясь, птицы
Нырjali, точно белые ладьи
В дали морской. Вослед им дети
Свистали, хлопали в ладоши... Лишь один,
Лет четырех бутуз, в ушастой шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Но, заглянув ему в глаза, я понял,
Что улыбается он самому себе,
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще безбровым лбом,
И слушает в себе биенье сердца,
Движенье соков, рост... Среди Москвы,
Страдающей, растерзанной и падшей, —
Как идол маленький, сидел он, равнодушный,
С бессмысленной, священной улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже.

Дома

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
В тот день моей не утолили жажды.

22 мая — 1 июня 1918

ПОЛДЕНЬ

Как на бульваре тихо, ясно, сонно!
Подхвачен ветром, побежал песок
И на траву плеснул сыпучим гребнем...
Теперь мне любо приходить сюда
И долго так сидеть, полузабывшись.
Мне нравится, почти не глядя, слушать
То смех, то плач детей, то по дорожке
За обручем их бег отчетливый. Прекрасно!
Вот шум, такой же вечный и правдивый,
Как шум дождя, прибоя или ветра.

Никто меня не знает. Здесь я просто
Прохожий, обыватель, «господин»
В коричневом пальто и круглой шляпе,
Ничем не замечательный. Вот рядом
Присела барышня с раскрытой книгой. Мальчик
С ведерком и совочком примостился
У самых ног моих. Насупив брови,
Он возится в песке, и я таким огромным
Себе кажусь от этого соседства,
Что вспоминаю,
Как сам я сиживал у львиного столпа
В Венеции. Над этой жизнью малой,
Над головой в картузике зеленом,
Я возвышаюсь, как тяжелый камень,
Многовековый, переживший много
Людей и царств, предательств и геройств.
А мальчик деловито наполняет
Ведерышко песком и, опрокинув, сыплет
Мне на ноги, на башмаки... Прекрасно!

И с легким сердцем я припоминаю,
Как жарок был венецианский полдень,
Как надо мною реял недвижимо
Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах,
А надо львом, круглясь и розовея,
Бежало облачко. А выше, выше —

Темногустая синь, и в ней катились
Незримые, но пламенные звезды.
Сейчас они пылают над бульваром,
Над мальчиком и надо мной. Безумно
Лучи их борются с лучами солнца...

Ветер

Всё шелестит песчаными волнами,
Листает книгу барышни. И всё, что слышу,
Преображенное каким-то чудом,
Так полновесно западает в сердце,
Что уж ни слов, ни мыслей мне не надо,
И я смотрю как бы обратным взором
В себя.
И так пленительна души живая влага,
Что, как Нарцисс, я с берега земного
Срываюсь и лечу туда, где я один,
В моем родном, первоначальном мире,
Лицом к лицу с собой, потерянным когда-то —
И обретенным вновь... И еле внятно
Мне слышен голос барышни: «Простите,
Который час?»

19 апреля — 1 мая 1918

ВСТРЕЧА

В час утренний у Santa Margherita
Я повстречал ее. Она стояла
На мостике, спиной к перилам. Пальцы
На сером камне, точно лепестки,
Легко лежали. Сжатые колени
Под белым платьем проступали слабо...
Она ждала. Кого? В шестнадцать лет
Кто грезится прекрасной англичанке
В Венеции? Не знаю — и не должно
Мне знать того. Не для пустых догадок
Ту девушку припомнил я сегодня.

Она стояла, залитая солнцем,
Но мягкие поля панамской шляпы
Касались плеч приподнятых — и тенью
Прохладною лицо покрыли. Синий
И чистый взор лился оттуда, словно
Те воды свежие, что пробегают
По каменному ложу горной речки,
Певучие и быстрые... Тогда-то
Увидел я тот взор невыразимый,
Который нам, поэтам, суждено
Увидеть раз и после помнить вечно.
На миг один является пред нами
Он на земле, божественно вселяясь
В случайные лазурные глаза.
Но плещут в нем те пламенные бури,
Но выются в нем те голубые вихри,
Которые потом звучали мне
В сияньи солнца, в плеске черных гондол,
В летучей тени голубя и в красной
Струе вина.
И поздним вечером, когда я шел
К себе домой, о том же мне шептали
Певучие шаги венецианок,
И собственный мой шаг казался звонче,
Стремительней и легче. Ах, куда,
Куда в тот миг мое вспорхнуло сердце,
Когда тяжелый ключ с пружинным звоном
Я повернул в замке? И отчего,
Переступив порог сеней холодных,
Я в темноте у каменной цистерны
Стоял так долго? Ощупью взбираясь
По лестнице, влюбленностью назвал я
Свое волненье. Но теперь я знаю,
Что крепкого вина в тот день вкусил я —
И чувствовал еще в своих устах
Его минутный вкус. А вечный хмель
Пришел потом.

13 мая 1918

ОБЕЗЬЯНА

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня слышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но, чуть ее пригубив, —
Не холодна ли, — блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И — этот миг забуду ли когда? —
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождам народа — ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!

И, видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину — до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось — хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной
Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

7 июня 1918, 20 февраля 1919

ДОМ

Здесь домик был. Недавно разобрали
Верх на дрова. Лишь каменного низа
Остался грубый остов. Отдыхать
Сюда по вечерам хожу я часто. Небо
И дворика зеленые деревья
Так молодо встают из-за развалин,
И ясно так рисуются пролеты
Широких окон. Рухнувшая балка
Похожа на колонну. Затхлый холод
Идет от груды мусора и щебня,
Засыпавшего комнаты, где прежде
Гнездились люди...

Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про черный день; где в духоте и мраке
Супруги обнимались; где потели
В жару больные; где рождались люди
И умирали скрытно, — всё теперь
Прохожему открыто. О, блажен,
Чья вольная нога ступает бодро
На этот прах, чей посох равнодушный
В покинутые стены ударяет!
Чертоги ли великого Рамсеса,
Поденщика ль безвестного лачуга —
Для странника равны они: всё той же
Он песенкою времени утешен;
Ряды ль колонн торжественных иль дыры
Дверей вчерашних — путника всё так же
Из пустоты одной ведут они в другую
Такую же...

Вот лестница с узором
Поломанных перил уходит в небо,
И, обрываясь, верхняя площадка
Мне кажется трибуною высокой.
Но нет на ней оратора. — А в небе
Уже горит вечерняя звезда,
Водительница гордого раздумья.

Да, хорошо ты, время. Хорошо
Вдохнуть от твоего ужасного простора.
К чему таиться? Сердце человешье
Играет, как проснувшийся младенец,
Когда война, иль мор, или мятеж
Вдруг налетят и землю сотрясают;
Тут разверзаются, как небо, времена —
И человек душой неутолимой
Бросается в желанную пучину.

Как птица в воздухе, как рыба в океане,
Как скользкий червь в сырых пластах земли,
Как саламандра в пламени — так человек

Во времени. Кочевник полудикий,
По смене лун, по очеркам созвездий
Уже он силится измерить эту бездну
И в письменах неопытных заносит
События, как острова на карте...
Но сын отца сменяет. Грады, царства,
Законы, истины — переходят. Человеку
Ломать и строить — равная услуга:
Он изобрел историю — он счастлив!
И с ужасом и с тайным сладострастьем
Следит безумец, как между минувшим
И будущим, подобно ясной влаге,
Сквозь пальцы уходящей, — непрерывно
Жизнь утекает. И трепещет сердце,
Как легкий флаг на мачте корабельной,
Между воспоминаньем и надеждой —
Сей памятью о будущем...

Но вот —

Шуршат шаги. Горбатая старуха
С большим кулем. Морщинистой рукой
Она со стен сдирает паклю, dranки
Выдергивает. Молча подхожу
И помогаю ей, и мы в согласьи добром
Работаем для времени. Темнеет,
Из-за стены встает зеленый месяц,
И слабый свет его, как струйка, льется
По кафелям обрушившейся печи.

3–5 июля 1919, 12 июня 1920

СТАНСЫ

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.

Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.

С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь —
Приходят на уста всё чаще.

Рассеяннo я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастание.

24–25 октября 1918

АНЮТЕ

На спичечной коробке —
Смотри-ка — славный вид:
Кораблик трехмачтовый
Не двигаясь бежит.

Не разглядишь, а верно —
Команда есть на нем,
И в тесном трюме, в бочках,
Изюм, корица, ром.

И есть на нем, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.

И верно — есть матросик,
Что мастер песни петь
И любит ночью звездной
На небеса глядеть...

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит — нас с тобой.

25 января 1918

* * *

И весело, и тяжело
Нести дряхлеющее тело,
Что буйствовало и цвело,
Теперь набухло и дозрело.

И кровь по жилам не спешит,
И руки повисают сами.
Так яблонь осенью стоит,
Отягощенная плодами,

И не постигнуть юным, вам,
Всей нежности неодолимой,
С какою хочется ветвям
Коснуться вновь земли родимой.

23 ноября 1922, 27 марта 1923
Saarow

БЕЗ СЛОВ

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведенный шов
По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По легкой ткани бытия
Бежит такими же стежками.

То виден, то сокрыт стежок,
То в жизнь, то в смерть перебегая...
И, улыбаясь, твой платок
Перевернул я, дорогая.

5–7 апреля 1918

ХЛЕБЫ

Слепящий свет сегодня в кухне нашей.
В переднике, осыпана мукой,
Всех Сандрильон и всех Миньон ты краше
Бесхитростной красой.

Вокруг тебя, заботливы и зримы,
С вязанкой дров, с кувшином молока,
Роня перья крыл, хлопочут херувимы...
Сквозь облака

Прорвался свет, и по кастрюлям медным
Пучками стрел бьют желтые лучи.
При свете дня подобен розам бледным
Огонь в печи.

И эти струи будущего хлеба
Сливая в звонкий глиняный сосуд,
Клянется ангел нам, что истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.

26 февраля — 11 апреля 1918

АВИАТОРУ

Над полями, лесами, болотами,
Над извирами северных рек
Ты проносишься плавными взлетами,
Небожитель — герой — человек.

Напрягаются крылья, как парусы,
На руле костенеет рука,
А кругом — взгроможденные ярусы:
Облака — облака — облака.

И, смотря на тебя недоверчиво,
Я качаю слегка головой:
Выше, выше спирали очерчивай,
Но припомни — подумай — постой.

Что тебе до надоблачной ясности?
На земной, материнской груди
Отдохни от высот и опасностей, —
Упади — упади — упади!

Ах, сорвись, и большими зигзагами
Упади, раздробивши хребет, —
Где трибуны расцвечены флагами,
Где народ — и оркестр — и буфет...

30 марта 1914

ГАЗЕТЧИК

«Вечерние известия!..»
Ори, ласкай мне слух,
Пронырливая бестия,
Вечерних улиц дух.

Весенняя распутица
Ведет меня во тьму,
А он юлит и крутится,
И всё равно ему —

Геройство иль бесчестие,
Позор иль торжество:
Вечерние известия —
И больше ничего.

Шагает демон маленький,
Как некий исполин,
Расхлябанною валенкой
Над безднами судьбин.

Но в самом безразличии,
В бездушьи торгаша —
Какой соблазн величия
Пьет жадная душа!

16 января — 7 февраля 1919

УЕДИНЕНИЕ

Заветные часы уединенья!
Ваш каждый миг лелею, как зерно;
Во тьме души да прорастет оно
Таинственным побегом вдохновенья.
В былые дни страданье и вино
Воспламеняли сердце. Ты одно
Живишь меня теперь — уединенье.

С мечтою — жизнь, с молчаньем — песнопенье
Связало ты, как прочное звено.
Незыблемо с тобой сопряжено
Судьбы моей грядущее решенье.
И если мне погибнуть суждено —
Про моряка, упавшего на дно,
Ты песенку мне спой — уединенье!

6–7 июня 1915

* * *

Как выскажу моим косноязычьем
Всю боль, весь яд?
Язык мой стал звериным или птичьим,
Уста молчат.

И ничего не нужно мне на свете,
И стыдно мне,
Что суждены мне вечно пытки эти
В его огне;

Что даже смертью, гордой, своевольной,
Не вырвусь я;
Что и она — такой же, хоть окольный,
Путь бытия.

31 марта 1921
Петербург

РЫБАК

Песня

Я наживляю мой крючок
Трепещущей звездой.
Луна — мой белый поплавок
Над черною водой.

Сижу, старик, у вечных вод
И тихо так пою,
И солнце каждый день клюет
На удочку мою.

А я веду его, веду
Весь день по небу, но —
Под вечер, заглотав звезду,
Срывается оно.

И скоро звезд моих запас
Истрачу я, рыбак.
Эй, берегитесь! В этот час
Охватит землю мрак.

17 января 1919

ВОСПОМИНАНИЕ

Здесь, у этого колодца,
Поднесла ты мне две розы.
Я боялся страсти томной —
Алых роз твоих не принял.

Я сказал: «Прости, Алина,
Мне к лицу венок из лавров
Да серебряные розы
Размышлений и мечтаний».

Больше нет Алины милой,
Пересох давно колодец,
Я ж лелею одиноко
Голубую розу — старость.

Скоро в домик мой сойдутся
Все соседи и соседки
Посмотреть, как я забылся
С белой, томной розой смерти.

19 ноября 1914

СЕРДЦЕ

Забвенье — сознание — забвенье...
А сердце, кровавый скупец,
Всё копит земные мгновенья
В огромный свинцовый ларец.

В ночи ли проснусь я, усталый,
На жарком одре бредовом —
Оно, надрываясь, в подвалы
Ссыпает мешок за мешком.

А если глухое биенье
Замедлит порою слегка —
Отчетливей слышно паденье
Червонца на дно сундука.

И много тяжелых цехинов,
И много поддельных гиней
Толпа тeneвых исполинов
Разграбит в час смерти моей.

1916

СТАРУХА

Запоздалая старуха,
Задыхаясь, тащит санки.
Ветер, снег.
А бывало-то! В Таганке!
Эх!
Расстегаи — легче пуха,
Что ни праздник — пироги,
С рисом, с яйцами, с вязигой...
Ну, тянись, плохая, двигай!
А кругом ни зги.
— Эй, сыночек, помоги!

Но спешит вперед прохожий,
Весь блестя скрипучей кожей.
И вослед ему старуха
Что-то шепчет, шепчет глухо,
И слаба-то, и пьяна
Без вина.

Это вечер. Завтра глянет
Мутный день, метель устанет,
Чуть закружится снежок...
Выйдем мы — а у ворот
Протянулась из сугроба
Пара ног.
Легкий труп, окоченелый,
Простыней покрывши белой,
В тех же саночках, без гроба,
Милицейский увезет,
Растолкав плечом народ.
Неречист и хладнокровен
Будет он, — а пару бревен,
Что везла она в свой дом,
Мы в печи своей сождем.

7 декабря 1919

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

МУЗЫКА

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по телу бродит лень,
У Благовещенья на Бережках обедня
Еще не отошла. Я выхожу во двор.
Как мало всё: и домик, и дымок,
Завившийся над крышей! Серебро-розов
Морозный пар. Столпы его восходят
Из-за домов под самый купол неба,
Как будто крылья ангелов гигантских.
И маленьким таким вдруг оказался
Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.
Он в полушубке, в валенках. Дрова
Вокруг него раскиданы по снегу.
Обеими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колун над головою
Заносит он, но — тук! тук! тук! — не громко
Звучат удары: небо, снег и холод
Звук поглощают... «С праздником, сосед».
— «А, здравствуйте!» Я тоже расставляю
Свои дрова. Он — тук! Я — тук! Но вскоре
Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,
Как будто музыка?» Сергей Иваныч
Перестает работать, голову слегка
Приподымает, ничего не слышит,
Но слушает старательно... «Должно быть,
Вам показалось», — говорит он. «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»

Он слушает опять: «Ну, может быть —
Военного хоронят? Только что-то
Мне не слышать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.
И музыка идет как будто сверху.
Виолончель... и арфы, может быть...
Вот хорошо играют! Не стучите».
И бедный мой Сергей Иваныч снова
Перестает колоть. Он ничего не слышит,
Но мне мешать не хочет и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоит он посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонию. И жалко
Мне наконец становится его.
Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
За топоры берем. Тук! Тук! Тук!.. А небо
Такое же высокое, и так же
В нем ангелы пернатые сияют.

15 июня 1920

* * *

Лэди долго руки мыла,
Лэди крепко руки терла.
Эта лэди не забыла
Окровавленного горла.

Лэди, лэди! Вы как птица
Бьетесь на бессонном ложе.
Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.

9 января 1922

* * *

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жестью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое свое,
И просто всё, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивней берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

12 февраля 1917, 2 марта 1922

Так бывает почему-то:
Ночью, чуть забрезжат сны —
Сердце словно вдруг откуда-то
Упадает с вышины.

Ах! — и я в постели. Только
Сердце бьется невпопад.
В полутьме с ночного столика
Смутно смотрит циферблат.

Только ощущением кручи
Ты еще трепещешь вся —
Легкая моя, падучая,
Милая душа моя!

25 сентября 1920

К ПСИХЕЕ

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колыхаешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?

13 мая — 18 июня 1920

ДУША

Душа моя — как полная луна:
Холодная и ясная она.

На высоте горит себе, горит —
И слез моих она не осушит;

И от беды моей не больно ей,
И ей невнятен стон моих страстей;

А сколько здесь мне довелось страдать —
Душе сияющей не стоит знать.

4 января 1921

* * *

Психея! Бедная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смеет и не хочет:
Заслушаться так жутко ей
Тем, что безмолвие пророчит
В часы мучительных ночей.

Увы! за что, когда всё спит,
Ей вдохновение твердит
Свои пифийские глаголы?
Простой душе невыносим
Дар тайнослышанья тяжелый.
Психея падает под ним.

4 апреля 1921

ИСКУШЕНИЕ

«Довольно! Красоты не надо.
Не стоит песен подлый мир.
Померкни, Тассова лампада, —
Забудься, друг веков, Омир!

И Революции не надо!
Ее рассеянная рать
Одной венчается наградой,
Одной свободой — торговать.

Вотще на площади пророчит
Гармонии голодный сын:
Благих вестей его не хочет
Благополучный гражданин.

Самодовольный и счастливый,
Под грудой выцветших знамен,
Коросту хамства и наживы
Себе начесывает он:

“Прочь, не мешай мне, я торгую.
Но не буржуй, но не кулак,
Я прячу выручку дневную
Свободы в огненный колпак”.

Душа! Тебе до боли тесно
Здесь, в опозоренной груди.
Ищи отрады поднебесной,
А вниз, на землю, не гляди».

Так искушает сердце злое
Психеи чистые мечты.
Психея же в ответ: «Земное,
Что о небесном знаешь ты?»

4 июня — 9 июля 1921

Пускай минувшего не жаль,
Пускай грядущего не надо —
Смотрю с язвительной отрадой
Времен в приближенную даль.
Всем равный жребий, вровень хлеба
Отмерит справедливый век.
А все-таки порой на небо
Посмотрит смирный человек, —
И одиночество взыграет,
И душу гордость окрылит:
Он неравенство оценит
И дерзновенья пожелает...
Так нынче травка прорастает
Сквозь трещины гранитных плит.

Лето 1920, 22 апреля 1921

БУРЯ

Буря! Ты армады гонишь
По разгневанным водам,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прах подьемлешь к небесам.

Реки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понт,
У старушки вырываешь
Ветхий, вывернутый зонт.

Вековые рощи косишь,
Градом бьешь посев полей, —
Только мудрым не приносишь
Ни веселий, ни скорбей.

Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза, —

И смыкает понемножку
Пресыщенные глаза.

13 июля 1921

* * *

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.

Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

15–16 июля 1921

ГОСТЮ

Входя ко мне, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь, на горошине земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

7 июля 1921

Когда б я долго жил на свете,
Должно быть, на исходе дней
Упали бы соблазнов сети
С несчастной совести моей.

Какая может быть досада,
И счастья разве хочешь сам,
Когда нездешняя прохлада
Уже бежит по волосам?

Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.

8–29 июня 1921

ЖИЗЕЛЬ

Да, да! В слепой и нежной страсти
Переболей, перегори,
Рви сердце, как письмо, на части,
Сойди с ума, потом умри.

И что ж? Могильный камень двигать
Опять придется над собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сцене лунно-голубой.

1 мая 1922

ДЕНЬ

Горячий ветер, злой и лживый.
Дыханье пыльной духоты.
К чему, душа, твои порывы?
Куда еще стремишься ты?

Здесь хорошо. Вкушает лира
Свой усыпительный покой
Во влажном сладострастии мира,
В ленивой прелести земной.

Здесь хорошо. Грозы раскаты
Над ясной улицей ворчат,
Идут под музыку солдаты,
И бесы юркие кишат:

Там разноцветные афиши
Спешат расклеить по стенам,
Там скатываются по крыше
И падают к людским ногам.

Тот ловит мух, другой танцует,
А этот, с мордочкой тупой,
Бесстыжим всадником гарцует
На бедрах ведьмы молодой...

И верно, долго не прервется
Блистательная кутерьма,
И с грохотом не распадется
Темно-лазурная тюрьма,

И солнце не устанет парить,
И поп, деньку такому рад,
Не догадается ударить
Над этим городом в набат.

*Весна 1920, Москва
14–28 мая 1921, Петроград*

ИЗ ОКНА

1

Нынче день такой забавный:
От возниц, что было сил,
Конь умчался своенравный;
Мальчик змей свой упустил;
Вор цыпленка утащил
У безносой Николавны.

Но — настигнут вор нахальный,
Змей упал в соседний сад,
Мальчик ладит хвост мочальный,
И коня ведут назад:
Восстает мой тихий ад
В стройности первоначальной.

23 июля 1921

2

Всё жду: кого-нибудь задавит
Взбесившийся автомобиль,
Зевака бледный окровавит
Торцовую сухую пыль.

И с этого пойдет, начнется:
Раскачка, выворот, беда,
Звезда на землю оборвется,
И станет горькою вода.

Прервутся сны, что душу душат,
Начнется всё, чего хочу,
И солнце ангелы потушат,
Как утром — лишнюю свечу.

11 августа 1921
Бельское Устье

В ЗАСЕДАНИИ

Грубой жизнью оглушенный,
Нестерпимо уязвленный,
Опускаю веки я —
И дремлю, чтоб легче минул,
Чтобы как отлив отхлынул
Шум земного бытия.

Лучше спать, чем слушать речи
Злобной жизни человечьей,
Малых правд пустую прю.
Всё я знаю, всё я вижу —
Лучше сном к себе приближу
Неизвестную зарю.

А уж если сны приснятся,
То пускай в них повторяются
Детства давние года:
Снег на дворике московском
Иль — в Петровском-Разумовском
Пар над зеркалом пруда.

12 октября 1921

Москва

* * *

Ни розового сада,
Ни песенного лада
Воистину не надо —
Я падаю в себя.

На всё, что людям ясно,
На всё, что им прекрасно,
Вдруг стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мне всё невыносимо!
Скорей же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли!

19 октября 1921

СТАНСЫ

Бывало, думал: ради мига
И год, и два, и жизнь отдам...
Цены не знает прощельга
Своим прилюдным пятакам.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщины возле губ,
Мои минуты вздрожали,
Я стал умен, суров и скуп.

Я много вижу, много знаю,
Моя седеет голова,
И звездный ход я примечаю,
И слышу, как растет трава.

И каждый вам неслышный шепот,
И каждый вам незримый свет
Обогащают смутный опыт
Психеи, падающей в бред.

Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, — но коплю
Всё, что так нежно ненавижу
И так язвительно люблю.

17–18 августа 1922

Misdroy

ПРОБОЧКА

Пробочка над крепким иодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

17 сентября 1921

Бельское Устье

ИЗ ДНЕВНИКА

Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.

Прорежется — и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий — канет в ночь,
Не в эту серенькую ночьку.

А я останусь тут лежать —
Банкир, заколотый апашем, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

10 июня 1921

ЛАСТОЧКИ

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тем воспаленным диском.
Две ласточки напрасно рвутся прочь,
Перед окном шныряя с тонким писком.

Вон ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крылом остроугольным,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьим крылышком, ни сердцем подневольным.

Пока вся кровь не выступит из пор,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
Как брызжет свет, не застилая ночи.

18–24 июня 1921

* * *

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенснэ или ключи.

Весна 1921, 11 января 1922

* * *

Смотрю в окно — и презираю.
Смотрю в себя — презрен я сам.
На землю грома призываю,
Не доверяя небесам.

Дневным сиянием объятый,
Один беззвездный вижу мрак...
Так вьется на гряде червяк,
Рассечен тяжкою лопатой.

21–25 мая 1921

СУМЕРКИ

Снег навалил. Всё затихает, гложет.
Пустынный тянется вдоль переулка дом.
Вот человек идет. Пырнуть его ножом —
К забору прислонится и не охнет.
Потом опустится и ляжет вниз лицом.
И ветерка дыханье снеговое,
И вечера чуть уловимый дым —
Предвестники прекрасного покоя —
Свободно так закружатся над ним.
А люди черными сбегутся муравьями
Из улиц, со дворов и станут между нами.
И будут спрашивать, за что и как убил, —
И не поймет никто, как я его любил.

5 ноября 1921

ВАКХ

Как волшебник, прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вам азийскую лозу.

Ветку чудную привейте,
А когда настанет срок,
В чаши чистые налейте
Мой животворящий сок.

Лейте женам, пейте сами,
Лейте девам молодым.
Сам я буду между вами
С золотым жезлом моим.

Подскажу я песни хору,
В светлом буйстве закружу,
Отуманенному взору
Дивно всё преобразу.

И дана вам будет сила
Знать, что скрыто от очей,
И ни старость, ни могила
Не смутят моих детей.

Ни змея вас не ужалит,
Ни печаль — покуда хмель
Всех счастливцев не повалит
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой резвой,
В розовеющий туман,
Сколько бы ни выпил — трезвый,
Лишь самим собою пьян.

8 ноября 1921

ЛИДА

Высоких слов она не знает,
Но грудь бела и высока
И сладострастно воздыхает
Из-под кисейного платка.
Ее стопы порою босы,
Ее глаза слегка раскосы,
Но сердце тем верней летит
На их двусмысленный магнит.
Когда поют ее подруги
У полунощного костра,
Она молчит, скрестивши руки,
Но хочет песен до утра.
Гитарный голос ей понятен
Отзывом роковых страстей,
И, говорят, немало пятен —
Разгулу отданных ночей —
На женской совести у ней.
Лишь я ее не вызываю
Условным стуком на крыльцо,
Ее ночей не покупаю

Ни за любовь, ни за кольцо.
Но мило мне ее явленье,
Когда на спящее селенье
Ложится утренняя мгла:
Она проходит в отдаленьи,
Едва слышна, почти светла,
Как будто Ангелу Паденья
Свободно руку отдала.

30 октября 1921
Петербург

БЕЛЬСКОЕ УСТЬЕ

Здесь даль видна в просторной раме:
За речкой луг, за лугом лес.
Здесь ливни черными столпами
Проходят по краям небес.

Здесь радуга высоким сводом
Церковный покрывает крест
И каждый праздник по приходам
Справляют ярмарки невест.

Здесь аисты, болота, змеи,
Крутой песчаный косогор,
Простые сельские затеи,
Об урожае разговор.

А я росистые поляны
Топчу тяжелым башмаком,
Я петербургские туманы
Таю любовно под плащом,

И к девушкам, румяным розам,
Склоняясь томною главой,
Дышу на них туберкулезом,
И вдохновеньем, и Невой,

И мыслю: что ж, таков от века,
От самых роковых времен,
Для ангела и человека
Непререкаемый закон.

И тот, прекрасный неудачник
С печатью знанья на челе,
Был тоже — просто первый дачник
На расцветающей земле.

Сойдя с возвышенного Града
В долину мирных райских роз,
И он дыхание распада
На крыльях дымчатых принес.

31 декабря 1921
Петербург

* * *

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролеты арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

4 декабря 1921

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу — и лба не хмурю.
Ведь знаю: сердце всё равно
Летит в излюбленную бурю.

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути,
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет — беды не много в том!
Забыты мы — и то не плохо.
Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

4–6 февраля 1922
Москва

АВТОМОБИЛЬ

Бредем в молчании суровом.
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдруг — с каким певучим зовом —
Автомобиль из-за угла.

Он черным лаком отливает,
Сияя гранями стекла,
Он в сумрак ночи простирает
Два белых ангельских крыла.

И стали здания похожи
На праздничные стены зал,
И близко возле нас прохожий
Сквозь эти крылья пробежал.

А свет мелькнул и замаячил,
Колебя дождевую пыль...
Но слушай: мне являться начал
Другой, другой автомобиль...

Он пробегает в ясном свете,
Он пробегает белым днем,
И два крыла на нем, как эти,
Но крылья черные на нем.

И всё, что только попадает
Под черный сноп его лучей,
Невозвратно исчезает
Из утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею светлую мою,
Слепые руки простираю
И ничего не узнаю:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит *тот*,
В душе и в мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот.

2–5 декабря 1921

ВЕЧЕР

Под ногами скользь и хруст.
Ветер дунул, снег пошел.
Боже мой, какая грусть!
Господи, какая боль!

Тяжек Твой подлунный мир.
Да и Ты немилосерд.
И к чему такая ширь,
Если есть на свете смерть?

И никто не объяснит,
Отчего на склоне лет
Хочется еще бродить,
Верить, коченеть и петь.

23 марта 1922

* * *

Странник прошел, опираясь на посох, —
Мне почему-то припомнилась ты.
Едет пролетка на красных колесах —
Мне почему-то припомнилась ты.
Вечером лампу зажгут в коридоре —
Мне непременно припомнишься ты.
Что б ни случилось, на суше, на море
Или на небе, — мне вспомнишься ты.

13 апреля 1922

ПОРОК И СМЕРТЬ

Порок и смерть! Какой соблазн горит
И сколько нег вздыхает в слове малом!
Порок и смерть язвят единым жалом,
И только тот их язвы убежит,
Кто тайное хранит на сердце слово —
Утешный ключ от бытия иного.

2 ноября 1921

ЭЛЕГИЯ

Деревья Кронверкского сада
Под ветром буйно шелестят.
Душа взыграла. Ей не надо
Ни утешений, ни усад.

Глядит бесстрашными очами
В тысячелетия свои,
Летит широкими крылами
В огнекрылатые рои.

Там всё огромно и певуче,
И арфа в каждой есть руке,
И с духом дух, как туча с тучей,
Гремят на чудном языке.

Моя изгнанница вступает
В родное, древнее жильё
И страшным братьям заявляет
Равенство гордое свое.

И навсегда уж ей не надо
Того, кто под косым дождем
В аллеях Кронверкского сада
Бредет в ничтожестве своем.

И не понять мне бедным слухом
И косным не постичь умом,
Каким она там будет духом,
В каком раю, в аду каком.

20–22 ноября 1921

* * *

На тускнеющие шпильи,
На верхи автомобилей,
На железо старых стрех
Налипает первый снег.

Много раз я это видел,
А потом возненавидел,
Но сегодня тот же вид
Новым чем-то веселит.

Это сам я в год минувший,
В Божьи бездны соскользнувший,
Пересоздал навсегда
Мир, державшийся года.

И вот в этом мире новом,
Напряженном и суровом,
Нынче выпал первый снег...
Не такой он, как у всех.

24 октября 1921

МАРТ

Размякло, и раскисло, и размокло.
От сырости так тяжело вздохнуть.
Мы в тротуары смотримся, как в стекла,
Мы смотрим в небо — в небе дождь и муть...

Не чудно ли? В затоптанном и низком
Свой горный лик мы нынче обрели,
А там, на небе, близком, слишком близком,
Всё только то, что есть и у земли.

30 марта 1922

* * *

Старым снам затерян сонник.
Всё равно — сбылись иль нет.
Ночью сядь на подоконник —
Посмотри на тусклый свет.

Ничего, что так туманны
Небеса и времена:
Угадай-ка постоянный
Вид из нашего окна.

Вспомни всё, что так недавно
Веселило сердце нам;
Невский вдаль уходит плавно,
Небо клонится к домам;

Смотрит серый, вековечный
Купол храма в купол звезд,
И на нем — шестиконечный,
Нам сейчас незримый крест.

11 апреля 1922

* * *

Не верю в красоту земную
И здешней правды не хочу.
И ту, которую целую,
Простому счастьем не учу.

По нежной плоти человеческой
Мой нож проводит алый жгут:
Пусть мной целованные плечи
Опять крылами прорастут!

27 марта 1922

* * *

Друзья, друзья! Быть может, скоро —
И не во сне, а наяву —
Я нить пустого разговора
Для всех неожиданно оборву

И, повинуясь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Вдруг подниму на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок,

И я увижу и открою
Цветочный мир, цветочный путь, —
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!

25 декабря 1921

УЛИКА

Была туманной и безвестной,
Мерцала в лунной вышине,
Но воплощенной и телесной
Теперь являться стала мне.

И вот — среди беседы чинной
Я вдруг с растерянным лицом
Снимаю волос, тонкий, длинный,
Забывтый на плече моем.

Тут гость из-за стакана чаю
Хитро косится на меня.
А я смотрю и понимаю,
Тихонько ложечкой звеня:

Блажен, кто завлечен мечтою
В безвыходный, дремучий сон
И там внезапно сам собою
В нездешнем счастье уличен.

7–10 марта 1922

* * *

Покрова Майи потаенной
Не приподнять моей руке,
Но чуден мир, отображенный
В твоём расширенном зрачке.

Там в непостижном сочетаньи
Любовь и улица даны:
Огня эфирного пыланье
И просто — таянье весны.

Там светлый космос возникает
Под зыбким пологом ресниц.
Он кружится и расцветает
Звездой велосипедных спиц.

23–24 апреля 1922

* * *

Большие флаги над эстрадой,
Сидят пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Как навзничь — в самого себя.

День, раздраженный трубным ревом,
Небес надвинутую синь
Заворожи единым словом,
Одним движеньем отодвинь.

И, закатив глаза под веки,
Движеньё крови затая,
Вдохни минувший сумрак некий,
Утробный сумрак бытия.

Как всадник на горбах верблюда,
Назад в истоме откатнись,
Замри — или умри отсюда,
В давно забытое родись.

И с обновленною отрадой,
Как бы мираж в пустыне сей,
Увидишь флаги над эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.

26 июня — 17 июля 1922
Рига—Берлин

* * *

Гляжу на грубые ремесла,
Но знаю твердо: мы в раю...
Простой рыбак бросает весла
И ржавый якорь на скамью.

Потом с товарищем толкает
Ладью тяжелую с песков
И против солнца уплывает
Далеко на вечерний лов.

И там, куда смотреть нам больно,
Где плещут волны в небосклон,
Высокий парус треугольный
Легко разворачивает он.

Тогда встает в дали далекой
Розовоперое крыло.
Ты скажешь: ангел там высокий
Ступил на воды тяжело.

И неспешными стопами
Другие подошли к нему,
Шатая плавными крылами
Морскую дымчатую тьму.

Клубятся облака густые,
Дозором ангелы встают, —
И кто поверит, что простые
Там сети и ладьи плывут?

19–20 августа 1922
Misdroy

Ни жить, ни петь почти не стоит:
В непрочной грубости живем.
Портной тачает, плотник строит:
Швы расползутся, рухнет дом.

И лишь порой сквозь это тленье
Вдруг умиленно слышу я
В нем заключенное биенье
Совсем иного бытия.

Так, провождая жизни скуку,
Любовно женщина кладет
Свою взволнованную руку
На грузно пухнувший живот.

21–23 июля 1922
Берлин

БАЛЛАДА

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом — освещенные тоже,
И стулья, и стол, и кровать.
Сижу — и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом
В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!

Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвиё.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,
В текучие звезды челом.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть может, змеи, —
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает — Орфей.

9–22 декабря 1921

* * *

Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?
На что ты можешь дать ответ?
Сама томишься, пленница, и плачешь:
Тебе самой исхода нет.

Рожденная от опыта земного,
Бессильная пред злобой дня,
Сама себя ты уязвить готова,
Как скорпион в кольце огня.

21 мая 1921
Петроград

* * *

Слышать я вас не могу.
Не подступайте ко мне.
Волком бы лечь на снегу!
Дыбом бы шерсть на спине!

Белый оскаленный клык
В небо ощерить и взвыть —
Так, чтобы этот язык
Зубом насквозь прокусить...

Впрочем, объявят тогда,
Что исписался уж я,
Эти вот все господа:
Критики, дамы, друзья.

7 ноября 1921
Петроград

НЕВЕСТА

Напрасно проросла трава
На темени земного ада:
Природа косная мертва
Для пронизательного взгляда.

Не знаю воли я творца,
Но знаю я свое мученье
И дерзкой волею певца
Приемлю дерзкое решенье.

Смотри, Молчальник, и суди:
Мертва лежит отроковица,
Но я коснусь ее груди —
И, вставши, в зеркало глядится.

Мной воскрешенную красу
Беру, как ношу дорогию, —
К престолу твоему несу
Мою невесту молодую.

Разгладь насупленную бровь,
Возри на чистое созданье,
Даруй нам вечную любовь
И непорочное слиянье!

А если с высоты твоей
На чудо нет благословенья —
Да будет карою моей
Сплошная смерть без воскресенья.

13–16 апреля 1922

Петроград

**ЕВРОПЕЙСКАЯ
НОЧЬ**

ПЕТЕРБУРГ

Напастям жалким и однообразным
Там предавались до потери сил.
Один лишь я полуживым соблазном
Средь озабоченных ходил.

Смотрели на меня — и забывали
Клокочущие чайники свои;
На печках валенки сгорали;
Все слушали стихи мои.

А мне тогда в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкальный
Мне в сногшибательных ветрах.

И я безумел от видений,
Когда чрез ледяной канал,
Скользя с обломанных ступеней,
Треску зловонную таскал,

И, каждый стих гоня сквозь прозу,
Вывихивая каждую строку,
Привил-таки классическую розу
К советскому дичку.

12 декабря 1925
Chaville

* * *

Жив Бог! Умен, а не заумен,
Хожу среди своих стихов,
Как непоблажливый игумен
Среди смиренных чернецов.
Пасу послушливое стадо
Я процветающим жезлом.
Ключи таинственного сада
Звонят на поясе моем.
Я — чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поет
Лишь ангел, Богу предстоящий, —
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревет.
А я — не ангел осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык:
Его суровую свободу,
Его извилистый закон...
О, если б мой предсмертный стон
Облечь в отчетливую оду!

4 февраля — 13 мая 1923

Saarov

* * *

Весенний лепет не развежит
Сурово стиснутых стихов.
Я полюбил железный скрежет
Какофонических миров.

В зиянии разверстых гласных
Дышу легко и вольно я.
Мне чудится в толпе согласных —
Льдин взгроможденных толчея.

Мне мил — из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот —
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот,

Иль сон, где, некогда единый, —
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

24–27 марта 1923

Saarow

СЛЕПОЙ

Палкой щупая дорогу,
Бродит наугад слепой,
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Клочья неба голубого —
Всё, чего не видит он.

8 октября 1922, Берлин

10 апреля 1923, Saarow

* * *

Вдруг из-за туч озолотило
И столик, и холодный чай.
Помедли, зимнее светило,
За черный лес не упадай!

Дай посиять в румянном блеске,
Прилежным поскрипеть пером.
Живет в его проворном треске
Весь вздох о бытии моем.

Трепещущим, колючим током
С раздвоенного остря
Бежит — и на листе широком
Отображаюсь... нет, не я:

Лишь угловатая кривая,
Минутный профиль тех высот,
Где, восходя и ниспадая,
Мой дух страдает и живет.

19–28 января 1923

Saagow

У МОРЯ

1

Лежу, ленивая амеба,
Гляжу, прищуря левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз.

Всё тот же мир обыкновенный,
И утварь бедная всё та ж.
Прибой размыленную пеной
Взбегает на покатый пляж.

Белеют плоские купальни,
Смутлеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!

Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.

А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземою между бровей.

15 августа 1922

Misdroy

2

Сидит в табачных магазинах,
Погряз в простом житье-бытье
И отражается в витринах
Широкополым канотье.

Как муха на бумаге липкой,
Он в нашем времени дрожит
И даже вежливой улыбкой
Лицо нездешнее косит.

Он очень беден, но опрятен,
И перед выходом на пляж
Для выведения разных пятен
Употребляет карандаш.

Он всё забыл. Как мул с поклажей,
Слоняется по нашим дням,
Порой просматривает даже
Столбцы газетных телеграмм,

За кружкой пива созерцает,
Как пляшут барышни фокстрот, —
И разом вдруг ослабевает,
Как сердце в нем захолонет.

О чем? Забыл. Непостижимо,
Как можно жить в тоске такой!
Он вскакивает. Мимо, мимо,
Под ветер, на берег морской!

Колышется его просторный
Пиджак — и, подавляя стон,
Под европейской ночью черной
Заламывает руки он.

2 сентября 1922

Берлин

3

Пустился в море с рыбаками.
Весь день на палубе лежал,
Молчал — и желтыми зубами
Мундштук прокуренный кусал.

Качало. Было всё не мило:
И ветер, и небес простор,
Где мачта шаткая чертила
Петлистый, правильный узор.

Под вечер буря налетела.
О, как скучал под бурей он,
Когда гремело, и свистело,
И застилало небосклон!

Увы! он слушал не впервые,
Как у изломанных снастей
Молились рыбаки Марии,
Заступнице, Звезде Морей!

И не впервые, не впервые
Он людям говорил из тьмы:
«Мария тут иль не Мария —
Не бойтесь, не потонем мы».

Под утро, дымкою повитый,
По усмирившимся волнам
Поплыл баркас полуразбитый
К родным песчаным берегам.

Встречали женщины толпою
Отцов, мужей и сыновей.
Он миновал их стороною,
Угрюмой поступью своей

Шел в гору, подставляя спину
Струям холодного дождя,
И на счастливую картину
Не обернулся уходя.

9 декабря 1922 — 20 марта 1923
Saarow

4

Изломала, одолевает
Нестерпимая скука с утра.
Чью-то лодку море качает,
И кричит на песке детвора.

Примостился в кофейне где-то
И глядит на двух толстяков,
Обсуждающих за газетой
Расписание поездов.

Раскаленными взрывами брызжа,
Солнце крутится колесом.
Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!» —
И стучит сухим кулаком.

Опрокинул столик железный,
Опрокинул пиво свое.
Бесполезное — бесполезно:
Продолжается бытие.

Он пристал к бездомной собаке
И за ней слонялся весь день,
А под вечер в приморском мраке
Затерялся и пес, как тень.

Вот тогда-то и подхватило,
Одурманило, понесло,
Затуманило, закутило,
Перекинуло, подняло:

Из-под ног земля убегает,
Глазам не видать ни зги —
Через горы и реки шагают
Семиверстные сапоги.

10 декабря 1922 — 19 марта 1923
Saarow

БЕРЛИНСКОЕ

Что ж? От озноба и простуды —
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,
И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом —

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола, —

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

14–24 сентября 1922

Берлин

* * *

С берлинской улицы
Вверху луна видна.
В берлинских улицах
Людская тень длинна.

Дома — как демоны,
Между домами — мрак;
Шеренги демонов,
И между них — сквозняк.

Дневные помыслы,
Дневные души — прочь:
Дневные помыслы
Перешагнули в ночь.

Опустошенные,
На перекрестки тьмы,
Как ведьмы, по трое
Тогда выходим мы.

Нечеловечий дух,
Нечеловечья речь —
И песьи головы
Поверх сутулых плеч.

Зеленой точкою
Глядит луна из глаз,
Сухим неистовством
Обуреваемая нас.

В асфальтном зеркале
Сухой и мутный блеск —
И электрический
Над волосами треск.

Октябрь 1922, Берлин
24 февраля 1923, Saarow

AN MARIECHEN¹

Зачем ты за пивною стойкой?
Пристала ли тебе она?
Здесь нужно быть девицей бойкой, —
Ты нездорова и бледна.

С какой-то розою огромной
У нецелованных грудей, —
А смертный венчик, самый скромный,
Украсил бы тебя милей.

Ведь так прекрасно, так нетленно
Скончаться рано, до греха.
Родители же непременно
Тебе отыщут жениха.

Так называемый хороший,
И вправду — честный человек
Перегрузит тяжелой ношей
Твой слабый, твой короткий век.

Уж лучше бы — я еле смею
Подумать про себя о том —
Попастся бы тебе злодею
В пустынной роще, вечером.

¹ К Марихен (нем.).

Уж лучше в несколько мгновений
И стыд узнать, и смерть принять,
И двух истлений, двух растлений
Не разделять, не разлучать.

Лежать бы в платьице измятом
Одной, в березняке густом,
И нож под левым, лиловатым,
Еще девическим соском.

20–21 июля 1923

Берлин

* * *

Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась —

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.

23 декабря 1922

Saarow

* * *

Нет, не найду сегодня пищи я
Для утешительной мечты:
Одни шарманщики, да нищие,
Да дождь — всё с той же высоты.

Тускнеет в лужах электричество,
Нисходит предвечерний мрак
На идиотское количество
Серошестинистых собак.

Та — ткнется мордою нечистою
И, повернувшись, отбежит,
Другая лапою когтистою
Скребет обшмыганный гранит.

Те — жилимся, присев на корточки,
Повесив набок языки, —
А их из самой верхней форточки
Зовут хозяйские свистки.

Всё высвистано, прособачено.
Вот так и шлепай по грязи,
Пока не вздрогнет сердце, схвачено
Внезапным треском жалюзи.

23 марта — 10 июня 1923
Saarow

ДАЧНОЕ

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды.

Теперь над озером ненастье, мрак,
В траве — лягушечий зеленый квак.

Огни на дачах гаснут понемногу,
Клубки червей полезли на дорогу,

А вдалеке, где всё затерла мгла,
Тупая граммофонная игла

Шатается по рытвинам царапин
И из трубы еще рычит Шаляпин.

На мокрый мир нисходит утомон...
Лишь кое-где, топча сырой газон,

Блудливые невесты с женихами
Слипаются, накрытые зонтами,

А к ним под юбки лазит с фонарем
Полуслепой, ширококоротый гном.

10 июня 1923, Saarow

31 августа 1924, Causeway

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Где пахнет черною карболкой
И провонявшею землей,
Стоит, склоняя профиль колкий
Пред изразцовой стеной.

Не отойдет, не обернется,
Лишь весь качается слегка,
Да как-то судорожно бьется
Потертый локоть сюртука.

Заходят школьники, солдаты,
Рабочий в блузе голубой, —
Он всё стоит, к стене прижатый
Своею дикою мечтой.

Здесь создает и разрушает
Он сладострастные миры,
А из соседней конуры
За ним старуха наблюдает.

Потом в открывшуюся дверь
Видны подушки, стулья, склянки.
Вошла — и слышатся теперь
Обрывки злобной перебранки.
Потом вонючая метла
Безумца гонит из угла.

И вот, из полутьмы глубокой
Старик сутулый, но высокий,
В таком почтенном сюртуке,
В когда-то модном котелке,
Идет по лестнице широкой,
Как тень Аида — в белый свет,
В берлинский день, в блестящий бред.
А солнце ясно, небо сине,
А сверху синяя пустыня...
И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.

21 сентября 1923

Берлин

* * *

Всё каменное. В каменный пролет
Уходит ночь. В подъездах, у ворот —

Как изваянья — слипшиеся пары.
И тяжкий вздох. И тяжкий дух сигары.

Бренчит о камень ключ, гремит засов.
Ходи по камню до пяти часов,

Жди: резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина —

И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

23 сентября 1923

Берлин

Встаю расслабленный с постели.
Не с Богом бился я в ночи, —
Но тайно сквозь меня летели
Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши
Ночные голоса Мельбурна
С ночными знаньями души.

И чьи-то имена и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,
Врываются в глухие шифры
Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю
Шум, не внимаемый никем.
Руками уши зажимаю —
Всё тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
Европы темные сыны,
Какими вы *еще* лучами
Неощутимо пронзены!

5–10 февраля 1923
Saarow

ХРАНИЛИЩЕ

По залам прохожу лениво.
Претит от истин и красот.
Еще невиданные дива,
Признаться, знаю наперед.

И как-то тяжело, больно даже
Душою жить — который раз? —
В кому-то снувшемся пейзаже,
В когда-то промелькнувший час.

Всё бьется человеческий гений:
То вверх, то вниз. И то сказать:
От восхождений и падений
Уж позволительно устать.

Нет! полно! Тяжелеют веки
Пред вереницею Мадонн, —
И так отрадно, что в аптеке
Есть кисленький пирамидон.

23 июля 1924

Париж

* * *

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А всё под сводом Прокураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив тувельки рядком,
Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И не без горечи сокрытой
Хожу и мыслью иногда,

Что Некто, мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда,

Нечаянно развеселится,
Весь мир улыбкой озаря,
На шаль красоты заглядится,
Забудется, как нынче я, —

И всё исчезнет невозвратно
Не в очистительном огне,
А просто — в легкой и приятной
Венецианской болтовне.

19–20 марта 1924

Венеция

СОРРЕНТИНСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Воспоминанье прихотливо
И непослушливо. Оно —
Как узловатая олива:
Никак, ничем не стеснено.
Свои причудливые ветви
Узлами диких соответствий
Нерасторжимо заплетет —
И так живет, и так растет.

Порой фотограф-ротозей
Забудет снимкам счет и пленкам
И снимет парочку друзей,
На Капри, с беленьким козленком, —
И тут же, пленки не сменив,
Запечатлеет он залив
За пароходную кормою
И закопченную трубу
С косою дымною на лбу.
Так сделал нынешней зимою
Один приятель мой. Пред ним

Смешались воды, люди, дым
На негативе помутнелом.
Его знакомый легким телом
Полупрозрачно заслонял
Черты скалистых исполинов,
А козлик, ноги в небо вскинув,
Везувий рожками бодал..
Хоть я и не люблю козляток
(Ни итальянских пикников) —
Двух совместившихся миров
Мне полюбился отпечаток:
В себе виденья затая,
Так протекает жизнь моя.

*

Я вижу скалы и агавы,
А в них, сквозь них и между них —
Домишко низкий и плюгавый,
Обитель прачек и портных.
И как ни отвожу я взора,
Он всё маячит предо мной,
Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой.
И на зеленый, величавый
Амальфитанский перевал
Он жалкой тенью набежал,
Стопою нищенскою стал
На пласт окаменелой лавы.

Раскрыта дверь в полуподвал,
И в сокрушении глубоком
Четыре прачки, полубоком,
Вносят из сеней во двор
На полотенцах гроб дощатый,
В гробу — Савельев, полотер.
На нем — потертый, полосатый
Пиджак. Икона на груди
Под бородою рыжеватой.

«Ну, Ольга, полно. Выходи».
И Ольга, прачка, за перила
Хватаясь крепкою рукой,
Выходит. И заголосила.
И тронулись под женский вой
Неспешно со двора долой.
И сквозь колючие агавы
Они выходят из ворот,
И полотера лоб курчавый
В лазурном воздухе плывет.
И, от мечты не отрываясь,
Я сам, в оливковом саду,
За смутным шествием иду,
О чуждый камень спотыкаясь.

*

Мотоциклетка стрекотнула
И сорвалась. Затрепетал
Прожектор по уступам скал,
И отзвук рокота и гула
За нами следом побежал.
Сорренто спит в сырых громадах.
Мы шумно ворвались туда
И стали. Слышно, как вода
В далеких плещет водопадах.
В Страстную Пятницу всегда
На глаз приметно мир пустеет,
Айдесский, древний ветер веет,
И ущербляется луна.
Сегодня в облаках она.
Тускнеют улицы сырые.
Одна ночная остерия
Огнями желтыми горит.
Ее взлохмаченный хозяин,
Облокотившись, полуспит.
А между тем уже с окраин
Глухое пение летит,
И озаряется свечами

Кривая улица вдали;
Как черный парус, меж домами
Большое знамя пронесли
С тяжеловесными кистями;
И чтобы видеть мы могли
Воочию всю ту седмицу,
Пронесят плеть, и багряницу,
Терновый скорченный венок,
Гвоздей заржавленных пучок,
И лестницу, и молоток.

Но пенье ближе и слышнее.
Толпа колышется, чернея,
А над толпою лишь Она,
Кольцом огней озарена,
В шелках и розах утопая,
С недвижной благостью в лице,
В недостижимом венце,
Плывет, высокая, прямая,
Ладонь к ладони прижимая,
И держит ручкой восковой
Для слез платочек кружевной.
Но жалкою людскою дрожью
Не дрогнут ясные черты.
Не оттого ль к Ее подножью
Летят молитвы и мечты,
Любви кощунственные розы
И от великой полноты —
Сладчайшие людские слезы?
К порогу вышел своему
Седой хозяин остерии.
Он улыбается Марии.
Мария! Улыбнись ему!

Но мимо: уж Она в соборе
В снопах огней, в гремящем хоре.
Над поредевшей толпой
Порхает отсвет голубой.
Яснее проступают лица,

Как бы напудрены зарей.
Над островерхою горой
Переливается Денница...

*

Мотоциклетка под скалой
Летит извилистым полетом,
И с каждым новым поворотом
Залив просторней предо мной.
Горя зарей и ветром вея,
Он всё волшебней, всё живее.
Когда несемся мы правее,
Бегут налево берега,
Мы повернем — и величаво
Их позлащенная дуга
Начнет разворачиваться вправо.
В тумане Прочида лежит,
Везувий к северу дымит.
Запятнан площадною славой,
Он всё торжествен и велик
В своей хламиде темно-ржавой,
Сто раз прожженной и дырявой.
Но вот — румяный луч проник
Сквозь отдаленные туманы.
Встает Неаполь из паров,
И заиграл огонь стеклянный
Береговых его домов.

Я вижу светлые просторы,
Плывут сады, поляны, горы,
А в них, сквозь них и между них —
Опять, как на неверном снимке,
Весь в очертаниях сквозных,
Как был тогда, в студеной дымке,
В ноябрьской утренней заре,
На восьмигранном острие
Золотокрылый ангел розов
И неподвижен — а над ним

Вороньи стаи, дым морозов,
Давно рассеявшийся дым.
И, отражен кастелламарской
Зеленоватою волной,
Огромный страж России царской
Вниз опрокинут головой.
Так отражался он Невой,
Зловещий, огненный и мрачный,
Таким явился предо мной —
Ошибка пленки неудачной.

Воспоминанье прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же дико и темно
И так же, вероятно, лживо...
Среди каких утрат, забот,
И после скольких эпитафий,
Теперь, воздушная, всплывет
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фотографий?

5 марта 1925, Sorrento

27 февраля 1926, Chaville

ИЗ ДНЕВНИКА

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша
Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвращеньем, то восторгом?

Непостижимостей свинец
Всё толще над мечтой понурой, —
Вот и дуреешь наконец,
Как любознательный кузнец
Над просветительной брошюрой.

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобий,
И мягкой вечностью опять
Обволокнуться, как утробой.

1–2 сентября 1925

Meudon

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Nel mezzo del cammin di nostra vita¹.

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал пруть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

¹ На середине пути нашей жизни (*ит.*).

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

18–23 июля 1924

Париж

ОКНА ВО ДВОР

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

.....

Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

.....

Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо, —
И, честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

.....

Отец уж надел котелок и пальто,
Но вернулся, бледный как труп:
— Сейчас же отшлепать мальчишку за то,
Что не любит луковый суп!

.....

Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,
Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по лестнице гость.

.....

Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.

.....
Что верно, то верно! Нельзя же силком
Девчонку тащить на кровать!
Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...

.....
Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать нелегко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

.....
16–21 мая 1924

Париж

БЕДНЫЕ РИФМЫ

Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой
Над бокалом, обнявшись, дремать,

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так, —

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиреньи таком

Пузырьки только могут в сифоне —
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.

2 октября 1926

Париж

* * *

Сквозь ненастный зимний денек —
У него сундук, у нее мешок —

По паркету парижских луж
Ковыляют жена и муж.

Я за ними долго шагал,
И пришли они на вокзал.
Жена молчала, и муж молчал.

И о чем говорить, мой друг?
У нее мешок, у него сундук...
С каблуком топотал каблук.

Январь 1927

БАЛЛАДА

Мне невозможно быть собой,
Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Идет безрукий в синема.

Мне лиру ангел подает,
Мне мир прозрачен, как стекло, —
А он сейчас разинет рот
Пред идиотствами Шарло.

За что свой незаметный век
Влачит в неравенстве таком

Беззлобный, смиренный человек
С опустошенным рукавом?

Мне хочется сойти с ума,
Когда с беременной женой
Безрукий прочь из синема
Идет по улице домой.

Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода

Взлетают в городскую высь.
Так с венецианских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей.

Тогда, прилично шляпу сняв,
К безрукому я подхожу,
Тихонько трогаю рукав
И речь такую завожу:

«Pardon, monsieur, когда в аду
За жизнь надменную мою
Я казнь достойную найду,
А вы с супругою в раю

Спокойно будете витать,
Юдоль земную созерцать,
Напевы дивные внимать,
Крылами белыми сиять, —

Тогда с прохладнейших высот
Мне сбросьте перышко одно:
Пускай снежинкой упадет
На грудь спаленную оно».

Стоит безрукий предо мной
И улыбается слегка
И удаляется с женой,
Не приподнявши котелка.

Париж, июнь — 17 августа 1925
Meudon

ДЖОН БОТТОМ

1

Джон Боттом славный был портной,
Его весь Рэстон знал.
Кроил он складно, прочно шил
И дорого не брал.

2

В опрятном домике он жил
С любимой женой
И то иглой, то утюгом
Работал день-деньской.

3

Заказы Боттому несли
Порой издалека.
Была привинчена к дверям
Чугунная рука.

4

Тук-тук — заказчик постучит,
Откроет Мэри дверь, —
Бери-ка, Боттом, карандаш,
Записывай да мерь.

5

Но раз... Иль это только так
Почудилось слегка? —
Как будто стукнула сильней
Чугунная рука.

6

Проклятье вечное тебе,
Четырнадцатый год!..
Потом и Боттому пришел,
Как всем другим, черед.

7

И с верной Мэри целый день
Прощался верный Джон
И целый день на домик свой
Глядел со всех сторон.

8

И Мэри так ему мила,
И домик так хорош,
Да что тут делать? Всё равно:
С собой не заберешь.

9

Взял Боттом карточку жены
Да прядь ее волос,
И через день на континент
Его корабль увез.

10

Сражался храбро Джон, как все,
Как долг и честь велят,

А в ночь на третье февраля
 Попал в него снаряд.

11

Осколок грудь ему пробил,
 Он умер в ту же ночь,
И руку правую его
 Снесло снарядом прочь.

12

Германцы, выбив наших вон,
 Нахлынули в окоп,
И Джона утром унесли
 И положили в гроб.

13

И руку мертвую нашли
 Оттуда за версту
И положили на груди...
 Одна беда — не ту.

14

Рука-то плотничья была,
 В мозолях. Бедный Джон!
В такой руке держать иглу
 Никак не смог бы он.

15

И возмутилася тогда
 Его душа в раю:
«К чему мне плотничья рука?
 Отдайте мне мою!

Я ею двадцать лет кроил
 И на любой фасон!
 На ней колечко с бирюзой,
 Я без нее не Джон!

Пускай я грешник и злодей,
 А плотник был святой,
 Но невозможно мне никак
 Лежать с его рукой!»

Так на блаженных высотах
 Всё сокрушался Джон,
 Но хором ангельской хвалы
 Был голос заглушен.

А между тем его жене
 Полковник написал,
 Что Джон сражался как герой
 И без вести пропал.

Два года плакала вдова:
 «О Джон, мой милый Джон!
 Мне и могилы не найти,
 Где прах твой погребен!..»

Ослабли немцы наконец.
 Их били мы, как моль.

И вот — Версальский, строгий мир
Им прописал король.

22

А к той могиле, где лежал
Неведомый герой,
Однажды маршалы пришли
Нарядною толпой.

23

И вырыт был достойный Джон,
И в Лондон отвезен,
И под салют, под шум знамен
В аббатстве погребен.

24

И сам король за гробом шел,
И плакал весь народ.
И подивился Джон с небес
На весь такой почет.

25

И даже участью своей
Гордиться стал слегка.
Одно печалило его,
Одна беда — рука!

26

Рука-то плотничья была,
В мозолях... Бедный Джон!
В такой руке держать иглу
Никак не смог бы он.

И много скорбных матерей
 И много верных жен
 К его могиле каждый день
 Ходили на поклон.

И только Мэри нет как нет.
 Проходит круглый год —
 В далеком Рэстоне она
 Всё так же слезы льет:

«Покинул Мэри ты свою,
 О Джон, жестокий Джон!
 Ах, и могилы не найти,
 Где прах твой погребен!»

Ее соседи в Лондон шлют,
 В аббатство, где один
 Лежит, безвестный, общий всем
 Отец, и муж, и сын.

Но плачет Мэри: «Не хочу!
 Я Джону лишь верна!
 К чему мне общий и ничей?
 Я Джонова жена!»

Всё это видел Джон с небес
 И возроптал опять.

И пред апостолом Петром
Решился он предстать.

33

И так сказал: «Апостол Петр,
Слыхал я стороной,
Что сходят мертвые к живым
Полночною порой.

34

Так приоткрой свои врата,
Дай мне хоть как-нибудь
Явиться призраком жене
И только ей шепнуть,

35

Что это я, что это я,
Не кто-нибудь, а Джон
Под безымянною плитой
В аббатстве погребен.

36

Что это я, что это я
Лежу в гробу глухом —
Со мной постылая рука,
Земля во рту моем».

37

Ключи встряхнул апостол Петр
И строго молвил так:
«То — души грешные. Тебе ж —
Никак нельзя, никак».

И молча, с дикою тоской
 Пошел Джон Боттом прочь,
 И всё томится он с тех пор,
 И рай ему невмочь.

В селеньи света дух его
 Суров и омрачен,
 И на торжественный свой гроб
 Смотреть не хочет он.

9 марта — 19 мая 1926
Париж

ЗВЕЗДЫ

Вверху — грошовый дом свиданий.
 Внизу — в грошовом «Казино»
 Расселись зрители. Темно.
 Пора щипков и ожиданий.
 Тот захихикал, тот зевнул...
 Но неудачник облыселей
 Высоко палочкой взмахнул.
 Открылись темные пределы,
 И вот — сквозь дым табачных туч —
 Проектора зеленый луч.
 На авансцене, в полумраке,
 Раскрыв золотозубый рот,
 Румяный хахаль в шапокляке
 О звездах песенку поет.
 И под двуспальные напевы
 На полинялый небосвод
 Ведут сомнительные девы
 Свой непотребный хоровод.
 Сквозь облака, по сферам райским

(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная Звезда.
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей.
И, до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносится перед толпой.
Глядят солдаты и портные
На рассусаленный сумбур,
Играют сгустки жировые
На бедрах *Étoile d'amour*¹,
Несутся звезды в пляске, в тряске,
Звучит оркестр, поет дурак,
Летят алмазные подвязки
Из мрака в свет, из света в мрак.
И заходя в дыру всё ту же,
И восходя на небосклон, —
Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвертый отражен!..
Не легкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой.

23 сентября 1925, Париж

19 октября 1925, *Chaville*

¹ Звезды любви (*фр.*).

**НЕ СОБРАННОЕ
В КНИГИ**

ОСЕННИЕ СУМЕРКИ

На город упали туманы
Холодную, белой фатой,
Возникли немые обманы
Далекой, чужой чередой.

Как улиц ущелья глубоки!
Как сдвинулись стены тесней!
Во мгле — потускневшие строки
Бегущих за дымкой огней.

Огни наливаются кровью, —
Багровые светят глаза...
Один я... Со злобой, с любовью.
Ушли навсегда небеса.

2 декабря 1904

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Сумерки снежные. Дали туманные.
Крыши гребнями бегут.
Тучки закатные, розово-странные
Цепью волнистой плывут.

Тихо, так тихо, и грустно, и сладостно...
В окнах мерцают огни.

Звон колокольный разносится благостно.
Плачу, что люди — одни.

Вечно одни, с надоевшими муками, —
Я, и другие, как тот,
Кто, зачарованный грустными звуками,
Там, за стеною, поет...

5 ноября 1904

* * *

Схватил я дымный факел мой,
Бежал по городу бездумно,
И искры огненной струей
За мною сыпались бесшумно.

Мелькал по темным площадям,
Стучал по звонким серым плитам,
Бежал к далеким фонарям,
Струистым отблеском повитым.

И я дробил глухую тишь,
И в уши мне врывался ветер...
— Ты, город черный, мертво спишь,
А я живу — последний вечер. —

Бегу туда, за твой предел,
К пустым полям и чахлым травам,
Где мглистый воздух онемел
Под лунным отблеском кровавым.

Я всколыхну речной покой,
С разбега прыгну в глубь немую.
Сомкнутся волны надо мной,
И факел мой потушат струи...

И тихо факел поплывет,
Холодный, черный, обгорелый.

Его волна к земле прибьет...
Его омоет пеной белой...

7 ноября 1904

ОТШЕЛЬНИК

Горьки думы о земном,
О потерянном Великом.
Робко шепчут о ином
Три свечи пред темным ликом.

Смутно плачет о больном
Безотрадный вой метели.
Навсегда забыться сном
В тишине безмолвных келий!

За решетчатым окном —
Занесенный снегом ельник.
О спасении земном
Помолюсь и я, отшельник.

29 апреля 1905

Лидино

ЗИМОЙ

День морозно-золотистый
Сети тонкие расставил,
А в дали, пурпурно-мгlistой,
Кто-то медь ковал и плавил.

Кто-то золотом сусальным
Облепил кресты и крыши.
Тихий ветер дымам дальним
Приказал завиться выше.

К сизым кольцам взоры вскинем.
Мир печалью светлой болен...
Стынет в небе ярко-синем
Строй прозрачных колоколен.

4–7 декабря 1906
Москва

ДОМА

От скуки скромно вывожу крючочки
По гладкой, белой, по пустой бумаге:
Круги, штрихи, потом черчу зигзаги,
Потом идут рифмованные строчки...

Пишу стихи. Они слегка унылы.
Едва кольнув, слова покорно меркнут,
И, может быть, уже навек отвергнут
Жестокий взгляд, когда-то сердцу милый?

А если снова, под густой вуалью,
Она придет и в двери постучится,
Как сладко будет спящим притвориться
И мирных дней не уязвить печалью!

Она у двери постоит немного,
Нетерпеливо прозвенит браслетом,
Потом уйдет. И что сказать об этом?
Продлятся дни, безбольно и нестрого!

Стихи, давно забытые, — исправлю,
Все дни часами равными размерю,
И никакой надежде не поверю,
И никакого бога не прославлю.

16–17 января 1908
Москва

МЫШЬ

Маленькая, тихонькая мышь,
Серенький, веселенький зверок!
Глазками давно уже следишь,
В сердце не готов ли уголок.

Здравствуй, терпеливая моя,
Здравствуй, неизменная любовь!
Зубок изостренные края
Радостному сердцу приготовь.

В сердце поселяйся наконец,
Тихонький, послушливый зверок!
Сердцу истомленному венец —
Бархатный, горяченький комок.

8–10 февраля 1908

Москва

ВЕСЕННИЙ РАССКАЗ

Не знаю, ночь ли их свела,
Любовь ли резвая приспела,
Она простую песню спела —
И страсть увенчана была.

Благословенны — в ночи темной
Внезапный взгляд, намек, мольба,
Любви притворная борьба
И сучьев шорох вероломный!

Благословенны — стыд, и страсть,
И вскрик, ничем не заглушенный,
И неизбежной, непреклонной
Истомы роковая власть!..

Всё так же было ночью этой.
Свершились ласки — и опять
Со лба спадающую прядь
Он отстранил рукой вздетой.

Еще спокойней и верней
Она оборки оправляла, —
И двигал ветер опахало
Зеленолистное над ней.

А там, вверху, свой лист широкий
Крутил посеребрённый клен
Да — злобой поздней уязвлен —
Склонялся месяц кривобокий.

25–27–29 февраля 1908
Москва

ПРОЩАНИЕ

Итак, прощай. Холодный пал туман.
Горит луна. Ты, как всегда, прекрасна.
В осенний вечер кто не Дон-Жуан? —
Шучу с тобой небрежно и опасно.

Итак, прощай. Ты хмуришься напрасно:
Волен шутить, в чьем сердце столько ран.
И в бурю весел храбрый капитан.
И только трупы шутят неопасно.

Страстей и чувств нестрогий господин,
Я всё забыл, всё легкой шуткой стало,
Мне только мил в кольце твоём рубин...

Горит туман отливами опала,
Стоит луна, как желтый георгин.
Прощай, прощай!.. Ты что-то мне сказала?

4–7 августа 1908
Гиреево

ПЕСНЯ

«Опрозраченный месяц повис на ветвях,
Опустив потухающий взор.
Проступает заря в небесах,
Запеваet свирель среди гор.
Опечаленный рыцарь летит на коне,
Огибает высокий утес
И рыдает о грустной весне
Над букетом серебряных роз.
Под стремительный топот копыт
Он роняет из рук поводa, —
И летит, и летит, и летит,
И кому-то кричит: навсегда!
И туманится замок вдали,
И чуть слышно доспехи звенят...
О, прощальный, взывающий взгляд!
О, предутренний холод земли!»

*

Ты прослушала песню мою,
Но печалью себя не тревожь:
Не о рыцаре песню пою,
Рыцарь — только священная ложь,
Лишь молитва моя о любви, о судьбе,
Чтобы в сердце сошла благодать,
Оттого что нет слов рассказать о тебе,
Оттого что нет сил промолчать.

1910

ВЕСНА

Весело чижик поет
В маленькой ивовой клетке.
Снова весна наступает,
Бойко судачат соседки:

«Нет, не уйдешь от судьбы:
Всё дорожает картофель!..»

Вон — трубочист из трубы
Кажет курносый свой профиль...

К шляпе приделав султан,
В память былого, от скуки,
Учит старик Иоганн
Деток военной науке.

Плещется флаг голубой,
Кто-то свистит на кларнете...
Боже мой, Боже Ты мой, —
Сколько веселья на свете!

Январь 1914

СЕРЕНАДА

Надпись к силуэту

Счастливая примета:
Направо лунный глаз.
О, милая Нанета!
Приди послушать нас!

Сиренью томно вея,
Туманит нас весна.
О, выгляни скорее
Из узкого окна!

Пускай полоска света
На камни упадет
И милая Нанета
По лесенке сойдет.

Пусть каждому приколет
Желтофиоль на грудь
И каждому позволит
Вздохнуть о чем-нибудь.

Январь 1914

НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

Подражание Брюсову

Падучие звезды бесследно
Сгорали, как звезды ракет,
А я, исцелованный, бледный,
Сидел у тебя на балконе.
В небесном предутреннем склоне
Мерцал полупризрачный свет.

Внизу запоздалым напевом
Гудел громыхающий трам...
Юпитер склонялся налево, —
И были мучительно грубы
Твои исхищенные губы
Моим безучастным губам.

Потом я ушел. По асфальту
Шаги, как упрек, раздались,
А в сердце бесследно сгорали
Томления страсти бессонной,
И ты мне кричала с балкона:
«Мне хочется броситься вниз!»

Март 1914

ВЕСНОЙ

В грохоте улицы, в яростном вопле вагонов,
В скрежете конских, отточенных остро подков
Сердце закружено, словно челнок Арионов,
Сердце недвижно, как месяц среди облаков.
Возле стены попрошайка лепечет неясно,
Гулкие льдины по трубам срываются с крыш...
Как шаровидная молния, сердце опасно —
И осторожно, и зорко, и тихо, как мышь.

Март 1914

* * *

«Вот в этом палаццо жила Дездемона...»
Всё это неправда, но стыдно смеяться.
Смотри, как стоят за колонной колонна
Вот в этом палаццо.

Вдали затихает вечерняя Пьяцца,
Беззвучно вращается свод небосклона,
Расшитый звездами, как шапка паяца.

Минувшее — мальчик, упавший с балкона...
Того, что настанет, не нужно касаться...
Быть может, и правда — жила Дездемона
Вот в этом палаццо?..

5 мая 1914

* * *

На мостках полусгнившей купальни
Мы стояли. Плясал поплавок.
В предрассветной прохладе ты крепче
На груди запахла платок.

Говорить — это значило б только
Распугать непоймавшихся рыб...
Неподвижен был удочек наших
Камышовый, японский изгиб.

Но когда на подпернутой леске,
Серебрясь, трепетала плотва, —
И тогда, и тогда не годились
Никакие былые слова.

В заозерной березовой роще
Равномерно стучал дровосек...
Но ведь это же было прощанье?
Это мы расходились — навек?

16 мая 1914

Томилино

ИЗ МЫШИНЫХ СТИХОВ

У людей война. Но к нам в подполье
Не дойдет ее кровавый шум.
В нашем круте — вечно богомолье,
В нашем мире — тихое раздолье
Благодатных и смиренных дум.

Я с последней мышью полевою
Вечно брат. Чужда для нас война, —
Но Господь да будет над тобою,
Снежная, суровая страна!

За Россию в день великой битвы
К небу возношу неслышный стих:
Может быть, мышинные молитвы
Господу любезнее других...

Франция! Среди твоей природы
Свищет меч, лозу твою губя.
Колыбель возлюбленной свободы!
Тот не мышь, кто не любил тебя!

День и ночь под звон машинной стали,
Бельгия, как мышь, трудилась ты, —
И тебя, подруга, растерзали
Швабские усатые коты...

Ах, у вас война! Взметает порох
Яростный и смертоносный газ,
А в подпольных, потаенных норах
Горький трепет, богомольный шорох
И свеча, зажженная за вас.

*17 сентября 1914
Москва*

* * *

Аглае

На этих прочтенных страницах
Рассказано было
О феях, принцессах и птицах
Так нежно, так мило...

Но мы ведь не феи, Аглая?
К чему же нам сказки
Дочитывать нужно, зевая,
До самой развязки?

К чему нам огромные томы?
Ведь в книгах поэтов
Ни нашей любви не найдем мы,
Ни наших портретов?..

19 сентября 1914

* * *

На новом, радостном пути,
Поляк, не унижай еврея!
Ты был, как он, ты стал сильнее, —
Свое минувшее в нем чти.

<1915>

НА ПАСХЕ

Отрывок из повести

Пасха не рано была в тот год. В сребророзовой дымке
Веяла томно весна по лесам, и полям, и болотам.
Только в ложбинах лежали пласты почернелого снега.
Там, где просохло, рыжела трава прошлогодняя...

Брось-ка

Искру в иссохшую траву: и взору, и сердцу отрада!

Мигом огонь полыхнет, побежит, зазмеится, завьется;
Синий, прозрачный дымок от земли подымет к небу;
В синем, прозрачном дымке замелькает серебряный месяц
Узким, холодным серпом, а немного левее — Венера
Вспыхнет и взором зеленым заглянет в самое сердце...
Траву сухую сожги, весне помогая и смерти,
Только успевай затоптать огонь, а не то подберется
К самым сараям, конюшням... Беда!.. Уж и так от работы
Люд православный совсем отстал за Святую седмицу.
Всю-то неделю гулял он, водил хороводы, да песни
Пел, да с большой колокольни долдонил целыми днями...
В толстой церковной стене крутая лестница вьется.
Сорок истертых ступеней из мрака выводят на воздух.
Сорок ступеней пройди — и звони над весенним раздольем,
Радуйся вольному ветру да глохни от медного рева!
Редкий мужик не сходил позвонить на пасхальной неделе,
Разве что самый больной да столетний Димитрий, который
Шведа под Нарвою бил. А все другие ходили.
Даже Андреич, бурмистр, и тот, несмотря на дородность,
На колокольню взобрался и, на руки плюнув трикратно,
Крепко взялся за веревки — и бум, бум, бум — в самый тяжелый
Колокол грянул. Но скоро устал и долой с колокольни,
Пот утирая, пошел. Казачок же господский Никитка,
Свечку подняв высоко, спускался за ним осторожно.
Даже мусью де-ла-Рош пришел с молодыми князьями,
С Павлом Андреичем да Николаем Андреичем. Сам-то
Взлезть он не мог, но князей отпустил. Расставивши ноги
В шелковых черных чулках и сняв треуголку, закинул
Голову кверху француз — и видел зеленое небо,
Синюю маковку церкви, Венеру, встающую слева, —
И непостижнюю грустью сжималось дряхлое сердце.
Но отзвонили князья; сойдя с колокольни, обедать
К барскому дому бегут сырыми дорожками парка;
Молча за ними бредет француз, опираясь на палку,
Пруд небольшой огибая — и видя: на острове круглом
Мраморный белый Амур свой мраморный лук напрягает,
В предвечернюю синь вонзив позлащенную стрелку...

1917

* * *

Черные тучи проносятся мимо
Сёл, нив, роц.
Вот потемнело, и пыль закрутилась, —
Гром, блеск, дождь.

Соснам и совам — потеха ночная:
Визг, вой, свист.
Ты же, светляк, свой зеленый фонарик
Спрячь, друг, в лист.

1920, Москва

18 ноября 1922, Saarow

* * *

Трудолюбивую пчелой,
Звеня и рокоча, как лира,
Ты, мысль, повисла в зное мира
Над вечной розою — душой.

К ревнивой чашечке ее
С пытливой дрожью святотатца
Прильнула — вщупаться, всосаться
В таинственное бытие.

Срываешься вниз головой
В благоухающие бездны —
И вновь выходишь в мир подзвездный,
Запорошенная пыльцой.

И в свой причудливый киоск
Летишь назад, полухмельная,
Отягощаясь, накопляя
И людям — мед, и Богу — воск.

5 февраля 1923

Saarow

Сквозь облака фабричной гари
Грозя костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружа,
Упрямый, но неосторожный,
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, не борьбою партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Всё вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят: историк и поэт.

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они.
Разочарованные Музы
Припомнили им эти дни —

И ныне, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить,
Два: побежденных не жалеть.

4 октября 1922, Берлин
11 февраля 1923, Saarow

СЕБЕ

Не жди, не уповай, не верь:
Всё то же будет, что теперь.
Глаза усталые смежи,
В стихах, пожалуй, ворожи,
Но помни, что придет пора, —
И шею брей для топора.

23 апреля 1923

Saarow

* * *

Доволен я своей судьбой.
Всё — явь, мне ничего не снится.
Лесок сосновый, молодой;
Бежит бесенок предо мной;
То хрустнет веточкой сухой,
То хлюпнет в лужице копытце.
Смолой попахивает лес,
Русак перебежал поляну.
Оглядывается мой бес.
«Не бойся, глупый, не отстану:
Вот так на дружеской ноге
Придем и к бабушке-Яге.
Нам наварит она кашицы,
Подаст испить своей водицы,
Положит спать на сеновал.
И долго, долго жить мы будем,
И скоро, скоро позабудем,
Когда и кто к кому пристал
И кто кого сюда зазвал».

10 июня 1923

Saarow

РОМАНС

«В голубом эфира поле
Ходит Веспер золотой.
Старый Дождь плывет в гондоле
С Догарессой молодой.

Догаресса молодая»
На супруга не глядит,
Белой грудью не вздыхая,
Ничего не говорит.

Тяжко долгое молчанье.
Но, осмелясь наконец,
Про высокое преданье
Запевает им гребец.

И под Тассову октаву
Старец сызнова живет,
И супругу он по праву
Томно за руку берет.

Но супруга молодая
В море дальное глядит.
Не ропща и не вздыхая,
Ничего не говорит.

Охлаждаясь поневоле,
Дождь поникнул головой.
Ночь тиха. В небесном поле
Ходит Веспер золотой.

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указывает
Возвращаться ко дворцу.

20 марта 1924
Венеция

Пока душа в порыве юном,
Ее безгрешно обнажи,
Бесстрашно вверх болтливым струнам
Ее святые мятежи.

Будь нетерпим и ненавистен,
Провозглашая и трубя
Завоеванья новых истин, —
Они ведь новы для тебя.

Потом, когда в своем наитьи
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

Твори уверенно и стройно,
Слова послушливые гни
И мир, обдуманый спокойно,
Благослови иль прокляни.

А под конец узнай, как чудно
Всё вдруг по-новому понять,
Как упоительно и трудно,
Привыкши к слову, — замолчать.

22 августа 1924

Hollywood

ПЕСНЯ ТУРКА

Прислали мне кинжал, шнурок
И белый, белый порошок.
 Как умереть? Не знаю.
Я жить хочу — и умираю.

Не надеваю я шнурка,
Не принимаю порошка,
Кинжала не вонзаю, —
От горести я умираю.

8 сентября 1924
Hollywood

СОРРЕНТИНСКИЕ ЗАМЕТКИ

1

ВОДОПАД

Там, над отвесною громадой,
Начав разбег на вышине,
Шумы, поток, играй и прядай,
Скача уступами ко мне.

Повисни в радугах искристых,
Ударься мощною струей
И снова в недрах каменистых
Кипенье тайное сокрой.

Лети с неудержимой силой,
Чтобы корыстная рука
Струи полезной не схватила
В долбленный кузов черпака.

16 февраля 1925
Сорренто

2

ПАН

Смотря на эти скалы, гроты,
Вскипанье волн, созвездий бег,
Забывать убогие заботы
Извечно жаждет человек.

Но диким ужасом вселенной
Хохочет козлоногий бог,
И, потрясенная, мгновенно
Душа замрет. Не будь же строг,

Когда под кровлю ресторана,
Подавлена, угнетена,
От ею вызванного Пана
Бегом спасается она.

18 октября 1924

Сорренто

3

АФРОДИТА

Сирокко, ветер невеселый,
Всё вымел начисто во мне.
Теперь мне шел бы череп голый
Да горб высокий на спине.

Он сразу многое бы придал
Нам с Афродитой, двоим,
Когда, обнявшись, я и идол,
Под апельсинами стоим.

Март 1925

Сорренто

* * *

Von allen säubr'ich diesen Ort,
Sie müssen miteinander fort.

*Goethe*¹

Я сердцеед, шутник, игрок,
Везде слыву рубахой-парнем,

¹ Я очищаю это место от всего — / Вы должны его покинуть. *Гёте (нем.)*.

Но от меня великий прок
Амбарам, лавкам и пекарням.
Со мной встречаясь, рад не рад,
Снимает шляпу магистрат.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс на дудочку ловлю.

За буйный нрав меня не раз
Из королевства изгоняли,
Но приходил, однако, час —
Назад с поклоном приглашали:
Один искусный крысолов
Ученых стоит ста голов.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Он служит службу королю.

Я зверю бедному сулю
В стране волшебной новоселье,
И слушать песенку мою —
Неотразимое веселье.
Я крыс по городу веду
И сам танцую на ходу.
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Я крыс по-своему люблю.

Веду крысиный хоровод
В страну мечтаний, прямо, прямо, —
Туда, где за городом ждет
Глубоко вырытая яма...
Но с дурами в готовый ров
Не прыгнет умный крысолов:
Тир-лир-лир-лир-лир-люр-люр-лю —
Еще он нужен королю.

<1926>

НОЧЬ

Измученные ангелы мои!
Сопутники в большом и малом!
Сквозь дождь и мрак, по дьявольским кварталам
Я загонял вас. Вот они,

Мои вертепы и трущобы!
О, я не знаю устали, когда
Схожу, никем не знаемый, сюда,
В теснины мерзости и злобы.

Когда в душе всё чистое мертво,
Здесь, где разит скотством и тленьем,
Живит меня заклятым вдохновеньем
Дыханье века моего.

Я здесь учусь ужасному веселью:
Постылый звук тех песен обретать,
Которых никогда и никакая мать
Не пропоет над колыбелью.

11 октября 1927
Париж

ГРАММОФОН

Ребенок спал, покуда граммофон
Всё надрывался «Травиатой».
Под вопль и скрип какой дурманный сон
Вонзался в мозг его разъятый?

Внезапно мать мембрану подняла —
Сон сорвался, дитя проснулось,
Оно кричит. Из темного угла
Вся тишина в него метнулась...

О, наших бедных душ не потрясай
Твоею тишиною грозной!
Мы молимся — Ты сна не прерывай
Для вечной ночи, слишком звездной.

6 декабря 1927
Париж

СКАЛА

Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
Друзья погибших лет!

Быть может, умер я, быть может —
Заброшен в новый век,
А тот, который с вами прожит,
Был только волн разбег,

И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив, —
И видится издалека мне,
Как вас несет отлив.

14 декабря 1927
Париж

ДАКТИЛИ

1

Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго,
Бруни его обучал мягкою кистью водить.
Там, где фиванские сфинксы друг другу в глаза загляделись,
В летнем пальтишке зимой перебежал он Неву.
А на Литву возвратясь, веселый и нищий художник,
Много он там расписал польских и русских церквей.

2

Был мой отец шестипалым. Такими рождаются счастливыцы.
 Там, где груши стоят подле зеленой межи,
 Там, где Вилия в Неман лазурные воды уносит,
 В бедной, бедной семье встретил он счастье свое.
 В детстве я видел в комодке фату и туфельки мамы.
 Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!

3

Был мой отец шестипалым. Бывало, в сороку-ворону
 Станем играть вечерком, сев на любимый диван.
 Вот на отцовской руке старательно я загибаю
 Пальцы один за другим — пять. А шестой — это я.
 Шестеро было детей. И вправду: он тяжелой работой
 Тех пятерых прокормил — только меня не успел.

4

Был мой отец шестипалым. Как маленький лишний мизинец
 Прятать он ловко умел в левой зажатой руке,
 Так и в душе навсегда затаил незаметно, подспудно,
 Память о прошлом своем, скорбь о святом ремесле.
 Ставши купцом по нужде — никогда ни намеком, ни словом
 Не поминал, не роптал. Только любил помолчать.

5

Был мой отец шестипалым. В сухой и красивой ладони
 Сколько он красок и черт спрятал, зажал, затаил?
 Мир созерцает художник — и судит, и дерзкою волей,
 Демонской волей творца — свой созидает, иной.
 Он же очи смежил, муштабель и кисти оставил,
 Не созидал, не судил... Трудный и сладкий удел!

Был мой отец шестипалым. А сын? Ни смиренного сердца,
 Ни многодетной семьи, ни шестипалой руки
 Не унаследовал он. Как игрок на неверную карту,
 Ставит на слово, на звук — душу свою и судьбу...
 Ныне, в январьскую ночь, во хмелю, шестипалым размером
 И шестипалой строфой сын поминает отца.

Январь 1927 – 3 марта 1928

Париж

ПОХОРОНЫ

Сонет

Лоб —

Мел.

Бел

Гроб.

Спел

Поп.

Сноп

Стрел —

День

Свят!

Склеп

Слеп.

Тень —

В ад!

9 марта 1928

Париж

ВЕСЕЛЬЕ

Полузабытая отрада,
Ночной попойки благодать:
Хлебнешь — и ничего не надо,
Хлебнешь — и хочется опять.

И жизнь перед нетрезвым взглядом
Глубоко так обнажена,
Как эта гибкая спина
У женщины, сидящей рядом.

Я вижу тонкого хребта
Перебегающие звенья,
К ним припадаю на мгновенье —
И пудра мне пылит уста.

Смеется легкое созданье,
А мне отрадно сочетать
Неутешительное знанье
С блаженством ничего не знать.

25 марта — 28 октября 1928
Париж

Я

Когда меня пред Божий суд
На черных дрогах повезут,

Смутятся нищие сердца
При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит
И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
Воображаясь мертвецом,

Тогда пред стеклами витрин
Из вас, быть может, не один

Украдкой так же сложит рот,
И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный *тот*
На чудака не снизоидет.

Не отразит румяный лик,
Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещей бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою примету
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте ж мертвецу,
Как подражаете поэту.

10–11 мая 1928
Париж

К ЛИЛЕ С латинского

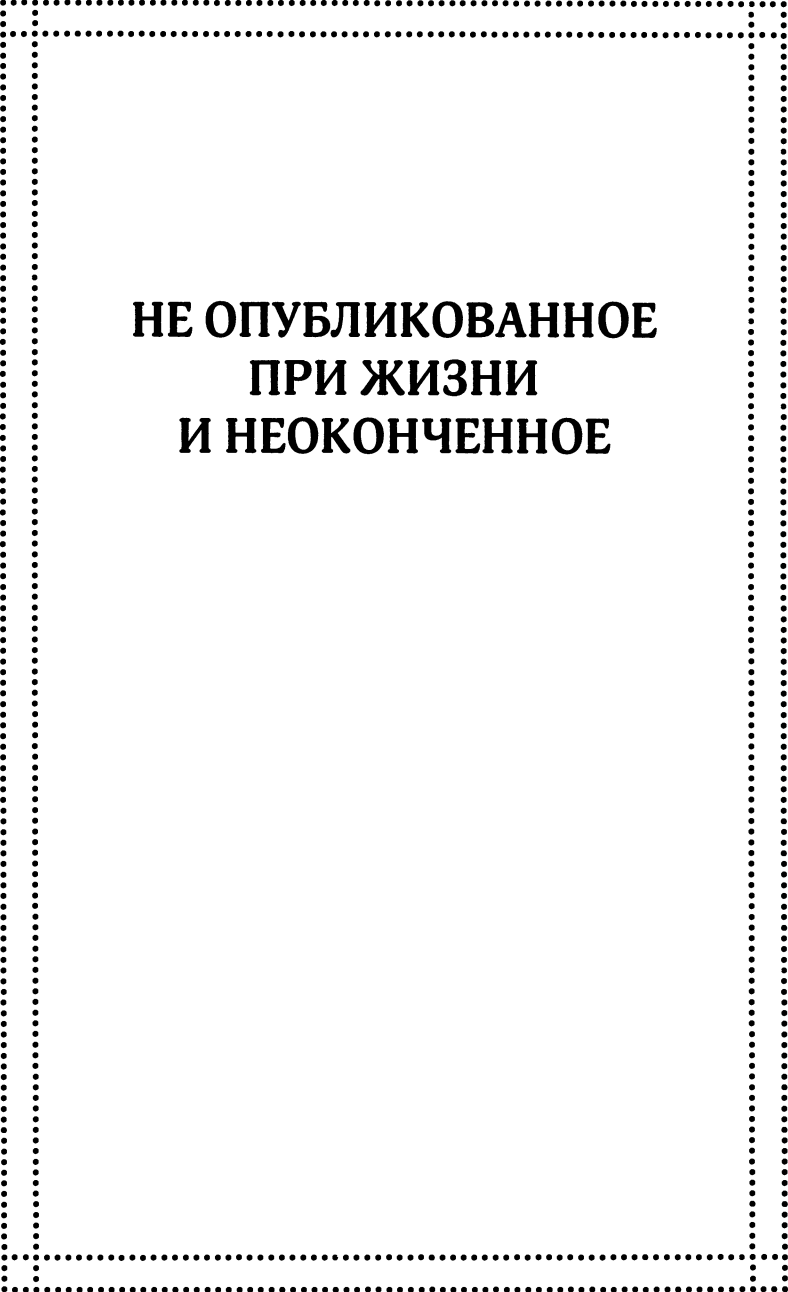
Скорее челюстью своей
Поднимет солнце муравей;
Скорей вода с огнем смешится;
Кентаврова скорее кровь
В бальзам целебный обратится, —
Чем наша кончится любовь.

Быть может, самый Рим прейдет;
Быть может, Тартар нам вернет
Невозвратимого Марона;
Быть может, там, среди облаков,
Над крепкой высью Пелиона,
И нет, и не было богов.

Всё допустимо, и во всём
Злым и властительным умом
Пора, быть может, усомниться,
Чтоб омертвелою душой
В беззвучный ужас погрузиться
И лиру растоптать пятой.

Но ты, о Лила, и тогда,
В те беспросветные года,
Своим единым появленьем
Мне мир откроешь прежний, наш, —
И сим отвергнутым виденьем
Опять залюбоваться дашь.

12 марта — 30 апреля 1929

**НЕ ОПУБЛИКОВАННОЕ
ПРИ ЖИЗНИ
И НЕОКОНЧЕННОЕ**

* * *

Я угасну... Я угасну...
Всё равно... Умру, уйду.
Я скитаюсь здесь напрасно.
Путь далек мне. Я пойду.

Небо низко. Ветер злобен.
Травы вялы. Пал туман.
Призрак счастья тускл и дробен.
Жизнь — томительный обман.

Вы — оставайтесь. Вам за мною
Не идти. Туман — глубок.
Я уйду, закроюсь мглою...
Путь неведом и далек...

30 октября 1904

* * *

Что-то нужно. Что-то нужно...
Я не знаю — что.
В темноте прижаться дружно?
Нет, не то, не то.

Знаю, там, за тесным кругом,
Что-то ждет меня.
Дух мой, дух мой, будь мне другом,
Дай огня, огня!

Где мы? Где мы? Мрак горячий
Мне спалил лицо...
Я ль, бессильный, я ль, незрячий,
Разомкну кольцо.

Я стою, во мраке скован.
Разорвите мглу!..
Я упал к своим оковам
На сыром полу.

4 ноября 1904

БАЛ

Г. Яrho

Я шел по скользкому паркету,
Вдыхал искусственность духов,
Искал «ее». Вон ту? Вот эту?
Не знаю. Думал, что цветов!

Искал — ее. Хотел — желанья.
Ненужной ласки. Новизны.
Быть может — муки ожиданья?
Не знаю сам. То были сны.

Я так устал, все были близки
И так доступны. Я устал.
Мои желанья были низки?
Не знаю. Пусть. Ведь это — бал.

9 ноября 1904

ПРОКЛЯТЫЙ

Проклятый кем-то, взрос я в зыбях
Мечты не знающей души.
В моих глазах, свинцово-рыбьих,
Залег туман речной глуши.

Смотрю без радости и гнева,
Не вижу я добра и зла,
Не слышу стройного напева,
Не ведаю — где свет, где мгла.

Когда смотрю в чужие очи, —
Боюсь огня сверкнувших дум...
И я бегу к покрову ночи...
Испуганный, дрожит мой ум.

16 ноября 1904

ПОСЛЕДНИЙ ГИМН

Живу последние мгновенья.
Безмирны<й> сон, последний сон.
Пою предсмертные моленья,
В душе растет победный звон.

Дрожа и плача, торжествуя,
Дошел до дальнего конца...
И умер я, и вновь живу я...
Прошел пустыни. Жду венца.

Развею стяг, мне данный Богом
Еще тогда, в неясный час,
Когда по облачным дорогам
Я шел и слышал вещей глас.

Я белый стяг окрасил кровью
И вот — принес его на Суд.

Крещенный злобой и любовью,
Я ввысь иду. Утес мой крут.

Взойду на кручи. Подо мною —
Клубится пена облаков.
Я над безвольностью земною
Восстану, просветлен и нов.

Тогда свершится Суд Последний...
На стяг прольются вновь лучи...
Вспою мой гимн еще победней,
Заблещут ангелов мечи.

И Он сойдет, и скажет слово,
И приобщит к Себе меня.
И всепрощения благого
Прольется песнь, светло звеня.

Мои скитанья и томленья
Потонут в низинах земли.
Свершится чудо Воскресенья...
Мой светлый дух! Живи! Внемли!

28 ноября 1904

ЧАСОВНЯ

В высокой башне — темных окон ряд.
В передраасветной мгле, туманным зимним утром,
Теряются верхушка и орел...
И лишь внизу, в окне, светло горят
В часовне, переливным перламутром,
Огни свечей — лучистый ореол.
Кругом, впотьмах, в чуть брезжащем рассвете,
Ползут немые тени, гаснут фонари...
В домах зажглись огни; дрожат и тухнут.
Зеванье слышно в утреннем привете...
Так медленны движенья... ждут зари.

И стены призрачны. Как будто скоро рухнут.
Невнятный стук дверей издалека —
И из домов выходят люди. Взор кидают
Вокруг, на небо. Крестятся. Бредут.
Сегодня будет им работа нелегка...
Сегодня, завтра, — день за днем. Не знают,
Когда избавятся от неразрывных пут.
Идут к часовне. Торопливо ставят
Свечу свою пред почерневшим ликом.
Глаза святые смотрят грустно, строго,
Как будто видят, кто душой лукавит,
Как будто вспоминают о великом
Грехе того, кто принял чин от Бога, —
Монаха, что в Святой четверг, в ночной тиши,
Вблизи от них, в уединенной келье,
Убил того, с кем смертный грех творил...
Ты, богомолец! Свет свечей туши.
Не место здесь смиренному веселью:
Он каждый камень кровью обагрил.
Всё тихо здесь. А дух былой минуты
Беззвучно плачет. Но невидим он.
А ты стоишь смиренно на коленях
И плачешься, что дни твои так круты,
Что за стеной часовни — вечный стон,
Что нищие там дрогнут на ступенях...
Не плачь! Иди! Здесь стены знают страх!
Там скрытый Ужас призрачно таится,
Где человек переступил за грань!
Ты ропщешь там в открытых всем слезах,
Где даже свет — испуганно струится!
Ты здесь не нужен. Не молись и встань!

4 декабря 1904

ПОЗДНО

Я задумался. Очнулся.
Колокольный звон!
В церковь, к свечкам, к темным ликам
Грустно манит он.

Поздно, поздно. В церкви пусто.
То последний звон.
Сердцу хочется больного,
Сердцу внятен стон.

Слишком поздно. Свечи гаснут.
Кто всегда — один,
Тот забыл, что в церкви — радость,
Он — как блудный сын.

Я хочу назад вернуться,
На колени пасть!
Боже, Боже! Дом Твой кроток, —
Надо мною — власть!

Я в тюрьме своих исканий.
Призраки плывут,
И грозят, и манят, манят,
Паутину ткнут!

Слишком поздно. В темной бездне
Я ослеп и сгнил...
Будет стыдно выйти к свету —
И не хватит сил.

5 декабря 1904

ОБМАН

Может быть, играет Дьявол
 Страшную игру,
Учит вере: «Здесь побуду
 И потом умру».

Шепчет смутно бледным, слабым,
 Что не им — искать,
Что лишь маска жизни — правда
 И на ней — печать.

Этот шепот — в свисте ветра,
 В шелесте ветвей...
Он трусливых заставляет
 Дверь закрыть плотней,

Укрываться за стенами
 В мертвенный покой
И забыть, что там, за дверью, —
 Неизбежный бой.

Каждый слабый рано ль, поздно ль,
 Иль в ином миру
Крикнет: «Горе. Я обманут!
 За обман — умру».

6 декабря 1904

ЗВЕЗДЕ

Пусть стены круты, башни стройны
И ослепительны огни;
Пусть льют потоки крови войны;
Пусть переменны наши дни;

Пускай кипят, звенят, трепещут,
Грохочут гулко города;

Пусть время неумолчно плещет, —
Ты надо всем горишь, звезда!

Прости мне, свет иной основы,
Неизменяемых начал, —
Что я тебя в борьбе суровой
Так безрассудно забывал.

15 декабря 1904
Петербург

МАРИНОЧКЕ

Я стройна и красива. Ты знаешь?
Как люблю я себя целовать!
Как люблю я, когда ты ласкаешь,
Обольщаться собой и мечтать!

И мечтать, и сплетать вереницы
Так неясно несущихся грез...
Я — царица, и я — в колеснице...
Я — в дремотности дышащих роз...

Милый, милый! Как странно красиво...
Я в свою красоту влюблена!
Я люблю тебя много, но лживо:
От себя, от себя я пьяна!

Как прекрасно и ласково тело!
Эту ласку тебе отдаю.
Не отгонишь... Целую я смело...
Как тебя... Как себя я люблю...

2 января 1905
Лидино

Я опьянялся цветами мирскими,
Воздух и блески я жадно внимал,
Жил воедино с волнами морскими,
Вместе с людьми ликовал и страдал.

О, колебанья несметных случайностей!
Был я натянута послушной струной,
Отдал я дань обольщению крайностей,
Был я игрушкой... Но стал я — иной.

Я не ищу обольщений обманных.
Я задыхаюсь в тумане, в бреду!..
Я от измен, как убийцы — неожиданных,
Тихо, беззвучно, светло отойду.

Снова и снова, к далекому, милому,
К нежно-неясному путь поведет.
И подойду я так близко к незримому.
Перед глазами туманность падет.

Знаю — увижу я Вечные Грани,
Знаю — пойму я Предвечный Закон.
Муку печальную прежних скитаний
Вспомню я грустно. И путь мой свершен.

13–14 января 1905

Москва

ИНАЯ КРАСОТА

М. Рындиной

Быть может, истина не с нами.

Майков

Я не знаю. Я не знаю.
Но меня томит мечта:
Может быть, — от нас сокрыта —
Есть Иная Красота, —
Выше всех красот открытых.
Я ее, любя, боюсь...
Может быть, — в ней — смерть, убийство,
Но я к Ней иду, несусь!

14 января 1905

* * *

Я не знаю худшего мучения —
Как не знать мученья никогда.
Только в злейших муках — обновление,
Лишь за мглой губительной — звезда.

Если бы всегда — одни приятности,
Если б каждый день нам нес цветы, —
Мы б не знали вовсе о превратности,
Мы б не знали сладости мечты.

Мы не поняли бы радости хотения,
Если бы всегда нам отвечали: «Да».
Я не знаю худшего мучения —
Как не знать мученья никогда.

14 января 1905

ДОСТИЖЕНИЕ

1

На небе собираются тучи,
Зловещий смыкается круг.
Ты замер, о ветер летучий,
Мой вечный, единственный друг.

Я скован. Я замкнут. Уж поздно.
Равнина сокрылась из глаз;
И молнии вспыхнули грозно,
И факел последний погас.

Один я... Темно и бездольно.
Лишь молний прерывистый свет
Мне в душу врывается больно...
Кричу... Только громы в ответ.

Мне жутко в пустыне бездонной,
Мне страшно с нездешними встреч.
Ложусь, до конца изможденный,
И звякает щит мой о меч.

2

Я очнулся. Вдали, на востоке,
Заалела полоска огня...
.....
Солнце, Солнце, Отец мой Высокий!
О, как властно зовешь ты меня.

Солнце, Солнце, создатель могучий,
Задохнулся я в черном бреду...
Сзади, сбоку — нависшие тучи, —
Но к тебе — я иду!

Что это? Что это? Толпы врагов?
 Люди ли, призраки ль это?
 Я ль не дойду к Тебе, Бог из богов?
 Вижу движенья запрета.

Мне вы мешаете к Богу идти?
 Люди иль духи, — пустите!
 Вижу маяк я на дальнем пути...
 Мне ль уступить не хотите?

Молча смыкаетесь? Эй, мертвецы!
 Пусть ваши лица и строги —
 Я не боюсь вас, немые бойцы!
 Я нападаю! С дороги!

.....
 О золотое светило!
 Ты ли горишь в небесах?
 Тают последние силы...
 Слезы блестят на глазах.

Видишь! Ты видишь! Я — смелый,
 Шел неуклонно к тебе,
 Бился рукою умелой,
 Отдал себя я — Судьбе.

Полчища были несметны, —
 Я прорвался через них.
 Бился за подвиг обетный,
 Насмерть изранен... Затих...

Вечное Солнце! Взгляни же!
 Я умираю от ран...
 Молча спускается ниже,
 К сумраку западных стран.

Мудрое Солнце! Ты право.
Слышу безмолвный ответ:
«Вольным хотениям — слава...
Павшим за волю — привет!»

.....

Взор огневого светила.
Блещет закат в небесах.
Тают последние силы...
Черные бездны — в глазах.

18–19 января 1905

ДОСТИЖЕНИЯ

Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца, —
Стоять на последней ступени,
И снова стремиться, и так — без конца...
Как радостна цепь достижений!

Бессмертно прекрасен желанный венец.
В нем — счастье всех достижений.
Равно обновляют — победный венец
И трепетный венчик мучений.

В победе — желание новых торжеств,
Стихийная сила хотенья.
Но вижу иную возможность торжеств:
Есть в муке — мечта Воскресенья.

22 января 1905

ПРАВДА ПРОБУЖДЕНИЯ

Я беден, беден! Горе мне!
Тебя ласкал я смело...
И ты была близка ко мне,
И нежно было тело...
Я сладко спал, но в этом сне
Вся правда потускнела!

Глаза открылись после сна
И снова стали зорки.
Пред ними мокрая стена
И нищета каморки,
И мерзки низкого окна
Обтрепанные шторы!

Я здесь горел! Я здесь любил!
За что же мука, Боже?
Я злую правду позабыл, —
И правда стала строже...
Я пробужденья не убил
На этом жестком ложе!

24 января 1905

* * *

И снова голос нежный,
И снова тишина,
И гладь равнины снежной
За стеклами окна.

Часы стучат так мерно,
Так ровен плеск стихов.
И счастье снова верно,
И больше нет грехов.

Я бросил их: я дома, —
Не манит путь назад.

Здесь всё душе знакомо...
Я нежно, грустно рад.

Мои неясны грезы,
Я только тихо нов...
Закат рассыпал розы
По савану снегов.

8 февраля 1905

АНГЕЛЫ

Близкие, нежные тени...
Знаю — вы дети зыбей...
Сонмище тихих видений...
Пойте же, пойте — скорей!

Пойте желанную песню.
Смерть и Рожденье — всегда...
Тише! Нежней! Бестелесней!
<Стужа?> Журчанье. Вода.

Песни прощаний, привета,
Ангелы светлых лучей!
Крыльями сердце согрето.
Пойте же, пойте — скорей!

29 марта 1905

СБЛИЖЕНИЕ

О, в душе у тебя есть безмерно-родное,
До боли знакомое мне.
Лишь на миг засветилось, и снова — иное,
Улетело, скользя, в тишине.

Лишь на миг, лишь на миг только правды хочу я!
Задержать переменность твою...
Словно что-то возможное чуя,
Я ловлю световую струю!

Здесь! И нет! Но я знаю, я знаю —
Сердце было мгновенно светло...
Я был близок к расцветшему Раю...
И мое! И твое! — И ушло!

4 апреля 1905

ВНОВЬ

Я плачу вновь. Осенний вечер.
И, может быть, — Печаль близка.
На сердце снова белый саван
Надела бледная рука.

Как тяжело, как больно, горько!
Опять пойдут навстречу дни...
Опять душа в бездонном мраке
Завидит красные огни.

И будет долго, долго слышен
Во мгле последний — скорбный плач.
Я жду, я жду. Ко мне во мраке
Идет невидимый палач.

16 апреля 1905

С ПРОСТОРА

Я не люблю вас, люди, люди,
Из серокаменных домов!
Вы не участвуете в чуде
Пророчества и вещей снов.

Но вы мне близки, люди, люди!
Немые облики теней!
Вам больно жить на жесткой груди,
На ребрах городских камней.

По ним влачась, о люди, люди!
Изранили вы ноги в кровь.
Как бледны лица, чахлы груди!
В вас узнаю себя я вновь.

Я вас покинул, люди, люди!
Но между вас идет мой след.
Я Чуду крикнул: буди! буди!
Но вы — мой пережитый бред.

2 мая 1905

Лидино

БЕЛЫЕ БАШНИ

Грустный вечер и светлое небо.
В кольце тумана блестящий шар.
Темные воды — двойное небо...
И был я молод — и стал я стар.

Темные ели, обрывный берег
Упали в воды и вглубь вошли.
Столб серебристый поплыл на берег,
На дальний берег чужой земли.

Сердцу хочется белых башен
На черном фоне ночных дерёв...
В выси воздушных, прозрачных башен
Я буду снова безмерно нов!

Светлые башни! Хочу вас видеть
В мерцанье призрачно-белых стен.

В небо ушедшие башни видеть,
Где сердцу — воля и сладкий плен!

Белые башни! Вы — знаю — близко,
Но мне незримы, и я — один...
...Губы припали так близко, близко
К росистым травам сырых ложбин...

3 мая 1905

Лидино

СЧАСТЬЕ

Солнце! Солнце! Огнь палящий!
Солнце! Ярый кат небес!
Ты опустишь меч разящий,
Взрежешь облачность завес.

Но не воплем, но не плачем
Встречу огненный удар.
Что мы знаем? Что мы значим?
Я, незрячий, сед и стар.

На колени! Прочь, корона!
Упадай, порфира, с плеч!
О, губящий! Я без стона
Принимаю тяжкий меч.

Пред народом, умиленный,
Первым пал последний царь!..
Над главою убеленной
Меч взнесен. Я жду. Ударь!

12 мая 1905

Лидино

Если сердце захочет плакать,
Я заплачу — и буду рад.
Будет сладко, и будет грустно:
Знаю — близок возможный брат.

Слезы горьки, но небо чисто.
Кто-то скорбный пришел ко мне,
Скорбный, бледный, но вечно милый.
Мы виновны в одной вине.

Мы виновны в грехе рожденья,
Мы нарушили тишину,
Мы попрали молчанье Смерти,
Мы стонали в земном плену.

Если сердце захочет плакать,
Я заплачу — и буду рад.
Будут наши страданья чисты:
Тайну знаю лишь я — да брат.

13 мая 1905

Лидино

У ЛЮДЕЙ

О, как мне скучно, скучно, скучно!
Как неустанна суета!
Как всё вокруг спешит докучно
И бредит сонная мечта.

Как будто кто-то, грозный, темный,
Крылами навевает жар...
В провалах мысли исступленной
Горит невидимый пожар.

Я не хочу сгорать незримо!
Незримый жар стократ страшней,
Чем тот, что мчит неугасимо
Безумства блещущих огней...

О нет, спасите! К краю кубка
Припасть устами... Пью! Мое!..
Опять измена!.. Укус, губка —
И ненавистное копьё!..

*Январь 1905, Москва —
15 мая 1905, Лидино*

ВЕЧЕРОМ В ДЕТСКОЙ

Вале Х.

О детках никто не заботится.
Мама оставила с нянькой.
Плачут, сердечки колотятся..
«Дети, не кушайте перед банькой».

Плачут бедные дети.
Утирают слезы кулачиком.
Как больно живется на свете!..
«Дети, играйте мячиком».

Скучно. Хочется чудной сказки,
Надоела старая нянька.
Просят утешения грустные глазки..
«Глядите: вот “Ванька-встанька”...»

*16 мая 1905
Лидино*

ПЕСНЯ

Над рекою
Голубою
Я стою...
На холме я,
Сладко млея,
Запою.

Ветер дышит,
Чуть колышет
Лепестки,
Обвевает,
Налетает
От реки.

Песня льется,
Донесется
До людей...
Пусть вздыхают,
Пусть внимают
Тихо ей.

16 мая 1905
Лидино

DEO IGNOTO¹

О mon Dieu, votre crainte m'a frappé.
*P. Verlaine*²

О Творец, ослепшей жизни
Погрузивший нас во мглу,
В час рожденья и на тризне
Я пою Тебе хвалу.

¹ Неведомому Богу (*лат.*).

² О мой Боже, твой страх поразил меня. П. Верлен (*фр.*).

Неизведанный губитель
Вечно трепетных сердец,
Добрый пастырь, правый мститель,
Ты — убийца, Ты — отец.

Если правда станет ложью,
Бог, Тебя я восхваляю
И молитвы смутной дрожью
Жажду сердца утолю.

О, поставь слепую душу
На таинственный рубеж!
Я смиренья не нарушу,
Погиби — или утешь!

Был я робок и опаслив,
Но на радостной заре
Буду светел, буду счастлив
Жертвой пасть на алтаре!

17 мая 1905

Лидино

ДИСК

Чело в лучах, и члены гибки.
Бросаю в воздух звонкий Диск.
Кружась, летит, и блески зыбки.
В струях зефира — свист и визг.

Смотрю: взметнулись в синем небе
Два Солнца: Диск и Аполлон.
Я посвящаю юной Гебе
Размах руки и меди звон.

Взлетел. Дрожит... Сейчас сорвется...
И вот — упал к моим ногам.

Еще удар — опять взывается
Навстречу блещущим лучам.

23 мая 1905

Лидино

* * *

Ухожу. На сердце — холод млеющий,
Высохла последняя слеза.
Дверь закрылась. Злобен ветер веющий,
Смотрит ночь беззвездная в глаза.

Ухожу. Пойду немymi странами.
Знаю: на пути — не обернусь.
Жизнь зовет последними обманами...
Больше нет соблазнов: не вернусь.

23 мая 1905

Лидино

ЖИЗНЬ-ПОЛКОВОДЕЦ

*Marche funèbre*¹

Тяжки шаги моих солдат.
Мерно идет за рядом ряд.

Едкая пыль... «Вперед! Вперед!»
Каждый из вас уььет, умрет.

Гром барабанов. Стук костей.
Жизнь неустанна... «Марш, смелей!»

Пройдены версты. Смерть не ждет.
Призрак возник... «Вперед, вперед!»

¹ Похоронный марш (фр.).

Верны шаги слепых солдат.
К смерти идет за рядом ряд.

24 мая 1905

Лидино

ГОРГОНА

Внимая дикий рев погони,
И я бежал в пустыню, в даль,
Взглянуть в глаза моей Горгоне,
Бежал скрестить со сталью сталь.

И в час, когда меня с врагиней
Сомкнуло бранное кольцо, —
Я вдруг увидел над пустыней
Ее стеклянное лицо.

Когда, гремя, с небес сводили
Огонь мечи и шла гроза —
Меня топтали в вихрях пыли
Смерчам подобные глаза.

Сожженный молнией и страхом,
Я встал, слепец полуседой,
Но кто хоть раз был смешан с прахом,
Не сложит песни золотой.

24–25 мая 1905

Лидино

ДРУЗЬЯМ

Друзья! В тот час, когда, усталый,
Я вам скажу, что нет Мечты,
Залейте кровью, ярко-алой,
Мои позорные черты.

И в этом будет правда — знайте,
Свой приговор изрек я сам.
Мой труп проклятый растерзайте
И на съеденье бросьте псам!

И ныне я, завету верен,
В того, кто снял с чела венки,
Кто перед Жизнью — лицемерен, —
Вонжу отравленный клинок!

29 мая 1905

Лидино

ЛИКУЮЩИЕ

Затянут тинной темный пруд.
Смотрю в него. Лицо так бледно.
А за стеной уже несут
Светильник свой. Поют победно.

Боюсь их пенья. Там, за мглой,
Предстанет ужас пробужденья...
В ответ на радость под землей
Чуть шепчут песни погребенья...

Уйдите, ах, уйдите прочь!
Я слышу смерть, вам нет надежды.
О, как ужасно смотрит ночь
На эти брачные одежды.

Скорее, плачьте. Зной сокрыл
Провал. С улыбкой пенью внемлет
И дуновеньем темных крыл
Огонь светильника колеблет.

7 июля 1905

Лидино

ПИЛАТ

М.

Заслышав голос прорицанья,
Я Сына Божия казнил.
Хвалите Бога за избранье!
Меня покой не соблазнил.

О, вынул тот жестокий жребий,
Кто над Царем взнесет удар!
Но разве не был в дальнем небе
На землю сброшенный Икар?

Омыты руки пред толпою,
Но перед Небом, я — судья, —
Кровавых пятен с них не смою! —
Я ими свят. Несись, ладья!

Тому, кто верен Вечной Воле,
Дорогой торной не идти.
Отныне я — единый в поле,
На непроложенном пути.

Стучался я у тайной двери.
За ней — спасенье или смерть.
И мне в неколебимой вере
Предстала вскрывшаяся твердь.

И ныне знаю: в час желанный —
За миг мученья — вознесусь.
Последней Правдой осиянный,
Меня обнимет Иисус!

15–16 июля 1905

Лидино

* * *

Только вечером нежное
Мне понятно и близко...
Говорит Неизбежное
В блеске лунного диска.

В ленте, медленно тающей,
Озаренных туманов
Словно блеск замирающий
Голубых океанов...

Только вечером нежное
Сердцу тяжкому близко...
Как всегда Неизбежное —
Тайне Лунного Диска...

10 сентября 1905
Москва

* * *

Ал. Брюсову

Меня роднят с тобою дни мечтаний,
Дни первых радостей пред жертвенным огнем...
И были мы во власти обаяний,
И сон ночной опять переживали днем.

Ты отступил от жертвоприношений
Богам неведомым. Ушел в страну отцов,
Вершить дела домашних устроений,
Заботы будущих и прежних мертвецов.

Я вышел в жизнь. Быть может, мой удар —
Защитник от Судьбы — и робок, и не меток.
Но жизнь благодарю за то, что я — не стар
И не герой в театре марионеток.

12 сентября 1905
Москва

* * *

Навсегда разорванные цепи
Мне милей согласного звена.
Я, навек сокрытый в темном склепе,
Не ищу ни двери, ни окна.

Я в беззвучной темноте пещеры
Должен в землю ход глубокий рыть.
И, изведав счастье новой веры,
Никому объятий не раскрыть.

25 октября 1905

Лидино

* * *

Мы все изнываем от жизненной боли.
И нет исцеленья. Нам больно, нам больно.
Я тысячи раз умирал против воли —
И тысячи раз воскресал подневольно.

Как будто бы взор, неестественно меткий,
Нас издали знаком мучений отметил.
Я долго махал призывающей веткой,
Кричал над морями — никто не ответил.

Прошли корабли, не меняя дороги,
Боясь наскочить на утес придорожный,
Там, за морем где-то, — рождаются боги,
А мы — на скале, позабытой, безбожной.

19–20 декабря 1905

Москва

ГРИФУ

Привет тебе из тихой дали,
Где ветер гнет верхи дерёв,
Где голубые тени пали
На золотую гладь снегов.

Привет тебе, мой брат далекий,
Борящийся среди тяжких стен!
Я с Тишиной голубоокой
Замкнулся в добровольный плен.

Как хорошо, где солнце светит
И острый луч слепит глаза!..
Вам пушек рев на зов ответит,
А мне — лесные голоса.

Будь счастлив там, где все не правы,
Где кровью вскормлены мечты,
И жертва дьявольской забавы —
Герои, дети и шуты...

23 декабря 1905

Лидино

СПЯЩЕЙ

Спи. Покой твой, сон невесты
Соблазняет черный клир.
Но магические жесты
Охранят твой ясный мир.

Спи, усни. Еще устанешь,
Упадешь в пыли дорог,
В тайну пропастей заглянешь,
Выпьешь чашу. Жребий строг.

Спи, пока не соберутся
Страхи, дьяволы и тьмы...
Над тобой еще сомкнутся
Вихри воющей зимы...

Спи. Я бодрствую, бессонный...
Близок час, но не настал.
Тихо всё и усыпленно
В переходах темных зал.

Но когда изнеможенье
Окует мне веки сном —
Пробуждайся! Пей мученье
В чаше с дьявольским вином.

27–28 декабря 1905

Лидино

ЗАБЫТЫЙ

В кольце безумствующих гадин
Стою — потерянный и голый.
Навеки сердца клад украден.
Я слышу хохот их веселый.

Закрыл лицо в жестокой муке —
И нет молитв, и нет заклятий.
На обессиленные руки
Кладут позорные печати.

Глумясь над знаком избавленья,
Мне в рот суют вина и хлеба, —
И вижу отблеск наважденья
В огнях разорванного неба.

28 декабря 1905

Лидино

Мы мерзостью постыдно-рьяной
Так сладостно оскорблены,
И сердце ищет мути пьяной
Для беспощадной глубины.

Но горе нам! Когда из бездны
На нас потоком хлынет кровь,
Когда предстанет Лик Железный —
Кто примет смертную любовь?

Кто, смелый, первый прямо взглянет
Желанной Гостье в острый взор,
Кто, содрогнувшись, не отпрянет,
Меня муку на позор?

Никто. И мы опять закружим
По затемняющим кругам,
Отдавши тело зноям, стужам,
Губам, объятьям и костям...

19 февраля 1906
Москва

ДИАЛОГ

Дьявол, Вечный Изменник,
Меня возводил на башни.
Говорил: «Мой Высокий Пленник,
Позабудем наш спор вчерашний.

Я не прав был. Прошу прощенья.
Мила мне твоя дорога.
Во мне говорило мщенье —
Странная злость на Бога.

Мне дорог твой гнев вчерашний
И верность святому обету...
Обнявшись, бросимся с башни
Навстречу вечернему свету».

Умолк Небесный Изгнанник.
А я в ответ улыбаюсь.
«Я отныне твой вечный данник,
Во всем Тебе покоряюсь.

Сегодня я — вольный Изменник,
Мне незачем падать с башни.
Я — твой добровольный пленник.
Отвергнут мой Бог — вчерашний».

15 мая 1906
Лидино

* * *

Мой робкий брат, пришедший темной ночью,
По вялым травам, через чашу веток, —
Прижмись ко мне, приникни ближе, ближе!..
Удар не ждет, безжалостен и меток.

Мы сонные погибнем тайной ночью.
Убийца наш слезами захлебнется.
Приблизятся далекие зарницы.
Легко, легко, а кровь из сердца льется.

16 октября 1906
Москва

АФИНЕ

Тебе, богине светлоокой,
Мой стих нетвердый отдаю.
Тебе, богине светлоокой,
Вверяю утлую ладью.

Тебя, рожденную без крови,
Молю о ясной тишине!
Напеву робких славословий
Внемли, склонив чело ко мне.

И я, в благочестивом страхе,
Боясь, надеясь и любя,
Рожденный в сумраке и прахе, —
Подъемлю очи на тебя.

<Конец 1906 — начало 1907>

НОЧЬЮ

Марине

На щеках — румянец воспаленный.
На челе твоём — холодный пот.
Совершает медленный обход
Смерть — твой повелитель непреклонный,

Но придет — и бледными губами
Не успеешь мне шепнуть: прости!..
Всё равно. Нам больше не идти
Утренними, влажными лугами.

Всё равно. Теперь ты мне чужая,
Ждет тебя разрытая земля...
«Он один», — деревья шевеля,
Стонет ветер... Стонет, убегая.

<Конец 1906 — начало 1907>

В СНЕГАХ

О, белых пчел беззвучные рои,
С небес низвергнутые в день солнцеворота,
Покрыли вы фатой поля мои,
На лес набросили прозрачные тенета.

Вы пронеслись — и мы в санях, вдвоем,
Огнем горят венцы, и блещет лед залива,
Сверкает сталь подков под солнечным дождем
И рыжего коня разметанная грива.

Когда ж настанет час счастливых мук,
Когда любовь к сердцам приникнет жгучим страхом,
Усталый конь почует волю вдруг
И к стойлам ринется неуправимым махом.

И в небе кровью выступит закат,
Нас в замке на крыльце гофмаршал встретит старый,
И загремят ряды железных лат
И белых рыцарей призывные фанфары.

<Конец 1906 — начало 1907>

ПАРКИ

О, неподвижны вы, недремлющие сестры.
Лишь, развиваясь, нить туманится, как дым...
А мы вознесены на кряж томлений острый
И вот, — скользя в крови, любви обряд вершим...

На миг мы преданы размеренному стуку,
И ритм сердец в движенья верно влит, —
Но на последний вздох Тоска наложит руку,
И холод Вечности тела оледенит.

22 февраля 1907

Москва

ГОРЕ

Горе мое, златоносным потоком разлейся,
Червонные волны вспень...

Парусом черным на мачте дрожащей развейся,
Распластай на палубе тень!

Я, неподвижный, тебе неизменно покорный,
Приплыву к ее берегам,

Ей ничего не скажу, только парус мой черный
Положу к холодным ногам...

Горе мое, златоносным потоком разлейся,
Червонные волны вспень!

4–5 марта 1907

Москва

* * *

Люблю говорить слова,
Не совсем подходящие.
Оплети меня, синева,
Нитями тонко звенящими!

Из всех цепей и неволь
Вырывают строки неверные,
Где каждое слово — пароль
Проникнуть в тайны вечерние.

Мучительны ваши слова,
Словно к кресту пригвожденные.
Мне вечером шепчет трава
Речи ласково-сонные.

Очищают от всех неволь
Рифмы однообразные.
Утихает ветхая боль
Под напевы грустно-бесстрастные.

Вольно поет синева
Песни, неясно звенящие.

Рождают тайну слова —
Не совсем подходящие.

30 апреля — 22 мая 1907
Лидино

* * *

Плащ золотой одуванчиков
На лугу, на лугу изумрудном!
Ты напомнил старинному рыцарю
О подвиге тайном и трудном.

Плащ голубой, незабудковый,
Обрученный предутренним зорям!
Нашептал ты принцессе покинутой
О милом, живущем за морем!

.....

28 мая 1907
Лидино

ОДИНОКАЯ

Съежился, скорчился мир мой
В жизни простой и безбурной.
Я отгорожена ширмой,
Не золотой, не лазурной.

Сеть паутинно-немая
К самому сердцу прильнула.
Жизни иголка слепая
Тонко и больно кольнула.

День бесконечно струится,
Вечер — закатом окрашен.
Вечеру дай поклониться!
Лик его ласково-страшен.

Запахом листьев и почек
Сердце пьянеет — не поет.
Вечером белый платочек
Голову плотно покроет.

Медленно съежился мир мой.
Вечер язвительно-розов.
Что ж? Я за ширмой! За ширмой!..
Где-то свистки паровозов.

25 июня 1907

Лидино

* * *

Проси у Него творчества и любви.

Гоголь

Когда истерпится земля
Влачить их мертвенные гимны,
Господь надвинет на меня
С пустого неба — облак дымный.

И мертвый Ангел снизойдет,
Об их тела свой меч иступит.
И на последний хоровод
Пятой громовою наступит.

Когда утихнет ураган
И пламя Господа потухнет,
Он сам, как древний истукан,
На их поля лавиной рухнет.

Июль 1907

Лидино

НА ПРОГУЛКЕ

Злые слова навернулись, как слезы.
Лицо мне хлестнула упругая ветка.
Ты улыбнулась обидно и едко,
Оскорбила спокойно, и тонко, и метко.
Злые слова навернулись, как слезы.
Я молча раздвинул густые кусты,
Молча прошла несклоненная ты.
Уронила мои полевые цветы...
Злые слова навернулись, как слезы.

8–9 июля 1907

Лидино

* * *

Гремите в литавры и трубы, веселые люди!
Напрягайтесь, медные струны!

Словно кровавые луны
Над лесом оливково-черным
Вспарили —
Так всплыли
В избытке позорном
Из пурпура ярые груди.

Напрягайтесь, медные струны,
Гремите в арфах!

Сосцы широко размалеваны,
Она в узорчатых шарфах.
Пляшет.
Гремите, медные струны,
Веселей, музыканты!

Взметались одежды, развязаны банты,
Красные полосы ткани струятся и рдеют...
Пляшет.

Медью окованный
Пояс на бедрах тяжелыми лапами машет.
Быстрее, быстрее, — и пляшет, и пляшет...
Вскинуты руки, бледнеют, немеют.
Стиснула зубы — и липкая кровь
Сочится на бледных губах,
Медленно каплет на груди...
Обильней, обильней...
Черными крыльями страх
Задувает светильни.

Напрягайтесь, медные струны!
Пойте, гремите, — пляшет любовь!
Бейте в кимвалы, в литавры, веселые люди!

<1906–1907?>

* * *

О, горько жить, не ведая волнений,
На берегах медлительной реки!
Пустыня злая! Сон без сновидений!
Безвыходность печали и тоски!
И лишь порой мелькают мимо тени,
Согбенные проходят старики,
И девушки, смиренные, как лани,
И юноши с обломками мечей,
И матери, слабея от рыданий,
Вотще зовут покинутых детей —
И — падают, без сил, без восклицаний,
Среди густых прибрежных камышей.

<1906–1907?>

РОЗЫ

Ах, царевна, как прекрасны
Эти милые, ночные
Чудеса!
Поднеси фонарь — и тотчас
Кольхнется тень на башне,
Промелькнет твой бант крылатый —
И исчезнет.
Ах, царевна, как мгновенна
Тень твоя!
Не запомнишь, не уловишь
Быстрых черт:
Может быть, ты улыбнулась,
Может быть, ты засмеялась,
Может быть, поцеловала
Руку детскую свою?
Сколько тайн, простых и нежных,
Совершается, царевна,
Вкруг тебя?
И зачем, когда мелькала
Эта тень, —
Ты прижала прямо к сердцу
Восемь темных, черных роз?
И куда исчезли розы,
И зачем опять, как прежде,
Потянулись вереницей
Эти милые, простые,
Благовонные, как розы, —
Чудеса?

<1910–1911?>

ТЕАТР

МЕСТЬ

Мне нравится высокий кавалер
И черный плащ его. Надвинута на брови
Большая шляпа. В синей полутьме
Не разглядеть лица. Оно, конечно, строго,
Щетинятся колючие усы
Над тонкими, надменными губами.
Приблизимся: он не заметит нас,
Он не торопится дотронуться до шпаги...
Теперь коли. Он падает. Еще!
Сейчас появится толпа, солдаты, стража,
Проснется герцог, забормочет шут,
От факелов падет на небо желтый отсвет...
Скорей роняй перчатку. Так. Теперь
Пора вступать оркестру. Трубы начинают,
Мы убегаем...
Опять из публики не было видно, как ты уронил перчатку!

<1910–1911?>

* * *

О старый дом, тебя построил предок,
Что годы долгие сколачивал деньгу.
Ты окружен кольцом пристроек и беседок,
Сенных амбаров крыши на лугу...
Почтенный дед. Он гнул людей в дугу,
По-царски принимал угодливых соседок,
Любил почет и не прощал врагу...
Он крепко жил, но умер напоследок.
.....
Из уст своих исторгни и меня!

<1907?>

Зазвени, затруби, карусель,
 Закружись по широкому кругу.
 Хорошо в колеснице вдвоем
 Пролетать, улыбаясь друг другу.
 Обвеваает сквозным холодком
 Полосатая ткань балдахина.
 Барабанная слышится трель,
 Всё быстрее бежит карусель.
 «Поцелуйте меня, синьорина».

И с улыбкой царевна в ответ:
 «Не хочу, не люблю, не надейся...»
 — «Не полюбишь меня?» — «Никогда».
 Ну — кружись в карусели и смейся.
 В колеснице на спинке звезда
 Намалевана красным и синим.
 Мне не страшен, царевна, о нет,
 Твой жестокий, веселый ответ:
 Всё равно мы друг друга не минем.

И звенит, и трубит карусель,
 Закрутятся по заветному кругу.
 Ну, не надо об этом. Забудь —
 И опять улыбнемся друг другу.
 Неизменен вертящийся путь,
 Колыхается ткань балдахина.

7 июля <1911>, Нерви

РАСКАЯНИЕ

Я много лгал, запугивал детей
 Порывами внезапного волнения...
 Украденной личиной вдохновения
 Я обольщал любовниц и друзей.
 Теперь — конец. Одно изнеможенье

Еще дрожит в пустой душе моей.
Всему конец. Как рассеченный змей,
Бессильные растягиваю звенья.
Поверженный, струей живого яда
Врагам в лицо неистово плюю.
Но я [погиб] [замолк], я больше не пою,
Лишь в сердце тлеет гордая отрада,
Что, м<ожет> б<ыть>, за голову мою
Тебе была обещана награда.

4 ноября 1911

Арбат, 49

СЛУЧАЙНОСТЬ

В душе холодной и лукавой
Не воскресить былых страстей,
[И лирный голос величавый
Уже давно не внятен ей.]

Но всё ж порой прихлынут слезы
К душе безумной и пустой.
И сердце заплетают розы,
Вращенные «ее» рукой.

Не так ли, до земли склоненный
У чужеземных алтарей,
Твердит изгнанник умиленный
Молитвы родины своей?

Но всё ж порой во дни разлуки,
Как прежде, властвует мечта,
И я целую ваши руки,
[Как целовал «ее» уста.]

<1911–1912?>

РОМАНС

День серый, ласковый, мне сердца не томи:
Хлестни дождем, ударь по стеклам градом,
По ветру дождь развей и распыли,
Низринься с крыш алмазным водопадом.

Нет, не томи меня: заветный сумрак свой
Побереги для юных и влюбленных,
Не мучь души холодной и пустой,
Не возмущай мечтаний усыпленных!

Уже в глаза мои беззвездный глянул мир,
Уж я не тот, каким я был когда-то,
Но ты пришел — и сердце, словно встарь,
Волнением обманчивым объято.

Кошачьей поступью крадется к сердцу страсть,
И я боюсь улыбкой нежной встретить
Ее земную, сладостную власть, —
Боюсь тебя *счастливым* днем отметить!

<1910–1912?>

* * *

Подпольной жизни созерцатель
И Божьей милостью поэт, —
Еще помедлю в этом мире
На много долгих зим и лет.

Неуловимо, неприметно,
Таясь и уходя во тьму,
Все страхи, страсти и соблазны
На плечи слабые приму.

Стиху простому, рифме скудной
Я вверю тайный трепет тот,

Что подымает шерстку мыши
И сердце маленькое жжет.

27 мая 1914

Томилино

СОН

Всё было сине. Роща вечерела.
Клубилось небо. Черная земля
Болотами дышала. Стая уток
Неслась вдаль. Две женщины седые
Мне преградили путь. В руках костлявых
Они держали по лопате. Обе
По имени меня назвали тихо
И стали рыть. Я сделал шаг вперед
И обессилел, точно много верст
Уже прошел по кочкам и трясинам.
Так я стоял, а женщины всё рыли,
Всё рыли яму. Хлюпала вода,
Холодная, стеклянная, как небо, —
А женщины копали и шептались.
Тут понял я, что дело плохо. Смелость
Притворную в лице изображая
И, приподняв учтиво шляпу: «Сестры, —
Сказал я им. — Что роете? Могилу?»
Старухи покачали головами.
«Нет, просто яму». А потом мы долго
О чем-то спорили. Душистый ветер
Тянул из рощи. Темная тревога
Меня томила. Страх неодолимый
Туманил сердце, — а старухи рыли,
Всё рыли яму. Так тянулось долго.
Изнеможенье мощно, как удав,
Меня сжимало. Вечер надвигался.
И вдруг одна старуха положила
Свою лопату и рукой махнула
Куда-то вдаль, за рощу, — и оттуда,

Из-за стволов, раздался вой и визг,
И дикие ответили ей вопли,
Как будто толпы демонов кричали.
Качнулись ветви, сердце вдруг упало,
А демоны злорадствовали, выли —
И смолкнули, затихнув постепенно...
И голосом отчаянья и веры
Я закричал: «Сюда, ко мне, на помощь,
Вы, силы светлые! Я здесь!» И вот,
Оттуда ж, из-за рощи, мне в ответ,
Как глупому актеру, что играет
Перед пустым театром, — раздались
Бессильные, глухие голоса
И жидкие аплодисменты... Боже!..

.....

11 сентября 1914

Москва

П. С<УХОТИ>НУ

Стыд неучтивому гостю, рукой отстранившему чашу.
Вдвое стыднее, поэт, прозой ответить на стих.
Слушай же, Вакха любимец! Боюсь, прогневал ты Флору,
Дерзкою волей певца в мед обративши «Полынь».

1914

ПОЭТУ-ПРОЛЕТАРИЮ

Байрону, Пушкину вслед, родословьем своим ты гордишься;
Грубый отбросив терпуг, персты на струны кладешь;
Учителями твоими — Шульговский, Брюсов и Белый...
[Видю, что верным путем ты неуклонно идешь.]

.....

Видю, осталось тебе стать чудотворцем — и всё.

<1914>

БЮВАР

В бюваре из розовой кожи
Вот локон, вот письма Леилы.
«Придешь ли?» — «Бессовестный!» — «Милый!» —
«Меня разлюбил ты? За что же?»

Счастливые письма — направо,
Налево — укоры, упреки...
Я прежде любил эти строки,
Но совесть — котенок лукавый.

Чешу за ушком у нее я,
Она благодарно мурлычет,
Теней залетейских не кличет
И учит не верить в былое.

5 февраля 1915

УТРО

[Как мячик,] скачет по двору
[Вертлявый] воробей.
Всё ты, мечта привычная,
Поешь в душе моей.

.....
Ах, жить, о смерти думая,
Уютно и легко.

16 мая <1915>

МОИСЕЙ

Спасая свой народ от смерти неминучей,
В скалу жезлом ударил Моисей —
И жаждущий склонился иудей

К струе студеной и певучей.
Велик пророк! Властительной руки
Он не простер над далью синеватой,
Да не потек послушный соглядатай
Исследовать горячие пески.
Он не молил небес о туче грозовой
И родников он не искал в пустыне,
Но силой дерзости, сей властью роковой,
Иссек струю из каменной твердыни...
Не так же ль и поэт мечтой самодержавной
Преобразует мир перед толпой —
Но в должный миг ревнивым Еговой
Карается за подвиг богоравный?
Волшебный вождь, бессильный и венчаный, —
Ведя людей, он знает наперед,
Что сам он никогда не добредет
До рубежа страны обетованной.

1909 – 30 мая 1915

S. ILARIO¹

И всё смотрю на дальние селенья,
На домики, бегущие к реке...
Не выразить на бедном языке
Души моей тяжелого волненья.
Как хорошо! Как чисты и прекрасны
Вон тех людей свободные труды,
Как зелены их мирные сады,
Как сладок их удел однообразный.
Вот селянин, коричневый от зною,
Свистя бичом, везет в повозке мать...
Да как же я могу не пожелать
Его осла, впряженного с зарею,
Его земли, его оливы стройной,
Его жены, и дома, и детей,

¹ Св. Иларион (ит.).

И, наконец, на склоне долгих дней,
Кончины честной и спокойной?

*

Ей, Господи! За что же мне Ты дал
Мой ум раба, лукавый и мятежный,
И мой язык, извилистый и нежный,
И в сердце яд, и в помысле кинжал?
Кто скажет мне, зачем на утре дней
Изведал я кипенье винной пены,
Минутных жен минутные измены
И льстивое предательство друзей?
Зачем, как труп, в огнях игорных зал
Над золотом я чахнул боязливо
И в смене карт забвенья ласке лживой
Скудеющую душу доверял?

Зачем...

Но вот пахнул морской туманный запах,
И два священника в широкополых шляпах
Проходят мимо. Звон. Вечерня началась.
И в гору медленно они бредут, крестясь.

Июнь 1911 – декабрь 1915

* * *

С грохотом летели мимо тихих станций
Поезда, наполненные толпами людей,
И мелькали смутно лица, ружья, ранцы,
Жестяные чайники, попоны лошадей.

<1915>

* * *

Помн<ю>, Лила, наши речи вкрадчив<ые>,
Погасить не смели мы огня,
И, лицо от света отворачивая,
Ты стыдливо нежила меня.

Помню, Лила, эти ласки длитель<ные>
(Жгучий дар девической руки),
Слишком томные и утомительные,
Помню кровь, стучавшую в виски.

О, любовь, как полусон обманчивая!
У запретной пропасти дрожа,
Мы бродили, ласки не заканчивая,
К<a>к [волчки?] по острию ножа.

С той поры, любовь и жизнь растрачивая,
[В трепете вечерней полутьмы]
Скольким мы шептали речи вкрадчивые,
Скольким клятвам изменили мы.

И когда, за горло цепко схватывая,
Злая страсть безумила меня,
В тело мне впивались зубы матовые.

<1915>

* * *

У черных скал, в порочном полусне,
Смотрела ты в морскую мглу, Темира.
Твоя любовь, к<a>к царская порфира,
В те вечера давила плечи мне.

Горячий воздух от песков Алжира
Струей тягучей стлался по волне,
И были мы пресыщены вполне
Разнузданным великолепьем мира.

<1915>

* * *

Сойдя в Харонову ладью,
Ты улыбнулась — и забыла
Всё, что живому сердцу льстило,
Что волновало жизнь твою.

Ты, темный переплыв поток,
Ступила на берег бессонный,
А я, земной, отягощенный,
Твоих путей не превозмог.

Пребудем так, еще храня
Слова истлевшего обета.
Я для тебя — отставший где-то,
Ты — горький призрак для меня.

<1915?>

ПЭОН И ЦЕЗУРА

Трилистник смыслов

Покорствующий всем желаньям
Таинственной владеет силой:
Цезура говорит молчаньем —
Пэон не прекословит милой...

Но ласк нетерпеливо просит
Подруга — и в сознание власти
Он медленно главу возносит,
Растягивая звенья страсти.

14 января 1916

ОТЧАЯНЬЕ

Мне нож подает и торопит:
«Возьми же — и грудь раздвои!»
А жадное сердце всё копит
Земные богатства свои.

Когда же глухое биенье
Порою задержит слегка —
Отчетливей слышу паденье
Червонца на дно сундука.

Вскочу ли я с ложа, усталый,
Ужасным разбуженный сном, —
Оно, надрываясь, в подвалы
Ссыпает мешок за мешком.

Когда же прерву вереницу
Давно затянувшихся дней,
Впрягите в мою колесницу
Двенадцать отборных коней.

31 июля 1916

SANTA LUCIA¹

Здравствуй, песенка с волн Адриатики!
Вот, сошлись послушать тебя
Из двух лазаретов солдатики,
Да татарин с мешком, да я.

Хорошо, что нет слов у песенки:
Всем поет она об одном.
В каждое сердце по тайной лесенке
Пробирается маленький гном.

Март — 13 ноября 1916

* * *

Полно рыдать об умершей Елене,
Радость опять осенила меня.
Снова я с вами, нестрашные тени
Венецианского дня!

<1915>

¹ Святая Лючия (ит.).

ПРО МЫШЕЙ

1

ВЕЧЕР

Пять лет уж прошло, как живу я с мышами.
Великая дружба и братство меж нами.
Чуть вечер настанет, померкнет закат —
Проворные лапки легко зашуршат:
Приходят они, мои милые мыши,
И сердце смиряется, бьется всё тише.
Шуршащей возней наполняется дом, —
И вот, собираются все впятером:
Приветливый Сырник, мой друг неизменный,
Охотник до сыра, спокойный, степенный;
Бараночник маленький, юркий шалун,
Любитель баранок и бойкий плясун;
Ученейший Книжник, поклонник науки, —
Беседа с ним, не почувствуешь скуки:
Всё знает он: как, отчего, почему...
Я сам очень многим обязан ему.
За ними — Ветчинник, немножко угрюмый,
Всегда погруженный в мышинные думы;
На свете немало узнал он скорбей —
Сидел в мышеловке за благо мышей.
Приходит и Свечник, поэт сладкогласный,
Всегда вдохновенный, восторженно-ясный,
Любимый мой Свечник, товарищ и друг...
Как сладок с мышами вечерний досуг!
Ведем разговор мы о разных предметах,
О людях, о том, что прочел я в газетах,
О странах чудесных, о дальних морях,
О сказках и былях, о разных делах,
О том, что халвы есть кусок на окошке,
И даже — о кознях бессовестной кошки.
Стихи свои Свечник читает нам вслух...
Порою же мыши становятся в круг,
Привычною лапкой за лапку берутся,
Под музыку ночи по комнате вьются, —

И, точно колдуя, танцуют оне,
Легко и воздушно, как будто во сне...
И длится их танец, как тихое чудо,
И мыши всё пляшут и пляшут, покуда
Зарей не окрасятся неба края, —
А видят их пляску — лишь месяц да я.

6 февраля 1917

* * *

Ташился по снегу тюремный фургон,
И тот, кто был крепко в него заключен,

Смотрел сквозь решетку на вольных людей,
На пар, клокотавший из конских ноздрей...

[И слышал он женский призывчивый смех]

15 февраля 1917

* * *

В этом глупом Schweizerhof'e,
Приготовившись к отъезду,
Хорошо пить черный кофе
С рюмкой скверного ликера!

В Schweizerhof'e глупом этом
[Так огромен вид на море...
Толстый немец за буфетом,
А в саду большие пальмы.]

18 февраля 1917

НА ГРИБНОМ РЫНКЕ

Бьется ветер в моей пелеринке...
Нет, не скрыть нам, что мы влюблены:
Долго, долго стоим, склонены
Над мимозами в тесной корзинке.

Нет, не скрыть нам, что мы влюблены!
Это ясно из нашей заминки
Над мимозами в тесной корзинке —
Под фисташковым небом весны.

Это ясно из нашей заминки,
Из того, что надежды и сны
Под фисташковым небом весны
Расцвели, как сводные картинки...

Из того, что надежды и сны
На таком прозаическом рынке
Расцвели, как сводные картинки, —
Всем понятно, что мы влюблены!

18–19 февраля 1917

* * *

О будущем своем ребенке
Всю зиму промечтала ты
И молча шила распашонки
С утра — до ранней темноты.

Как было радостно и чисто,
Две жизни в сердце затая,
Наперстком сглаживать батиста
Слегка неровные края...

И так же скромно и безвестно
Одна по Пресне ты прошла,

Когда весною гробик тесный
Сама на кладбище снесла.

18 октября 1917

**БУРИМЕ
ДЛЯ ВТОРОГО ИЗД<АНИЯ>
«СЧ<АСТЛИВОГО> ДОМИКА»**

И вот он снова — неумолчный шорох.
Открыла шкаф — разбросанная вата,
Изъеденных материй пестрый ворох...
Всё перерыто, скомкано, измято.

Но, милый друг, — и нынче ты простила
Моих мышей за вечные убытки.
Заботливо, спокойно, просто, мило
Вновь прибрала нехитрые пожитки.

И что сердиться? Сладко знать, что где-то
Шуршит под лапкой быстрою бумага, —
И вспомнить всё, что было нами спето,
И веровать, что жизнь, к<a>к смерть, есть благо.

24 ноября 1917

ВОРОН

Я выследил его от скуки
И подстрелил в лесу глухом...
Он хрипло каркал, бил крылом
И не хотел даваться в руки.

Потом, шипя змеей, широко
Свой жесткий клюв он разевал.
Но я тоски не прочитал
В зрачках с предсмертной поволокой.

Не муку и не сожаленье,
Не злобу тщетную, не страх, —
Увидел я в его глазах
Неумолимое презренье.

Лет недожитого излишка
Он не жалел, проживши век,
И явно думал: человек,
Ты глупый, но и злой мальчишка.

[Для дикой и пустой мечты] злой тщеты,
А скольким я таким, как ты,
Клевал глаза в Карпатах.

17 декабря 1917

* * *

Ты о любви мне смятенно лепечешь
Лепетом первой, девической страсти...
Что же ответить на эти
Тщетные детские клятвы?

Смене порывов своих уступая,
Ты и со мной перестала считаться:
То к поцелуям неволишь,
То припадаешь и плачешь.

Бедная девочка! Если б ты знала,
Что передумал я, глядя на эти
Слишком румяные губы,
Слишком соленые слезы —

Бедные, милые клеточки жизни!..
Что мне до них, если я... Но смолкаю:
Пусть не в испуге, а в гневе
Ты от меня отшатнешься.

25 февраля, 19 декабря 1917

БУРИМЕ

Огни да блески на снегу.
Исчерканный сверкает лед.
За ней, за резвою, бегу,
Ее коньков следя полет.

И даже маска не упала.
Исчезла, как воспоминанье,
Костюмированного бала
Неуловимое созданье.

Теперь давно уже весна,
Мой пыл угас, каток растаял,
Покрылась шишками сосна...
Но этот сон меня измаял.

<Конец 1917>

* * *

Я родился в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.

Но памятны мне утра в детстве,
Когда меня учила мать
Про дальний край скорбей и бедствий
Мечтать, молиться — и молчать.

Не зная тайного их смысла,
Я слепо веровал в слова:
«Дитя! Всех рек синее — Висла,
Всех стран прекраснее — Литва».

1917

* * *

Хорошие стихи меня томят,
Плохие же так милы почему-то:
Они души не жалят, не язвят,
В них теплота домашнего уюта.
Вот — истинно приятный лимонад.
[Они легки, как шелковый халат.]
Для гениев всего одна минута
Есть у меня. Зато бездарность... — о,
Я вечер целый трачу на нее.

<1916–1917>

* * *

Я знаю: рук не покладает
В работе мастер гробовой,
А небо все-таки сияет
Над вечною моей Москвой.

И там, где смерть клюкою черной
Стучится в нищие дворы,
Сегодня шумно и задорно
Салазки катятся с горы.

Бегут с корзиной ребятишки,
Вот стали. Бурый снег [летит] скрипит —
И белый голубь [из-под] крышки
В лазурь морозную летит.

Вот — закружился над Плющихой —
Над снежным полотном реки,
А вслед ему к<a>к звонко, лихо
Несутся клики и свистки.

Мальчишки шапками махают,
Алеют лица, к<a>к морковь.

Так божества не замечают
За них пролившуюся кровь.

<1917–1918>

* * *

Я гостей не зову и не жду —
Но высокие свечи зажег
И в окошко смотрю на восток,
Поджидая большую звезду.

Я высокие свечи зажег,
На солому поставил еду,
И кутью, и питье на меду, —
И хмелею, и пью, одинок.

На солому поставив еду,
Коротаю я свой вечерок,
Отбывая положенный срок
В этом ясном и тихом аду.

6 января 1918

* * *

За шторами — седого дня мерцанье,
Зажжен огонь. Рокочет самовар.
Как долго внятно ты, ночное бормотанье
Безжалостных и неотвязных мар!

Я сел к столу. По потолку ширяет
Большим крылом свечи пугливый свет.
И страшно мне, как лишь во сне бывает.
[Вот зеркало. В нем пусто. Нет меня.]

9 января 1918

СОВРЕМЕННОМУ

Мы были когда-то равны
В толпе шумящих племен.
На тяжкий подвиг, державный,
Был каждый из нас обречен.

Сжимал ты в руке единой,
[Хоть мал,] хоть и глух, и слеп,
Как державу в лапе орлиной,
Миллионы малых судеб.

А мне отреченья нет.

27 февраля (12 марта) 1918

ПРИЗРАКИ

Слышу и вижу вас
В вагонах трамвая, в театрах, конторах
И дома, в мой вдохновенный час,
При сдвинутых шторах.
Вы замешались в толпу, вы снуете у фонарей,
Там, где газетчик вопит о новых бедах России.

22 марта 1918

ГОЛУБОК

Дверцу клетки ты раскрыла.
Белый голубок
Улетел, в лицо мне бросив
Быстрый ветерок...

Полно! Разве только этот
Скудный дан мне срок?
Разве, друг мой, ты не вспомнишь
Эти восемь строк?

16–17 апреля 1918

* * *

Дрожит вагон. Заледенелых окон
Отчетливо и звонко [хрупко] дребезжанье.
Зажат между соседями, сижу
И чувствую, как пальцы сквозь перчатки
Мне грубой лапою мороз ломает,
Как наступает на ноги мне больно,
Как, забираясь в рукава, по телу
Гусиною перебегает кожей
Под неуклюжей и тяжелой шубой.

Июнь 1918

* * *

Пейте горе полным стаканчиком!
Под кладбище (всю) землю размерьте!..
Надо быть китайским болванчиком,
Чтоб теперь говорить — не о смерти.

Там, на севере, дозрела смородина,
Там июльские блещут грозы...
Ах, от глупого слова «родина»
На глаза навернулись слезы.

<1917–1918>

* * *

Судьей меня Господь не ставил,
И не сужу я никого.
Но сердце мне Он переплавил
В горниле гнева Своего.

<1917–1918?>

* * *

Давно пора сказать тебе открыто:
Не продана Лаура в дом свидания
И Дантом Беатриче не убита.

1918

* * *

Клубится пар над суповой миской.
Семья за стол садится, помолясь.
Играет свет на блюбочке с редиской.

1918

* * *

Когда во все концы земли
Двенадцать рыбарей безвестных
Из Галилеи потекли...

<1918>

* * *

Раскрыты двери настежь. Гроб дубовый
Поставлен на порог.
По лестнице несут блестящий, новый
Фарфоровый венок.

<1918?>

* * *

Я не старик, ты не старушка —
Но все же — сколько лет еще
Накуковала б нам кукушка,
Когда б мы встретили ее?

<1918–1919?>

* * *

Вот смотрите: я руку жгу
На свече: ну, конечно, больно.
Но я и дольше держать могу,
Так, чтоб вы сами кричали: Довольно!

<1918–1919?>

* * *

Редея, леса червленеют
В осеннем текучем огне.
Тенета паук расставляет
На слабо пригретой стене.
Вот — яблока две половинки:
Тебе, Персефона, и мне.

Прощай же. До встречи весенней
Блаженно запомнит она
Твою застигийскую поступь,
Дыханье воздушнее сна,
И сока пахучую сладость,
И легкую горечь зерна.

<1918–1919>

* * *

Жестокий век! Палач и вор
Достигли славы легендарной.
А там, на площади базарной,
Среди бесчувственных сердец
Кликушей кликает певец.

Дитя со злобой теребит
Сосцы кормилицы голодной.

Мертвец десятый день смердит,
Пока его на страшный суд
Под грязной тряпкой не снесут.

<1918–1919>

* * *

Мы вышли к морю. Ветер к суше
Летит, гремучий и тугой,
Дыхание перехватил — и в уши
Ворвался шумною струей.

Ты смущена. Тебя пугает
Валов и звезд органный хор,
И сердце верить не дерзает
В сей потрясающий простор.

И в страхе, под пустым предлогом,
Меня ты увлекаешь прочь...
Увы, я в каждый миг пред Богом —
Как ты пред морем в эту ночь.

Апрель 1916 — 22 июня 1919

ЛИСТИК

Прохожий мальчик положил
Мне листик на окно.
Как много прожилок и жил,
Как сложно сплетено!

Как семя мучится в земле,
Пока не даст росток,
Как трудно движется в стебле
Тягучий, клейкий сок.

Не так ли должен я поднять
Весь груз страстей, тревог,
И слез, и счастья — чтоб узнать
Простое слово — Бог?

6 июля 1919

* * *

В городе ночью
Тишина слагается
Из собачьего лая,
Запаха мокрых листьев
И далекого лязга товарных вагонов.
Поздно. Моя дочурка спит,
Положив головку на скатерть
Возле остывшего самовара.
Бедная девочка! У нее нет матери.
Пора бы взять ее на руки
И отнести в постель,
Но я не двигаюсь,
Даже не курю,
Чтобы не испортить тишину, —
А еще потому,
Что я стихотворец.
Это значит, что, в сущности,
У меня нет ни самовара, ни дочери,
Есть только большое недоумение,
Которое называется: «мир».
И мир отнимает у меня всё время.

7 сентября 1919

* * *

Высокий, молодой, сильный,
Он сидел в моем кабинете,
В котором я каждое утро
Сам вытираю пыль,

И громким голосом,
Хотя я слышу отлично,
Говорил о новой культуре,
Которую он с друзьями
Несет взамен старой.
Он мне очень понравился,
Особенно потому, что попросил займы
Четвертый том Гёте,
Чтобы ознакомиться с «Фаустом».
Во время нашей беседы
Я укололся перочинным ножом
И, провожая гостя в переднюю,
Высосал голубую капельку крови,
Проступившую на пальце.

7 сентября 1919

СТАНСЫ

Во дни громадных потрясений
Душе ясней, сквозь кровь и боль,
Не оцененная дотоль
Вся мудрость малых поучений.

«Доволен малым будь!» Аминь!
Быть может, правды нет мудрее,
Чем та, что, вот, сижу в тепле я
И дым над трубкой тих и синь.

Глупец глумленьем и плевком
Ответит на мое признание,
Но высший суд и оправданье —
На дне души, во мне самом.

Да! малое, что здесь, во мне,
И взрывчатей, и драгоценней,
Чем всё величье потрясений
В моей пылающей стране...

И шепчет гордо и невинно
Мне про стихи мои мечта,
Что полновесна и чиста
Их «золотая середина»!

25 ноября — 4 декабря 1919

* * *

Душа поет, поет, поет,
В душе такой расцвет,
Какому, верно, в этот год
И оправданья нет.

В церквах — гроба, по всей стране
И мор, и меч, и глад, —
Но словно солнце есть во мне:
Так я чему-то рад.

Должно быть, это мой позор,
Но что же, если вот —
Душа, всему наперекор,
Поет, поет, поет?

5 декабря 1919

* * *

В семнадцать лет, когда до слез, до слез
Восторгами душа заболела,
Когда мечта венком незримых роз
От всех меня так чудно отличала, —

[Что было мне прекраснее всего?]

МОИХ

Пыланье звезд, и рокот соловьиный,
И повторенный голосом Марины
Твой стих, Бальмонт.

20 декабря 1919

* * *

Двусмыслица, прекрасная царевна,
В стихах моих, как в терему, живет.

1919

* * *

Вот уж дым всклубился черный
И сейчас на радость нам
Ветхий, теплый и проворный
Разбежался по ветвям.

1919

* * *

Я помню в детстве душный летний вечер.
Тугой и теплый ветер колыхал
Гирлянды зелени увядшей. Пламя плошек,
Струя горячий, едкий запах сала,
Взвизывало языками. Тени флагов,
Гигантские, шныряли по стенам.
На дне двора, покрытого асфальтом,
Гармоника урчала. Ребятишки
Играли в коронацию. В воротах
Аксинья, вечно пьяная старуха,
С кухарками ругалась. Петька-слесарь
Подзуживал, и наконец она
Вскочила, юбки вскинула и голый
Всем показала зад.

А между тем вдали

Вдруг пронеслось и замерло протяжно:
Ура! ура! Ва! ва-ва-а! Должно быть,
Там, по Тверской, промчался царь с царицей
На паре вороных коней.

<1919>

* * *

Мы какие-то четыре звездочки, и, как
их ни сложи, все выходит хорошо.

Нат<алья> Алексеевна Огарева — Герцену

Четыре звездочки взошли на небосвод.
Мечтателей пленяет их мерцанье.
Но тайный Рок в спокойный звездный ход
Ужасное вложил знаменованье.

Четыре звездочки! Безмолвный приговор!
С какою неразрывностью суровой
Сплетаются в свой узел, в свой узор
Созвездье Герцена — с созвездьем Огарева!

Четыре звездочки! Как под рукой Творца
Небесных звезд незыблемо движенье —
Так их вело единое служенье
От юности до смертного конца.

Четыре звездочки! В слепую ночь страстей,
В соблазны ревности судьба их заводила, —
Но никогда, до наших страшных дней,
Ни жизнь, ни смерть — ничто не разделило.

1920

* * *

«Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна —
Справа запад, темно-красный,
Слева бледная луна».

Той звезде — удел поэтов:
Слишком рано заблестать —
И меж двух враждебных светов
Замирать, сиять, мерцать!

25 апреля 1920

* * *

В беседе хладной, повседневной
Сойтись нам нынче суждено.
Как было б горько и смешно
Теперь назвать тебя царевной!

Увы! Стареем, добрый друг,
Уж мир не тот, и мы другие,
И невозможно вспомнить вслух
Про ночи звездной Лигурии...

А между тем в каморке тесной,
Быть может, в этот час ночной
Читает юноша безвестный
Стихи, внушенные тобой.

13 июня 1920

* * *

Апрельский дождик слегка накрапывал,
Но мы с тобой сквозь дырявый зонт
Увидели небо такое синее,
Какое видно только душе.

И зашатались от счастья и тяжести,
Как может [смеет] шататься один [разве] Атлант,
И то, что для встречных было безрифменно,
Огромной рифмой [с] вязало нас.

О друг [неверный], терзатель безжалостный!
Ведь мы же клялись: навек, навсегда.
Зачем же после с такой жестокостью
Меня ты бросил здесь одного?

24 июня 1920

* * *

Страшны туманные поляны
И тени черные в лесу —
Я бережно в руке несу
Фонарик, весь кругом стеклянный.

Еще причуды не иссякли
В стихах извилистых моих
Но в этой притче каждый стих
Всё о тебе поет — не так ли?

Июнь 1920

* * *

Я хожу по острым иголкам,
Как русалка в зеленом саду...
Расставляя книги по полкам,
[Только ставя книги]
Все ж надеюсь, верю и жду.

[В день Любви, Надежды и Веры
Ветерок, холодок и дождь
Падает [Мутный] сумрак изжелта-серый
На сучья безлистных роц.

О, как жутко на этом свете!
О, как скучно, должно быть, тебе,
Если здесь, в моем кабинете...]

19 сентября 1920

* * *

Нет, не хочу ни пышной славы,
Ни жизни мелочных забот.
Твой призрак, гордый и кровавый
На путь иной меня зовет.

1920

* * *

Люблю в природе — рост и тленье,
А в сердце — вольность и мятеж.

1920

* * *

Постой, товарищ, — погляди-ка,
У покосившихся ворот,
Бог весть откуда, повилика
Свой стебель прихотливый въет.

<1920?>

* * *

Я помню вас, дары богов:
[Вино в стаканах, сок плодов]
Сок вишен, аромат плодов,
[Беложемчужный ряд зубов,]
И стан, шнурком стесненный,
[И томный голос, и вино]
[И ночь, и клятвы, и вино] Любовь без клятвы...
А утром я открыл окно
На *via delle Belle Donne*.

5 июня 1920

СОНЕТ

Своих цепей так не расторгнешь, нет!
От ненависти, бешенства и муки
Не дергай их. Скрести спокойно руки,
Закрой глаза и складывай ответ.

Меч война и динами<т> науки
Под глыбой рабства погребает свет.
Но всё взрывает веры вещей бред,
И рушат всё кифары стройной звуки.

Знай: был не дик, не яростен, не груб,
Но сладостен звон ерихонских труб.
И каждый стих звучит, как предвещанье
Зари вечерней, предпоследней, той,
Когда земли верховное избранье
Поэт и жрец поделят меж собой.

8–17 июня 1921

Петербург

* * *

Я знаю все людские тайны:
Всю боль страстей, сомнений, уз.
Но люди лживы и случайны,
Я скудным знаньем не горжусь.

И вдохновительней и выше —
Почуять ужас вечный тот,
Что подымает шерстку мыши
И сердце маленькое жжет.

21 июня 1921

Петербург

* * *

В каком светящемся тумане
Восходит солнце, погляди!
О, сколько светлых волхвований
Насильно ширится в груди!

Я знаю, сердце осторожно, —
Была трудна его стезя.

Но не пророчить невозможно
И не приманивать — нельзя.

21 июля 1921
Петербург

Т-ой

Моим ты другом быть не хочешь,
Ты хочешь быть моим врагом.
Я видел: нож ты злобный точишь,
Когда я сплю притворным сном.

Ну что же! Замахнись и взвизгни,
Свой нож на сердце опусти ж!
Но ты меня вернула к жизни —
За то и жизнью казнишь.

Ты водишь по несчетным мукам
Постылого мне бытия,
Чтоб под его скрипучим звуком
Медлительно ж исчахнул я.

23 октября 1921
Петербург

* * *

Не люблю стихов, которые
На мои стихи похожи.
Все молитвы, все укоры я
Сам на суд представлю Божий.

Сам и казнь приму.
Вы ельника
На пути мне не стелите,
Но присевшего бездельника
С черных дроз моих гоните!

13 декабря 1921

* * *

Иду, вдыхая глубоко
Болот Петровых испаренья,
И мне от голода легко
И весело от вдохновенья.

[Иду, как ходит ветерок
По облетающему саду.]
Прекрасно — утопать и петь.

<1921>

* * *

Я сон потерял, а живу как во сне.
Всё музыка дальняя слышится мне.

И арфы рокочут, и скрипки поют —
От музыки волосы дыбом встают.

[Но кто-то рукой,
И звук обрывается с болью такой,]

.....

Как будто бы в тире стрелок удалой
Сбивает фигурки одну за другой.

И падают звуки, а сердце горит,
А мир под ногами в осколки летит.

И скоро в последнем, беззвучном бреду
Последним осколком я сам упаду.

<1921>

* * *

Косоглазый и желтолицый,
С холщовым тюком на спине,
Я по улицам вашей столицы
День-деньской брожу в полусне.

Насмехайтесь и сквернословьте,
Не узнаете вы о том,
Как дракон на шелковой кофте
Лижет сердце мое огнем.

<1921?>

* * *

Вот повесть. Мне она предстала
Отчетливо и ясно вся,
Пока в моей руке лежала
Рука послушная твоя.

<Конец июня 1922>

* * *

Мечта моя! Из Вифлеемской дали
Мне донеси дыханье тех минут,
Когда еще и пастухи не знали,
Какую весть им ангелы несут.

Всё было там убого, скудно, просто:
Ночь; душный хлев; тяжелый храп быка.
В углу осел, замученный коростой,
Чесал о ясли впалые бока,

А в яслях... Нет, мечта моя, довольно:
Не искушай кощунственный язык!

Подумаю — и стыдно мне, и больно:
О чем, о чем он говорить привык!

Не мне сказать...

Январь 1920, ноябрь 1922

* * *

В этих отрывках нас два героя,
Незнакомых между собой.
Но общее что-то такое
Есть между ним и мной.

И — простите, читатель, заранее:
Когда мы встречаемся в песий час,
Всё кажется — для компании
Третьего не хватает — вас.

10 декабря 1922

Saarow

* * *

Он не спит, он только забывает:
Вот какой несчастный человек.
Даже и усталость не смыкает
Этих воспаленных век.

Никогда ничто ему не снится:
На глаза всё тот же лезет мир,
Нестерпимо скучный, как больница,
Как пиджак, заношенный до дыр.

26 декабря 1922

Saarow

* * *

Пыль. Грохот. Зной. По рыхлому асфальту,
Сквозь запахи гнилого мяса, масла
Прогорклого и овощей лежалых,
Она идет, платочком утирая
Запекшиеся губы. Распахнулась
На животе накидка — и живот
Под сводом неба выгнулся таким же
Высоким круглым сводом. Там, во тьме,
В прозрачно-мутной, первозданной влаге,
Морщинистый, сомкнувший плотно веки,
Скрестивший руки, ноги подвернувший,
Предвечным сном покоится младенец —
Вниз головой.

Последние часы

Через пуповину, вьющуюся тонким
Канатиком, досасывает он
Из матери живые соки. В ней же
Всё запрокинулось, всё обратилось внутрь —
И снятся ей столетий миллионы,
И слышится умолкших волн прибой:
Она идет не площадью стесненной,
Она идет в иной стране, в былой.
И призраки гигантских пальм, истлевших
Давным-давно глубоко под землей,
И духи птиц, в былой лазури певших,
Опять, опять шумят над головой.

<1914?–1922>

* * *

Старик и девочка-горбунья
Под липами, в осенний дождь.
Поет убогая певунья
Про тишину германских рощ.

Валы шарманки завывают;
Кругом прохожие снуют...
Неправда! Рощи не бывают,
И соловьи в них не поют!

Молчи, берлинский призрак горький,
Дитя язвительной мечты!
Под этою дождливой зорькой
Обречена исчезнуть ты.

Шарманочка! Погромче взвизгни!
С грядущим веком говорю,
Провозглашая волчьей жизни
Золотожелчную зарю.

Еще бездельники и дети
Былую славят красоту, —
Я приучаю спину к плети
И каждый день полы мету.

Но есть высокое веселье,
Идя по улице сырой,
Как бы новоселье
Суровой праздновать душой.

<1922>

* * *

Что ж? Высоким Державинским слогом
Воздыхаю ко вздохам Твоим,
Вдохновенный карающим Богом,
Вдохновенный, быть может, не Им.

16 <15?> января 1923
Saarow

Помню куртки из пахучей кожи
 И цинготный запах изо ртов...
 А, ей-богу, были мы похожи
 На хороших, честных моряков.

Голодали, мерзли — а боролись.
 И к чему ж ты повернул назад?
 То ли бы мы пробрались на полюс,
 То ли бы пошли погреться в ад.

Ну, и съели б одного, другого:
 Кто бы это видел сквозь туман?
 А теперь, как вспомнишь, — злое слово
 Хочется сказать: «Эх, капитан!»

Повернули — да осволочились.
 Нанялись работать на купца.
 Даже и не очень откормились —
 Только так, поприбыли с лица.

Выползли на берег, точно крабы.
 Разве так пристало моряку?
 Потрошим вот, как на кухне бабы,
 Глупую, вонючую треску.

А купец-то нами помыкает
 (Плох сурок, коли попал в капкан),
 И тебя не больно уважает,
 И на нас плюет. Эх, капитан!

Самому тебе одно теперь осталось:
 Греть бока да разводить котят.
 Поглядишь — такая, право, жалось.
 И к чему ж ты повернул назад?

28–29 января 1923

* * *

Раскинул над собой перину,
Как упоительную сень.
Сейчас легонько отодвину
Свою дневную дребедень.

Еще играет дождик мелкий
По запотелому стеклу.
Автомобильной свиристелкой
Прочмокали в пустую мглу.

Пора и мне в мои скитанья.
Дорога мутная легка —
Сквозь каменные очертанья
В лунеющие облака.

1 марта 1923
Saarow

* * *

Мулатка с крупными ноздрями,
С багряной розой в волосах.
Он смотрит тусклыми глазами...

27 марта 1923

* * *

Я родился в Москве. Я дыма
Над польской кровлей не видал,
И ладанки с землей родимой
Мне мой отец не завещал.

России — пасынок, а Польше —
Не знаю сам, кто Польше я.
Но: восемь томиков, не больше, —
И в них вся родина моя.

Вам — под ярмо ль подставить выю
Иль жить в изгнании, в тоске.
А я с собой свою Россию
В дорожном уношу мешке.

Вам нужен прах отчизны грубый,
А я где б ни был — шепчут мне
Арапские святые губы
О небывалой стороне.

25 апреля 1923
Saarow

В КАФЕ

Мясисто губы выдаются
С его щетинистой щеки,
И черной проволокой вьются
Волос крутые завитки.

Он — не простой знаток кофеев,
Не сноб, не сутенер, — о, нет:
Он славой некою оваян,
Он провозвестник, он поэт.

Лизнув отвиснувшие губы
И вынув лаковый блокнот,
Рифмует: кубы, клубы, трубы,
Дреднот, вперед, переворот.

А сам сквозь дым английской трубки
Глядит, злорадно шуря взор,
Как бойко вскидывает юбки
Голодных женщин голый хор.

Ему противна до страданий
Арийских глаз голубизна,
Арийских башен и преданий
Готическая вышина,

Сердец крылатая тревога,
Колоколов субботний звон...
Их упоительного Бога
Заочно презирает он.

И, возвратясь из ресторана
И выбросив измятый счет,
Он осторожно из кармана
Какой-то сверток достает.

28 февраля, 25 августа 1923
Saarow

* * *

На свете только есть дырявый,
Вот этот самый башмачок
Да белокуренький, курчавый
Над бледным ухом завиток.

<1923>

* * *

В этой грубой каменоломне,
В этом лязге и визге машин
В комок соберись — и помни,
— Что ты один. —

Когда пересохнет в горле,
Когда

Будь как молния в лапе орлей,
Как смерть, как дух...

<1923>

* * *

Перестань мне сниться, если можешь.
Если нет —
Продолжай мне душу грызть, как гложешь...

<1923>

* * *

Нет, есть еще забавные минуты,
Дождливый день, взволнованный Берлин,
Стою перед конторкою менялы,
Протягивая свой убогий доллар...

<1923>

НЭП

Если б маленький домишко,
Да вокруг него садишко,
Да в погожий бы денек
Попивать бы там чаек —

Да с супругой Акулиной,
Да с дочуркой Октябриной,
Д'на крылечке бы стоять —
Своих курочек считать,

Да у каждой бы на лапке
Лоскуток из красной тряпки,
Вот он, братцы, я б сказал, —
«Нацьональный идеал»!

<1923>

«Проходят дни, и каждый сердце ранит,
И на душе — печали злая тень.
Верь, близок день, когда меня не станет:
Томительный, осенний, тусклый день».

Ты мне прочел когда-то эти строки,
Сказав: кончай, пиши романс такой,
Чтоб были в нем и вздохи, и намеки
Во вкусе госпожи Ростопчиной, —

Я не сумел тогда заняться ими,
Хоть и писал о гибнущей весне.
Теперь они мне кажутся плохими,
И вообще не до романсов мне.

Я многие решил недоуменья,
Из тех, что так нас мучили порой.
И мир теперь мое ласкает зреньё
Не но честной наготой.

<Конец 1923 – начало 1924>

Мариенбад

26 мая 1836

Оставил дрожки у заставы,
Побрел пешком.
Ну вот, смотри теперь: дубравы
Стоят кругом.

Недавно ведь мечтал: туда бы,
В свои поля!
Теперь несносны рощи, бабы
И вся земля.

Уж и возвышенным, и низким
По горло сыт,
И только к теням застигийским
Душа летит.

Уж и мечта, и жизнь — обуза
Не по плечам.
Умолкни, Парка! Полно, Муза!
Довольно вам!

26 марта 1924
Рим

* * *

Как совладать с судьбою-дурой?
Заладила свое — хоть плачь.
Сосредоточенный и хмурый,
Смычком орудует скрипач.

А скрипочка поет и свищет
Своим приятным голоском.
И сам Господь с нее не взыщет —
Ей всё на свете нипочем.

4 апреля 1924
Рим

ЗИМНЯЯ БУРЯ

Ост
Выл.
Гнил
Мост.

Был
Хвост
Прост,
Мил...

Свис
Вниз:
Вот

Врос
Пес
В лед.

6 мая 1924
Париж

* * *

Мне б не хотелось быть убитым
Ни в пьяном уличном бою,
Ни пасть за родину свою,
Подобно мужам знаменитым.

28 июля 1924
Париж

* * *

Великая вокруг меня пустыня,
И я — великий в той пустыне постник.
Взойдет ли день — я шторы опускаю,
Чтоб солнечные бесы на стенах
Кинематограф свой не учиняли.
Настанет ночь — поддельным, слабым светом
Я разгоняю мрак и в круге лампы
Сгибаю спину и скриплю пером, —
А звезды без меня своей дорогой
Пускай идут.

Когда шумит мятеж,
Голодный объедается до рвоты,
А сытого (в подвале) рвет от страха
Вином и желчью, — я засов тяжелый
Кладу на дверь, чтоб ветер революций
Не разметал моих листов заветных.
И если (редко) женщина приходит

Шуршать одеждой и сиять очами —
Что ж? я порой готов поллюбоваться
Прельстительным и нежным микрокосмом...

<1924–1925>

* * *

«Под звук бэлотт, под гомон баров».
За имя Божие не жгут,
А львы (и то не часто) рвут
Лишь укротителей-фигляров...

<1925–1926?>

* * *

Кто счастлив честною женой,
К блуднице в дверь не постучится.
Кто прав последней правотой,
За справедливостью пустой
Тому неместно волочиться.

<1925–1926>

* * *

Мы не гуляли, не кутили,
Вина зеленого не пили,
А я гляжу — не узнаю:
Иван Петрович, это вы ли?
К мою?

Пробили часики стенные,
Качнулись оси мировые —
И нас чуть-чуть переместив
.....
.....

<1925–1926>

* * *

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному.
По-новому тогда перед тобою
Дворцы венецианские предстанут.
Помедли на ступенях, а потом
Сядь в гондолу. К Риальто подплывая,
Вдохни свободно запах рыбы, масла
Прогорклого и овощей лежалых
И вспомни без раскаянья, что поезд
Уж Мэстре, вероятно, миновал.
Потом зайди в лавчонку banco lotto¹,
Поставь на семь, четырнадцать и сорок,
Пройдись по Мерчерии, пообедай
С бутылкою Вальполичелла. В девять
Переоденься и явись на Пьяцце
И под финал волшебной увертюры
«Тангейзера» — подумай: «Уж теперь
Она проехала Понтеббу». Как привольно!
На сердце и свежо, и горьковато.

<1925–1926>

* * *

Как больно мне от вашей малости,
От шаткости, от безмятежности.
Я проклиная вас — от жалости,
Я ненавижу вас — от нежности.

О, если б вы сумели вырасти
Из вашей гнилости и вялости,
Из болотной сырости,
Из

<1925–1926>

¹ Лотерейной конторы (ит.).

* * *

Гремит вода. По стенкам таза
Резвится зайчик золотой.
Я воскресаю к вам, как Лазарь,
Повитый белой пеленой.

1926

* * *

Сквозь дикий грохот катастроф
Твой чистый голос, милый зов
Душа слышала когда-то...

Нет, не понять, не разгадать:
Проклятье или благодать, —
Но петь и гибнуть нам дано,
И песня с гибелью — одно.
Когда и лучшие мгновенья
Мы в жертву звукам отдаем, —
Что ж? Погибаем мы от пенья
Или от гибели поем?

А нам простого счастья нет.
Тому, что с песней рождено,
Погибнуть в песне суждено...

<1926–1927>

МЫ

Не мудростью умышленных речей
Камням повелевал певец Орфей.

Что прелесть мудрости камням земным?
Он мудрой прелестью был сладок им.

Не поучал Орфей, но чаровал —
И камень дикий на дыбы вставал

И шел — блаженно лечь у белых ног.
Из груди мшистой рвался первый вздох.

.....
.....

Когда взрыдали тигры и слоны
О [прелестях] Орфеевой жены —

Из каменной и из звериной тьмы
Тогда впервые вылупились — мы.

<Январь — 10 декабря 1927>
Париж

ПАМЯТНИК

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

28 января 1928
Париж

УТРО

То не прохладный дымок подмосковных осенних туманов,
То не на грядку роняет листочки свои георгин:

Сыплются мне на колени, хрустя, лепестки круассанов,
Зеленоватую муть над асфальтом пускает бензин.

<1930-е гг.>

* * *

Сияет навощенный пол,
Хозяйка шьет неторопливо.
За мозаичный сядем стол,
Закажем по бокалу пива.

Здесь полусонно и тепло.
Горят зеркальные плафоны.

<1930-е гг.>

* * *

Всё только смерти да поминки!

.....

Печален наш удел, не так ли?

Все хоронить да поминать.

.....

Вспоминанья не иссякли.

Былое близко нам опять!

Но

+++

Всё-то смерти, всё поминки!

..... чредой

В поединке

С судьбой

+++

Гибнут русские поэты...

<1934?>

Do 11² Mus. Geneco.
dom-08.17 gust 82-79

Ке дидебам эн дэ кепер-жаунада,
Забржам дидебам, гавотжаунада?
О жид, как не о ким савнад —
О савотжаунад диде-жаунад?

Сэ Вавотэ нагфлхунад Мусукии
Ке наид авреним савнад,
Анэ кэ-таре-бетэд жидебам Ровии,
Савотэ-бетэд эн, жидебам.

Дзе наидэра кэ-жидебам савна,
За эи и кэ-и кэ-жидебам савна. —
Ке кэ-жидебам савна кэ-жидебам савна
Наид кэ-жидебам. Кэ-жидебам савна
савна

Мэ жидебам савна кэ-жидебам савна
Кэ-жидебам савна кэ-жидебам савна
и савна савна савна савна савна
Савна савна савна савна.

Сэ савна савна савна савна савна
Кэ-жидебам савна савна савна савна,
Но кэ-жидебам савна савна савна
Савна савна савна савна савна

В последний раз зову Тебя: явись
На пиршество ночного вдохновенья.
В последний раз: восхить меня в ту высь,
Откуда открывается паденье.

В последний раз! Нет в жизни ничего
Святее и ужаснее прощанья.
Оно есть агнец сердца моего,
Влекомый на закланье.

В нем прошлое возлюблено опять
С уже нечеловеческою силой.
Так пред расстрелом сын объемлет мать
Над общей их могилой.

13 февраля 1934
Париж

ПАМЯТИ КОТА МУРРА

В забавах был так мудр и в мудрости забавен —
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.

О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!

Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственной сетью,
Всё чаще я мечтой приверженной лечу.

<1934>

* * *

Сквозь уютное солнце апреля —
Неуютный такой холодок.
И — смерчком по дорожке песок,
И — смолкает скворец-пустомеля.

Там над северным краем земли
Черно-серая вздутая туча.
Котелки поплотней нахлобуча,
Попроворней два франта пошли.

И под шум градобойного гула —
В сердце гордом, веселом и злом:
«Это молнии *нашей* излом,
Это *наша* весна допорхнула!»

21 апреля 1937

Париж

* * *

Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,
Иного, близкого напева
Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство —
Будь счастлива! Господь с тобой.

20 июня 1937

Париж

Не ямбом ли четырехстопным,
 Заветным ямбом, допотопным?
 О чем, как не о нем самом —
 О благодатном ямбе том?

С высот надзвездной Музикии
 К нам ангелами занесен,
 Он крепче всех твердынь России,
 Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
 За что и кто в Хотине пал, —
 Но первый звук Хотинской оды
 Нам первым криком жизни стал.

В тот день на холмы снеговые
 Камена русская взошла
 И дивный голос свой впервые
 Далеким сестрам подала.

С тех пор в разнообразье строгом,
 Как оный славный «Водопад»,
 По четырем его порогам
 Стихи российские кипят.

И чем сильней спадают с кручи,
 Тем пенистой водоворот,
 Тем сокровенный лад певучей
 И выше светлых брызгов взлет —

Тех брызгов, где, как сон, повисла,
 Сияя счастьем высоты,
 Играя переливом смысла, —
 Живая радуга мечты.

.....

.....
.....

Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон — свобода.
В его свободе есть закон...

<1938>

ШУТОЧНОЕ

* * *

У Наташи глазки черные,
А ресницы — как иголочки,
Ночью дремлют глазки черные,
А альбом лежит на полочке.

Зеленая обезьяна

<1904>

КАК ЕСЛИ БЫ МЫ БЫЛИ ГОМОСКУАЛИСТЫ

На бульваре у грека Вы яичницу кушали.
Вы жевали изысканно, — я за Вами следил.
Но галантного сердца Вы — увы! — не подслушали, —
Вы спокойно обедали у решетных перил.

А вдали золотилось пенсне Арцыбашева,
Златотлела заря, зарумянив закат.
Вы смеялись пикантно улыбкой пусташевой,
Отпивая из чашки густой шоколад.

Владислав Ходасевич
Род. 1886 г.

<1910-е гг.>

НА ДАЧЕ

Хорошо бы собаку купить.

Ив. Бунин

Целый день твержу без смысла
Неотвязные слова.
В струйном воздухе повисла
Пропыленная листва.

Ах, как скучно жить на даче,
Возле озера гулять!
Все былые неудачи
Вспоминаются опять.

Там клубится пыль за стадом,
А вон там, у входа в сад,
Три девицы сели рядом
И подсолнухи лушат.

Отчего же, в самом деле,
Вянет никлая листва?
Отчего так надоели
Неотвязные слова?

Оттого, что слишком ярки
Банты из атласных лент,
Оттого, что бродит в парке
С книгой Бунина студент...

<Январь 1913>

НА ОТЪЕЗД МИЛОГО

Вопрос. Броня, почему ты
По утрам сердита?
Ножки не обуты,
Личико не мыто?

Иль неблагоклонна
К Броне Афродита?

Ответ. Ах, грущу без донна-
Аминадо... Странно!
Грусть моя бездонна,
Сердце постоянно...
За окном сердито
Каркает ворона.

23 декабря 1913

ШУРОЧКЕ
ПО ПРИЯТНОМУ СЛУЧАЮ ДНЯ ЕЕ РОЖДЕНИЯ
Подражание Петрарку

Ах, Шурочка! Амурчикова мама
Уж тридцать лет завидует, дитя,
Тебе во всем. Ноносишь ты шутя
То, что для всех иных прелестниц — драма.

Коль счастлив твой избранник!.. И хотя
Уж минул век Фисбеи и Пирама,
Всё мирного блаженства панорама
Слепит мой взор, пленяя и цветя.

Се — вас пою! Являйте нам примеры
Изящества, достойного Харит,
Взаимных ласк и неизменной веры...

Так! Клевета дней ваших не мрачит,
Нет Зависти, сокрылися Химеры —
И песнию венчает вас Пиит.

Доброжелательный Виришенисец

1914

Бедный Бараночник болен: хвостик, бывало проворный,
 Скромно поджав под себя и зубки оскаливши, дышит.
 Чтобы его <ободрить> и выразить другу вниманье,
 Мы раздобыли баранку. Но что же? Едва шевельнувшись,
 Лапкой ее отстранил — и снова забылся дремотой...
 Боже мой! Если уж даже баранка мышиноного сердца
 Больше не радуется — значит, все наши заботы бессильны,
 Значит, лишь Ты, Вседержитель, его исцелишь и на радость
 В мирный наш круг возвратишь. А подарок до времени может
 Возле него полежать. Очнется — увидит. Уж то-то
 Станет баранку свою катать по всему он подполью!
 То-то возней громыхливой соседям наделает шуму!

16 декабря 1914

КИШМИШ

К. Липскерову

Кишмиш, кишмиш! Жемчужина Востока!
 Перед тобой ничто — рахат-лукум.
 Как много грез, как много смутных дум
 Рождаешь ты... Ты сладостен, как око

У отрока, что ищет наобум
 Убежища от зноя — у потока.
 Кишмиш! Кишмиш! Поклоннику Пророка
 С тобой не страшен яростный самум.

Главу покрыв попоною верблюда,
 Чеканное в песок он ставит блюдо
 И ест, и ест, пока шумят над ним

Летучие пески пустыни знойной, —
 И, съев всё блюдо, мудрый и спокойный,
 Он снова вдаль бредет путем своим.

5 октября 1916

РАЗГОВОР ЧЕЛОВЕКА С МЫШКОЙ, КОТОРАЯ ЕСТ ЕГО КНИГИ

Мой милый Книжник. Ты совсем
Опять изгрыз два тома... Ловок.
Не стыдно ль пользоваться тем,
Что не люблю я мышеловок?

Хоть бы с меня пример ты брал:
Я день-деньской читаю книжки,
Но разве кто-нибудь видал,
Что я грызу их, как коврижки?

Из книг мы знаем, как живут
Индейцы, негры, эскимосы.
В журналах люди задают
Друг другу умные вопросы:

Где путь в Америку лежит,
Как ближе: морем или сушей?..
Ну, словом — вот тебе бисквит,
А книг, пожалуйста, не кушай.

12, 27 ноября 1916

* * *

Пускай все дамы без труда
Красой подобны будут Ледам.

Пускай из золота блюда
У всех сверкают за обедом.

Пусть не Кувака, а вода
Нам подается за обедом.

Поверьте: скоро навсегда
Придет конец минувшим бедам.

Пусть в этот год мы навсегда
С коварным справимся соседом.

Пускай горит моя звезда,
Пускай ведет веселым следом.

<1916-1917?>

* * *

Из того, что надежды и сны
На таком прозаическом рынке
Расцвели, как сводные картинки,
Знай, Климена, что мы влюблены.

Ты сегодня в большой пелеринке,
Ах, Климена, ведь мы влюблены!
Долго, долго стоим, склонены
Над мимозами в тесной корзинке!

Ах, Климена, ведь мы влюблены,
Это ясно из нашей заминки
Над мимозами в тесной корзинке
Под фисташковым небом весны.

Григорий Минин
1918

<1918?>

* * *

Как восплачется свет-княгинюшка,
Свет-княгинюшка Ольга Давыдовна:
«Уж ты гой еси, Марахол Марахолович,
Славный богатырь наш, скоморошина!
Ты седлай свово коня борзого,
Ты скачи ко мне на Москва-реку.
Как Андреева, ведьма лютая,
Извести меня обещалася,

Из Тео меня хочет выместить,
Из Кремля меня хочет вытрясти,
Малых детушек в полон забрать!»
Седлал Марахол коня борзого,
Прискакал тогда на Москва-реку.
А и брал он тую Андрееву
За белы груди да за косыньки,
Подымал выше лесу синего,
Ударял ее об сыру землю... — и т.д.

Начало 1919

* * *

Ей-богу, мне не до стихов,
Не до экспромтов — уж подавно.
Однако ж было б очень славно,
Когда бы эдак в семь часов,
Иль в восемь, или даже в девять
(Мы заняты ужасно все ведь) —
Зашли Вы Ньюру повидать.
Она устала и тоскует,
Из здравницы вернувшись вспять,
Затем что здравница... пустует.
«Продуктов нет» — так рапортует
Хор нянек праздных... А пеняць
Лишь на судьбу рекомендуют.

<1920>

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

Без мыла нынче трудно жить
Литературным ветеранам —
Решился Брюсов проложить
Свой путь *ad gloriam per anum*¹.

<1920–1921?>

¹ К славе — через зад (*лат.*).

ПАМЯТНИК

Exegi monumentum¹.

Павлóвич! С посошком, бродячею каликой
Пройди от финских скал вплоть до донских станиц,
Читай мои стихи по всей Руси великой, —
И столько мне пришлют яиц,
Что если гору их на площади Урицкой
Поможет мне сложить поклонников толпа —
То, выглянув в окно, уж не найдет Белицкий
Александрийского столпа.

Апрель 1921

* * *

Не только в древности неслышные слова
Природа темная певцам вещала славным:
И ныне с Оцупом беседует, как с равным,
На доме Зингера пустая голова.

10 июля 1921

* * *

Право же, только гексаметр сему избытию приличен.
Только в гексаметре можно воспеть красоту простокваши,
Слоем сметаны покрытой. Сметана же чуть розовата,
Персям купальщицы юной подобна по виду, а вкусом —
С чем бы сравнялась она?.. Борис, удалясь от супруги,
Вспомни лобзания дев босоногих, искусных в плясаньи,
Также в науке любви. Языком розоватым и тонким
Зубы твои размыкает, прелестная... Вкус поцелуя
Сладостный, — вдруг обретает тончайшую некую свежесть
С легкой и томной кислинкой. Таков же и вкус простокваши.

1921

¹ Я воздвиг памятник (лат.).

Люблю граненые стаканы
(Их любит каждый глупый сноб)
И ламп зеленые тюльпаны,
Бросающие света сноп.

Люблю чернильницы. Немало
Они вмещают черноты.
В них потаенно задремало
Осуществление мечты.

Мне книги слаще поцелуя,
Милей принцессовой руки,
Когда меж ними нахожу я
Малютки Бермана стишки.

А счеты! Я смотрю не морщась
На их кольчужные ряды,
Когда под пальцами конторщиц
Они бегут туды-суды.

Но лучше всех вещей — кубышка.
Напоминает мне порой
Ее прорезанная крышка
Уста Полонской дорогой.

Издатель! Друг! С лицом веселым
Мне чек скорее подмахни
И пресс-папье своим тяжелым
Автограф милый промокни.

Лазарь Берман

<1921–1922>

Люблю я старой толстой Сафо
 Бледно-голубенький дымок,
 Подобный дыму пироскафа,
 Когда с изяществом жирафа,
 Взбив на челе свой черный кок,
 Издатель Беренштейн Игнатий,
 Любимец муз и Кузмина,
 Мне говорит: «Прошу вас, нате», —
 У запотевшего окна, —
 А сам глистит не хуже, право,
 Чем пасынок глистящий мой,
 И распускает хвост, как пава,
 Остря уныло и гнусаво,
 Как Шершеневич молодой —
 Сей бурный вождь имажинистов,
 Любимый бард кокаинистов,
 Блистательный, как частный пристав
 Благих, умчавшихся времен,
 Мелькнувших, как счастливый сон, —
 Времен, когда в Москве старинной
 Я жил безгрешно и невинно,
 Писал не много, важно, чинно,
 И толстой Сафо не курил,
 И с Беренштейном не дружил.

<1921–1922>

АПОЛЛИНАЗМ

«На Лая лаем лай! На Лая лаем лаял...
 То пес, то лютый пес! Поспел, посмел!» То спел
 Нам Демодок, медок в устах тая. И таял,
 И Маем Майи маял, маем Майи млел.

Ты, Демодок, медок (медовый ток) замедли!
 Медовый ток лия — подли, помедли лить!

Сей страстный, сладный бред душе, душе не вред ли?
Душе, вдыхая вздох — паря не воспарить.

<1920-е гг.>

СОЧИНЕНИЕ

Ничек глаза таращит
На вокзальные часы,
Очень беспокоясь на счет
Женственной своей красы.

Ждет с любовным треволнением,
Что приеду я назад,
И взирает с нетерпением
В супротивный циферблат.

Завивает русы косы
И помадой щеки трет.
Но у ей глаза раскосы,
И всегда она урод.

<1925>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВРАГУ

Будут ли ясно сиять небеса
Иль вихорь подымет дикий, —
В среду, как только четыре часа
Пробьет на святом Доминике, —

Бодро вступлю я в подъезд «Родника»,
Две пули спрятавши в дуле;
Мимо Коварского, в дверь Вишняка
Войду — и усядусь на стуле.

Если обещанных франков пятьсот
Тотчас из стола он не вынет,
Первая пуля — злодею в живот,
Меня же вторая не минет.

Чугунная Маска

2 мая 1925

Париж

* * *

«Париж обитая, низок был бы я, кабы
В послании к другу не знал числить силлабы.

Учтивости добрый сим давая пример,
Ответствую тебе я на здешний манер:

Зван я в пяток к сестрице откушати каши,
Но зов твой, Бахраше, сестриной каши краше.

И се, бабу мою взяв, одев и умыв,
С нею купно явлюсь, друже, на твой призыв».

Фелициан Масла

Январь 1927

Париж

* * *

Трепетность его хорей изумительна.

В. Сирин

«Алек, чтобы в стройном гимне
Мог воспеть я образ твой,
Неприменно принеси мне
Ты названье мази той,
От которой то, что ноготь
Человеческий неймет,
Волчий клык и орлий коготь

С эпидермы не сдерет,
То, чего Психея трогать
Белым пальцем не рискнет,
Словом — деготь, деготь, деготь
Наконец со лба сойдет, —
Ибо длится проволочка,
Жизнь не в жизнь, в душе мертво,
Весь я стал как меду бочка
С ложкой дегтя твоего».

Прокаженный

Январь 1928

* * *

Общею Музою нашей была Бронислава когда-то.
Помню остроты ее, и черты, к сожалению, помню.
Что ж? Не по-братски ли мы сей девы дары поделили?
Ты унаследовал смех, а мне досталось уродство.

<1920-е гг.>

* * *

Сквозь журнальные барьеры
И в Париже, как везде,
Дамы делают карьеры,
Выезжая на метле...

<1920-е гг.>

* * *

Хвостова внук, о, друг мой дорогой,
Как муха на рогах, поэзию ты пашешь:
Ты в вечности уже стоишь одной ногой —
Тремя другими — в воздухе ты машешь.

<Конец 1920-х гг.>

Георгию Раевскому

Я с Музою не игрывал уж год,
 С колодою рука дружной, чем с лирой,
 Но для тебя — куда ни шло! Идет:
 Тринадцать строк без козырей! Контрируй!
 В атаку! В пики! Ну-ка, погляди:
 Пять взяток есть, осталось только восемь,
 Уж только семь! С отвагою в груди
 Трефового туза на бубну сносим.
 Он нам не нужен. Счастья символ сей
 Некстати нам. А впрочем — что таиться?
 Порою сердце хочет вновь забиться...
 А потому — отходим всех червей,
 Пока не стали сами — снедь червей.

<Конец 1920-х гг.>

НОЧЬ В ОТЕЛЕ СЕЛЬТИК

Илье Горбатову не спится.
 (Какой тут сон!?)
 «Садиться или не садиться?» —
 Все шепчет он.

В досаде Ньюша суетится
 (Она же б...):
 «Садиться мне или ложиться —
 Прошу сказать!»

И Шайбинг (Алексей Иваныч)
 Уж тут как тут:
 «Ишь, подняли вопросы на ночь,
 Спать не дают!»

<1930>

Тот, кто на дверь наклеил объявление, что каждую среду
Он принимает от трех до пяти, — непременно
Должен и каждую среду от трех до пяти находиться
Лично на славном посту, чтоб сотрудникам мудрым, но бедным
Чеки на триста монет раздавать благотворною дланью.

С почтением —

Дудкин

1930

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

В Академии Наук
Заседает князь Дундук —
А у нас их <тридцать> штук.

Отчего же их в Европе
Стало столько заседать?
Оттого, что каждой ж...е
Нужно было место дать.

2

Ты помнишь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
«Не довелось дожить, — промолвил он сурово, —
До новой свадьбы Милюкова».

3

Все изменилось под нашим зодиаком:
Уж Глебом стал Борис, а Вера стала раком.

С тех пор, к<a>к стал Антоний в моде,
 Евлогий сумрачно глядел —
 И никого во всем приходе
 Благословить он не хотел.

Песчинка как в морских волнах —
 Так он в Раисиных грудях.

<6>

Дарует небо человеку
 Замену зол и частых бед.
 Абрам Гукасов Казем-Беку
 Дал <восемь> франков на обед.

<7>

Иванов! Если ты с Ириной
 Был счастлив хоть бы миг единый, —
 Скажи судьбе: «Не помню зла!
 За все благодарю я небо —
 Она, как ветреная Геба,
 [Кормя Зевесова орла,]
 И мне немножечко дала».

<8>

Милюков: Gieb meine Jugend mir zurück!¹
Могилевский: Верни мне деньги, о Зелюк!

<1930–е гг.>

¹ Возврати мне юность мою! (нем.).

КУПЛЕТЫ

Un vrai Viandox stimule et réconforte¹...
Какие звуки! Да! Так вот зачем
На север шла латинская когорта
И в галльском стане реял надо всем,
Верцингеторикс, твой крылатый шлем!
Un vrai Viandox stimule et réconforte.

Un vrai Viandox stimule et réconforte!
Все истины вместились в сей одной.
Когда, кипя в чугунном чане черта,
Я из себя пущу бульон мясной,
Черт будет ей оправдан предо мной:
Un vrai Viandox stimule et réconforte.

Un vrai Viandox stimule et réconforte.
Он все дает: здоровый цвет лица,
И прыть в стихах, и прыть иного сорта.
Лелея в Мише мужа и певца,
Вари Viandox, Раиса, без конца.
Un vrai Viandox stimule et réconforte.

<1930-е гг.>

* * *

Не могу Вас не воспеть я,
Потому что мир земной
Вы три четверти столетья
Украшаете собой.

И чтоб голос мой был ярок,
Не звучал бы, как в гробу, —
Подношу я вам в подарок
Эту новую трубу.

<1930-е гг.>

¹ Настоящий Вяндокс стимулирует и подкрепляет (фр.).

* * *

Задумаешь его почтить эпिताмой —
Выходит эпитафия. Вздохнешь,
За эпитафью примешься — и что ж?
Она звучит невольной эпиграммой.

<Середина 1930-х гг.>

* * *

Г.Л.: Среду и субботу
Я решительно отверг,
Но засел бы за работу
С наслаждением в четверг,
А потом и всем собором
Где-нибудь у камелька
Да сойдется пленум в кворум,
Чтоб могучим гр<януть хором>
Песню в па<мять Дундука>.

<Апрель 1935?>

НА ПОГРЕБЕНИЕ ТЕЙТЕЛЯ

Макееву

На кифаре ли, на флейте ль
Будем петь печальну песнь —
Все равно наш бедный Тейтель
Превратился просто в плеснь.

В колеснице ли, в телеге ль
Повезут почтенный прах, —
Причитая, Соня Прегель
Побредет за ним в слезах.

Но — Макеев! — ты об этом
Не горюй и плеч не горбь,

Ибо власть дана поэтам
Претворять в веселье скорбь.

За душевной тяжкой мукой
Тризна тихая придет,
И крутым яйцом, и щукой
Подкрепит себя народ, —

И меж тем как Тейтель в гробе
Будет слушать грустный марш,
Будет в Сониной утробе
Перевариваться фарш.

И когда он превратится
В ровный, мягкий, сочный пласт,
Наша милая певица
Звуки дивные издаст.

<1930-е гг.>

* * *

О други! Два часа подряд
Склоняю слово: Бенсерад —
И огорчаюсь. Я не рад
Тому, что я не Бенсерад.

Подумайте! У Бенсерада
Был дом — конечно, не громада,
Но дом, и верно — не без сада.
В хозяйстве было все, что надо.
И потому, когда прохлада
С небес лилась на стогны града, —
Тотчас же звучная рулада
Со струн срывалась Бенсерада.

Мечты летели к Бенсераду,
И рифмовал он без надсаду,
Легко, приятно. Три дня к ряду —

И, кончив вовремя тираду,
Скакал в Версаль, как раз к параду,
И сам король за то в награду
Сиял, как солнце, — Бенсераду.

Как хорошо быть Бенсерадом!
Не одурманен славы чадом,
Пусть не был он родным ей чадом, —
А все ж потомство с гордым взглядом
К нему два века ходит на дом
И в лавках продает номадам
Открытки с честным Бенсерадом.

Закончим же о Бенсераде:
Когда теней в безмолвном стаде,
В глухой тоске, в сердечном гладе,
Пойду бродить, — в своей тетради
Кто обо мне хоть шутки ради
Черкнет, как я — о Бенсераде?

1935

ЖАЛОБА АМУРА

Амур в слезах Поэту раз предстал
И так ему сказал:
«Мой горестен удел: чуть сердца два взогрею —
Уж уступаю место Гименею!»

1935

ПРИНОШЕНИЕ Р. и М. ГОРЛИНЫМ

Друзья мои! Ведь вы слышали
О бедном магарадже том,
Который благотворным сном
Не мог забыться лет едва ли

Не десять? Всё он испытал:
Менял наложниц, принимал
Неисчислимыя лекарства,
Язык заглатывал, скликал
Ученых, йогов, заклинал
Богов — и Фельзена читал¹.
Не помогало. И — полцарства
За полчаса простого сна
Он обещал. «Да! вот цена
Богатства, власти, силы, славы!
Как все ничтожно, Боже правый!»
Так думал я, но глас лукавый
Шептал мне: «Стоит свеч игра!
Дерзай, пришла твоя пора!»
И я чрез водные пустыни
В страну индийских чар и грез
Статьи о Пушкине повез —
Те самые, которых ныне
Такой же точно экземпляр
Вам приношу в смиренный дар.

Меж тем, несчастливый властитель
Уж разуверился во всем,
Когда моих творений том
Был принесен в его обитель.
На книгу еле он взглянул,
Но всё ж лениво разогнул
И стал читать — и вдруг зевнул,
И вдруг, за десять лет впервые,
Он на подушки пуховые
Склонил венчанную главу,
Не кончив первую главу.
Придворными из залы тронной
В свою постель перенесен,
На пятый день проснулся он,
Румяный, свежий, благосклонный,
Но отказался наотрез

¹ Именно для чтения этого автора изучал он русский язык. — Прим. В.Ф. Ходасевича.

Со мною разделить корону:
Она, мол, вышний дар небес.
Что делать? Я к нему не лез,
Как звездочет к царю Додону,
Хорош в венце, хорош и без...
Вдвоем на троне было б тесно...
Не счесть алмазов, как известно, —
Далекой Индии чудес.
Мне дали три мешка — и вскоре
Пустился я в обратный путь.
Качало сильно в Красном море.
Решив от качки отдохнуть,
Остановился я в Марселе
Дня на два в небольшом отеле¹.
Был вечер. В номере своем
Я лег, волнуемый мечтами
О будущем. Я видел дом
Блистательный — и сад кругом
С невероятными цветами,
Где вскоре, вскоре буду с вами...
Нет, лучше сократить рассказ,
Ужасный для меня, для вас,
Для человечества, быть может!
Раскаянье мне сердце гложет!
Какой-то бес меня толкнул.
В полубеспамятстве мечтанья
Свою я книгу развернул —
Источник счастья и страданья.
Прочтя страницу, я заснул!
Так скорпион своим же ядом
Себя язвит в кольце огня.
Очнувшись в ярком свете дня,
Сокровищ не нашел я рядом:
Мешки украли!..

1937

¹ Я не решался еще продавать свои драгоценности и был стеснен в средствах. —
Прим. В.Ф. Ходасевича.

БЛОХА И ГОРЛИНКА

Басня

На пуп откупщика усевшись горделиво,
Блоха сказала горлинке: «Гляди:
Могу скакнуть отсюда красиво
До самых грудей».
Но горлинка в ответ: «Сие твое есть дело».
И — в облака взлетела.

Так Гений смертного в талантах превосходит,
Но сам о том речей отнюдь не водит.

<1930-е гг.>

При жизни В.Ф. Ходасевича вышло пять его стихотворных книг (три из них — двумя-тремя изданиями). Последнюю, вышедшую в 1927 г. в парижском издательстве «Возрождение», предворяла следующая заметка: «Отсутствие моих книг в продаже побудило меня к изданию этого сборника. Он составлен из “Путем зерна” и “Тяжелой лиры”, к которым, под общим заглавием “Европейская ночь”, прибавлены стихи, написанные в эмиграции. Юношеские мои книги “Молодость” и “Счастливый домик” не включены сюда вовсе». Это собрание стихов (ССт-27)¹ было переиздано Н.Н. Берберовой в 1961 г. с добавлением нескольких ст-ний, как опубликованных, так и оставшихся в рукописях. В 1983 г. был издан первый том Собрания сочинений (СС-1), представляющий собой попытку полного собрания ст-ний (добавления к этому основному корпусу стихов появились в 1990 г. в СС-2). В 1989 г. опубликован том «Стихотворения» (БП), первое издание стихов Ходасевича, вышедшее на родине поэта после 1922 г. В него вошло значительное количество неизвестных составителям СС-1 ст-ний, как обнаруженных в периодике, так и хранящихся в российских архивах. В 2001 г. издан том «Стихотворения» в «малой серии» «Новой библиотеки поэта», в основу которого положено было ССт-27 с добавлениями.

Нынешнее издание является самым полным из изданий ст-ний Ходасевича. Оно включает в себя все вышедшие при жизни поэта книги, публикации, появившиеся в периодических изданиях, и целый ряд стихов, не собранных в книги и не опубликованных при жизни автора. В основу нашего издания — в части, соответствующей последним трем стихотворным книгам Ходасевича, — положен последний прижизненный сборник 1927 г. и значительно переработанное СС-1. За основным собранием пяти стихотворных книг следуют два раздела: не собранное Ходасевичем в книги, а затем не опубликованное при жизни и неоконченное (отчасти черновики). Как своеобразное подразделение выделены шуточные стихи.

Справки об истории издания отдельных поэтических книг Ходасевича приводятся в примечаниях к соответствующим разделам. В примечаниях даны

¹ Условные сокращения, принятые в примечаниях, см. на с. 350–351. — *Прим. сост.*

сведения о первых публикациях и разночтения. (Отсутствие указания на первую публикацию означает, что ст-ние впервые появилось в первом издании названного сборника; пунктуационные различия, за редким исключением, не оговариваются.) В примечаниях использованы составленный Ходасевичем список его ст-ний 1904–1937 гг. и авторские комментарии к текстам, вошедшим в ССт-27. Эти комментарии (КХ) были записаны поэтом в экземпляр книги, принадлежавшей Н.Н. Берберовой, и впервые опубликованы ею в издании 1961 г. Что касается списка ст-ний (СХ — ныне в фонде М.М. Карповича в Бахметевском архиве при Колумбийском университете), то, не будучи исчерпывающе и абсолютно точным, он послужил, однако, незаменимым подспорьем при подготовке настоящего тома. Он состоит из двух частей. Первая часть содержит упоминания о стихах, написанных до отъезда поэта в эмиграцию (последним здесь названо ст-ние «Жизель»). Эта часть списка переписана рукой матери Н.Н. Берберовой и переслана Ходасевичу в Берлин. Продолжение записывалось самим поэтом и доведено до 1937 г. (В нем, как правило, не названы незавершенные и шуточные стихотворения.) По-видимому, Ходасевич воспользовался этим списком при внесении дат и комментирующих записей в экземпляр ССт-27, ныне хранящийся в фонде Н.Н. Берберовой в библиотеке Байнеке Йельского университета. У нас была возможность сличить оба документа в оригинале и еще раз их проверить. В примечаниях сразу после названия ст-ния и сведений о первой публикации указывается на СХ и КХ. Затем приводятся биографические комментарии к КХ и историко-литературные комментарии к самому ст-нию.

В примечания включены материалы архивных собраний (в первую очередь черновые тексты), ныне хранящиеся и в библиотеке Байнеке и в Бахметевском архиве. Эти рукописи были сохранены Н.Н. Берберовой после ареста последней жены поэта, О.Б. Марголиной, погибшей в гитлеровском концентрационном лагере. Также нами учтены архивные сведения в БП. Большая часть этих сохранившихся рукописей стихотворных текстов содержится в трех тетрадах в архиве Карповича. Одна из них названа самим автором «кленчатой», остальным двум нами присвоены названия «черной» и «красной». При описании черновых рукописей варианты даны нами в той последовательности, в какой шла работа поэта. (Последовательность обозначена буквами латинского алфавита.) Стихи и строфы, совпадающие в рукописях с печатным текстом, как правило, не воспроизводятся. В квадратных скобках дается зачеркнутое автором; в угловых — редакторские конъектуры. Составители работали почти исключительно с материалами зарубежных архивов; российскими же архивами пользовались ограниченно, оставляя дальнейшую работу для российских исследователей.

Орфография текстов безоговорочно приведена к современной (за исключением тех немногих случаев, когда это вступало бы в противоречие со смыслом или звучанием стиха), также безоговорочно исправлены явные опечатки.

Однако пунктуация, за которой Ходасевич тщательно следил, в основном сохранена.

Как свидетельство поэтических предпочтений Ходасевича, в приложении помещаем два вступления с указателями к антологиям, составленным им для «Универсальной библиотеки» (Москва: Книгоиздательство «Польза», В. Антик и К^о) в 1914 г.

Выражаем глубокую благодарность сотрудникам библиотек и архивов, способствовавшим нашей работе. Особое слово признательности — Н.Н. Берберовой, Евгению Бешенковскому, С.И. Богатыревой, Н.А. Богомолу, В.Ф. Маркову, Ольге Раевской-Хьюз и Лазарю Флейшману за помощь в подготовке к публикации и в комментировании текстов Ходасевича. В ходе работы над изданием отзывчивость и содействие А.В. Бахраха, И.И. Ивича-Бернштейна, В.В. Вейдле, Д.Б. Волчека, С.А. Карлинского, С.М. Карповича, И.С. Мавковского, О. Ронена, М. Сикссмита и Г.П. Струве позволили ввести в настоящий том новые тексты и добавить ценные сведения в наши примечания. Племянница поэта, Нина Нидермиллер, любезно предоставила в наше распоряжение фотографии из семейного альбома.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

БА — Фонд М.М. Карповича, Бахметевский архив при Колумбийском университете (Нью-Йорк).

БП — Ходасевич В. Стихотворения. Библиотека поэта, большая серия / Вступ. ст. Н.А. Богомолу; Сост., подг. текста и прим. Н.А. Богомолу и Д.Б. Волчека. Л.: Сов. писатель, 1989.

В — газета «Возрождение» (Париж).

ЕН — Ходасевич В. Европейская ночь (третий раздел в ССт-27).

ЗК — Записная книжка В.Ф. Ходасевича 1904–1908 гг. с беловыми автографами стихотворений (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 17).

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).

КЖ — Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. М.: Эллис Лак 2000, 2002.

КМ — Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996.

КХ — пометы В.Ф. Ходасевича на экземпляре ССт-27, принадлежавшем Н.Н. Берберовой (ныне в библиотеке Байнеке Йельского университета, США).

М — Ходасевич В. Молодость: Первая книга стихов. М.: Гриф, 1908.

Н — Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому / Под ред. Н. Богомолу и И. Андреевой. М.: СС, 1996.

- ПЗ-1 — *Ходасевич В.* Путем зерна: Третья книга стихов. М.: Творчество, 1920.
- ПЗ-2 — *Ходасевич В.* Путем зерна: Третья книга стихов. 2-е изд. Пг.: Мысль, 1922.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
- РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).
- СД-1 — Счастливый домик: Вторая книга стихов. М.: Альциона, 1914.
- СД-2 — Счастливый домик: Вторая книга стихов. 2-е изд. Пб.; Берлин: Изд. З.И. Гржебина, 1922.
- СД-3 — Счастливый домик: Вторая книга стихов. 3-е изд. Берлин; Пб.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1923.
- СЗ — журнал «Современные Записки» (Париж).
- СС (96–97) — 1; 2; 3; 4 — *Ходасевич В.* Собрание сочинений: В 4 т. М.: Согласие, 1996–1997.
- СС-1 — *Ходасевич В.* Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения / Под ред. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. Ann Arbor: Ardis Press, 1983.
- СС-2 — *Ходасевич В.* Собрание сочинений. Т. 2: Статьи и рецензии. 1905–1926. Ann Arbor: Ardis Press, 1990.
- ССт-27 — *Ходасевич В.* Собрание стихов. Париж: Возрождение, 1927.
- ССт-61 — *Ходасевич В.* Собрание стихов (1913–1939) / Ред. и прим. Н.Н. Берберовой. [München], 1961.
- СХ — составленный Ходасевичем список его стихотворений 1904–1937 гг. (фонд М.М. Карповича; Бахметевский архив при Колумбийском университете, США).
- ТЛ-1 — *Ходасевич В.* Тяжелая лира: Четвертая книга стихов. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922.
- ТЛ-2 — *Ходасевич В.* Тяжелая лира: Четвертая книга стихов. Берлин; Пб; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1923.

МОЛОДОСТЬ

Молодость — первое и единственное издание вышло в Москве в книгоиздательстве «Гриф» в конце февраля или самом начале марта 1908 г. (5 марта датирован инскрипт С.В. Киссину, хранящийся в собрании Л.С. Киссиной.) Вопреки авторскому подзаголовку («Стихи 1907 года») в книгу вошли ст-ния 1905–1907 гг. Следующий черновой набросок, видимо, планировался как предисловие к сборнику. «Чувствую ясно, что какая-то полоса в моей жизни кончилась. Она длилась недолго. Какие-нибудь четыре-пять лет протекли с

тех пор, как мое существование стало сознательно. Но эти годы навсегда останутся в моей памяти овеянными синим светом сумеречной печали, закатной боли.

Я выпускаю книгу моих первых молитв, когда слова неуверенны, лик Бога смутен.

[Но чудится мне: какие-то молитвы я должен пропеть.]

Принеся первые жертвы, я снова молюсь Ему: дай услышать лирный голос Твой, дай увидеть Лик Твой — молниеносный» (БП. С. 361).

В 1921 г. петербургское издательство «Эрато» взялось выпустить второе издание М и издание стихов Самуила Киссина (Муни; см. прим. к ст-нию «В моей стране»). Книжки должны были появиться одновременно, о чем Ходасевич известил Л.Я. Брюсову (Киссину) в письме от 28 октября 1921 г. (см.: *Киссин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 257*). Для нового издания Ходасевичем было написано следующее предисловие: «Эта книжка впервые вышла в 1908 г., в “Трифле”. Ряд стихотворений тогда же подвергся более или менее значительным исправлениям, которые, впрочем, вносятся только в нынешнее издание, так как сделаны были в то время, как первое уже печаталось, а отчасти и позже, летом 1908 г. Чтобы кто-нибудь не заключил из этих слов, будто в теперешнем виде книга мне представляется хорошей, — скажу прямо: нет, это очень слабая книжка, и мила она мне не литературно, а биографически. Она связана с дорогими воспоминаниями. Ее заглавие, когда-то звучавшее горькой иронией, стало теперь точным обозначением: да, это моя молодость, то, с чего я начинал. Есть в ней отзвуки той поры, когда символизм еще не сказал последнего своего слова, когда для некоторых, особенно таких юных, каков был я, он еще не застыл в формах литературной школы, а был способом чувствовать, мыслить и, более того, — жить. Эта книжка связана для меня с воспоминанием о людях, из которых одни уже умерли, других я давно не видел и, может быть, не увижу, третьих пришлось вычеркнуть прочь из сердца. Самые стихи эти значат теперь для меня не то, что значили некогда: многое было в них намеком на чувства, давно изгладившиеся, на события, потерявшие былое значение, а то и вовсе забытые. Вижу, что даже отдельные образы, строки, слова этих стихов имели когда-то особый, ныне затерянный смысл. И не за литературные недостатки вычеркнул я теперь из “Молодости” около пятнадцати пьес, — таких недостатков слишком достаточно и в оставшейся части, — а потому, что сам перестал понимать их. Но и об оставленных я бы мог сказать словами поэта, дорогого мне в ту далекую пору: Как змей на сброшенную кожу, / Смотрю на то, чем прежде был. 23 окт<ября> 1921. Петербург» (архив В. Ивича). Этот план не был осуществлен, и состав предполагавшегося издания неизвестен.

Сборник посвящен Марине Эрастовне Рындиной (1887–1973) — первой жене Ходасевича. Они обвенчались 24 апреля 1905 г. в московской Николаевской, при Румянцевском музее, церкви. Посаженным отцом был В.Я. Брю-

сов. «В 1905 “страшный враг всяких обрядов” (Брюсов. — *Ред.*) сам вызвался быть шафером у меня на свадьбе и держал надо мною венец в церкви Румянцевского музея» (*Ходасевич В.Ф.* Книга о Брюсове // В. 1930. № 1682 (9 января)). По свидетельству современников, Рындина была исключительно красива. В.А. Милашевский, например, видел ее на посмертной выставке Серова в Петербурге зимой 1913/14 года и пишет, что она выделялась «духом эпохи» и красотой даже между такими знаменитыми красавицами, как Паллада Скуратова <Богданова-Бельская>, Ольга Глебова-Судейкина и Анна Ахматова (см.: *Милашевский В.А.* Вчера, позавчера... Воспоминания художника. 2-е изд. М., 1989. С. 94–95). Анна Ивановна Чулкова, вторая жена Ходасевича, вспоминала: «В восемнадцать лет Владя женился на Марине Рындиной из очень богатой семьи. Марина была блондинка, высокого роста, красивая и большая причудница. Одна из ее причуд была манера одеваться только в платья белого или черного цвета. Она обожала животных и была хорошей наездницей. Владя рассказывал, что однажды, когда они ехали на рождественские каникулы в имение Марины, расположенное близ станции Бологое, она взяла с собой в купе следующих животных: собаку, кошку, обезьяну, ужа и попугая. Уж вообще был ручной, и Марина часто надевала его на шею вместо ожерелья. Однажды она взяла его в театр и, сидя в ложе, не заметила, как он переполз в соседнюю ложу и, конечно, наделал переполох, тем более что его приняли за змею. <...> Марину я позже встречала в Московском литературно-художественном кружке. Одетая в черное или белое платье, с высокой прической, на которую она надевала золотой раздвижной браслет — бирюза с жемчугом, — она напоминала сказочную царевну. Хороша она была и днем, когда ехала по Кузнецкому мосту на своих лошадях, откинувшись в коляске на бархатные подушки. О душевных ее качествах Владя мне мало говорил. Во всяком случае, любовь Влади к Марине сказалась в его первой книге стихов “Молодость”, вышедшей в 1905 году (в оригинале так. — *Ред.*). Сам Владя в те годы был большим франтом. <...> Однажды Владя по издательским делам поехал в Петербург. За время его отсутствия Марина сошлась с Сергеем Константиновичем Маковским — поэтом и издателем “Аполлона”» (*Ходасевич А.И.* Воспоминания о В.Ф. Ходасевиче / Вступ. ст. и подг. текста Л.В. Горнунга // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 393–394). Ср. в мемуарах Ходасевича: «В августе 1907 года из-за личных горестей поехал я в Петербург на несколько дней — и застрял надолго: не было сил вернуться в Москву. С литераторами я виделся мало и жил трудно. Ночами слонялся по ресторанам, игорным домам и просто по улицам, а днем спал» (Н. С. 58). О Рындиной см. также: *Белый А.* Между двух революций. Л., 1990. С. 222; *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 257; *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 263–264, 276. Ходасевич и Рындина разошлись в декабре 1907 г.; развод был оформлен в конце 1910 г., и она стала женой С.К. Маковского.

М.Э. Рындина с мужем и детьми (два сына и дочь) уехала из Петербурга на Юг России в 1917 г., откуда они эмигрировали в Прагу. Через несколько лет Маковский переехал в Париж, а Марина Эрастовна с детьми — на Ривьеру, где в Ментоне жила Юлия Павловна Маковская, мать ее мужа. Вот что пишет о ней Владимир Вейдле: «Прошло несколько лет, и я увидел ее самое, правда, лишь мельком, в одной из комнат редакции “Возрождения”. Она приехала, кажется, с юга Франции — или, может быть, из Праги — на короткое время в Париж и повидала тут бывших своих мужей: Маковского, который развелся с ней (не помню уж когда), а затем и Ходасевича. Красавицей она больше не была. Совсем как рукой сняло, хоть и оставалась миловидной и еще не старой женщиной» (О тех, кого уже нет. 37. Сергей Маковский // Новое Русское Слово. 1977. 1 мая). Ее портрет, написанный А.Я. Головиным в 1912 г. (хранится в Государственном Русском музее), воспроизведен в кн.: Александр Головин. М., 1981. Репродукция № 57.

Под одним стихотворением — «Ряженные» — стоит дата «1906». Даты под текстами в настоящем издании сделаны на основании и материалов архивов, и авторских указаний в СХ. Сборник печатается по М.

Название дано книге по второму стихотворению: «Нет, молодость, ты мне была верна...»

Наиболее значительные рецензии: Брюсов В.Я. Дебютанты // Весы. 1908. № 3. С. 79–80; Гофман В. В. Ходасевич. Молодость. Стихи 1907 года // Русская Мысль. 1908. № 7 (отд. III). С. 143–144.

В моей стране

В моей стране — Образование. 1907. № 10а. С. 44. Без даты и без посвящения; с искаженной четвертой строчкой: И ноги пахарь, как пламя, жжет ремень.

Беловой автограф в письме к А.И. Тинякову от 14 июня 1907 г. (РНБ, архив А.И. Тинякова; черновой автограф (РГАЛИ).

СХ: 1907, лето, Лидино.

Муни — псевдоним поэта Самуила Викторовича Киссина (1885–1916). Родился в еврейской семье, с 1906 г. ближайший друг и литературный соратник Ходасевича, написавшего о нем очерк (Н). Во время войны служил в армии воинским чиновником и сопровождал санитарные поезда. Во время одной из таких поездок, 22 марта 1916 г., он и застрелился. О нем см.: Андреева И. Свидание «у звезды» // Киссин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 261–390. Там же опубликованы воспоминания Ходасевича о нем и их переписка; Белый А. Между двух революций. Л., 1990. С. 221–223.

В третьей строфе впервые появляются в стихах Ходасевича образы, которые позднее будут повторены в ст-нии «Путем зерна» из одноименного сбор-

ника, также посвященного Муни. Отзвуки ст-ния слышны в одноименном ст-нии В.Я. Брюсова (1909).

Лидино — имение дяди М.Э. Рындиной Ивана Александровича Торлецкого в Новгородской губ. «В его (Торлецкого. — *Ред.*) имении был прекрасный барский дом, окруженный липовым парком. В парке стояла церковь, если не ошибаюсь — XVII столетия. <...> Кроме большого дома было еще четыре поменьше. Одного из них, совсем маленького, всего в две комнаты, я уже не застал: в середине девяностых годов он сгорел» (*Ходасевич В.* О лгунах // В. 1929. № 1577. 26 сентября). В более ранней статье (*Обывательский Пушкин* // В. 1927. № 734. 6 июля) Ходасевич пишет: «Мне самому в 1905–1907 гг. довелось жить в одном таком имении (где, по легендам, бывал Пушкин. — *Ред.*), с “уголками” и с креслами у каминов. Находилось оно в Новгородской губ., возле Бологое, и называлось Лидино. Но было у него и другое, лишь в бумагах сохранившееся название: Заимка. Под этим названием принадлежало оно некогда лицейскому товарищу Пушкина, Ф.Ф. Матюшкину, тому самому, о котором так хорошо говорится в “19 октября 1825 г.”. Был в Лидине дом, обставленный старинной мебелью красного дерева, снятой Матюшкиным с какого-то корабля. Был даже огромный буфет, в котором посуда не ставилась, а особым образом подвешивалась — на случай качки». (Об этой мебели, в 1918 г. оказавшейся в квартире, где жил Гумилев, см.: Н. С. 84.)

«Нет, молодость, ты мне была верна...» — СХ: 1907, лето, Лидино.

Создавая портрет-шарж Ходасевича, Андрей Белый пользовался образами этого ст-ния (как и других стихов М). «Жалкий, зеленый, больной с личиком трупика, с выражением зеленоглазой змеи, мне казался порою юнцом, убежавшим из склепа, где он познакомился уже с червем; вздев пенсне, расчесавши пробориком черные волосы, серый пиджак затянувши на гордую грудку, года удивлял нас уменьем кусать и себя и других, в этом качестве напоминая скорлупчатого скорпионика. Делалось жутко» (*Белый А.* Между двух революций. Л., 1990. С. 223).

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Вокруг меня кольцо сжимается...» — Корабли. М., 1907. С. 151. Без даты, как второе ст-ние цикла «Молодость». (Другие ст-ния цикла: 1) «Ряженые», 3) «Все тропы проклятью преданы...», 4) «Один, среди речных излучин...»; все они вошли в первую часть М.)

СХ: 1906, 18/XI.

Беловой автограф (ЗК).

«Один, среди речных излучин...» — Корабли. С. 151. Без даты, как четвертое ст-ние цикла «Молодость». С разночтением в ст. 5: И мысли стали тайней, строже...

СХ: 1906, осень, Лидино.

Беловой автограф (ЗК).

Как силуэт — СХ: 1907, лето, Лидино.

Пуантель — неологизм Ходасевича, образованный от французского *pointe* — «точка»; ср. также название течения в живописи конца XIX – начала XX в.: *pointillisme*.

Черновой автограф (РГАЛИ).

В списке стихов (ЗК) — под названием «Триолеты». В рабочей тетради Ходасевича (РГАЛИ) сохранился набросок переработки этих стихов, датированный 28 февраля 1917 г. По этой переработке в первом ст-нии ст. 5–6:

Ломая руки, к небу и листве
Возносишь их изгибом иступленным...

Второе ст-ние:

Там, за стволами, быстрая река
Колеблет пятна лунной пуантели.
Мой бедный друг! черна и глубока
Там, за стволами, — быстрая река!
Здесь проведешь, придя издалека,
Две краткие, но горькие недели...
Смотри без слез, как быстрая река
Колеблет пятна <лунной пуантели>...
(БП. С. 362–363)

Осень — Перевал. 1907. № 4 (февраль). С. 37–38. Без даты.

СХ: 1905, 1/Х.

Упоминание *органа* в ст. 12 указывает, что храм здесь католический (Ходасевич был воспитан католиком; см. прим. к ст-нию «Матери» в СД).

Беловой автограф (ЗК), где вместо ст. 13–16:

Целый Мир — только Осень, да я, да священник...
Но придут.
Уведут...
Мне больно, мне больно, я — пленник.
(БП. С. 363)

Sanctus Amor — Перевал. 1907. № 4 (февраль). С. 37. Без даты.

СХ: 1906, 8/Х — 1907, 8/І.

Петровская, Нина Ивановна (1879–1928) — писательница круга символистов, жена поэта и владельца издательства «Гриф» С.А. Соколова (Кречетова). Автор сборника рассказов «Sanctus Amor» (М.: Гриф, 1908). Ходасевич был с нею хорошо знаком и написал воспоминания о ней: «Конец Ренаты» (Н). В них он пишет: «У Белого было стихотворение “Преданье”, в котором иннос-

казательно и эвфемистически изображалась история <его> разрыва с Ниной» (Н. С. 55–56). В этом ст-нии (1903; сб. «Золото в лазури»), посвященном С.А. Соколову, где Белый изображает себя пророком, а Петровскую «сибиллой в храме», II строфа пятой части читается:

Забыв алтарь. И заплетен
уж виноградом диким мрамор.
И вот навеки иссечен
старинный лозунг: «Sanctus amor».

О сложных взаимоотношениях Петровской, А. Белого и В.Я. Брюсова, на которые проецируется сюжет ст-ния Ходасевича, см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 530–589. Несколько ее писем к Ходасевичу опубликованы: Из переписки Н.И. Петровской / Публ. Р.Л. Щербакова, Е.А. Муравьевой // Минувшее. Исторический альманах. 14. М.; СПб., 1993. С. 369–391; *Garetto E.* Intrecci berlinesi: dalla corrispondenza di Nina Petrovskaja con V.F. Chodasevič e M. Gor'kij // *Europa orientalis.* 1995. XIV. No. 2. С. 122–140; «Все или ничего». Последние письма Н.И. Петровской / Предисл., публ. и комм. Дж. Малмстада // Диаспора. VIII. Париж; СПб., 2007. С. 281–300.

Утро («Молчи, склони свое лицо...») — СХ: 1907, лето, Лидино.
Черновой автограф под названием «Утром» (РГАЛИ).

«Протянулись дни мои...» — СХ: 1907, лето, Лидино.

Беловой автограф в письме к А.И. Тинякову от 29 июня 1907 г. (РНБ, архив А.И. Тинякова); беловой автограф в письме к Г.Л. Малицкому от 17 августа 1907 г. (РГБ, архив Л.В. Горнунга; машинописная копия Л.В. Горнунга с автографа в частном архиве).

Ряженные — Корабли. С. 150; как первое ст-ние цикла «Молодость». Дата: Лидино, дек. 905.

СХ: 1906, 1/1, Лидино.

Беловой автограф (ЗК) с посвящением «М» (М.Э. Рындиной). Здесь исправлены заглавие («Уличные маски») и последние два стиха:

И полночная шутка
Вдруг на веки протянется?!
(БП. С. 363)

Беловой автограф под заглавием «Уличные маски» (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Гадание — СХ: 1907, лето, Лидино.

Эпиграф — из «Евгения Онегина», гл. 5, VII, 6, где описывается традиционное святочное гадание.

«Все тропы проклятью преданы...» — Корабли. С. 151. Без даты, как третьеступенчатый цикл «Молодость».

СХ: 1907, начало.

Беловой автограф под заглавием «Молодость» (ЗК).

К портрету в черной рамке. *Послание к **** — Перевал. 1907. № 11 (сентябрь). С. 45. Без даты.

СХ: 1907, лето, Лидино.

Ст. 14 — цитата из ступенчатого А.А. Блока «Так. Неизменно всё, как было...» (10 октября 1905 г.). Эту же строку цитирует Н.И. Петровская в письме к Ходасевичу от 29 апреля 1907 г. (см.: Минувшее. 14. С. 373).

Сребролюбивый возчик душ — Харон, перевозчик теней умерших (плативших серебряной монетой обол) через реку Стикс в подземное царство Аид (греч. миф.).

Беловой автограф с подзаголовком «Послание к Нине Петровской» в письме к Г.Л. Малицкому от 17 августа 1907 г. (РГБ; см. прим. к «Протянулись дни мои...») с разночтением в ст. 15: «В даль отвратил свое кормило» (БП. С. 364); черновой автограф под заглавием «К портрету» (РГАЛИ).

Ночи — СХ: 1907, лето, Лидино.

Сергей Кречетов — псевдоним поэта Сергея Алексеича Соколова (1878–1936), редактора ж. «Перевал» (где Ходасевич служил секретарем), издателя-редактора альманаха «Гриф» (М., 1903–1905, 1914), в третьем номере которого стихи Ходасевича были впервые напечатаны (см. ступенчатые «Осенние сумерки», «Зимние сумерки» и «Схватил я дымный факел мой...» и прим. к ним). В своих воспоминаниях Мариэтта Шагинян пишет, как Ходасевич в этот период «ходил часто» к ней и «рассказывал про свою великолепную свадьбу с Мариной, где посаженным отцом был сам Брюсов, а шафером “примазался” издатель “Грифа” Соколов-Кречетов, и он, Ходасевич, тут же на свадьбе сложил на него эпиграмму:

Венчал Валерий Владислава, —
И “Гриф” слава дорога!
Но Владиславу — только слава,
А “Гриф” — слава да рога.

Намек на Нину Петровскую, жену “Грифа” и “спутницу” Брюсова...» (Новый мир. 1973. № 5. С. 164–165). См. также воспоминания второй жены

Соколова: *Рындина Л.* Ушедшее // Мосты. 1961. № 8. Когда Соколов ушел на фронт в 1914 г., изд-во прекратило свою деятельность. В годы войны находился в плену, в 1919–1922 гг. служил при генерале Врангеле, позже эмигрировал. В Берлине владел издательством «Медный Всадник», умер в Париже. Ходасевич написал его некролог (В. 1936. № 4012 (28 мая)).

Беловой автограф в письме к А.И. Тинякову от 29 июня 1907 г. (РНБ, архив А.И. Тинякова); черновой автограф (РГАЛИ), где после ст. 12 еще две строфы:

(Дождливый утром мы отыщем
Полуиссохший водоем,
О, не отрадно будет нищим
Гнилую воду пить — вдвоем.)

Взывайте, псы сторожевые.
Сегодня там же, где вчера,
Кочевий скудных дети злые,
Как вы, грызутся у костра.
(БП. С. 364)

«Опять во тьме. У наших ног...» — СХ: 1907, лето, Лидино.

Скрупул — единица измерения малых весов, $\frac{1}{24}$ унции. Образность IV строфы связана с преданием о крестных муках Христа: «И тотчас побегал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить» (Мф. 27: 48).

Черновой автограф (РГАЛИ). В нем первые четыре строфы помечены 23 мая, остальные — 25 мая. Строфа V выглядит в нем так:

Увы, безмолвные друзья,
Потомки мудрого Улисса,
Не зарастет моя стезя
Цветами желтого нарцисса.
(БП. С. 364)

Кузина

Зарница — Мир Искусств (Киев). 1907. № 9/10. С. 8. Без даты.

СХ: 1907, 26/I.

Черновой автограф с пометой «Переделать» (РГАЛИ), в котором, начиная со ст. 7, содержится другой вариант:

Я, полон давними поверьями,
Всхожу на тихое крыльцо.

Шепчу: надежды, снова чисты вы!
Любовь, на мне твои лучи.
Но вещей ветер, друг неистовый,
Взмолился: милый! Не стучи!
[Как можно? Разве даром пролиты
Потоки слез? Ступай, ты лжешь!
Молчи, молчи: не знаешь, что ли, ты?
Сегодня дозревает рожь!

Не для тебя стихи расставлены.]
(БП. С. 365)

Звезда — Рувль. 1908. № 30 (14 февраля). Без даты.

СХ: 1907, лето, Лидино.

Беловой автограф в письме к А.И. Тинякову от 14 июня 1907 г. (РНБ, архив А.И. Тинякова); черновой автограф (РГАЛИ).

Стихи о кузине — Эпиграф к циклу — заглавие стихотворения Г. Гейне «Mädchen mit dem roten Mündchen», 50-я часть цикла «Die Heimkehr» («Возвращение на родину», 1823–1824) в сб. «Buch der Lieder» («Книга песен»). К пониманию слова *кузина* см.: «Ты мне казалась близкой и родной. / И я шутя назвал тебя кузиной. / О муза милая!..» (В. Ходасевич. «К музе», 1910).

I. Она — СХ: 1907, август, Лидино.

Черновой автограф (РГАЛИ).

II. Старинные друзья — Литературно-художественная Неделя (М.). 1907. № 2 (24 сентября). С. 2; как вторая часть цикла «Сантиментальные стихи». Цикл датирован: 1907. Лето. (Первая часть цикла — «Цветку Ивановой ночи».) Об этой недолго издававшейся еженедельной газете, редакторами которой были В.И. Стражев, Б.К. Зайцев и П.П. Муратов (все трое друзья Ходасевича), см.: *Белый А.* Между двух революций. С. 221–227.

Эпиграф — из второго четверостишия сонета В.Я. Брюсова «Отвержение» (1901; «Urbi et orbi»):

Мне чужды с ранних дней — блистающие весны
И речи о «любви», заветный хлам витий;
Люблю я кактусы, пасть орхидей да сосны,
А из людей лишь тех, кто презрел «не убий».

СХ: 1907, лето, Лидино.

Беловой автограф двух первых строф (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ) под заглавием «Сонет с соловьем».

III. **Воспоминание** — Руль. 1908. № 21 (2 февраля). Без даты. С подзаголовком: (Из «Стихов о кухне»). С разнотечением в ст. 13: Внезапно — молния и гром,

СХ: 1907, Петербург, осень.

Ауслендер, Сергей Абрамович (1886 или 1888–1937) — прозаик круга символистов, племянник М.А. Кузмина. Первый сборник его рассказов («Золотые яблоки») вышел в том же году (1908) и в том же издательстве («Гриф»), что и М. С Ауслендером Ходасевич познакомился в августе 1907 г. в Петербурге через Нину Петровскую. «Вдруг приехала Нина Петровская, гонимая из Москвы неладом с Брюсовым и минутной, угарной любовью к одному молодому петербургскому беллетристу, которого “стилизованные” рассказы тогда были в моде» (Н. С. 58). Ауслендеру посвящен ее сборник рассказов «Sanctus Atog». См. также письмо Петровской к В.Я. Брюсову от 25 сентября 1907 г. (Валерий Брюсов и Нина Петровская. Переписка: 1904–1913 / Вступ. ст., подготовка текста, комм. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М., 2004. С. 237–239).

IV. **Кузина плачет** — СХ: 1907, август.

Черновой автограф (РГАЛИ).

Романс («Накинув плащ, с гитарой под полою...») — СХ: 1907, сентябрь, начало.

Строки, выделенные курсивом, — цитата из популярного романса «Серенада» неизвестного композитора на слова В.А. Соллогуба. Текст романса не вполне соответствует тексту Соллогуба (см.: Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта). С. 575–576 и прим. на с. 1031).

Поэт. Элегия — СХ: 1907, апрель, Пасха, Лидино.

Строки, выделенные курсивом, — цитата из лицейского стихотворения А.С. Пушкина «Певец» (1816).

Черновой автограф (РГАЛИ).

«**Вечер холодно-весенний...**» — СХ: 1907, весна, Лидино.

Черновой автограф (РГАЛИ).

Вечером синим — Юность. Сб. 1. М., 1907. С. 4; как второе стихотворение цикла «Intérieurs». Без даты. (Первое стихотворение — см. ниже.)

СХ: 1907.

«**За окном гудит метелица...**» — Юность. Сб. 1; как первое стихотворение цикла «Intérieurs». С датой: 1907, февраль.

СХ: 1907, февраль.

Беловой автограф в рукописном сборнике «Дóма» (М., 1920; собрание А.Ф. Чистякова).

Кольца — СХ: 1907, ноябрь.
Ср. со ст-нием А.А. Фета «Кольцо» (1840).

Passivum — Рувль. 1908. № 19 (31 января). Без даты.

СХ: 1907, лето, Лидино. Там же Ходасевич ошибочно указывает, что ст-ние впервые было напечатано в «Перевале».

Беловой автограф в письме к А.И. Тинякову от 14 июня 1907 г. (РНБ, архив А.И. Тинякова); беловой автограф (без названия) в письме к Г.Л. Малицкому от 17 августа 1907 г. (РГБ; см. прим. к «Протянулись дни мои...»); черновой автограф (РГАЛИ), в котором после I строфы следовала еще одна, зачеркнутая:

Какой воздушной, тонкой кистью
Он был к моей прицеплен жизни.
И места нет на мирной тризне
Ни вдохновенью, ни наитью.
(БП. С. 366)

«Мои слова печально кротки...» — Час. 1907. № 76 (21 декабря). Без даты.
СХ: 1907, август, Лидино.

За снегами — Эпиграф — из рассказа Ф. Сологуба «Елкич. Январский рассказ» (см.: *Сологуб Ф.* Истлевающие личины. М.: Гриф, 1907).

СХ: 1907, Петербург, осень.

О чтении этого ст-ния Ходасевичем вспоминала В.Н. Муромцева-Бунина: «...Ходасевич, самый юный, но уже женатый, закончил этот литературный вечер. Читал он немного нараспев, с придыханием, запомнился эпиграф Сологуба к одному из стихов: “Елкич с шишкой на носу”. Мне в его стихах и придыханиях почудилось обещание» (*Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 263).

«Время легкий бисер нижеет...» — СХ: 1907, декабрь. Там же после даты Ходасевич приписал: «Анненск».

В своем беглом отзыве о М в статье «О современном лиризме 2. Они» И.Ф. Анненский цитирует это ст-ние целиком (см.: *Аполлон.* 1909. № 2. С. 29; *Анненский И.Ф.* Книги отражений. М., 1979. С. 381) и так комментирует его: «Верлен, во всяком случае, проработан хорошо. Славные стихи и степью не пахнут. Бог с ними, с этими емшанами!».

Ср.: «Вечер быстро бисер нижеет...» (В.Я. Брюсов. «В дали, благостно сверкающей...», 1905).

Цветку Ивановой ночи — Литературно-художественная Неделя (М.). 1907. № 2 (24 сентября); как первая часть цикла «Сантиментальные стихи». Цикл датирован: 1907. Лето. С двумя разночтениями:

- 9: Один, пред ликом темноты,
18: В невыносимых, тяжких лапах,

СХ: 1907, лето, Лидино.

Цветок Ивановой ночи — папоротник. По народному поверью, в эту ночь с 24 на 25 июня (с 6 на 7 июля н. ст.) цветет кроваво-красный папоротник, знак зарытого клада. На этом предании основан сюжет повести Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы» (1830). Ср. рассказ Н.И. Петровской «Цветок Ивановой ночи» (1903; опубл. в: Гриф: Альманах. М., 1904), а также ст-ние А.А. Блока «Иванова ночь» (1906).

Беловой автограф в письме к Г.Л. Малицкому от 17 августа 1907 г. (РГБ), с теми же разночтениями, что в первой публикации; беловой автограф (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ).

Пролог неоконченной пьесы — СХ: 1907, ноябрь, Лидино.

Андрей Белый (наст. имя и фамилия Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) — поэт, прозаик, критик, теоретик символизма, стиховед. Взаимоотношения двух писателей описаны Белым (см.: Между двух революций. С. 221–223) и Ходасевичем (Н). Белый посвятил творчеству Ходасевича две статьи: Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича) // Записки Мечтателей. 1922. № 5; Тяжелая лира и русская лирика // СЗ. 1923. Кн. 15. По свидетельству Н.Н. Берберовой, «особо было его отношение к Андрею Белому: ни личная ссора в Берлине, в 1923 году, ни “горестное вранье” (по выражению Ходасевича) последней книги Белого — ничего не могло уничтожить или исказить ту огромную, вполне безумную, “сильнее смерти” любовь, которую он чувствовал к автору “Петербургга”. Это было что-то гораздо большее, нежели любовь поэта к поэту, это был непрерывный восторг, неустанное восхищение, которое дошло всей своей силой до последних бредовых ночей Ходасевича, когда он говорил с Белым сквозь муку своих физических страданий и с ним предвкушал какую-то неведомую встречу» (Памяти Ходасевича // СЗ. 1939. Кн. 69. С. 259).

К 1907–1908 гг. относится первое сближение Ходасевича и Белого, которое отразилось не только во взаимных посвящениях — Белый посвятил Ходасевичу ст-ния «Старинный дом» («Пепел») и «Сантиментальный романс» («Урна»), — но и в тематических и текстовых переключках. Например, «Пролог неоконченной пьесы», как и другие стихотворения М, тематически переключаются со ст-ниями сб. Белого «Золото в лазури» (1904) и «Пепел» (1909). В частности, обращает на себя внимание образ распинаемого и умирающего поэта, который встречается не только у Белого, но также и у Лермонтова («Не смейся над моей пророческой тоскою...», 1837) и Брюсова («Поэту», 1907). У Белого см. в сб. «Золото в лазури»: «Вечный зов» (1903; ч. 2) и «Возмездие» (1901; ч. 3); в «Пепле» — «Успокоение» (1905; ч. 2); в перечисленных произведениях появляется образ мертвеца в гробу и распятия. Неслучайно И.Ф. Аннен-

ский сблизил М именно со стихами Белого (см.: Книги отражений. С. 381). Даря Белому М, Ходасевич написал: «Дорогому и многоуважаемому Борису Николаевичу Бугаеву с глубокой любовью и благодарностью. Владислав Ходасевич. Весна 908» (Отдел редкой книги РГБ; БП. С. 367). В это же время Ходасевич сочинил дружескую, но меткую пародию на вторую «симфонию» Белого, оставшуюся в рукописи; впервые опублик.: Хьюз Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений // Вестник Русского Христианского Движения (Париж). 1987. № 151. С. 145–149. О дальнейшем их расхождении см. прим. к ст-нию «Искушение» (ТЛ). См. также: Лавров А.В. «Сантиментальные стихи» Владислава Ходасевича и Андрея Белого // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацуро. М., 1995–1996. С. 459–469.

СЧАСТЛИВЫЙ ДОМИК

Сборник «Счастливый домик. Вторая книга стихов» выдержал при жизни автора три издания. Первое (СД-1) вышло в московском издательстве «Альциона» в самом конце 1913 г. (на обложке — 1914), с посвящением: «Жене моей Анне (Анне Ивановне Чулковой. — *Ред.*)». Книга сопровождалась предисловием (с датой: ноябрь 1913). «В “Счастливый домик” вошло далеко не все написанное мною со времени издания первой книги моих стихов. Многие из написанного и даже напечатанного за эти пять лет я отбросил: отчасти — как не отвечающее моим теперешним требованиям, отчасти — как нарушающее общее содержание этого цикла». В конце книги дано следующее примечание: «Почти все стихи в разное время были напечатаны в альманахах: “Триф” 1913 г., “Антология” к<нигоиздательств>ва “Мусагет”, в журналах: “Русская Мысль”, “Аполлон”, “Северные Записки”, “Современник” и в др. изданиях». В первом издании только одно ст-ние («Успокоение») имеет дату.

Верстка СД-1 хранилась в архиве Л.С. Киссиной. В ней кроме мелких корректурных исправлений есть одно важное изменение: снято ст-ние «Прощание» и на его место включено ст-ние «Зима».

Заглавие книги заимствовано из ст-ния Пушкина «Домовому» (1819; ст. 12: «Счастливый домик охраняй!» Ср. с заглавием раздела «Лары»). Это единственный сборник стихов Ходасевича, где заглавие не восходит к тексту в нем. Ходасевич анализировал «Домовому» в статье «Колелемый треножник». «В пьесе, которой смысл — благословение мирной, домашней, трудовой жизни, с равным вниманием изображен и добрый домовый, к которому обращено стихотворение, и молитвенное смирение обитателя дома, и, наконец, самое поместье, с его лесом, садом, разрушенным забором, шумными кленами и зеленым скатом холмов. <...> В читателе одновременно и с равной силой затронуты три различных чувства. Трехпланность картины дает ей стереоскопическую глубину» (СС (96–97)-2. С. 77).

Анна — вторая жена Ходасевича, Анна Ивановна (Нюра), урожд. Чулкова (1887–1964), сестра писателя Г.И. Чулкова; в первом браке Гренцион. Она также была в разное время гражданской женой гимназического товарища Ходасевича А.Я. Брюсова и его друга Б.А. Диатроптова. Когда Ходасевич уехал на Запад, она осталась в России; печатала стихи и переводы под псевдонимом София Бекетова. Незадолго до смерти написала воспоминания о Ходасевиче (опубл.: Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 386–410). Похоронена рядом со своим братом на Новодевичьем кладбище (Москва). Хотя все три издания СД имеют посвящение Анне Ивановне, большая часть любовных стихов обращена к Е.В. Муратовой (см. прим. к ст-нию «Матери»).

17 января 1920 г., в Москве, Ходасевич подписал договор с издателем З.И. Гржебиным на второе издание (копия договора хранится в архиве И.И. Ивичи-Бернштейна). Это второе издание, с тем же посвящением, вышло в издательстве Гржебина в конце 1921 г. (в списке «Книги Владислава Ходасевича», помещенном в конце СД-3, указано, что СД-2 появилось в 1921 г.; на обложке и на заглавном листе СД-2 стоит 1922 г.). См. «Хронику» ж. «Петербург». 1921. № 1 (декабрь): «В издательстве З.И. Гржебина на днях <выйдет книга стихов> Влад. Ходасевича (“Счастливый домик”»)» (С. 33) и «Хронику» во втором выпуске того же журнала (1922, январь): «В изд. З.И. Гржебина <вышел> “Счастливый домик” — книга стихов Влад. Ходасевича» (С. 21). Книга была напечатана в Петрограде по новой орфографии. В СД-2 все ст-ния датированы. Предисловие, как и посвящение С. Киссину (Муни) к первому разделу книги («Пленные шумы»), снято. Ст-ние «Новый Год» (в разделе «Лары») заменено ст-нием «Акробат», и одно ст-ние («За окном — ночные разговоры») добавлено.

Третье издание, с тем же посвящением, было напечатано в Берлине по старой орфографии и вышло у Гржебина в 1922 г. В начале книги воспроизведен известный портрет Ходасевича работы Юрия Анненкова. СД-3 отличается от СД-2 только орфографией, немного пунктуацией (пунктуация во всех трех изданиях вообще мало меняется) и переделкой ст-ния «Акробат».

Нами воспроизводится СД-3, но по новой орфографии и без ст-ния «Акробат», поскольку в СС-27, где М и СД отсутствуют, Ходасевич включил его в «Путем зерна». Ст-ние «Новый Год», исключенное автором из СД-2 и СД-3, перенесено нами в раздел «Исключенное из книги».

Основные рецензии на СД: *Бернер Н.* // Жатва. Литературные альманахи. Кн. 5. М., 1914. С. 295–296; *Брюсов В.Я.* // Русская Мысль. 1914. № 7. С. 20; *Гальский В.* <В.Г. Шершеневич> // Свободный Журнал. 1914. № 11. С. 135; *Гиляровская Н.* // Голос Москвы. 1914. № 50 (1/14 марта); *Гумилев Н.С.* // Аполлон. 1914. № 5. С. 41 (перепеч. в кн.: Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 196–197); *Журин А.* // Новая Жизнь. 1914. № 8. С. 150–151; *Клюева В.* // Казанский Библиофил. 1922. № 3. С. 92–93; *Кречетов С.* Среди книг (Критические заметки) // Утро России. 1914. № 44 (22 февраля); *Лурье В.* // Дни (Берлин). 1923. № 63 (14 января); *Ольдин П.* // Вестник Литературы. 1922. № 1. С. 14–15 <вместе с рец. на ПЗ-2>; *Пяст В.* // прилож. к г. «День» от 11 апреля 1914 г., № 97 (539); *Садовской Б.* // Северные

Записки. 1914. № 3. С. 190–191; Чулков Г. // Современник. 1914. № 7. С. 122–123; Ш.Е. // Накануне (Берлин). 1923. № 239 (20 января); Шагинян М. // Приазовский Край (Ростов-на-Дону). 1914. № 71 (16 марта); Ш<полянский> А. // Новь. 1914. № 40 (1 марта); Аноним. // прилож. к «Ниве». 1915. Т. I. № 2 (февраль). С. 361–362.

Пленные шумы

В первом издании этот раздел посвящен С. Киссину (Муни; см. прим. к ст-нию «В моей стране» в М). Заглавие взято из ст-ния «Душа» (ст. 6).

Элегия («Взгляни, как наше ночь пуста и молчалива...») — Аполлон. 1910. № 8 (май/июнь). С. 9 (отдел «Литературный альманах»). Без даты. Со следующими разночтениями:

- 2: Осенних звезд мерцающая сеть
18–19: Но, может быть, не мирною весной,
Не сельским отдыхом, не краткой тишиной,
24–25: Осенних звезд задумчивая сеть
Зовет безмолвно жить и умереть...

СХ: 1908, лето, Гиреево.

Гиреево — дачный поселок (недалеко от подмосковной станции Кусково), где Ходасевич подолгу жил на даче И.А. Торлецкого, друга родителей и старшего брата, Михаила Фелициановича, дяди Марины Рындиной. Отношения не изменились и после развода с ней. Ходасевич подолгу живет там летом 1908 и 1909 гг., проводит зиму 1910/11 года, бывает вплоть до 1913 г. См.: Два письма Владислава Ходасевича <к Е.В. Торлецкой> / Публ. Е.В. Кузьминой // Русская литература. 1992. № 2. С. 190–193.

В СД-1 последние четыре стиха отделены звездочкой от остального текста.

Ст-ние написано одновременно со ст-нием Муни «На берегу пустом (Элегия)» (см.: Киссин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 68–69, 173–174).

Черновой автограф (РГАЛИ) под заглавием «Обрыв (Элегия)».

Ущерб — СХ: 1911, весна, Пасха.

См. в воспоминаниях Е.В. Муратовой «Встречи (В.Ф. Ходасевич)»: «Потом вспоминаю вербное Воскресенье. “Верба”, кажется, в рядах, где раньше стоял памятник Минину и Пожарскому. Туманный день, но все же весна, тепло, парит. <...> Долго бродим. Переулками идем домой. Усталые. Я дома что-то делаю, Владислав садится за стол и очень быстро, сразу пишет стихи — “Какое тонкое терзанье, прозрачный воздух и весна...”» (Андреева И. Неуловимое созданье. Встречи. Воспоминания. Письма <Е.В. Муратовой>. М., 2000. С. 123). В 1911 г. Вербное воскресенье приходилось на 3-е, а Пасха на 10 апреля.

Последняя строка, видимо, восходит к ст-нию «Облака» (1835) В.Г. Бенедиктова: «Чаша неба голубая / Опрокинута на мир...». Пушкин отметил двустишие (см.: Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.; Л., 1950. С. 72).

Беловой автограф (ИРЛИ, архив Л.Я. Гуревич), без заглавия.

«Когда почти благоговейно...» — СХ: 1913, начало.

Зима — СХ: 1913, декабрь.

Автограф (беловой, но с многочисленными сокращениями слов) в верстке СД-1 (архив Л.С. Киссиной). Ср. черновик ст-ния «Рассвет» (РГАЛИ):

О Боже мой, о Боже мой, как скучно
По темным улицам брести, молчать и знать,
Что ни к чему о жизни злополучной
Ни песни петь, ни горестно рыдать.

Как всё медлительно, как долго ждать рассвета!
О, поздней осени безжалостная ночь!
Последнего мне не давай ответа
И ни о чем, что знаешь, не пророчь.

Как перья страуса на черном катафалке,
Кольшутся тяжелые дымы.
Из черных бездн, из предрабсветной тьмы
В иную тьму несутся стаей галки.

(БП. С. 368)

«В тихом сердце — едкий пепел...» — Кривое Зеркало. 1910. № 17. С. 2. Без даты, под названием «Искушение».

СХ: 1908, лето, Гиреево.

Матери — СХ: 1910, осень.

Мать поэта — София Яковлевна (1846–1911), дочь Якова Брафмана (ок. 1825–1879), перешедшего из иудейства в православие, автора книг «Еврейские братства» и «Книга кагала»; в раннем детстве была крещена в католической церкви. Умерла в Москве 20 сентября 1911 г., сбита лошадью на улице (см.: Московская Газета. 1911. № 112 (21 сентября); № 114 (23 сентября)). Более подробно о ней см.: «Младенчество» (СС (96–97)-4) и начало статьи Ходасевича «К столетию “Пана Тадеуша”» (В. 1934. № 3305 (21 июня); СС (96–97)-2. С. 309–310). См. также: *Ледницкий В.* Литературные заметки и воспоминания // *Опыты* (Нью-Йорк). II. 1953. С. 152–174, особенно с. 167). Она упоминается в ст-нии об отце поэта, поляке по происхождению: «Мама! Молитва, любовь, верность и смерть — это ты!» («Дактили», ст. 12). Поэт всю жизнь оставался верен своим польским и еврейским корням. Он опубликовал 12 книг, переведенных им с польского, написал несколько

статей о польской и еврейской литературе и сделал ряд переводов из польских и еврейских поэтов. Кстати, в том же году, когда было написано «Матери», в московском издательстве В.М. Саблина вышли «Польские народные легенды о Богородице» М. Габалевица и П. Стахевича в переводе Ходасевича.

Царевна здесь и в других ст-ниях — Евгения Владимировна Муратова (1884 или 1885–1981), художница, танцовщица, первая жена П.П. Муратова. Близость Ходасевича с ней относится к 1910–1911 гг. Впоследствии секретарша «Красной Нови», машинистка. Подробно о ней см.: *Андреева И.* Неуловимое создание. С. 9–112; там же опубликованы ее воспоминания и письма. Образ царевны и черного банта впервые встречается в ст-нии «Прогулка» (весна 1910 г.).

Ченстоховская — чудотворная икона Богородицы с Младенцем, находящаяся в монастыре-базилеке Jasna Góra в городе Ченстохова (около 200 км к юго-западу от Варшавы). По преданию, икона спасла Польшу в 1655 г. от нашествия шведов, когда монастырь оставался единственной крепостью, не захваченной протестантами. С тех пор Дева Мария называется королевой Польши, и каждый год в августе совершается паломничество к Ченстоховской иконе Богоматери.

Закат — Кривое Зеркало. 1910. № 14. С. 12. Без даты.

СХ: 1908, лето, Гиреево.

Список (РГАЛИ) с дарственной надписью известной чтице А.Д. Рубинчик: «Агнессе Давидовне Рубинчик на добрую память. *Владислав Ходасевич. 1918*». В рукопись также входят ст-ния «Досада», «Ситцевое царство», «Вечер».

«Увы, дитя! Душе неутоленной...» — Северные Записки. 1913. № 8 (август). С. 6. Без даты и без разделения на строфы.

СХ: 1909, конец.

Душа («О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа, не внемлешь миру...») — Аполлон. 1910. № 8 (май/июнь). С. 10 (отдел «Литературный альманах»). Без даты. С одним разночтением в ст. 4: Миганье ламп, игра теней, игра огней на чьих-то блестящих.

СХ: 1909, весна, Гиреево.

Второе двестишье — ср.: «Весь мир театр, а люди в нем — актеры» (У. Шекспир. «Макбет», акт 5, сцена 5; «Как вам это понравится», акт 2, сцена 7).

Глухой старик — Харон (см. прим. к ст-нию «К портрету в черной рамке»).

Коцит (или *Кокит*) (*греч. миф.*) — одна из рек подземного царства мертвых, приток Ахеронта; по-гречески означает «стенание».

Возвращение Орфея — Аполлон. 1910. № 8 (май/июнь). С. 7 (отдел «Литературный альманах»). Без даты.

СХ: 1909, конец.

Орфей — по наиболее известному древнегреческому мифу, певец, изобретший музыку и стихосложение, поэтому считался сыном Аполлона. Искусство его обладало чудесной силой: его музыка двигала скалы и укрощала диких зверей. См. позднейшее ст-ние Ходасевича «Баллада» (ТЛ).

Эвридика — жена Орфея, за которой он спустился в подземное царство.

Коцитов дар стенаний — см. прим. к ст-нию «Душа».

Голос Дженни — Современник. 1913. № 8. С. 50–51. Без даты.

Эпиграф — строки из песни Мери («Пир во время чумы» А.С. Пушкина).

СХ: 1912, весна.

Об истории написания ст-ния вспоминала А.И. Ходасевич: «Однажды в “Литературном кружке” на вечере “Свободной эстетики” Валерий Яковлевич (Брюсов. — *Ред.*) объявил конкурс на слова Дженни из “Пира во время чумы”: “А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах”. Владя как будто бы и не обратил на это внимание. Но накануне срока конкурса написал стихи “Голос Дженни”. На другой день вечером мы поехали в “Литературный кружок”, чтобы послушать молодых поэтов на конкурсе. Результаты были слабые. Если мне не изменяет память, — все же лучшим стихотворением конкурса признаны были стихи Марины Цветаевой. Владя не принимал участия в конкурсе, но после выдачи первой премии Цветаевой подошел к Брюсову и передал ему свое стихотворение. Валерий Яковлевич очень рассердился. Ему было досадно, что Владя не принимал участия в конкурсе, на котором жюри, конечно, присудило бы первую премию ему, так как его стихи Брюсов нашел много лучше стихов Марины Цветаевой» (Ново-Басманная, 19. С. 396). См. в газетном отчете Е. Я<нтарева> «У эстетов»: «На конкурс отозвалось 17 поэтов. <...> Первую премию не получил никто. Вторая была разделена между г. Зиловым и г-жой Цветаевой. Третью, добавочную, получил А. Сидоров. <...> Конкурс не только не дал ничего значительного, но ярко показал, как много людей умеют писать стихи и как мало среди них поэтов. Бледность и ничтожность результатов конкурса в особенности ярко подчеркнули лица, читавшие стихи на ту же тему, вне конкурса. Из них прекрасные образцы поэзии дали В. Брюсов, С. Рубанович и Вл. Ходасевич, в особенности последний, блеснувший подлинно прекрасным стихотворением» (Московская Газета. 1912. № 176 (20 февраля). См. также воспоминания М.И. Цветаевой «Герой труда» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 27–29). Ст-ние на этот же сюжет есть у С. Киссина (Муни): «Чистой к Жениху горя любовью...» (*Киссин С. (Муни).* Легкое бремя. М., 1999. С. 81 и прим. на с. 177).

Беловой автограф в рукописном сборнике «Вечерние стихи. Хореи» (М., 1920; РГАЛИ).

См. статью: *Куликова Е.Ю.* «Песня Мери» и «Голос Дженни» // Пушкин в XXI веке: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма: Сб. статей к 80-летию профессора Ю.Н. Чумакова / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: НГУ, 2003.

«Века, прошедшие над миром...» — СХ: 1912, конец.

В СД-1 и в СХ ст. 1 читается: Века, протекшие над миром,

Первоначально предназначалось, как и следующее ст-ние, для альманаха «Старые усадьбы», собиравшегося книгоиздательством К.Ф. Некрасова (подробнее см.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века / Публ. И. Вагановой // Российский архив. М., 1994. Т. V. С. 458–464).

Орфей — см. прим. к ст-нию «Возвращение Орфея».

Эреб (греч. миф.) — подземное царство, символ вечного мрака.

Беловой автограф текста СД-1 (Гос. архив Ярославской обл., архив К.Ф. Некрасова). Его текст см.: *Козляков В.* Былых волнений воскреситель... // Юность (Ярославль). 1987. № 57 (14 мая); также в «Российском архиве». Т. V. С. 463–464, и в кн.: Начало века. Из истории международных связей русской литературы. СПб, 2000. С. 339. Там же опубликован текст автографа ст-ния «Жеманницы былых годов...» (С. 340).

«Жеманницы былых годов...» — СХ: 1912, конец.

Ричардсон, Сэмюэл (1689–1761) — английский романист, популярный в России в конце XVIII – начале XIX в. (входил, в частности, в круг любимого чтения Татьяны Лариной; см.: «Евгений Онегин», гл. 2, XXIX).

Матушка-Екатерина — императрица Екатерина II (1729–1796).

Сатурн — здесь не только шестая по порядку от Солнца планета Солнечной системы, но и в древнеримской религии бог посевов, отождествляющийся с древнегреческим титаном Кроном (Хроносом), с которым связывались предствления о золотом веке и абсолютном времени.

Поэтическая формула последней строфы: Блажен, кто... — восходит к «Преложению Псалма 1» (между 1743 и 1747 гг.) М.В. Ломоносова.

Ср. ст-ние А. Белого «Заброшенный дом» (1903).

Беловой автограф (см. прим. к предыдущему ст-нию).

Лары

Заглавие раздела — из ст-ния «Ворожба» (ст. 15).

Лары — у римлян души предков, боги-покровители домашнего очага.

«Когда впервые смутным очертаньем...» — СХ: 1911, май.

К Музе — Антология. М.: Мусaget, 1911. С. 245–246. Без даты. С различиями:

- 6: Явилась ты под кров счастливый мой
- 12: О, Муза милая! Припомни тихий сад,
- 23: Венец твой лавровый, залог любви и славы,
- 26: Разуверение — советник мой лукавый,

СХ: 1910, весна.

Образы и лексика ст-ния перекликаются с поэзией пушкинской плеяды; ср. особенно «Музу» (1821), «К ***» («Я помню чудное мгновенье», 1825) и начало восьмой главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Ст. 11 и пейзаж последующих строк опираются на «Стихи о кухне» в М.

Дубрава как место вдохновения — см. «Поэт» А.С. Пушкина и «Бывало, отрок, звонким кликом...» (1831) Е.А. Баратынского.

Стансы («Святыня меркнушего дня...») — Антология. С. 247. Без даты. С разночтением (и в СД-1): Но жалко невозвратных дней.

СХ: 1908, конец.

Ст. 5 — ср.: «Ты царь: живи один...» (А.С. Пушкин. «Поэт», 1830).

В альбом — Кривое Зеркало. 1910. № 27. С. 9. Без даты. Под названием «Девушке утром (В альбом ***)». Со следующими разночтениями:

- 1: Вчера смолистой веткой туи
- 4: Я страсти не люблю давно.

В СД-1 (как в СХ) под названием «Девушке утром (В альбом NN)».

СХ: 1909, лето, Гиреево.

Поэту — Руль. 1908. № 129 (25 августа). Без названия и даты. С посвящением А. Беклемишеву и с подписью: *Елисавета Макишеева*. Со следующими разночтениями:

- 6: Как мил «изменницей» покинутый поэт!
- 9–12: Из сердца кровь живой струей ручится.
Смертельно будешь пьян! (И смерть, быть может, хмель!)
Твой миг придет вздохнуть и умилиться:
О чем рыдала детская свирель?

Эпиграф взят из ст-ния Г.Р. Державина «Анакреон в собрании» (1791, ст. 13–14). Это — первое прямое упоминание Державина в стихах Ходасевича, впоследствии неоднократно писавшего о нем; см. особенно биографию (1931).

СХ: 1908, весна, Гиреево; с припиской: Руль / Макш<еева>.

В своих воспоминаниях о Муни Ходасевич пишет: «После одной тяжелой любовной истории, в начале 1908 года, Муни сам вздумал довыплотиться в особого человека, Александра Александровича Беклемишева. <...> Месяца три Муни не был похож на себя, иначе ходил, говорил, одевался, изменил голос и самые мысли. <...> И вот однажды я оборвал все это —

довольно грубо. Уехав на дачу, я написал и напечатал в одной газете стихи за подписью — Елисавета Макшеева. (Такая девица в восемнадцатом столетии существовала, жила в Тамбове; она замечательна только тем, что однажды участвовала в представлении какой-то державинской пьесы.) Стихи посвящались Александру Беклемишеву и содержали довольно прозрачное и насмешливое разоблачение беклемишевской тайны. <...> Прочтя их в газете, Муни не тотчас угадал автора. Я его застал в Москве, на бульварной скамейке, подавленным и растерянным. Между нами произошло объяснение. Как бы то ни было, разоблаченному и ставшему шуткою Беклемишеву оставалось одно — исчезнуть. Тем дело и кончилось» (Н. С. 80–81). Псевдонимом «Елисавета Макшеева» Ходасевич предполагал также воспользоваться для ст-ния «На даче», и он употребил его в 1920 г. (см.: *Осоргин М.А. Рукописные книги московской лавки писателей, 1919–1921 // Временник Общества друзей русской книги. III. Париж, 1932. С. 53: «Бекетова София [Анна Ивановна Чулкова] и Макшеева Елисавета. Стихотворения. Москва. 1920. 3 стихотв. Бекетовой и 2 стихотв. Макшеевой (псевдоним В.Ф. Ходасевича). Цветная обложка. Разм. 23×18. Ц. 2000 р.»*. См. также прим. к ст-нию «Встреча»).

После ст-ния «Поэту» в СД-1 помещено ст-ние «Новый Год», а в СД-2 и СД-3 — ст-ние «Акробат». См. выше наше вступ. прим. к сборнику.

Дождь — Руль. 1908. № 132 (15 сентября). Без даты. Со следующими разночтениями:

- 3–4: Свергают, ясным шелком лоснясь,
Густые струи серебра.
16: Не вскинешь узкого лица.

СХ: 1908, лето.

Милому другу — Московская Газета. 1911. № 111 (20 сентября). С датой: 1911, Звенигород. Со следующими разночтениями:

- 1–2: Ну, поскрипи, сверчок, ну, спой, дружок сердечный,
Дружок запечный, спой! Послушаю тебя —
6: В душе померкнувшей похоронив навека, —
15: Так пой же, пой, скрипи, дружок сердечный, (Так и в СД-1. — *Ред.*)

СХ: 1911, август, Звенигород. (В это время там жила Е.В. Муратова. — *Ред.*)

Ст-ние, видимо, навеяно рассказом Ч. Диккенса «Сверчок на печи» (1846). Ср. также арзамасское прозвище А.С. Пушкина — Сверчок. Ср. и «Домашний друг» (1841) Е.П. Ростопчиной.

Беловой автограф в рукописном сборнике «Дѣма» (М., 1920; собрание А.Ф. Чистякова).

Мыши — весь цикл: Гриф: Альманах. 1903–1913. М., 1914. С. 180–181. Без даты. Об этих «мышинных стихах» вспоминала А.И. Ходасевич: «Однажды, играя со своим сыном, я напевала детскую песенку, в которой были слова: “Пляшут мышки впятером за стеною весело”. Почему-то эта строка понравилась Владе, и с тех пор он как-то очеловечил этих мышат. Часто заставлял меня повторять эту строчку, дав обе мои руки невидимым мышам — как будто мы составляли хоровод. Я называлась “мышь-бараночник” — я очень любила баранки. В день нашей официальной свадьбы мы из свадебного пирога отрезали кусок и положили за буфет, желая угостить мышат, — они съели» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 397). Обыгрывание мышинных мотивов регулярно встречается в переписке Ходасевича с женой (РГАЛИ). Ср. также ст-ния Ходасевича «Бедный Бараночник болен...» (и комм. к нему) и «Разговор человека с мышкой, которая ест его книги». Как справедливо заметил Н.А. Богомолов, Ходасевич «имел в виду не просто обитателей подпола, но и хтонических животных древней мифологии. Мыши — выходцы из подземного царства, но в то же время они — окружение Аполлона. <...> он наверняка читал статью М. Волошина “Аполлон и мышь” (Северные Цветы. Альманах 5. М., 1911; *Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 96–111. — Ред.*), где само сопоставление в заглавии делало очевидной связь бога солнца и поэзии с мышами» (БП. С. 17).

1. **Ворожба** — Русская Молва. 1913. № 33 (13 января). Без даты.

СХ: 1913, весна.

Лары — см. прим. к разделу.

2. **Сырнику** — В Альманахе «Гриф» одно разночтение: ст. 6: Зашуршат обои — и проходишь ты.

СХ: 1913, осень.

Кто-то из реальных людей, знакомых Ходасевичу, носил прозвище *Сырник* (см. прим. к ст-нию «Про мышей»).

О насущном сыре — ср. с молитвой «Отче наш»: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

3. **Молитва** — СХ: 1913, осень.

Ст-ние перекликается со ст-нием Пушкина «Домовому» (1819).

Звезда над пальмой

Заглавие раздела — из ст-ния «Вечер» (ст. 19).

«За окном — ночные разговоры...» — Утро России. 1916. № 43 (12 февраля). Без даты.

В СД-1 не входило.

СХ: 1916, 1/1. (В СД-1 и СД-2 с датой: 1915. — *Ред.*)

Темира — В «Парижском альбоме. V» Ходасевич пишет: «Условные имена Делии, Хлои, Темиры, Лилеты и т.д. употреблялись только в стихах, как псевдонимы, заменяющие действительные имена возлюбленных. Эти псевдонимы обычно состояли из стольких же слогов, как и настоящие, скрытые имена, и несли ударение на том же слоге. Так, Темира могла заменять, например, Надежду, Хлоя — Анну и т.д.» (Дни. 1926. № 1045 (4 июля)). В автобиографической канве Ходасевича, составленной им для Н.Н. Берберовой (КМ. С. 181), под 1912, 1915 и 1916 значится Таня Саввинская, студистка «босоножка» (как и Е.В. Муратова) танцевальной школы Э.И. Рабенек (см.: Рампа и Жизнь. 1911. № 44. С. 7; ее портрет см.: *Андреева И.* Неуловимое создание. Встречи. Воспоминания. Письма <Е.В. Муратовой>. М., 2000. С. 16); она, по-видимому, является Темирой данного ст-ния. Она фигурирует и в «дон-жуанском списке» поэта («Татьяна») (КМ. С. 183). См. также воспоминания А.И. Ходасевич: «Охотно посещал выступления школы Рабенек. Ему там особенно нравилась одна из учениц этой школы — Таня Савинская, с которой он был знаком и даже бывал у нее в доме» (Ново-Басманная, 19. С. 399).

Апахи (чаще — апачи) — племя американских индейцев.

Томагавк — боевой топорик североамериканских индейцев.

Наваха (*исп.*) — длинный складной нож.

Кармен — молодая испанская цыганка, героиня одноименной новеллы П. Мериме (1845) и оперы Ж. Бизе (1874).

Портрет — В СД-1 ст. 5 читается: Царевна душитесь изысканно ипряно.

СХ: 1911, начало.

Царевна в этом и последующих ст-ниях — Е.В. Муратова (см. прим. к ст-нию «Матери»).

Прогулка — Русская Молва. 1912. № 8 (16 декабря). Без даты. С разночтением в ст. 18: Распластался черной тенью.

СХ: 1910, весна.

Здесь первое по времени упоминание Е.В. Муратовой в стихах Ходасевича.

Досада — Русская Молва. 1912. № 17 (25 декабря 1912 / 7 января 1913). Без даты и без разделения на строфы. С разночтением в ст. 10: В вечерний, лунный, безысходный час.

СХ: 1911, начало.

Список (РГАЛИ; см. прим. к ст-нию «Закат»).

Успокоение — Русская Мысль. 1912. № 7. С. 87. С датой (как и во всех изданиях): Генуя, 1911. С разночтением в ст. 11: От морских прохладных испарений.

СХ: 1911, июнь, Нерви.

Нерви — маленький городок в нескольких километрах к югу от Генуи. См. письма Ходасевича из Нерви (см.: *Андреева И.* Неуловимое создание. С. 165–170). Ходасевич совершил первую (и единственную до эмиграции в 1922 г.) поездку в Западную Европу в 1911 г., когда он провел около двух месяцев (с начала июня по 13 августа) в Италии. Об этой поездке мало известно, кроме того что поэт был в Нерви, Генуе, Пизе, Флоренции и Венеции.

См. в мемуарах Е.В. Муратовой: «Я “танцовщица”, Владислав лечится от туберкулеза в Нерви. Опять прогулки, кабачки, но уже итальянские, в тесных, узких улочках Генуи. Бесконечные выдумки, развлечения, стихи, чудесное вечное море. Мы почти весь день около него. Я купаюсь, Владислав — нет. Я ем сырых креветок и всякую морскую нечисть — *frutti di mare*. Владислав возмущается и не может понять, как можно по 2 часа сидеть в воде, заплывать в такую даль и есть такую гадость. Владя чувствует себя неплохо, весел, много шутит, часто говорит “я жиденок, хоть мать у меня католичка, а отец поляк” — и много, много пишет стихов — “Звезда над пальмой”. Наконец я уезжаю. Расставанье» (*Андреева И.* Неуловимое создание. С. 123). Ср. воспоминания А.И. Ходасевич: «Физически Владя чувствовал себя плохо. Как-то, заработав небольшую сумму денег, он решил поехать в Венецию. <...> Он пробыл в Венеции дольше, чем предполагал, так как сумел найти работу: водил экскурсии по музеям, галереям и церквям, что дало ему возможность подольше пожить за границей» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 394–395).

В круге — Генуя расположена амфитеатром по крутому склону Лигурийских Апеннин у Генуэзского залива.

Асти — итальянские мускатные вина.

Завет — В СД-1 ст. 11 читается: И лишь в моей заветной лире. Ср.: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...» (А.С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836)

СХ: 1912, осень.

Февраль — СХ: 1913, февраль. Там же Ходасевич приписал: «Мар. Шаг.».

М.С. Шагинян целиком цитирует ст-ние в своей рецензии на СД-1 в газ. «Приазовский Край» от 16 марта 1914, и последние две строчки этого ст-ния в рецензии на ПЗ-2 в ж. «Петербург». 1922. № 2 (январь). С. 16–17.

Полигимния (греч. миф.) — муза, покровительница танца и пантомимы; по другим источникам, муза религиозных песнопений.

Бегство — В СД-1 ст. 9 читается: Как сладко пить вино с подругой темно-окой.

СХ: 1911, осень.

Хлоя — условное поэтическое имя, восходящее к французской и русской классической стихотворной традиции (см. прим. к ст-нию «За окном — ночные разговоры...»). Можно полагать, что Хлоя — А.И. Чулкова, сближение Ходасевича с которой относится к осени 1911 г. В ноябре она ушла от А.Я. Брюсова к Ходасевичу.

Мотив бегства с поля брани восходит к оде Горация «К Помпею Вару» (кн. II, ода VII), известной Ходасевичу и в пушкинском переводе: «Кто из богов мне возвратил...» (1835), тогда как «бегство воина в объятия возлюбленной» отсылает к анакреонтической традиции. См.: Жолковский А. Как организован «Бегство» Ходасевича // Звезда. 2007. № 7. С. 179–194.

Беловой автограф (РГАЛИ) с посвящением А. Г<ренцион> (впоследствии — А.И. Ходасевич).

Ситцевое царство — В СД-2 и СД-3 оба ст-ния датированы 1909. Список (РГАЛИ; см. прим. к ст-нию «Закат»).

1. Аполлон. 1910. № 8 (май/июнь). С. 8 (отдел «Литературный альманах»). Под названием «Ситцевое царство». Без даты. С разночтением в ст. 18: Леса, поля, холмы — из ситца...

СХ: 1909, весна, Гиреево.

Твой шут... пестрый горб... милая моя царица — ср. параллели в балладе Андрея Белого «Шут» (1911), где фигурируют «горбатый шут» и «королевна».

2. СХ: 1913, начало.

Вечер («Красный Марс восходит над агавой...») — Современник. 1913. № 8. С. 51. Без даты. Перепеч. в ж. «Русский Инвалид» (Париж). 1931. № 17 (22 мая). С. 6.

СХ: 1913, весна. Там Ходасевич приписал: «Мар. Шаг.» (как и у ст-ния «Февраль»). Шагинян целиком цитирует ст-ние в своей рецензии на СД-1 в газ. «Приазовский Край».

Ст. 3 — ср.: «Иль козней Генуи лукавой...» (А.С. Пушкин. «Бахчисарайский фонтан»).

В основе сюжета ст-ния — евангельская история бегства Святого Семейства из Вифлеема в Египет (Мф. 2: 13–15).

Список (РГАЛИ; см. прим. к ст-нию «Закат»); белой автограф в рукописном сборнике «Вечерние стихи. Хореи» (М., 1920; РГАЛИ); черновой набросок первой строфы (РГАЛИ).

Рай — В СД-1 и СД-2 ст. 23 читается: Сквозь узорный полог, в высоте сафирной.

СХ: 1913, декабрь.

Ст. 10 — см. прим. к циклу «Мыши» (воспоминания А.И. Ходасевич).

Беловой автограф в рукописном сборнике «Вечерние стихи. Хореи» (М., 1920; РГАЛИ).

<ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ КНИГИ>

Новый Год — Аполлон. 1910. № 8 (май/июнь). С. 10 (отдел «Литературный альманах»). Без даты.

Включено только в СД-1, где следует после ст-ния «Поэту».

СХ: 1909, конец.

ПУТЕМ ЗЕРНА

Сборник дважды выходил отдельными изданиями (ПЗ-1 и ПЗ-2), историю которых рассказал сам Ходасевич. «Это было весной или летом 1918 г. Незадолго до того я продал изд<ательств>ву “Салон поэтов” свою книгу “Путем зерна”. Однако она еще не поступила в типографию, как издатель, М.О. Цетлин (о нем см. прим. к ст-нию «По бульварам». — *Ред.*), вернул мне рукопись, сообщая, что уезжает из Москвы и прекращает издательскую деятельность. Меня это весьма огорчило, ибо и прочие издательства постепенно закрывались, и я не знал, найду ли нового издателя» (*Ходасевич В. Господин Родов // Дни. 1925. № 698 (22 февраля).* «В 1920 г. один московский издатель (владелец издательства «Творчество» С.А. Абрамов. — *Ред.*) выпустил мою книгу “Путем зерна” в количестве 18 000 экз., ибо сумел получить на нее заказ от Госиздата. Недели через две издание было, по официальным сведениям, “исчерпано”. В действительности, как оказалось впоследствии, оно почти полностью было запрятано в какие-то склады Московского Совета. Год спустя другой издатель, петербуржец (один из владельцев издательства «Мысль» Л.В. Вольфсон. — *Ред.*), не имевший связей и рассчитывавший только на реальную продажу, выпустил ту же книгу вторым изданием, ограничив тираж 800 экземплярами. Книга, наконец, поступила в продажу и действительно вскоре разошлась. Тогда московский издатель раскопал залежи первого издания и

откупил из них тысячу экземпляров по номинальной цене — десять рублей за экземпляр. Эту тысячу он одел в новые обложки и выпустил на частный рынок по цене в полторы тысячи рублей за экземпляр: до такой степени за это время упали деньги. Разошлось постепенно и это издание, на котором издатель заработал пятнадцать тысяч процентов. Замечательно, однако, что на сей раз, имея в виду реальный рынок, он ограничил свою аферу одною тысячей экземпляров. Таким образом, фактически читатели раскупили 1800 экземпляров. Это и был нормальный тираж, составляющий ровно одну десятую бессмысленного госиздатовского тиража» (*Ходасевич В. Своя или чужая? // В. 1934. № 3473 (6 декабря)*).

В московском архиве И.И. Ивичи-Бернштейна находится следующий договор между Ходасевичем и Госиздатом:

Договор № 49/137

Февраля 3 дня 1920 г.

№ 827

Государственное Издательство в лице В.В. Воровского с одной стороны и В.Ф. Ходасевич, проживающий по Плющихе в 7-м Ростовском пер. д. 11, кв. 24, с другой, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

I) В.Ф. Ходасевич обязуется представить Государственному Издательству в совершенно готовом для печати виде свою книгу «Путем зерна» представляющую собою 781 строку стихотворений.

II) Срок представления рукописи 1 февр. 1920 г.

III) Государственное Издательство уплачивает В.Ф. Ходасевичу гонорар в размере 10 рублей за строку. <...>

31 января 1920 г.

Москва

<Подписи Воровского и Ходасевича>

Сборник «Путем зерна. Третья книга стихов» вышел в конце 1919 или начале 1920 г. в издательстве «Творчество», с посвящением: «Памяти Самуила Киссина» (Муни; см. прим. к ст-нию «В моей стране»). (В списке «Стихи Владислава Ходасевича», включенном в книгу, год издания обозначен как 1919, в то время как на титульном листе стоит: МСМХХ. В своих воспоминаниях о Гершензоне Ходасевич утверждает: «Книжка вышла в 1920 году». — Н. С. 96.) ПЗ-1 содержит 33 ст-ния, датированных 1914–1919 гг. и напечатанных в следующем порядке: Ручей; Слезы Рахили; Авиатору; Уединение; Рыбак; «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...»; Воспоминание («Здесь, у этого колодца...»); Подруге; «Со слабых век сгоняя смутный сон...»; «В заботах каждого дня...»; Про себя, I и II; Сны; «О, если б в этот час желанного покоя...»; «Милые девушки, верьте или не верьте...»; Швея; На ходу; Утро («Нет, больше не могу

смотреть я...»); В Петровском парке; Смоленский рынок; По бульварам; У моря («А мне и волн морских прибой...»); Эпизод; Ищи меня; Золото; Путем зерна; 2-го ноября; Полдень; Встреча; Обезьяна; Стансы («Уж волосы седые на висках...»); Анюте; Без слов; Хлебы.

ПЗ-2 вышло в петроградском издательстве «Мысль» в конце 1921 г. (см. «Хронику» ж. «Петербург». 1921. № 1 (декабрь). С. 32). В московском архиве И.И. Ивичи-Бернштейна находится договор на ПЗ-2, подписанный: «Петроград. 29 июня 1921 г.». «№ 9877: Между нами, нижеподписавшимися Владиславом Ходасевичем и членом правления кооперативного издательства “Мысль” Львом Владимировичем Вольфсон, заключен следующий договор <...>». ПЗ-2 вышло с тем же посвящением, но содержит 38 ст-ний, датированных 1914–1920 гг., с сохранением порядка перепечатаваемых текстов. В ПЗ-2 Ходасевич исключил одно ст-ние («Авиатору») и добавил шесть новых: Газетчик (после «Слезы Рахили»); «Как выскажу моим косноязычьем...» (после «Уединение»); Сердце (после «Подруге»); Старуха (после «В Петровском парке»); Вариация (после «Эпизод»); Дом (после «Обезьяна»).

Третье, и последнее, «издание» книги — редакция текстов, вошедшая в парижское ССт-27. Парижская редакция значительно отличается от предыдущих: посвящение Муни снято; изменен порядок текстов; для всех ст-ний даны даты (1914–1923); включено всего 35 ст-ний, 4 из которых напечатаны в составе ПЗ впервые: Брента; Мельница; Акробат (из СД-2, но в новой редакции); «И весело, и тяжело...». Следующие ст-ния были исключены из ПЗ-3: Авиатору (ПЗ-1); Газетчик (ПЗ-2); Уединение (ПЗ-1 и ПЗ-2); «Как выскажу моим косноязычьем...» (ПЗ-2); Рыбак (ПЗ-1 и ПЗ-2); Воспоминание («Здесь, у этого колодца...», ПЗ-1 и ПЗ-2); Сердце (ПЗ-2); Старуха (ПЗ-2). Эти восемь ст-ний здесь отнесены в раздел <Исключенное из книги>.

Три издания ПЗ не только отличаются друг от друга по составу и порядку ст-ний, но обнаруживают и некоторые текстуальные расхождения (все они указаны в наших примечаниях к соответствующим ст-ниям). Мы публикуем сборник по последней редакции текстов — ССт-27.

ПЗ-1 и ПЗ-2 вызвали значительно больше критических откликов, чем М и СД. Приводим список основных рецензий: *Адамович Г.* // Цех поэтов. 1922. Кн. 3. С. 60–62; *Вышеславцев Б.* // Жизнь Искусства. 1922. № 1. С. 4–6; *Губер П.* Поэт для немногих // Вестник Литературы. 1921. № 8. С. 13; *Иванов Г.* О новых стихах // Дом Искусств. 1921. № 2. С. 96; *Ю.О.* <Ю. Офросимов> // Новая Русская Книга. 1922. № 1 (январь). С. 26; *Оксенов И.* // Книга и Революция. 1921. № 12. С. 41 (на ПЗ-1); 1922. № 4. С. 47 (на ПЗ-2); *Ольдин П.* // Вестник Литературы. 1922. № 1. С. 14–15; *Скворцов Б.* // Казанский Библиофил. 1922. № 3. С. 93–94; *Цетлин М.* // Новости Литературы (Прага). 1922. № 2; *Шаги-нян М.* // Петербург. 1922. № 2 (январь). С. 16–17.

Путем зерна — Новая Жизнь. 1918. № 25 (239) (15 февраля). Без даты.
СХ: 23/ХІІ 1917.

КХ: 23 декабря, вечером, за чаем.

Тема ст-ния восходит к евангельскому: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24).

В первой строке неожиданно обнаруживается своего рода анаграмма имени Ходасевича: «Проходит сеятель по ровным бороздам».

Беловой автограф (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ).

Слезы Рахили — Ветвь: Сб. М., 1917. С. 32, с датой: 1916, октябрь. С общим примечанием для всех ст-ний: «Из книги “Фарфоровый венок”». Ср. ст-ние А. Белого «Друзьям»: «На кресте и зимой и летом / Мой фарфоровый бьется венок...». См. также черновой набросок Ходасевича (РГАЛИ):

Раскрыты двери настежь. Гроб дубовый
Поставлен на порог.
По лестнице несут блестящий, новый
Фарфоровый венок.

В сб. одно разночтение в ст. 17: Не хочу ни чести, ни славы,
СХ: 1916, 5/Х-30/Х.

КХ: 5–30 октября. Днем промок у Смоленского рынка. 30 только отделал. Вскоре читал за ужином у Лосевой (первая встреча в Москве с Осоргиным, приехавшим из Италии). Чулков упрекал в пораженчестве.

Смоленский рынок — см. прим. к одноименному ст-нию.

Лосева, Евдокия Ивановна (урожд. Чижова, 1881–1936) — вдова фабриканта, меценатка, держательница одного из московских литературных салонов того времени (наравне с Морозовой, Гиришман, Носовой); известен ее портрет кисти В.А. Серова (Государственная Третьяковская галерея).

Осоргин, Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин, 1878–1942) — писатель, журналист. Ходасевич познакомился с ним в 1911 г. в Италии, когда Осоргин был римским корреспондентом московской газеты «Русские Ведомости». Он был выслан из Советской России в 1922 г. Ходасевич прервал отношения с ним в 1931 г. на почве серьезной политической размолвки (отношение к «возвращенчеству»). См. резкую статью Ходасевича об Осоргине как литературном критике: В. 1931. № 2186 (28 мая). Чулков, Георгий Иванович (1879–1939) — поэт и прозаик, примыкавший к символистским кругам, идеолог «мистического анархизма», впоследствии мемуарист и историк литературы. Старший брат второй жены Ходасевича. Редактировал журнал «Народоправство», направленный против «пораженчества». В рец. на его мемуары (см.: Годы странствий. М., 1930) Ходасевич резюмировал свою оценку творчества Чулкова: «Кроме одной случайной работы — любопытных материалов о Тютчеве, им опубликованных, — все это не то чтобы из рук вон

плохо, но вполне посредственно, главным образом потому, что всегда подражательно» (*Ходасевич В. Во власти демонов* // В. 1930. № 1885 (31 июля)). См. также: Письма В.Ф. Ходасевича к Г.И. Чулкову / Публ. Инны Андреевой // *Опыты*. 1994. № 1. С. 77–101. Согласно черновику, Ходасевич 30 октября написал вторую и третью строфы, а не «только отдал» (БП. С. 374).

Название и рефрен стихов взяты из Библии: «...Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет» (Иер. 31: 15; Мф. 2: 18).

Ст. 13–14 — ср.: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!» (Ф.И. Тютчев. «Цицерон», 1830). Оценку творчества Тютчева см.: *Ходасевич В. О Тютчеве* // В. 1928. № 1281 (6 декабря).

Машинопись с правкой (РГАЛИ) со следующими разночтениями в ст. 17: Что ей до грядущей славы; ст. 24: Безутешные слезы Рахили!; черновой автограф (РГАЛИ).

Ручей — Северные Записки. 1916. № 11. С. 28. Без даты. Перепеч. в: Весенний салон поэтов: Сб. М., 1918. С. 156. Без даты. Во всех публикациях до ПЗ-2 включительно ст. 12 читается: Ничьей судьбы не прозревая.

СХ: 1908–1916, 30/1.

КХ: 30 янв<аря> — вторая строфа. Первая — летом 1908, в Гирееве. С этих стихов началась моя дружба с Гершензоном. Когда я вторично читал их по просьбе Герш<ензо>на Вяч. Иванову, тот угадал, что между 1 и 2 строфой прошло много времени. Это — последние стихи, прочитанные мной Муни, дня за два до его последнего отъезда из Москвы. Он зло улыбнулся и сказал: «Ну, валяй, валяй в антологическом духе. А мне уж не до того». Последний стих переделан летом 1927.

Гершензон, Михаил Осипович (1869–1925) — историк русской литературы и общественной мысли, философ, редактор, публицист. Познакомился с Ходасевичем 3 августа 1915 г. в связи с их занятиями Пушкиным (см. письмо Гершензона к жене; цит. в кн.: *Киссин С. (Муни)*. Легкое бремя. М., 1999. С. 247). Ходасевич назвал его «учителем и другом» (см.: *Книжная палата* // В. 1932. № 2718 и 2725 (10, 17 ноября)). О нем Ходасевич оставил воспоминания (Н. С. 96–105), а также опубликовал его письма к себе (СЗ. 1925. Кн. 24). Их переписка полностью опубликована в ж. «De visu» (1993. № 5/6).

Иванов, Вячеслав Иванович (1866–1949) — поэт, критик, теоретик символизма, с осени 1913 г. жил в Москве, а с Гершензоном был в дружеских отношениях с давних пор. 23 февраля 1914 г. Ходасевич писал Б.А. Садовскому: «На прошлой Эстетике (заседание общества «Свободная эстетика». — *Ред.*) за ужином Вяч. Иванов произносил речи, в коих возводил меня на высоты головокружительные. Скучно, но лестно» (Н. С. 345). Летом 1920 г. Ходасевич жил в той же «здравнице для переутомленных работников умственного труда», где жили Гершензон и Иванов и где создавалась знаменитая «Переписка из двух углов» (см.: *Ходасевич В. Здравница* // В. 1929. № 1381 (14 марта); СС (96–97)-4. С. 266–272). Об отношениях Ходасевича с Ивановым см.: Из переписки В.Ф. Хо-

дасевича (1925–1938) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. 1987. № 3. С. 264–268. См. также: Четыре письма В.И. Иванова к В.Ф. Ходасевичу <1924–1925 гг.> / Публ. Н.Н. Берберовой // Новый Журнал. 1960. № 62. С. 284–289.

Муни — см. прим. к ст-нию «В моей стране».

«Сладко после дождя теплая пахнет ночь...» — Жизнь. 1918. № 2 (24 марта/11 апреля). Без даты.

СХ: 1918, 8/1. Там же Ходасевич указал, что ст-ние было опубликовано до ПЗ, но место публикации было им забыто.

КХ: 8 янв<аря>, ночью на переплете коленкоровой тетради, красными чернилами. В основу метра положено «Ehexi monumentum». Диссонансы тоже взяты оттуда «perennius — innumerabilis».

«Ehexi monumentum» («Я воздвиг памятник») — знаменитая ода Горация (кн. III, 30), давшая тему многим русским поэтам, начиная с Ломоносова. Она написана «малым асклепиадовым стихом» (т.е. с одной цезурой). У Ходасевича в первых двух строках каждой строфы традиционный русский эквивалент этого размера:

´ - - ´ - - ´ / / ´ - - - / ´ - - ´

В каждой третьей строке — отступление: ударение падает на четвертый слог, а не на третий. «Диссонанс» латинского соответствует различию в последних ударных гласных в каждой строке.

Наборная рукопись (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ).

Брента — Сполохи (Берлин). 1923. № 19/20 (май/июнь). С. 1. Перепеч. в ж. «Петроград». 1923. № 9. С. 14, и в ж. «Жизнь Искусства». 1924. № 1 (925). С. 2. Во всех этих публикациях — без даты; с эпиграфом («Адриатические волны! / О, Брента! нет, увижу вас...») из «Евгения Онегина» (гл. 1, XLIX); с одним разночтением: 16: Одинокое скитанье. Не входило в ПЗ-1 и ПЗ-2.

СХ: Петербург, 1921 — Saarow, 17 мая 1923.

КХ: В Москве, весной <1920> начато. Продолж<ено> в П<етер>Б<урге>, 1921. Кончено 17 мая 1923, в Saarow'e. Об итал<ьянской> поездке 1911.

Saarow (Сааров) — курортное местечко под Берлином, близ Фюрстенвальде, где Ходасевич жил с октября 1922 г. до 11 июня 1923 г. (см.: Горький // Н. С. 152). Об итальянской поездке см. прим. к ст-нию «Успокоение».

Брента — маленькая река около Венеции, впадает в Венецианский залив.

Сколько раз тебя воспели — см. «Странствия Чайльд-Гарольда» (IV, 28) Дж.-Г. Байрона; ст-ние И.И. Козлова «Венецианская ночь» («Тихо Брента протекала, / Серебримая луной...», 1825), навеянное эпизодами из жизни Бай-

рона в Венеции в 1816 г., и его же «К Италии» («И нежный блеск над Brentою луны...», 1825), которое восходит к «Странствиям Чайльд-Гарольда», а также взятую в качестве эпиграфа строфу из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. 1, строфа XLIX); ст-ние Е.П. Ростопчиной «Италия» («Вдоль Brentы счастливой хочу я плыть в гондоле...», 1831); ст-ние П.А. Вяземского «Прелестный край! Над светлой Brentой...», 1864.

Вдохновением любви — увлечение Е.В. Муратовой (см. прим. к ст-нию «Успокоение»).

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 16 июня 1923 г. (РГАЛИ); черновой автограф (БА, «клеенчатая тетрадь») с датой: 1921, П<етер>Бург / 17.V.923, Saagow. Эпиграф из «Евгения Онегина» отсутствует. Текст сохранил несколько слоев правки и перечеркнут дважды карандашом. По-видимому, в Петербурге была написана только первая строфа, сохранившая, однако, следы позднейшей правки. Варианты:

- 4: [Вдохновенные] мечты [—]
[<Потаенные?>]
[Упоенные]
Вдохновенные
- 7: [Ложный] образ красоты
Лживый

II строфа имеет несколько вариантов переработки:

[Bрента, я а. [смотрел] когда-то
b. [пришел]
c. [хотел]
d. смотрел
[Заглянуть в]
В хитрые твои отливы, [—]
[Вдохновенный] и счастливый
Окрыленный

Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Bрента, я смотрел когда-то
В струи мутные твои.]

Второй вариант записан справа на полях:

[Bрента, я [пришел] когда-то,
стоял
[Заглянуть] в твои отливы, —]
Я смотрел

Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата:
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои<.>

Далее поэт снова принимается переделывать II строфу:

Так и я [хотел] когда-то
[летел]
спешил
Заглянуть в твои отливы,
[Вдохновленный и счастливый
Милой спутницей]

Зачеркнув последние две строчки, Ходасевич стрелкой указал, что первые две должны стать началом строфы.

- 16: а. [В темных улицах блужданье,]
б. [Одинокое [блужданье,]
с. [Одинокое скитанье,

Слово «скитанье» вписано карандашом под текстом и затем соединено непрерывной линией со второй строчкой III строфы.

Мельница — СЗ. 1923. Кн. 15. С. 161; Петроград: Литературный альманах. 1. Пг.; М.; 1923. С. 72; в обеих публикациях — без даты. В ПЗ-1 и ПЗ-2 не входило. СХ: Saarow, 13 марта 923.

КХ: В Москве, весной <1920> начато. Конч<ено> — 13 марта 1923, в Saarow'e.

Автограф (БА, «клеенчатая тетрадь») — записан карандашом в два столбца на одной стороне листа с незначительной правкой. Дата проставлена над первой строфой: Saarow. 12 марта 923. Первоначальное расположение строф: I, II, IV, III, V, VI. Варианты:

- 1: (Первоначально начиналось: Замолчала. — *Ред.*)
11: [Поглядит], послушает —
13: В даль, [туда], где дым из-за лесу
14: Завился веревочкой
[Поднялся]
23–24: Было [много свешано]
Было [много] смолото [—]
26: А теперь у мельника —
[Много ль нужно м<ельни>ку?]

Окончательные исправления совпадают с печатным текстом.

Автограф-машинопись находится в архиве Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке). С припиской Ходасевича: «Милые Ненюфары, посылаю вам эти стишки, хоть я не девочка. Я их сам сочинил, и пожалуйста напечатайте их в себе. Целую дорогую редакцию. *Берлин, 14 марта 1923 года*». В письме редакторам Берберова дала следующее объяснение: «Когда один из нас (Ходасевич и я) бывал не в духе, другой старался развеселить его. Когда мне бывало грустно, Ходасевич либо писал мне смешные стихи, либо сочинял (и рисовал) ребусы. Я решила, чтобы посмешить его, “издавать” некий домашний журнал, пародию на “дамские журналы”, которые в те годы начали размножаться. В нем должны были помещаться советы, как быть счастливым (и красивым), письма читательниц — и ответы редактора, переписка читательниц между собой, словом, материал “для дам”, ищущих ответа на вопрос “как жить”. Сделан был один номер. Он назывался “НЕНЮФАРЫ”, т.е. тем цветом, который имеет наиболее “изысканную” ауру в русском языке. Кроме (юмористических) кухонных рецептов и советов, как сохранить молодость и красоту, самым удачным отделом был, конечно, почтовый ящик, в котором “читательницы” спрашивали о том, как им привлечь любовника и сколько минут варить яйцо вкрутую. Ходасевич считал “Мельницу” стихотворением “несерьезным” и думал, что самое лучшее место для него — дамский журнал. Когда он предложил “Мельницу” “Ненюфарам”, редакция вернула их ему, как слишком “трудные” для читательниц журнала».

Акробат. *Надпись к силуэту* — Новая Жизнь. 1914. Июнь. С. 3. Без даты и подзаголовка. Как второе ст-ние цикла «В немецком городке», с посвящением Е.А. Маршевой. (Первое ст-ние цикла — «Весна» — см.: Не собранное в книги.) В этой публикации, как и в СД-2 (в СД-1 не вошло), только пять первых двустушии. Разночтения между этими текстами и текстом ССт-27:

2: Легко и спокойно скользит акробат (СД-2).

10: Легко и спокойно скользит акробат (Новая Жизнь).

В 1921 г. были добавлены два последних двустушия; этот текст впервые опубликован в СД-3 (где первые пять двустушии идентичны СД-2). Единственное ст-ние из СД, вошедшее в ССт-27.

СХ: 1914, январь.

КХ: Конец <1913> или начало 1914. Одно из трех стихотворений к 3 силуэтам какого-то немецкого художника; для «Летучей Мыши». Там их читала Елена Маршева, без последних 4 стихов, приписанных в 1921 г.

Остальные ст-ния цикла — «Весна» и «Серенада» (см.: Не собранное в книги).

«Летучая Мышь» — московский театр миниатюр, руководимый Н.Ф. Баляевым. Ходасевич, как многие другие писатели того времени (в том числе М.А. Кузмин, Б.А. Садовской, А.Н. Толстой, И.Г. Эренбург), писал стихи и сцены

и переводил для театра в 1913–1916 гг. (см.: Эфрос Н.Е. Театр «Летучая Мышь» Н.Ф. Балиева, 1908–1918. М.; Пг., 1918).

Маршова, Елена Александровна (1891–1968) — актриса МХТ и «Летучей Мыши». Ее фотография приведена в кн. Эфроса (между С. 22–23).

Машинопись (РГАЛИ) с датой 1914 (проставлена чернилами), без подзаголовка, без ст. 11–14. С разночтениями в ст. 2: Легко и спокойно скользит акробат; ст. 7–8: Налево — старушка глядит из окна. / Направо — гуляка с бокалом вина.

«Обо всем в одних стихах не скажешь...» — Утро России. 1916. № 1 (1 января). Под названием «Подруге» (как и в ПЗ-1 и ПЗ-2). Без даты. Слово *тьмы* (ст. 10) набрано с большой буквы.

СХ: Подруге, 1915 24/ХП.

КХ: 24 дек<абря> — в альбом, подаренный А. И<ванов>не <А.И. Ходасевич>, по ее просьбе.

Беловой автограф в альбоме А.И. Ходасевич (РГАЛИ; с датой: 24/ХП 915) и в рукописном сборнике «Дѣма» (М., 1920; собрание А.Ф. Чистякова).

«Со слабых век стогняя смутный сон...» — Сад поэтов (Полтава). 1916. С. 57. Без даты.

Как было отмечено редакцией сборника: «Чистая прибыль от издания поступит в распоряжение Полтавского Еврейского Комитета помощи жертвам войны». Среди других авторов: Ахматова, Бальмонт, Вера Инбер, Конст. Липскеров, София Прегель, Ратгауз, Сологуб, Любовь Столица, Цензор, Шагинян, Шершеневич. Перепеч. в сб.: Страницы лирики. Избранные стихотворения современных русских поэтов / Собр. А. Дерман. Симферополь, 1920. С. 56. Без даты.

СХ: 1914, 30/VIII.

КХ: 30 августа, вечером, в изнеможении.

«В заботах каждого дня...» — Ипокрена. 1917. № 1 (октябрь). С. 17. Без даты. С разночтением в ст. 7: Вдруг слышу посвист огня —

СХ: 1916 14/ХП — 1917 7/І.

КХ: 14 дек<абря> 1916 — 1917, 7 янв<аря>, днем, в страшный мороз, на подоконнике. Окно было сплошь затянуто льдом. Только что кончил — пришел Гершензон.

Ст. 8 — ср.: «И днем и ночью смежаю я вежды / И как-то странно порой прозреваю» (А.А. Фет. «Измучен жизнью, коварством надежды...», 1864; Ходасевич анализировал это ст-ние в эссе «Надсон», 1912: СС-2. С. 97–111; СС (96–97)-1. С. 382–397).

Это ст-ние позднее было перефразировано Георгием Ивановым в ст-нии «В глубине, на самом дне сознания...», что отмечено в рецензии самого Ходасевича на сборник Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (В. 1937. № 4080 (28 мая)).

Беловой автограф карандашом и черновой автограф (РГАЛИ).

Про себя — I. Москва. 1919. № 2. С. 6. Под названием «Неприятный сонет». Без даты. Разночтения (как и в ПЗ-1 и ПЗ-2):

- 7: Взгляни сюда: по травке золотой
10–11: И ты, мой друг, спешишь его согнать
Рукой пугливой с шейки розовой.
13: Быть может, сам не ведая того,

СХ: Неприятный сонет, 30/XI 1918.

КХ: 1918, 30 нояб<бря>, за чаем, вечером.

Черновой автограф (РГАЛИ; вариант заглавия — «Знак»). Так же, с проекцией на это ст-ние, называлась итоговая статья З.Н. Гиппиус о поэзии Ходасевича (В. 1927. № 926 (15 декабря)). Подпись: Антон Крайний. Перепечат.: Гиппиус З.Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза 1926–1930 годов. СПб., 2002. С. 330–339.

II. СХ: Венок (Сонет: Нет, ты не прав...) 17–20/I 1919.

КХ: 17 янв<аря>, за чаем, вечером.

Ср. ст-ние А.А. Фета «Музе» (1882):

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

Сны — Власть Народа. 1917. № 195 (25 декабря). Без даты. С теми же разночтениями, как и в ПЗ-1 и ПЗ-2: ст. 7–8: О, как еще в сих проблесках минутных / Ты слеп и глух!

СХ: 1917, 17/XII.

КХ: 17 дек<абря>, перед обедом. Только что кончил, пришел Гершензон, радостный: рассказывал о только что (?) изданном декрете о закрытии банков.

По официальным источникам, декрет о национализации банков был обнародован 14 декабря 1917 г.; в газ. «Власть Народа» известия о нем были напечатаны 16 декабря (№ 187).

15 декабря Ходасевич писал Б.А. Садовскому: «Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу. Но не России Рябушинских и Гучковых <...> Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится. <...> К черту буржуев, говорю я» (Н. 359–360).

Наборная рукопись (РГАЛИ), многочисленные черновые автографы (РГАЛИ).

«О, если б в этот час желанного покоя...» — Утро России. 1916. № 1 (1 января). Без даты; перепечат. «Северные Записки». 1916. № 11. С. 28. Без даты.

СХ: 1915 12/III — 18/XII.

КХ: 12 марта — 18 дек<абря>. С ужасным трудом писалось и вышло мерзко.

Маленькая Хлоя — А.И. Ходасевич (см. прим. к ст-нию «Бегство»).
Черновые автографы (РГАЛИ).

«Милые девушки, верьте или не верьте...» — Северные Записки. 1916. № 11. С. 29. Без даты. В ПЗ-1 и ПЗ-2 ст. 12 читается: Про всё, что уж начало сниться — мне.

СХ: 1916 5/VIII Коктебель.

КХ: 5 авг<уста>, в Коктебеле. Но первые 7 строк — еще в 1912 году, утром в постели, на Знаменке, в тяжелые дни.

Знаменка — улица в Москве.

В автобиографической заметке «О себе» Ходасевич пишет: «...начиная с весны 1916, когда как-то сразу стряслись надо мной две беды: умер самый дорогой мне человек, С.В. Киссин (Муни), а я сам заболел туберкулезом позвоночника. Тут зашили меня в гипсовый корсет, мытарили, подвешивали и послали в Крым. Прожил месяца три в Коктебеле, очень поправился, корсет сняли. Следующую зиму жил в Москве, писал. На лето 1917 снова в Коктебель» (Новая Русская Книга (Берлин). 1922. № 7. С. 36–37; СС (96–97)-4. С. 187). Ср. воспоминания А.И. Ходасевич: «В 1916 году мы как-то были приглашены на день рождения поэтессы Любви Столицы. У нее была загородная дача под Подольском. День был ясный и теплый. Поужинали, изрядно все выпили, в комнате было душно, Владя вышел на балкон и в темноте шагнул с балкона на землю, а балкон был почти на втором этаже. Он не упал, но встал так твердо, что сдвинул один из спинных позвонков. Вскоре у него начались боли в спине, и после долгих исследований выяснилось, что у него начался туберкулезный процесс в позвоночнике. На него надели гипсовый корсет. Летом велели ехать на юг. Носки и туфли сам он не мог надевать, а потому в подмогу ему я послала вместе с ним сына моего от первого мужа, Гаррика, которому было тогда десять лет. Поехали они тогда в Коктебель к Макс Волошину. У Волошина летом всегда было много народа, причастного к искусству, да и сам Макс Волошин очень симпатизировал Владе и часто по ночам беседовал с ним на отвлеченные темы» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 399).

Клонит ко сну — ср.: «Никакой болезни еще не было, но я чувствовал, что меня “клонит к смерти”, так же ясно, как чувствовал, бывало, что меня клонит ко сну» (А.Н. Апухтин. «Между жизнью и смертью», 1892).

На образности этого ст-ния отчасти построена характеристика Ходасевича в заметке О.Э. Мандельштама «Шуба» (1922; см.: Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 274) и в книге И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 223).

Автограф (по-видимому, одна из стадий перебелки) пяти последних строк (РГАЛИ).

Швея — Понедельник Власти Народа. 1918. № 2 (26 февраля/11 марта). Без даты.

СХ: 1917, 3/III — 30/XII.

КХ: 3 марта — 30 дек<абря>.

Беловой автограф (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ).

На ходу — Северные Записки. 1916. № 11. С. 29. Без даты. Перепеч. в: Весенний салон поэтов. М., 1918. С. 154–155. Без даты.

СХ: 1916, 7/II.

КХ: 7 февраля, на Арбате, дома кончил. Снег — огромными хлопьями.

Машинопись (2-й экз.; РГАЛИ); беловой автограф в альбоме М.М. Шкапской (РГАЛИ; архив М.М. Шкапской).

Утро («Нет, больше не могу смотреть я...») — Ветвь: Сб. М., 1917. С. 33. Под заглавием «Доба». Без даты (см. прим. к ст-нию «Слезы Рахили»).

СХ: 1916, 16/XI.

КХ: 16 ноября, утром. После обморока.

Машинопись с правкой (РГАЛИ), где первоначальное название «Утро» заменено на «Дума»; черновой автограф (РГАЛИ) под названием «Утро».

В Петровском парке — Ветвь: Сб. С. 34. Без даты (см. прим. к ст-нию «Слезы Рахили»). Перепеч. в: Весенний салон поэтов. М., 1918. С. 154. Без даты.

СХ: 1916, 27/XI.

КХ: 27 нояб<ря>. Видел это весной 1914 г., на рассвете, возвращаясь в автомобиле с А<нной> И<вановной> и Игорем Терентьевым из ночного ресторана в Петр<овском> Парке.

Терентьев, Игорь Герасимович (1892–1937) — в то время молодой поэт, знакомый А.И. Ходасевич; Ходасевич рекомендовал его стихи в журналы. Впоследствии — поэт-«заумник», авангардный театральный режиссер и драматург. О нем см.: *Никольская Т., Марцадури М.* Биографическая справка // *Терентьев И.* Собр. соч. Vologna, 1988. С. 15–19; *Терентьев И.* Мои похороны: Стихи. Письма. Следственные показания. Документы. М., 1993.

Петровский парк — большой парк в северо-западной части Москвы, у Петербургского шоссе и напротив Ходынского поля.

Машинопись (РГАЛИ; заглавие вписано от руки); черновой автограф (РГАЛИ).

Смоленский рынок — Ветвь: Сб. С. 35. Без даты (см. прим. к ст-нию «Слезы Рахили»). Перепеч. в: Весенний салон поэтов. С. 156–157. Без даты.

СХ: 1916 12–13/XII.

КХ: 12–13 декабря. С этих стихов началось у нас что-то вроде дружбы с Мар<иной> Цветаевой. Она их везде и непрестанно повторяла.

Цветаева, Марина Ивановна (1892–1941) — история сложных отношений Ходасевича и Цветаевой, а также оценка Ходасевичем ее творчества подробно освещены С.А. Карлинским в статье, предваряющей публикацию писем к Ходасевичу (см.: *Новый Журнал*. 1967. Кн. 89. С. 102–114). Ср.: *Hughes R. Poets without “isms”: Cvetaeva and Chodasevič // Марина Цветаева. Труды 1-го Международного симпозиума (Лозанна, 30.VI–3.VII. 1982). Verne, 1991. P. 207–220*. См. также: *Цветаева М. Собр. соч.:* В 7 т. М., 1995. Т. 7. С. 463–468.

Смоленский рынок находился на нынешней Смоленской-Сенной площади в Москве. Недалеко, в 7-м Ростовском переулке, Ходасевич с женой жил долгое время в полуподвальной квартире.

Всё к той же чаше / Припал... — ср.: «Склонившись тихо, припадем мы / К последней чаше. Вместе. Вместе» (Муни. «Как аромат полыни горькой...», 1907).

О подтекстах ст-ния см.: Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В.Ф. Ходасевича // *Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания*. Томск, 1999. С. 365–366. Ср. ст-ние К.М. Фофанова: «Что наша вечность? — / Остывший лоб, / Под кисеею / Открытый гроб...» (1899).

Машинопись с правкой (РГАЛИ); белой автограф (РГАЛИ; архив В.И. Анненского-Кривича); черновой автограф (РГАЛИ).

По бульварам — Весенний салон поэтов: Сб. С. 157. Без даты.

СХ: 25/III — 17/IV 1918.

КХ: 25/III — 17/IV, насилу выдавил из себя для альманаха Цетлиных. 3-й стих — из какого-то стих<отворения> Муни.

Цетлин, Михаил Осипович (псевд. Амари, 1882–1945) — поэт, издатель, литературный критик. Вместе с женой Марией Самойловной (урожд. Гумаркина, 1882–1976) имел литературный салон (откуда — «Весенний салон поэтов») и в Москве, и, после эмиграции, в Париже. В декабре 1917 г. у них состоялся литературный вечер в пользу Ходасевича (см.: *Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона / Публ. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада // In Memento: Исторический сборник памяти А.И. Добкина*. СПб.; Париж, 2000. С. 260–261). Ходасевич начал работать над ст-нием (в которое включена строка из несохранившегося ст-ния Муни) во вторую годовщину прощания с Муни при его последнем отъезде из Москвы (см. прим. к ст-ниям «В моей стране» и «Ручей»).

Никитские ворота — площадь на пересечении Б. Никитской с Тверским и Никитским бульварами.

Черновой автограф (РГАЛИ). Там же сделанная самим поэтом транскрипция черновика с записью: «Вот какой вздор получается из “транскрипции”». Первоначальные названия ст-ния: «Оттепель», «В сумерки», «Март», «Бульвары», «В темноте». Первоначальный вариант I строфы:

Вот — иду из сумрака в сумрак
И несу тяжелый портфель,
А в тумане — точно истерика,
Хохочет и плачет капель.

(БП. С. 378)

У моря («А мне и волн морских прибой...») — Эпоха. Кн. 1. М., 1918. С. 31.
Без заглавия и даты.

СХ: 1917 июль — 8 дек<абря> Коктебель—Москва.

КХ: Июль. Коктебель — 8 дек<абря>, Москва.

Коктебель — см. прим. к ст-нию «Милые девушки, верьте или не верьте...»
и воспоминания племянницы поэта Валентины Ходасевич «Портреты слова-
ми». М., 1987. С. 112–113.

Летейская (греч. миф.) — от Лета, река забвения в царстве мертвых.

Айдесская (греч. миф.) — от Айдес (в русской традиции Гадес, Аид) —
подземное царство мертвых.

Черновой автограф (РГАЛИ). В нем есть еще одна строфа (зачеркнутая):

Под ясным небом, на песке
Всё тихо, сонно.
И эта лодка вдалеке —
Ладыя Харона.

(БП. С. 378)

Эпизод — Эпоха. Кн. 1. С. 33–35. С датой: 1918. Со следующими разночте-
ниями:

- 9: Бежало трепетно, упорно, непрерывно —
18–19: Салазки по горе, но звуки мира
Неслись ко мне как будто бы сквозь толщу
30: И близким представляется нам берег,

Промежуток между строками 57 и 58.

- 58: Так видел я себя недолго. В это время
60: Секундная не обежала б стрелка.
63–64: И возвратился вновь. Но совершилось это
Мучительно и тягостно, с усилием,

Между 70 и 71 вставлена следующая строка:

И маску Пушкина, и снова за окном
71: Услышал возгласы. Мне было трудно

Текст ПЗ-1 и ПЗ-2 (где нет промежутка после ст. 57 и после ст. 68) почти полностью совпадает с первой публикацией, но: ст. 63: И возвратился вновь в нее. Но только —. Ст. 64 совпадает с ССт-27.

Текст ССт-27 впервые — В. 1927. № 716 (19 мая). С тремя другими ст-ниями под общим заглавием «Белые стихи». С одним разночтением в ст. 51: Казался мне моим давнишним другом. «Полянка» в ст. 35 выглядит опечаткой.

СХ: 25–28/1918.

КХ: 25–28 янв<аря>. Впервые читал на вечере у Цетлиных под «бурные» восторги Вяч. Иванова (с воздеванием рук). Потом с этими стихами ко мне приставали антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце 1917, днем или утром, в кабинете. 25 янв<аря> написал целиком, днем, и тотчас за ним — «К Анюте». Один из самых напряженных дней в моей жизни. 28-го только отделал.

Вечер у Цетлиных — возможно, вечер «Встреча двух поколений», где в конце января 1918 г. Маяковский впервые читал поэму «Человек». Среди присутствовавших были Ходасевич и Андрей Белый, один из руководителей Российского антропософского общества, исповедовавшего учение австрийского философа и ученого Рудольфа Штейнера. Художница Маргарита Сабашникова (в замуж. Волошина), другой видный член антропософского движения, также присутствовала на вечере. См. также: *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–1923) / Публ. Дж. Малмстада // *Минувшее: Исторический альманах*. 1988. № 6. С. 7–53; *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 270–276.

Цетлины — см. прим. к ст-нию «По бульварам».

Вяч. Иванов — см. прим. к ст-нию «Ручей».

Ст. 3 — по-видимому, дата изменена для публикации, чтобы избежать упоминания революции.

Желтые обои, маска Пушкина — реалии квартиры Ходасевича в 7-м Ростовском переулке.

Салазки по горе — дом, где находилась эта квартира, стоит на холме над набережной Москвы-реки.

Два белых автографа (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ).

Вариация — Москва. 1920. № 4. С. 9. Без даты. С одним разночтением в ст. 8: По концентрическим кругам. В ПЗ-2, как и в журнальной редакции, «оттуда» (ст. 11) набрано курсивом. В ПЗ-1 не входило.

СХ: 1919, август.

КХ: Август, в Москве, после того, как накануне случилось вторично, но не так отчетливо, в Гирееве, на террасе, утром.

Золото — Ветвь: Сб. С. 36. Без даты (см. прим. к ст-нию «Слезы Рахили»).

Эпиграф — из трагедии «Иридион» («Irydion», 1833–1836) Зыгмунта Красиньского (1812–1859). В переводе ее Ходасевичем фраза звучит несколько иначе: «Иди, — уже золото кладем в уста твои, уже мед и мак кладем тебе в руки. *Salve aeternum!*» (Красинский С. Иридион. Универсальная библиотека. М., 1910. № 234/235. С. 138). В первой публикации ст-ния эпиграф дан именно в этом переводе.

СХ: 1917/1.

КХ: 7 янв<аря>, днем, минут в 10–15. Никогда ни до этого, ни после не писал так легко. Это в сущности «экспромпт».

В 1936 г., отмечая столетие пьесы, Ходасевич написал статью «Иридион» (см.: В. 1936. № 4050 (31 октября)). Действие пьесы происходит в годы упадка Римской империи, при императоре Гелиогабале.

Черновой автограф (РГАЛИ).

Ищи меня — Эпоха. Кн. 1. С. 32. Без даты. С одним разночтением в ст. 11: И на концах точеных пальцев, тайно, (идентично в ПЗ-1 и ПЗ-2).

СХ: 1918, 3/1.

КХ: 3 января. Это — о Муни. Он звал меня своей женой. Стихи — как бы к женщине.

Ср. письмо Ходасевича к Е.В. Торлецкой от 21 мая 1909 г.: «В воскресенье жена моя Муни женится. Ах, я остаюсь один, — увы, ни в кого не влюбленный!» (Русская литература. 1992. № 2. С. 191. Публ. Е.В. Кузьминой).

Беловой автограф (РГАЛИ); черновые автографы (РГАЛИ). В одном из них зачеркнутая строфа (позже приписано: «Надо»):

Вот комната моя. Упрям и своенравен,
Луч золотит моих вещей края.
Вот лампа, стол, и на стене — Державин.
Вот зеркало, но в нем — не отражаюсь я.
(БП. С. 379)

2-го ноября — Возрождение (М.). 1918. № 7 (9 июня). Без даты. Здесь, как и в ПЗ-1 и ПЗ-2, ст. 57 читается: С овальной крышкой, суетились дети. После ст. 81 — еще одна строка: Как будто поправляя шляпу...

СХ: 22/V — 1/VI 1918.

КХ: 22 мая — 1 июня. 2 ноября я ходил к Гершензону. Столяр — незнакомый, но был. А Петром Ивановичем звали столяра в фотогр<афической> мастерской отца, в детстве. Исправления в конце — в 1927, по совету Степуна (еще в 1918).

Ср. в очерке Ходасевича «Гершензон»: «В книге “Путем зерна” есть у меня стихотворение “2-го ноября”. Речь идет о том дне, когда, после октябрьского переворота, люди в Москве впервые

Повыползли из каменных подвалов
На улицы.

Дальше — рассказано вкратце, как я ходил к Михаилу Осиповичу» (он жил недалеко от Ходасевича на Никольской улице. — *Ред.*) (Н. С. 96).

Гершензон — см. прим. к ст-нию «Ручей».

Отец — см. прим. к ст-нию «Дактили».

Степун, Федор Августович (1884–1965) — философ, историк, социолог культуры, критик, редактор московской газеты «Возрождение», где было напечатано ст-ние. Выслан из Советской России в 1922 г., преподавал в немецких университетах.

Пресненская застава, Рогожская, Лефортово — районы Москвы.

Балчуг — место прямо напротив Кремля.

Плющиха — улица на юго-запад от Смоленского рынка.

Ср. ст-ние «Я знаю: рук не покладает...» (Не опубликованное при жизни и неоконченное).

Черновой автограф до ст. 38 (РГАЛИ). В планы Ходасевича входило сделать еще одно исправление в газетной публикации — в письме к А.И. Ходасевич он писал: «...обязательно вели сделать две поправки <...> В стих<отворении> “2 ноября” стих 10-й с конца <78> переделать так: “Страдающей, растерзанной, голодной...”» (РГАЛИ). Это исправление не было сделано.

Полдень — Родина (М.). 1918. № 22 (4 мая; пасхальный номер). Без даты. Текст совпадает с ПЗ-1 и ПЗ-2, за исключением ст. 43: Листает книгу барышни. И всё, что вижу, слышу. В ПЗ-1 и ПЗ-2 после ст. 40 было еще два:

И падают, обуглившись, на землю —
Низвергнутые ангелы...

А ветер

Есть и разночтение в ст. 44: Преображенное каким-то мудрым чудом. Ст. 47–48 — в одну строку.

Текст ССт-27 (за исключением ст. 44, которая читается, как и в ПЗ-1 и ПЗ-2) впервые — В. 1927. № 716 (19 мая). С тремя другими ст-ниями под общим заглавием «Белые стихи», все с датой: 1918–1927. Третья строка с конца пропущена по ошибке; «облако» вместо «облачко» в ст. 35, очевидно, опечатка.

СХ: 19/IV — 1/V 1918. Там же приписано: «Понед. Вл. Н.», т.е. газета «Понедельник Власти Народа» (см. прим. к следующему ст-нию), но ст-ние там опубликовано не было.

КХ: 19 апр<еля>–1 мая.

...У львиного столпа... Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах... — Гранитный столп, увенчанный скульптурой крылатого льва — символ республики Венеции и ее покровителя св. Марка — стоит у входа на Пьяццетта ди Сан-Марко на набережной Большого канала. Ср. описание у В.В. Розанова: «Вся Венеция усеяна изображениями льва <...>. Лев венецианский, поставленный на мачтах, на столбах, на каждой безделушке вплоть до спичечной коробки, имеет два полуприподнятых крыла и чуть-чуть опустился на передних лапах, как готовый сейчас прыгнуть» (Розанов В.В. Итальянские впечатления. СПб., 1909. С. 224–225). Этот символ города часто обыгрывается в русской литературе о Венеции. См., например: «Ему же» (1903 или 1904) В.И. Иванова; «Венеция», II (1909) А.А. Блока; «Лагуна» (1973) И.А. Бродского. Об итальянской поездке 1911 г. см. прим. к ст-нию «Успокоение». Об образе Венеции в стихах Ходасевича см.: История одного замысла // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. С. 568–579. См. также: Андреева И. Неуловимое создание. Встречи. Воспоминания. Письма <Е.В. Муратовой>. М., 2000. С. 85–89.

Наборная рукопись (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ) под заглавием «На бульваре».

Встреча — Понедельник Власти Народа. 1918. № 12 (20/7 мая); «итальянский номер». Без даты. С одним разночтением (как и в ПЗ-1 и ПЗ-2) в ст. 21: Который всем поэтам суждено.

Ст-ние перепеч. в: В. 1927. № 716 (19 мая); вместе с тремя другими ст-ниями под общим заглавием «Белые стихи». С двумя разночтениями: ст. 23: Всего на миг является пред нами; 46: И чувствовал еще в устах моих.

СХ: 13/V 1918.

КХ: 13 мая, по заказу Осоргина, для «итальянского» номера газеты «Власть народа». Англичанка, впрочем, была в 1911 г., как и все прочее.

Осоргин — см. прим. к ст-нию «Слезы Рахили».

Santa Margherita — большая площадь (campo) в Венеции.

Мостик — вероятно, Ponte Santa Margherita, через Rio (канал) di Ca' Foscari, между Campo Santa Margherita и Campo San Pantalon.

Беловой автограф — отдельное рукописное издание (М., 1920). См.: Осоргин М.А. Рукописные книги московской лавки писателей, 1919–1921 // Временник Общества друзей русской книги. III. Париж, 1932. «Ходасевич Вл. Встреча. Венецианское воспоминание. 1920, 8 стр. в цветной обложке. Разм. 16×12. Ц. 1000 р.» (С. 59). Рецензируя статью Осоргина, Ходасевич вспоминает: «М. Осоргин в статье “Рукописные книги московской лавки писателей 1919–1921”

дает трагикомическую (впрочем, конечно, более трагическую) страницу из недавнего прошлого, когда русские писатели, не имея возможности издавать свои книги типографским способом, размножали их от руки. К статье приложен ценный каталог таких рукописей, которые подчас изготовлялись на самом фантастическом материале, вроде оберточной бумаги, обоев, неразрезанных листов советских денег, на мешочном холсте и даже на осиновом полence, а продавались на “валюту” — т.е. обменивались на муку, масло, сахар. Пишущему эти строки памятна та эпоха — он и сам принимал участие в фабрикации рукописных книжек» (В. 1932. № 2557 (2 июня)).

Обезьяна — Рабочий Мир: Орган Московского центрального рабочего кооператива. 1919. № 6 (апрель). С. 3. И в журнальной публикации, и в ПЗ-1 и ПЗ-2 — следующие варианты:

- 8: По ней катились. Рядом, на заборе,
- 17: Поставил он. И тотчас обезьяна,
- 19: Обеими руками блюдце.

Текст ССт-27 впервые в: В. 1927. № 716 (19 мая). С тремя другими стихами под общим заглавием «Белые стихи». Все с датой: 1918–1927.

СХ: 7/VI 918 — 20/II 919.

КХ: 20 февр<аля>. Нач<ато> 7 июня 1918. Все так и было, в 1914, в Томилине. Гершензон очень бранил эти стихи, особенно Дария.

Томилино — дачное место, 24 км на юго-восток от Москвы по дороге на Рязань, где Ходасевич провел лето 1914 г. См. письмо Ходасевича к Б.А. Садовскому от 18 мая 1914 г.: «Л.И. Рыбакова (старшая сестра А.И. Чулковой. — Ред.) сказала мне, что Вы спрашиваете о моем адресе. Вот он: Ст. Томилино, Моск.-Казанской ж.д., ул. Достоевского, дача Семиладнова» (Н. С. 345).

В очерке «Гершензон» Ходасевич пишет: «За девять лет нашего знакомства я привык читать или посылать ему почти все свои стихи. Его критика всегда была доброжелательна — и беспощадна. Резко, “начистоту” высказывал он свои мнения. С ними я не всегда соглашался, но многими самыми меткими словами о моих писаниях я обязан ему. Никто не бранил меня так сурово, как он, но и ничьей похвалой я не дорожил так, как похвалой Гершензона. Ибо знал, что и брань, и похвалы идут от самого, может быть, чистого сердца, какое мне доводилось встречать» (Н. С. 104–105). См. также воспоминания А.И. Ходасевич: «М. Горький в те времена относился к Владе с большой нежностью и был почитателем его стихов. Помню, как однажды мы были у него и Владя читал ему свое стихотворение “Обезьяна”. <...> Алексей Максимович, слушая эти стихи, плакал» (Ново-Басманная, 19. С. 403).

Бродячий серб... обезьяна — ср. ст-ние И.А. Бунина «С обезьяной» (1906–1907).

Дарий III — персидский царь (336–330 до н.э.), разбитый *Александром* Македонским (356–323 до н.э.) в битве при Гавгамелах (331 до н.э.). Образ бежавшего Дария восходит к «Тускуланским беседам» Цицерона (кн. V, 34), откуда и был заимствован Петраркой. Возможно, что образы этого ст-ния также восходят к картине П. Веронезе «Семейство Дария перед Александром», где фигурирует сидящая на цепи обезьяна. См.: *Hughes R. Khodasevich in Venice // For S.K. Berkeley, 1994. P. 145–162.* В статье описывается восприятие Ходасевичем Венеции на фоне искусства итальянского Возрождения.

Вождем народа — см. очерк Ходасевича «Белый коридор» (Дни. 1925. № 842, 843, 846 (1–6 ноября); Н. С. 250–267).

И мнилось — хор светил и волн морских... — ср. стихотворение Ф.И. Тютчева «Сон на море» (1830).

В тот день была объявлена война — 19 июля (ст. ст.) 1914 г., в 4 часа дня. Черновой автограф до ст. 15 (РГАЛИ).

Дом — Первая редакция не разыскана. Вторая — Творчество: Журнал литературы, искусства и жизни (Изд. Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красно-армейских депутатов). 1920. № 5/6. С. 1–2. С датой: 1919–1920. С разночтением в 7-м ст. с конца: Она со стен сдирает дранки, паклю. Здесь ст. 15–16 читаются (в трех строках):

Про черный день; где в духоте и мраке
Привычные супружеские ласки
Беспламенно вершились; где потели

Не входило в ПЗ-1. Текст ПЗ-2 — в журнальной редакции.

Текст ССт-27 впервые — В. 1927. № 772 (14 июля). С датой: Москва 1920.

С одним разночтением (опечаткой?) в ст. 54: События, как письма на карте...

СХ: 3–5/VII 1919 — 12/VI 1920. В первой редакции (1919) — во второй (1920).

КХ: Много раз переделывал. В первой редакции (ужасной) напечатано где-то в Киеве.

Великий Рамсес II — египетский фараон (1317–1251 до н.э.). Он же — Озимандия (*греч.*), заглавие знаменитого ст-ния Шелли, известного в то время в переводе К.Д. Бальмонта.

Да, хорошо ты, время... — концепция времени в ст-нии восходит к «Исповеди» Блаженного Августина, кн. 11.

...Саламандра в пламени — по средневековым поверьям, животное — дух огня; пламя — ее стихия.

Виктор Шкловский привел ст. 65–66 («Меж (так у Шкловского. — *Ред.*) воспоминаньем и надеждой — / Сей памятью о будущем...») в качестве эпиграфа к своей книге «Встречи» (М., 1944), приписывая их Батюшкову.

Беловой автограф (РГАЛИ); черновой автограф начала ст-ния (РГАЛИ), где к дате «нач<ато> 2 июня 1919» приписано: «Второй раз».

Стансы («Уж волосы седые на висках...») — Москва. 1918. № 1. С. 6. Без даты. Здесь, как и в ПЗ-1 и ПЗ-2, ст. 14 читается: Поэтов звучные бряцанья. Перепеч. в: Поэты наших дней. Антология. «Всероссийский союз поэтов». М., 1924. С датой: 1918. Одно из последних ст-ний Ходасевича, напечатанных при его жизни в Советской России.

СХ: 24–25/Х 1918.

КХ: 24–25 октября, по возвр<ащении> из Петербурга, на службе, в моем кабинете во «Всемир<ной> Литературе». От скуки. Никакой работы не было, служба и изд<ательст>во только что начинались.

«Всемирная литература» — издательство, организованное по инициативе М. Горького в 1918 г. при Наркомпросе. Осенью 1918 г. Ходасевич посетил Петербург и предложил коллегии издательства несколько томов своих переводов (Н. С. 149). Поскольку большого аванса ему дать не могли, то предоставили пост заведующего московским отделением издательства. В Москве издательство помещалось на Знаменке.

Ст. 13–14 — ср.: «Поэт по лире вдохновенной / Рукой рассеянной бряцал...» (А.С. Пушкин. «Поэт и толпа», 1828). Ст. 15–16 ср. со ст-нием «Путем зерна».

Анютe — Весенний салон поэтов: Сб. С. 155–156. Без даты.

СХ: 25/І 1918.

КХ: 25 янв<аря>. Были такие коробки. Последней строфы никто не понял (ср. КХ к ст-нию «Эпизод». — Ред.).

Беловой автограф в рукописном сборнике «Дóма» (М., 1920; собр. А.Ф. Чистякова) и в альбоме А.И. Ходасевич (РГАЛИ) с датой: 1918, 26/13 февраля; черновой автограф (РГАЛИ). В нем между строфами V и VI была еще одна:

С картинки неказистой
Матросик не сойдет,
Но сердце в нем, к<a>к струнка,
Дрожит, звенит, поет.

(БП. С. 381)

«И весело, и тяжело...» — Жар-птица. (Берлин). 1923. № 10. С. 10. Без даты. С одним разночтением в ст. 10: Той нежности неодолимой.

В ПЗ-1 и ПЗ-2 не входило.

В ССт-27 с неправильной датой: 1920 (см. КХ).

СХ: Saarow, 23 нояб<ря> 1922 — 27 марта 923.

КХ: Неправда (прим. к дате «1920». — Ред.): 1923, Saarow. Изменил хронологию, потому что больше подходит к «П<утем> Зерна», да и плохо для 1923 года.

Ст. 5 — ср.: «Пускай скудеет в жилах кровь...» (Ф.И. Тютчев. «Последняя любовь», 1852–1854).

Беловой автограф в письмах к А.И. Ходасевич от 26 апреля и 4 мая 1923 г. Автограф имеется в «клеенчатой тетради» (БА) с датой: Saarow 23 нояб<ря>. 922. Он перечеркнут карандашом. Его текст соответствует печатному тексту, кроме

- 10: а) [Истомы той неодолимой,]
б) Той а. [слабости] неодолимой,
в. нежности

Окончательный вариант этой строки не представлен в автографе.

Без слов — Слово. 1918. № 4 (2/15 апреля). Без даты.

СХ: 5–7/IV 1918.

КХ: 5–7 апр<еля>. Написал все, кроме ужасного «дорогая», — 5-го, 7-го кончал, чтобы дать в какую-то Эренбурговскую газетку.

Эренбург, Илья Григорьевич (1891–1967) — прозаик, поэт, журналист, мемуарист.

Беловой автограф в рукописном сборнике «Дбма»; черновой автограф (РГАЛИ). В нем варианты III строфы:

То виден, то сокрыт стежок,
Но шьет рука легко и прочно.
И отдал я тебе платок,
Перевернув его нарочно.

То виден, то сокрыт стежок,
Из жизни в смерть преображаясь...
И перевернутый платок
На стол кладу я, улыбаясь.

(БП. С. 382)

Хлебы — Новости Дня. 1918. № 22 (20/7 апреля). Без даты.

СХ: 26/II — 11/IV 1918.

КХ: 26 февр<аля> — 11 апр<еля>.

Сандрильона — Золушка (фр.).

Миньона — героиня романа И.-В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796), а также цикла ст-ний В.Я. Брюсова «К моей Миньоне» (1895).

Беловой автограф в рукописном сборнике «Дбма»; черновые автографы (РГАЛИ). Вариант I строфы:

Как хорошо! Спокойно, деловито
Сама ты ставишь хлебы, вся в муке.

А Котофей раскинулся лениво
На сундуке.
(БП. С. 382)

К одному из вариантов IV строфы приписано: «Не надо красок. Сделать гравюру».

<ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ КНИГИ>

Авиатору — Утро России. 1914. № 79/80 (6 апреля; пасхальный номер). Без даты и деления на строфы. Со следующими разночтениями:

- 2: Над изгибами северных рек
- 4: Небожитель — титан — человек!
- 7: А вокруг — взгроможденные ярусы:
- 12: Но опомнись, припомни, постой.

Перепеч. в: Сад поэтов: Сб. Полтава, 1916. С. 56. Без даты. Ст. 4 и 12 — в газетной редакции. Ст. 9: Но, смотря на тебя недоверчиво...

Вошло только в ПЗ-1, где следовало после ст-ния «Слезы Рахили».

СХ: 1914, весна, вербн<ое> воскрес<енье> (30 марта. — Ред.).

По настроению близко ст-нию А.А. Блока «В неуверенном, зыбком полете...» (1910) и ст-нию Муни «И вот достигнута победа...» (1912–1913). См. также статьи самого Ходасевича: Накануне // Раннее Утро. 1909. № 144 (25 июня) (подпись: Кориолан); СС-2. С. 66/67; Тяжелее воздуха // Руль. 1909. № 191 (14 сентября) (подпись: Гарольд); СС-2. С. 70–71.

Газетчик — Москва. 1919. № 3. С. 13. Без даты. Вошло в ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Слезы Рахили».

СХ: Нач<ато> 16/П — 17/П 1919.

В машинописной копии (РГБ, архив С.А. Абрамова), без названия и даты, последние две строфы переставлены. Варианты:

- 13: Шагай же, демон маленький,
- 16: Над бездною судьбин!
- 17: Какое безразличие
- 19–20: Но в нем соблазн величия
По капле пьет душа.

Черновой автограф (РГАЛИ).

Уединение — Сад поэтов. Полтава, 1916. С. 57. Без даты. *Страданья* в ст. 5 выглядит как опечатка. Перепеч. в: Страницы лирики. Избранные стихотворения современных русских поэтов. Симферополь, 1920. С. 55. Без даты.

Вошло в ПЗ-1 и ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Авиатору» (ПЗ-1) и «Газетчик» (ПЗ-2).

СХ: 1915, 6–7/VI.

Машинопись с правкой (РГАЛИ). В ней первоначальный вариант ст. 13–14: Русалочка, влекущая на дно, / Ты погуби меня, уединенье! Черновой автограф (РГАЛИ).

«Как выскажу моим косноязычем...» — Вошло в ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Уединение».

СХ: П<етер>Б<ург> 31/III 1921.

Рыбак. Песня— Вошло в ПЗ-1 и ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Уединение» (ПЗ-1) и после ст-ния «Как выскажу моим косноязычем...» (ПЗ-2).

СХ: 17/I 1919.

Стихотворное переложение сказки «Рыбак» (вставная новелла в рассказе Муни «Летом 190* года»). Приводим текст сказки (абзацы отмечены двумя косыми чертами): «Я старик, я — рыбак, и потому не могу объяснить многого из того, что делаю. // Зачем я хочу солнце с неба? // Привязываю к тончайшей крепкой лесе острый английский крючок, наживляю самой большой звездой и закидываю мою удочку в небесное море. // Мелкая рыбешка — звезды — вертятся вокруг моего лунного поплавка. Но мне их не надо. Я хочу поймать солнце. // И каждое утро оно клюет. Я осторожно вывожу его на поверхность и целый день вожу на крепкой лесе. Но я не могу его вытащить: оно такое тяжелое. // И каждый вечер солнце срывается у меня с удочки, заглота звезду и крючок. // Скоро у меня не останется ни звезд, ни крючков. // Берегитесь! — будет темно» (1907–1908; *Киссин С. (Муни). Легкое бремя*. М., 1999. С. 120–121; см. там же. С. 186, 368–369). Ср. ст-ние В.А. Жуковского «Рыбак» (1818).

Воспоминание («Здесь, у этого колодца...») — Утро России. 1916. № 1 (1 января). Без даты. С разночтением в ст. 16: С белой розой нежной смерти. Вошло в ПЗ-1 и ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...».

СХ: 1914, 19/XI.

Ср.: «Полно спать: тебе две розы / Я принес с рассветом дня...» (А.А. Фет, 1847).

Беловой автограф в рукописном сборнике «Вечерние стихи. Хореи» (М., 1920; РГАЛИ).

Сердце — Вошло в ПЗ-2, где следовало после ст-ния «Обо всем в одних стихах не скажешь...».

В СХ это ст-ние упоминается, по-видимому, в не дошедшей до нас первой редакции: «Сердце (Я жизнь превращаю в виденье), 1916» и с датой переработ-

ки: 29 июня 1921 П<етер>Б<ург>. Первоначальная разработка темы — ст-ние «Отчаянье» (см: Не опубликованное при жизни и неоконченное).

Старуха — Вошло в ПЗ-2, где следовало после ст-ния «В Петровском парке». СХ: 7/ХП 1919.

Таганка — район Москвы вокруг Таганской площади.

Ср. поэму А.А. Блока «Двенадцать» (1918).

Недатированная машинопись с названием «Старуха (фрагмент)» содержит две первые строфы. Варианты:

- 1: Полумертвая старуха,
- 4: А бывало-то! В тачанке!
- 9: Ну, тащись, плохая, двигай...
- 13: Промелькнув скрипучей кожей.
- 15: Что-то там лепечет глухо,

Черновой автограф (РГАЛИ).

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

Ходасевич написал большинство ст-ний, вошедших в «Тяжелую лиру» — четвертую книгу своих стихов, осенью 1920 г. после переезда из Москвы в Петроград по приглашению М. Горького. Вот как он описывает петербургскую литературную атмосферу того времени: «В отличие от московской, петербургская литература стояла далеко от властей и ревностно охраняла свою независимость. Сочетание этой внутренней свободы с суровым трагизмом окружающей жизни давало творчеству острый, даже мучительный, но и мощный импульс. Много тому способствовало зрелище самого тогдашнего Петербурга, неизъяснимо величественного и прекрасного своей пустынною тишиной. <...> Три смерти, три бедствия, струсившие одно за другим, — смерть Блока, убийство Гумилева, самоубийство Анастасии Чеботаревской — придали тем годам отпечаток сутобо трагический, но те, на чью долю выпало горестное счастье жить тогда в Петербурге, знают, все-таки, вопреки всему, несмотря ни на что — это было счастье. Этим сознанием они между собою и связаны навсегда, неразрывно» (Книги и люди. «Слава» <рец. на повесть Н.К. Чуковского> // В. 1935. № 3725 (15 августа)). Первоначальное название задумывавшейся Ходасевичем книги было «Узел». «Я в последнее время написал 20 стихотворений, и у меня почти готова книга, которая (что не подлежит распубликованию) будет называться “Узел”» (письмо к Б.А. Диатроптову от 16 августа 1921 г. // СС (96–97)–4. С. 433). Тем не менее извещения о предстоящем выходе книги появились в хронике ряда литературных журналов и в

списке «Стихи Владислава Ходасевича», включенном в ПЗ-2. Окончательное название взято из ст-ния «Баллада».

После безуспешных попыток издать книгу в одном из московских частных издательств книга была отдана в Государственное издательство, где ТЛ-1 появилась в конце 1922 г. с множеством опечаток, которые нами не учитываются. Позднее, 14 апреля 1926 г., Ходасевич писал М.А. Фроману: «...московское издание совершенно негодное: в нем только искажающих смысл опечаток больше 15, стихи не в том порядке и т.д.» (СС (96–97)-4. С. 500). ТЛ-1 (тираж 3000 экз.) содержит 42 ст-ния (считая «Из окна» за одно ст-ние), датированных и напечатанных в следующем порядке: Музыка; «Так бывает почему-то...»; К Психее; «Душа моя — как полная луна...»; «Психея! Бедная моя!...»; Искушение; «Когда б я долго жил на свете...»; «Люблю людей, люблю природу...»; Буря; День; «Слепая сердца мудрость...»; Жизель; Из окна; В заседании; «Не матерью, но тульской крестьянкой...»; «Ни розового сада...»; Вечер («Под ногами скользь и хруст...»); «Слышать я вас не могу...»; Из дневника; «Перешагни, перескочи...»; Гостю; Сумерки; «Смотрю в окно — и презираю...»; «Лэди долго руки мыла...»; Лида; «Горит звезда, дрожит эфир...»; Вакх; «Играю в карты, пью вино...»; Бельское Устье; Автомобиль; Ласточки; Элегия («Дерева Кронверкского сада...»); Пробочка; Порок и смерть; «Старым снам затерян сонник...»; «На тускнеющие шпильки...»; Март; Невеста; «Друзья, друзья! Быть может, скоро...»; Улика; «Покрова Майи потаенной...»; Баллада.

Уже в то время, когда ТЛ-1 печаталась, Ходасевич задумал переработку книги. 12 октября 1922 г. он писал А.И. Ходасевич из Берлина: «Скажи Сане и Мариэтте (И.И. Бернштейну и М.С. Шагинян. — *Ред.*), что “Тяжелую Лиру” я пришло им в берлинском виде, более полном и с другим порядком стихов. Я ее переделал» (СС (96–97)-4. С. 450). ТЛ-2 вышла в свет в издательстве З.И. Гржебина в конце 1922 г. Ходасевич получил первый экземпляр 7 декабря — КЖ; см. также его письмо М.М. Карповичу от 1 января 1923 г.: «Последняя книжка моих стихов только что вышла в Берлине* <сноска Ходасевича: «Тяжелая Лира»>» (СС (96–97)-4. С. 456). В него не вошли три ст-ния из ТЛ-1: «Слепая сердца мудрость...»; «Слышать я вас не могу...»; Невеста. Эти три ст-ния никогда больше автором не печатались; мы включили их в раздел <Исключенное из книги>. Добавлены пять ст-ний: «Пускай минувшего не жаль...»; Стансы («Бывало, думал: ради мига...»); «Не верю в красоту земную...»; «Большие флаги над эстрадой...»; «Ни жить, ни петь почти не стоит...». Это издание содержит 44 ст-ния, все тексты снабжены датами написания и следуют в порядке, значительно отличающемся от первого: Музыка; «Лэди долго руки мыла...»; «Не матерью, но тульской крестьянкой...»; «Так бывает почему-то...»; К Психее; Душа («Душа моя — как полная луна...»); «Психея! Бедная моя!...»; Искушение; «Пускай минувшего не жаль...»; Буря; «Люблю людей, люблю природу...»; Гостю; «Когда б я долго жил на свете...»; Жизель; День; Из окна; В заседании; «Ни розового сада...»; Стансы («Бывало, думал: ради мига...»);

Пробочка; Из дневника; Ласточки; «Перешагни, перескочи...»; «Смотрю в окно — и презираю...»; Сумерки; Вакх; Лида; Бельское Устье; «Горит звезда, дрожит эфир...»; «Играю в карты, пью вино...»; Автомобиль; Вечер; Порок и смерть; Элегия; «На тускнеющие шпилы...»; Март; «Старым снам затерян сонник...»; «Не верю в красоту земную...»; «Друзья, друзья! Быть может, скоро...»; Улика; «Покрова Майи потаенной...»; «Большие флаги над эстрадой...»; «Ни жить, ни петь почти не стоит...»; Баллада.

Третье «издание» (ТЛ-3) — редакция текстов, вошедшая в ССт-27, где все ст-ния датированы. Ходасевич сохранил тот же порядок, что и в ТЛ-2, но добавил два ст-ния: «Странник прошел, опираясь на посох...» (после ст-ния «Вечер») и «Гляжу на грубые ремесла...» (после ст-ния «Большие флаги над эстрадой...»). Мы печатаем ТЛ по этому изданию. Существенные текстуальные различия между ТЛ-1, ТЛ-2 и ТЛ-3 отмечены в примечаниях.

Вероятно, одновременно с подготовкой ТЛ Ходасевич обдумывал и состав итогового сборника своих стихов. В архиве И.И. Ивичи-Бернштейна сохранился список ст-ний, написанный рукой Ходасевича; судя по всему, это предварительный план-оглавление сборника, подготовленного Ходасевичем во второй половине 1921 г. В нем озаглавлены и сгруппированы стихи из сборников СД, ПЗ и ТЛ, детские стихи и переводы из еврейских поэтов. Эта первая авторская попытка такого рода интересна еще и тем, что стихи здесь сгруппированы по тематическому признаку. Текст списка 1921 г. приводится без изменений; значение цифр в квадратных скобках неизвестно (количество слов?).

- I. Психея: «В заботах», «Со слабых век», «Про себя», «Сны», «Полдень», «Эпизод», «Вариация», «К Психее». [1500]
- II. Предсмертье: 1) «Милые девушки», 2) «О, если б», 3) «Утро», 4) «И мне и волн», 5) «На ходу», 6) «Швея», 7) «Золото», 8) «Ищи меня». [1500]
- III. Москва: «В Петр. Парке», «Смол. рынок», «По бульварам», «2-го ноября», «Старуха». [1000]
- IV. Ситцевое царство: 1-2 [750]
- V. Стихи для детей: «Английская песенка», «Страна из книг», «Луна», «Разговор человека с мышкой». [750]
- VI. Мыши: «Ворожба», «Сырнику», «Молитва». [500]
- VII. Почти дневник: «Обезьяна», «Слезы Рахили», «2-го ноября», «Газетчик», «Дом», «Старуха», «Музыка». [2000]
- VIII. Дама: «За окном», «Милому другу», «Подруге», «Анюте», «Без слов», «Хлебы». [1500]
- IX. Стихи о царевне: 1-5 [1500]
- X. Ситцевое царство: 1-2 [100]
- XI. Вечерние стихи: «Голос Дженни», «Воспоминание», «Вечер», «Рай». []

- ХII. Стихи для детей: (см. V)
- ХIII. Из еврейских поэтов: Бялик — Предводителю хора. Фришман — Ночью; черних<овский> — Лесные чары. Фихман — Хожу я к тебе. Ицхак — Элул в аллее. [2100]
- ХIV. Разлука: Закат, Дождь, Матери, Февраль, Сладко после дождя.
- ХV. Встреча:
- ХVI. Предсмертье: (см. II)
- ХVII.

Основные рецензии на ТЛ: *Асеев Н.* По морю бумажному // Красная Новь. 1922. № 4. С. 245–247; *он же* // Леф. 1923. № 2. С. 160–161; *Белый А.* Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича) // Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 136–139; *он же.* Тяжелая лира и Русская лирика // СЗ. 1923. Кн. 15. С. 371–388; *Брюсов В.* Среди стихов // Печать и Революция. 1923. № 1. С. 73–74; *Офросимов Ю.* // Новая Русская Книга. 1923. № 1. С. 17–18; *Петровская Н.* // Накануне (Берлин). Литературное приложение / Под ред. гр. А.Н. Толстого. 1922. № 292 (24 декабря); *Родов С.* «Оригинальная» поэзия Госиздата // На Посту. 1923. № 2/3, С. 153–160 (перепеч. в кн.: В литературных боях. М., 1926. С. 155–163); *Рождественский В.* Владислав Ходасевич и его «Тяжелая лира» // Записки Передвижного Театра. 1923. № 59 (19 июня); *Слоним М.* Литературные отклики // Воля России. 1923. № 6/7. С. 93–99; *Струве Г.* Письма о русской поэзии // Русская Мысль. 1923. № 1/2; *Устоева С.* // Правда. 1922. № 289 (21 декабря); *Эрг <Роман Гуль>* // Накануне. 1923. № 455 (9 октября); *Анон.* // Город. Литература. Искусство: Сб. Пб., 1923. № 1 (январь). С. 105.

Музыка — Литературная мысль: Альманах I. Пг., 1922. С. 14. С датой: Москва 1920. Со следующими разночтениями:

- 1: (Отсутствует. — *Ред.*)
- 3–4: У Троицы на Бережках еще обедня
Не отошла. Я выхожу во двор.
- 5: Как мало всё: и дворик, и дымок.
- 25–26: Приподнимает, ничего не слышит,
Но слушает внимательно... Должно быть,

Московский альманах. I. М., 1922 <на обложке: 1923>. С. XII–XIII. С датой: 1920. С теми же разночтениями в ст. 3–4, 25–26, как в предыдущем тексте. СЗ. 1923. Кн. 13. С. 122–123. Без даты.

СХ: 15/VI 1920.

КХ: 15 июня, в чудесный летний день, сразу. Всю зиму пробовал — не вышло. Серг<ей> Ив<анович> — Воронков, жил надо мной в 7-м Ростовском.

В автобиографической заметке «О себе» Ходасевич пишет: «Зиму 1919–20 г. провели ужасно. В полуподвальном этаже нетопленного дома, в одной комнате, нагреваемой при помощи окна, пробитого — в кухню, а не в Европу. Трое (Ходасевич, А.И. Ходасевич и ее сын от первого брака. — *Ред.*) в одной маленькой комнате, градусов 5 тепла (роскошь по тем временам). За стеной в кухне на плите спит прислуга. С Рождества, однако, пришлось с ней расстаться: не по карману. Колол дрова, таскал воду, пек лепешки, топил плиту мокрыми поленьями. Питались щами, нелегально купленной пшенной кашей (иногда с маслом), махоркой, чаем и сахаринном. Мы с женой в это же время служили в Книжной Палате Московского Совета: я заведующим, жена секретарем» (Новая Русская Книга. 1922. № 7. С. 37; СС (96–97)–4. С. 188).

Благовещенье на Бережках — церковь Благовещения, которая находилась в северном конце 7-го Ростовского переулка, где тогда жил Ходасевич.

Ср. описание творческого процесса, данное в ст-нии, с замечанием в статье Ходасевича «Глуповатость поэзии»: «В поэтическом видении уже обнаруживается начало демиургическое <...> поэт, не искажая, но преображая, создает новый, собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышимым. Есть каждый раз нечто чудесное в возникновении нового бытия» (СЗ. 1927. Кн. 30. С. 281). Ср. конец ст-ния Георгия Иванова «Из облака, из пены розоватой...» (1920):

И легкой музыки летит дыханье
Ко мне, таинственное, с облаков.

Но это длится только миг единый:
Вот снова комнатная тишина,
В горошину кисейные гардины
И Каменноостровская луна.

Машинопись со вписанным от руки заглавием «Весть» (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ; первоначальные варианты заглавия: «Воск», «Дрова»; дата — «нач<ато> в январе 1920»).

«Лэди долго руки мыла...» — Шиповник. 1. М., 1922. С. 13. Без даты и разделения на строфы.

СХ: П<етер>Б<ург>, 9 января 22 г.

КХ: 9 янв<аря> 1922. О смерти Муни.

Лэди (во всех редакциях архаическая форма) — леди Макбет (см.: У. Шекспир. «Макбет», акт 5, сцена 1).

Триста лет — Хотя «Макбет» был написан, вероятно, в 1605–1608 гг., пьеса была впервые опубликована в 1623 г.

Лет шесть — Муни покончил с собой 22 (а не 28, как пишет Ходасевич в Н) марта 1916 г. (см. прим. к ст-нию «В моей стране»). О его самоубийстве А.И. Хо-

дасевич пишет в своих мемуарах: «Он очень тяготился военной службой, осложненной неприятностями в связи с его национальностью. На одной из станций он вошел в кабинет начальника станции, в его отсутствие нашел у него на столе револьвер и застрелился. <...> Эта смерть тяжело отозвалась на Владе. Он очень любил Муню, которого можно было назвать его единственным другом, и он мучился и уверял себя, что отчасти виноват в этой смерти. <...> У Влади опять начались бессонницы, общее нервное состояние, доводящее его до зрительных галлюцинаций, и, очевидно, и мои нервы были не совсем в порядке, так как однажды мы вместе видели Муню в своей квартире» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 398).

«Не матерью, но тульской крестьянкой...» — Голос России. 1922. № 1031 (13 августа). Без даты. В отделе «Литературная неделя». С прим.: «Стихи В. Ходасевича мы берем, с разрешения изд. З.И. Гржебина, из выходящего из печати сборника стихов поэта “Тяжелая Лира”».

СХ: 2 марта 22, П<етер>Б<ург> (нач<ато> 1917 М<осква>).

КХ: 2 марта — последние 5 строф. Первые 4 лежали с 1917. Кончал наспех, почти начисто, к 3 часам: должен был прийти за стихами Копельман. Деньги были очень нужны. После ухода Копельмана отправился на рынок, по оттепели. Купил калоши, которые оказались велики. Засунул в них черновик и поехал (впервые) к Н. (Н.Н. Берберовой. — *Ред.*). В 1923 г., в Берлине, черновик нашел в носке калоши. Няня: Елена Александровна Кузина, по мужу Степанова, Тульской губ., Одоевского уезда, села Степанова. Ребенка (2-го) она отдала в Воспитательный Дом, где он и умер. Там детей морили. Своим существованием я ему обязан, ибо все кормилицы до этой отказывались меня кормить: я был слишком слаб. Няня умерла, когда было мне лет 14. Всегда жила у нас.

Копельман, Соломон Юльевич (1881–1944) — совладелец и главный редактор издательства «Шиповник» (после 1917 г. перебазировавшегося в Москву).

Автокомментарий к ст-нию — в очерке «Младенчество» (В. 1933. № 3061 (19 октября); СС (96–97)-4. С. 190–209).

Она не знала сказок... — этим отличалась от няни А.С. Пушкина Арины Родионовны.

Она меня молитвам не учила... — мать Ходасевича воспитала его католиком (он был похоронен по обряду католической церкви).

Иверская — часовня Иверской Божией Матери, стоявшая в западном конце Красной площади, рядом с Историческим музеем. Разрушена в 1929 г., ныне отреставрирована.

«Громкая держава» — «Так вот судьба твоих сынов, / О Рим, о громкая держава!..» (А.С. Пушкин. «Цыганы», 1824).

Ст. 21 — ср.: «Свой честный подвиг продолжай, / Не утомись в борьбе священной!..» (Е.П. Росточина. «Голос правды», 1855). Ср. также: «Не требуя наград за подвиг благородный...» (А.С. Пушкин. «Поэту», 1830).

Учитель... чудотворный гений — подразумевается А.С. Пушкин.

Ст. 29–30 — автоцитата; ср. ст-ние «Пускай минувшего не жаль...» (1921).

...с царскими, ходынскими гостями — более 1300 человек, погибших на Ходынском поле 18 (30) мая 1896 г., во время торжества по случаю коронации Николая II.

Черновик (о котором Ходасевич упоминает в КХ) хранится в архиве Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке). С датой: 2 марта 22. ПБург. Варианты:

12: [И всё, что ей самой]

17–18: [Так! Из ее сосцов, безумная Россия,
Я высосал]

17 (второй вариант): [И что ж]

[В те дни] Россия «громкая держава»

20: Тебя любить, [как] и проклинать тебя...

23: («Твой» вписано над строкой. — *Ред.*)

27: (Вместо «Что сей язык» предполагалось: «Что говор
твой», но впоследствии зачеркнуто карандашом. — *Ред.*)

29–34: Года бегут. [О, многое забыто,]

[И многое в душе пережжено,]

Но тайная [живет] еще отрада,

Что [есть еще] прибежище одно:

[Когда-нибудь, с <нрзб.>]

[Где Пойти туда,]

Окончательные исправления совпадают с печатным текстом. В слове «Кúзи-на» в черновике проставлен акцент (как в ТЛ-1).

Два черновых автографа (РГАЛИ). В первом из них, датированном 12 февраля 1917 г., есть две строфы, место которых точно не определено:

Так! Из ее сосков, бескрайняя Россия,

Я высосал любовь к твоим сынам.

Твои поля — и мне они родные,

Твоей земле свой прах я передам.

Вся предана заботе о земном,

Она была подвижницей смиренной:

Простой любовью, тягостным трудом

Лелеяла меня самозабвенно.

(БП. С. 384)

Список (коллекция С.В. Поляковой). Третья строфа читается:

Она меня молитвам не учила:

На сон грядущий осенив крестом,

Благоговейным чинным шепотком
О домовых и ведьмах говорила
(Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166)

См. детальное исследование истории текста: *Богомолов Н.* Из черновиков Ходасевича I. Елена Кузина // *A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky-Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by Lazar Fleishman, Hugh McLean.* Stanford, 2006. С. 145–159.

«Так бывает почему-то...» — Москва. 1922. № 6. С. 14. Без даты.

В ТЛ-1 — без разделения на строфы.

СХ: 1920, 25 сент<ября> (под названием «Круча». — *Ред.*).

КХ: 25 сентября.

К Психее — Дом Искусств. 1. Пб., 1921 (на обложке: 1920). С. 21. Без даты. Московский альманах. 1. М., 1922 <на обложке: 1923>. С. XIV. С датой: 1920. Воля России. 1922. № 2 (30) (1 октября). С. 7. Без даты.

СХ: 13/V — 18/VI 1920.

КХ: 13 мая — 18 июня. Днем. Вечером пошел к Чулковым, читал Над<еж-де> Григ<орьевне>, которая очень восхищалась.

Чулкова Н.Г. (1871? 1874?–1961) — жена Г.И. Чулкова (см. прим. к ст-нию «Слезы Рахили»).

Психея (*греч. миф.*) — олицетворение человеческой души, изображалась в виде девушки с крыльями бабочки.

В статье «Конрад Валленрод. 1827–1927» (В. 1927. № 905 (24 ноября)) Ходасевич пишет: «Альдона — не только жена Валленрода, но и его Прекрасная Дама, его Психея, “большая часть” его самого». Позже, в статье «Иридион» (см. прим. к ст-нию «Золото»), Ходасевич повторяет это же сопоставление: «...торжествуя победу над политическими врагами, Валленрод теряет Альдону, свою Прекрасную Даму, свою Психею» (В. 1936. № 4050 (31 октября)).

Два беловых автографа (РГАЛИ, архив М.О. Гершензона; РГАЛИ, архив Г.И. Чулкова, в альбоме Н.Г. Чулковой); черновой автограф (РГАЛИ).

Душа («Душа моя — как полная луна...») — Новый Гиперборей: Журнал Цеха поэтов. 1921. № 1. Без названия. С датой: 1921. С рисунком Ходасевича (гектограф с рисунком цветка). С разночтением в ст. 7: И сколько довелось мне здесь страдать — «Автографы новых поэтов и собственноручные графики поэтов: Н. Гумилева, Всеволода Рождественского, М. Лозинского, О. Мандельштама, Георгия Иванова, Ирины Одоевцевой, А. Оношкович-Яцина, Владислава Ходасевича и Ник. Оцуца. Настоящий № отпечатан в количестве двадцати трех экземпляров»; Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 48. Без даты. С разночтением в ст. 4: Но слез моих она не осушит;

«Психея! Бедная моя!..» — Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 48. Без даты. СХ: П<етер>Б<ург> 4 апр<еля> 1921.

КХ: 4 апр<еля>. С этого стихотворения внутренне начался для меня период «Тяжелой Лиры».

Пифийские глаголы — слова дельфийского оракула, пифии, т.е. жрицы-прорицательницы храма Аполлона в Дельфах.

Ст. 11 — ср. название сборника.

Верстка с правкой (РГАЛИ); белой автограф (РГАЛИ, коллекция А.И. Тиякова, с датой: 1921. 28 апреля).

Искушение — Эпопея. 1922. № 2 (сентябрь). С. 17–18. Без даты. С разнотечием в ст. 23: Ищи ж отрады поднебесной.

СХ: 4 июня — 9 июля 921 П<етер>Б<ург>.

КХ: 4 июня — 9 июля. О НЭПе. Дважды читал в П<етер>Б<урге> публично; советовали не читать, но я очень кипел. С этого стих<отворения> началась последняя дружба с Белым. Его статья обо мне в «Записках Мечтателей» — главн<ым> образ<ом> — из этого стихотворения.

Ходасевич читал свои новые стихи 21 июля 1921 г. на «вечере поэзии» в Доме Искусств (читали и Анна Радлова, и М.А. Кузмин; см.: Жизнь Искусства. 1921. № 780–785, 20–25 июля).

Об *Андрее Белом* и его статьях о ТЛ см. прим. к ст-нию «Пролог неоконченной пьесы». Ко времени возвращения Белого из Берлина в Советскую Россию взаимоотношения двух писателей испортились. 21 октября 1923 г. Ходасевич писал А.И. Ходасевич из Берлина: «...я с ним (А. Белым. — Ред.) вдребезги поссорился. Точнее — он объявил меня таким-сяким. Слава Богу, все это произошло публично, в присутствии 30–40 человек, которые видели, что я ни в чем не повинен. Он устроил мне скандал, будучи вдребезги пьян, — но, проспавшись, не извинился. Вообще он совсем спился. <...> Он стал мне давно уже противен. Лжет, поливает помоями Л.Д. Блок, все и всех предает и т.д. Впрочем, его очень жаль: это не человек, а червивое яблоко. Жалко, — но все-таки тошно» (СС (96–97)-4. С. 465; см. также: Н. С. 69–70).

Тасс — Торквато Тассо (1544–1595), итальянский поэт. Ср. «Умиравший Тасс» (1817) К.Н. Батюшкова.

Забудься, друг веков, Омир! — ср.: «Как ты, божественный Омир, / Ты, тридцати веков кумир!..» (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», гл. 5, строфа XXXVI).

Омир — устаревшая форма имени Гомера.

Огненный колпак — красный фригийский колпак времен Великой французской революции.

Ср.: «Поэт и толпа» (1828) А.С. Пушкина, «Последний поэт» (1835) Е.А. Баратынского и «Псевдопоэту» (1866) А.А. Фета. На оборотной стороне листа с автографом «Из окна» (в архиве И.И. Ивичи-Бернштейна) Ходасевич оста-

вил автокомментарий к ст-нию: «Те ошибутся, кто в нем увидит неприятие Революции. В нем только сердце, оскорбленное, как говорится, в лучших чувствах своих, некоторыми предателями Революции, обращается к душе с язвительным искушением. Но в последних двух строчках услышим ответ души, у которой — своя, большая правда».

Машинопись с правкой (РГАЛИ); черновой автограф с датой: 23 мая 1920 (РГАЛИ).

«Пускай минувшего не жаль...» — Северные Дни (М.). 1922. № 2. С. 81. С датой: Петербург, 1921. Не входило в ТЛ-1.

СХ: П<етер>Бург, 22 апр<еля> 1921. (В ТЛ-2 и ССт-27 ошибочно датировано «1920»; в экземпляре ССт-27, принадлежащем Н.Н. Берберовой, Ходасевич исправил дату на «1921». — *Ред.*)

КХ: 22 апр<еля> — кончено, в П<етер>Б<урге>. Начато в 1920, летом, в Москве, и тогда же вчерне написано. Через день издан декрет о вырывании травы с тротуаров и мостовых. Вся Москва ползала на четвереньках и полола траву. Была жара. Жгли сухую траву маленькими кострами. Всё было в дыму. У меня было *асфальтных* плит. В Москве тротуары асфальтные. Трава их вздувает пузырями, а потом вовсе взрывает. В П<етер>Б<урге> я асфальт заменил гранитом.

Ср. письмо А. Белого Р.В. Иванову от 17 июля 1920 г.: «Москва — душна, полна народу, грязи, пыли; мостовая расковырена» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Под ред. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 207).

Ср.: «Им в грядущем нет желанья, / И прошедшего не жаль...» (М.Ю. Лермонтов. «Демон», часть I, строфа XV).

Беловой автограф в альбоме Ю.И. Юркуна (собрание Л.А. Глезера) с датой записи: 25 мая 1921. Петербург. Вариант ст. 3: Гляжу с язвительной отрадой (БП. С. 386). Ср. и неоконченный набросок (1919–1920?):

[К чему скрывать?] Гляжу с отрадой,
Как прошлое уходит вдаль,
Нет, мне минувшего не жаль,
Хотя грядущего не надо.

(*Киссин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 372*)

Буря — Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 49. Без даты.

СХ: 13 июля 1921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 13 июля, утром. Во время сильного ненастья и подъема воды в Мойке, у окна в Доме Искусств. Вечером или под вечер пришел Белый. Читал только что написанное «Первое Свидание».

Ходасевич жил в петроградском Доме Искусств с конца 1920 г., окна его комнаты выходили на угол Невского проспекта и набережной реки Мойки.

О своей жизни в нем Ходасевич пишет в очерке «Диск» (см.: В. 1939. № 4178, 4179 (7 и 14 апреля); СС (96–97)-4. С. 273–283) и в начале эссе «Окно на Невский» (см.: Ходасевич В. Лирический круг. М., 1922. С. 79; СС (96–97)-1. С. 487; см. прим. к ст-нию «Баллада»).

«Первое свидание» — поэма А. Белого, работа над ней была завершена в Троицын и Духов день (6/19 и 7/20 июня) 1921 г. По мнению Ходасевича, это «лучшее из всего, что написано им в стихах. Я был первым слушателем поэмы — да простится мне это горделивое воспоминание» (Н. С. 65).

Понт (греч.) — море; обычное клише поэзии пушкинского времени. Ср.: «Носит понт торговли груз...» (Е.А. Баратынский. «Последний поэт», 1835).

В последней строфе — автоцитата из третьей строфы ст-ния «Ущерб».

Верстка с правкой (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ). Из вариантов черновика:

Легкий ветер зерна мелет,
Взносит птичку в высоту,
Мураву любовно стелет
Под счастливую чету.

[Мудрый знает, что извечно
Повторенье суждено,
Что великое не вечно,
И смешное не смешно.]

Над ничтожным не смеется
И великим не смущен.

(БП. С. 386)

«Люблю людей, люблю природу...» — Северные Дни (М.). 1922. № 2. С. 80–81. Сдатой: Петербург 1921.

СХ: 15–16 июля 921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 15–16 июля.

См. в письме к Андрею Белому (конец июля — до 3 августа 1921 г.): «Из стихов, посланных мной вчера, выбросьте то, кот<орое> начинается: “Люблю людей, люблю природу”. Я его никому не показываю, оно “не вышло”, оно огрубляет то, что хотелось написать. Попало в пачку случайно» (БП. С. 387).

Люблю людей, люблю природу — см.: «Люби людей; люби природу...» (К.М. Фофанов. «Стансы сыну», 1888). Ср. письмо Ходасевича к С.В. Киссину от 18 июня / 1 июля 1911 г. из Нерви (Италия): «В семь обедать, а после обеда шляемся мы по городу или взбираемся на гору, что очень нравится Жене (Е.В. Муратовой. — *Ред.*) и чего терпеть не могу я» (*Андреева И.* Неуловимое создание. Встречи. Воспоминания. Письма <Е.В. Муратовой>. М., 2000. С. 166).

Черновой автограф (РГАЛИ). Связные варианты:

[Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять
И не пойму, зачем к народу
Свой слух я должен преклонять.]

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Следя движенье лунной тени
В моем таинств<енном> саду.

Люблю в природе — рост и тленье,
А в людях — святость и порок.
Но не сулит (дает) мне вдохновенья
Покрытый лесом бугорок.]

Зачеркнув этот вариант, Ходасевич набросал следующий:

Люблю людей, люблю природу,
Но трудно мне ходить гулять,
И твердо (с грустью) знаю, что народу
Моих творений не понять.

Ни грубой славы, ни гонений
Я за стихи свои не жду,
Следя, к<a>к по дорожкам тени
Расходятся в моем саду.

Довольный всем, я созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Поросший лесом бугорок...

[Служу поэзии высокой,
Моих сограждан не кляня.
Быть может, правнук их далекий
Читать научится меня.]

(БП. С. 387)

Гостю — Северные Дни (М.). 1922. № 2. С. 81. С датой: Петербург, 1921.
С одним разночтением в ст. 8: А человек — ведь лишь затем он,
СХ: 7 июля 1921 г. П<етер>Б<ург>.

КХ: 7 июля, после какого-то препиательства с «доброй» Екат<ериной>
Павл<овой> Султановой. Я ей тогда наговорил Бог весть чего. Потом при-
шлось извиняться письменно.

Султанова Е.П. (урожд. Леткова, 1856–1937) — писательница, соседка Ходасевича по Дому Искусств. «...Свояченица К.Е. Маковского, в молодости знавшая Тургенева, Достоевского, сама писавшая в “Русском Богатстве”. Жил еще в том же коридоре Аким Вольтерский. <...> Коридор упирался в дверь, за которой была комната Михаила Слонимского — единственного молодого обитателя этой части “Диска”. Здесь была постоянная толчея» (В. 1939. № 4178 (7 апреля)). См. письмо Ходасевича к ней от 8 июля 1921 г. (Вопросы литературы. 1987. № 9. С. 240). См. также: Слонимский М.Л. Книга воспоминаний. М.; Л., 1966. С. 108–109.

А маленькую доброту, / Как шляпу, оставляй в прихожей — возможно, это аллюзия на эрмитажные правила Екатерины II. «1. Оставить все чины вне дверей, равномерно как и шляпы, а наипаче шпаги. 2. Местничество и спесь, или тому что либо подобное, когда бы то случилось, оставить у дверей...». См.: Пыляев М.И. Старый Петербург (М., 1997). С. 196–197. Ср. цитату из этих же «Правил», касающуюся «Телемахида», в статье Ходасевича «Слово о полку Игореве» (В. 1929. № 1339 (31 января)).

«Когда б я долго жил на свете...» — Северные Дни (М.). 1922. № 2. С. 80.
С датой: Петербург 1921.

СХ: 8–29 июня 1921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 8–29 июня.

Жизель — СХ: 1 мая 22, П<етер>Б<ург>.

КХ: 1 мая, утром, в постели, больной, под оглушительный «Интернационал» проходящих на парад войск. Накануне был с А<нной>И<вановной> <Ходасевич> на «Жизели», она плакала все время. Это — мои последние стихи, написанные в России. День был необычайно светлый и теплый. Было очень хорошо в моей комнате с раскрытыми окнами на Мойку.

«Жизель» — балет Адольфа Адана (1841), либретто Теофиля Готье; новые постановки Мариуса Петипа в Петербурге (1888) и А.А. Горского в Москве (1911). Две строфы стиха соответствуют двум актам балета.

Ст. 1 — ср.: «Слепая страсть, волнуясь, живет...» (К.М. Фофанов. «Стансы», 1888).

Ст. 1–2 — ср.: «В мятежном пламени страстей / Как страшно ты перегорела!..» (Е.А. Баратынский. «К ...», 1824–1825); «В горниле страсти и волненья / Перегоревшая душа...» (К.М. Фофанов. «Прежде и теперь», 1886).

Ст. 8 — ср.: «...на голубой, лунной сцене Большого театра» (Младенчество // СС (96–97)-4. С. 198).

Любопытно, что Н.С. Гумилев в своей рецензии на СД-1 провел аналогию между поэзией Ходасевича и балетным искусством. «Внимание читателя следует за поэтом легко, словно в плавном танце, то замирает, то скользит, углубляется, возносится по линиям, гармонично заканчивающимся и новым для каждого

стихотворения. <...> он пока только балетмейстер, но танцы, которым он учит, — священные танцы» (Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 187).

День — Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 50. Без даты.

СХ: 14–28 мая 1921 г.

КХ: 14–28 мая. Начато в Москве, весной 1920, в оттепель с IV и V строф.

Образы V строфы восходят к повести Н.В. Гоголя «Вий» (1835).

Темно-лазурная тюрьма — ср.: «Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму...» (А.А. Фет. «Памяти Н.Я. Данилевского», 1886). Ср. в статье (первоначально услышанной Ходасевичем 7 января 1903 г. в виде лекции в Литературно-художественном кружке) В.Я. Брюсова «А.А. Фет. Искусство или жизнь»: «Но Фет не считал нас замкнутыми безнадежно в мире явлений, в этой “голубой тюрьме”, как сказал он однажды» (Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 211; см. также очерк В. Ходасевича «Литературно-художественный кружок» // В. 1937. № 4073 (10 апреля)). Сходное утверждение повторено и в статье В. Брюсова «Ключи тайн», открывавшей первый номер журнала «Весы» в 1904 г. (см.: Брюсов В.Я. Собр. соч. Т. 6. С. 92).

Черновой автограф (РГАЛИ).

Из окна — 1. Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 52. Без даты.

СХ: 23 июля 1921 г., П<етер>Б<ург>.

КХ: (Под ст-нием. — Ред.) 23 июля 1921, утром. Потом пришлось идти на рынок, продавать селедки пайковые. Последних двух стихов не было. Я их дописал, приложив бумагу к стене какого-то дома, на ходу, по дороге. Возвращаясь с рынка, сочинил частушку о матросе и бляди. (Следующая фраза — над стихотворением. — Ред.) Ритм: вихляние ее зада:

Ходит пес
Барбос,
Его нос
Курнос.
Мне вчерась
Матрос
Папирос
Принес.

(Следующая фраза — под стихотворением. — Ред.) Придя домой, застал у себя Гумилева, и мы пошли налаживать изд-во «Мысль» и продавать 2-ое изд. «Путем Зерна». Конь умчался — на самом деле, по Полицейскому мосту, серый, в яблоках, в ломовой телеге.

О продаже селедки и сочинении частушки см. очерк В. Ходасевича «Торговля» (В. 1937. № 4067 (27 февраля)). Об отношениях Ходасевича с Николаем Степановичем Гумилевым (1886–1921) см. статьи Ходасевича «Гумилев и Блок»

(Н. С. 83–95) и «Гумилев и “Цех Поэтов”» (Сегодня. 1926. № 192 (29 августа); В. 1933. № 3012 (31 августа); под названием «Из петербургских воспоминаний»). См. также воспоминания А.И. Ходасевича: «Иногда он писал стихи очень быстро, а иногда вынашивал их годами. Бывали случаи, когда мы шли по улице и Владя меня останавливал и, вырвав из записной книжки листок, писал на моей спине пришедшую в этот момент строчку. А иногда ночью он будил меня и просил встать и записать несколько строк» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 397).

Полицейский мост — мост через Мойку, прямо под окнами Ходасевича в Доме Искусств.

Черновик находится в архиве И.И. Ивича-Бернштейна. Над текстом по верхнему краю листа: «Из окна». С датой: 23 июля 21.

Сегодня день такой забавный:
[Умчался] мерин своенравный,
<нрзб.>
И мчался прочь, что было сил;
Мальчишко
? [И мальчик] змей свой упустил

Потом слово «Сорвался» было вписано на левом поле против второй строки, и зачеркнутое слово «мальчик» было восстановлено: оно подчеркнуто.

Далее отделенное продольной чертой:

(Был бы)
Нынче день (такой) забавный:
От возниц, что было сил,
Конь умчался своенравный;
[Мал] Змей свой мальчик упустил.
У Прасковьи Николавны
Вор цыпленка утащил.

Далее после знака разделения строф:

[Но настигнут конь
Змей на проводе повис]
Но настигнут вор нахальный,
Змей упал в соседний сад.
[видит?]
Мальчик [ладит] хвост мочальный,
И коня ведут назад...
Здравствуй, мир первоначальный —
[Этот Весь мой рай, верный ад.]

светлый ад]
[Светлый хаос, тихий ад.]
[Хаос тихий] светлый ад.
[<нрзб.>] [Лад счастливый]

Позднее зачеркнутое слово «ладит» было восстановлено: оно подчеркнуто, и слова «Стройный призрак» были вписаны на левом поле против строки: [Хаос тихий] светлый ад.

На левом поле:

В (К) стройности перво<начальной>
(Возвращен) мой тихий ад
Восстает светлый

2. Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 52. Без даты.

СХ: Бельское Устье. 11 авг<уста> 921.

КХ: 11 авг<уста> в Бельском Устье. В этот день я узнал о смерти Блока.

Ходасевич провел август–сентябрь 1921 г. в «... “Бельском Устье”, в Порховском уезде», Псковской губ., в колонии “Дома Искусств”. Отъедался вообще и объедался фруктами. Много писал стихов с середины лета 1921 до февраля 1922» (Ходасевич В. О себе // Новая Русская Книга. 1922. № 7. С. 36–37; СС (96–97)–4. С. 189; опечатка «в Покровском уезде» исправлена по автографу в БА). О смерти Блока Ходасевич узнал из письма Андрея Белого (СЗ. 1934. Кн. 55. С. 256–258; Литературное наследство. Т. 92 (Александр Блок). Кн. 3. М., 1982. С. 814). См. также: Н. С. 94–95.

Апокалипсические образы в ст. 6–12 заимствованы из Иоанна Богослова: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда <...>. Имя сей звезде “польнь”; и третья часть вод сделалась польнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. Четверый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их...» (Откр. 8: 10–12).

В заседании — Воля России. 1922. № 2 (30) (1 октября). С. 7. Без даты. С одним разночтением в ст. 5: Чтобы поскорей отхлынул.

СХ: Москва, 12 окт<ября> 1921 г.

КХ: 12 окт<ября>, в Москве, гостил у Миши. На Хелиной зеленой кушетке. Было тепло, натоплено, уютно. В Москве меня захвалили за всякие стихи.

Миша — Михаил Фелицианович (1865–1925), старший брат поэта, известный московский адвокат, отец художницы Валентины Ходасевич.

Хеля (Елена Теофиловна) — его жена.

Грубой жизнью оглушенный — ср.: «Бурной жизнью утомленный...» (А.С. Пушкин. «Предчувствие», 1828). В.В. Вейдле в статье «Поэзия Ходасевича» указывает

на эту параллель среди других примечательных реминисценций Ходасевича из Пушкина (СЗ. 1928. Кн. 34. С. 455; Русская литература. 1989. № 2. С. 150).

Строфа III — ср. детские воспоминания поэта: «Первое воспоминание относится у меня к очень ранней поре: никак не позже, чем к лету 1888, а может быть, даже к лету 1887 года, — к тому времени, когда я еще не умел ходить или ходил очень плохо. <...> Няня держит меня на руках. Мы с ней стоим в Петровском-Разумовском на плотине, у входа в парк. За спиной у нас пруд, а перед нами — просторное болото. <...> Я сравнительно часто бывал в Петровском-Разумовском. <...> С Разумовским вообще связаны мои ранние воспоминания» (*Ходасевич В.* Младенчество // В. 1933. № 3054 (12 октября); СС (96–97)–4. С. 193–194).

Петровское-Разумовское — дачная местность недалеко от Москвы.

Ср.: «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840) М.Ю. Лермонтова.

Беловой автограф в альбоме А.С. Балагина (РГАЛИ, архив Е.Ф. Никитиной). Черновой автограф (РГАЛИ).

«Ни розового сада...» — Шиповник. 1. М., 1922. С. 13. Без даты и без разделения на строфы.

СХ: 19 окт<ября> 921 г., П<етер>Б<ург>.

КХ: 19 окт<ября> По возвр<ащении> из Москвы. Накануне получил книгу Г. Иванова «Сады».

Третья книга стихов Георгия Владимировича Иванова (1894–1958), «Сады», вышла в издательстве «Петрополис» в Петербурге в 1921 г. Первая строфа развивает тему ст-ния Г. Иванова «Я вспомнил о тебе, моя могила...» («Сады»): «Мой милый друг, мне ничего не надо, / Вот я добрел сюда и отдохну». Ходасевич считал Иванова эпигоном акмеизма и последователем «прекрасной ясности» М.А. Кузмина (ср. рифмы у Ходасевича в ст. 5–6). В рецензии на «Отплытие на остров Цитеру» (1937) Ходасевич таким образом сформулировал свою оценку стихотворного творчества Иванова: «...не изменяющее Иванову чувство изящного почти возмещает ту самобытность, ту поэтическую первозданность, которой ему недостает» (В. 1937. № 4080 (28 мая)). О сложных отношениях двух писателей см.: Георгий Иванов и Владислав Ходасевич // *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 376–391.

Стансы («Бывало, думал: ради мига...») — Дни (Берлин). 1922. № 1 (29 октября). С датой: 1922, Misdroy. Как «I» ст-ния «Стансы». Перепеч. в альманахе «Наши дни». 3. М.; Пг., 1923. С. 298. Без названия и даты. Не входило в ТЛ-1.

СХ: Misdroy, 17–18 авг<уста> 922 (без названия).

КХ: 17–18 авг<уста>, в Misdroy. Начато еще в Петербурге, перед отъездом.

Misdroy (Мисдрой) — курорт на Балтийском побережье. Ныне Międzyzdroje (Мендзыздрое, Польша).

Ст. 11–12 — ср. ст-ние Е.А. Баратынского «На смерть Гёте» (1832):

И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Пробочка — Северные Дни (М.). 1922. № 2. С. 82. С датой: Петербург, 1921.
СХ: Бельское Устье, 17 сент<ября> 921.

КХ: 17 сент<ября>, в Бельском Устье. Никак не мог придумать продолжения. Оставил 4 стиха, увидав, что продолжать и не надо.

Из дневника («Мне каждый звук терзает слух...») — Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 51. Без даты.

СХ: 10 июня 1921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 10 июня, утром, в постели. Я был в ужасном состоянии. Хотел бежать из России, покончить с собой.

Ст. 3–4 — ср. у Платона: «Когда прорезываются зубы, бывает зуд и раздражение в деснах — точно такое же состояние испытывает душа при начале роста крыльев: она вскипает и при этом испытывает раздражение и зуд, рождая крылья» (Федр (251 с.) / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 187).

Апаш (фр., от названия индейского племени апачей) — хулиган, бандит.

Верстка с правкой (РГАЛИ); белой автограф в альбоме М.М. Шкапской (РГАЛИ, архив М.М. Шкапской).

Ласточки — Северные Дни (М.). 1922. № 2. С. 82. С датой: Петербург, 1921.

СХ: 18–24 июня 1921 г., П<етер>Б<ург>.

КХ: 18–24 июня. Кончал (последняя строфа) у раскрытого окна, вскочив с постели, в одной рубашке. Утро было ослепительное, но дул сильный ветер.

Ср. ст-ния Г.Р. Державина «Ласточка» (1792, 1794) и А.Н. Майкова «Ласточки» (1856) (ст-ние, которое в детстве Ходасевич продекламировал самому автору; см.: Парижский альбом, VI // Дни. 1926. № 1051 (11 июля) и «Ласточки» (1884) А.А. Фета:

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

(ср. также «крылом остроугольным» у Ходасевича и «молниевидного крыла» у Фета). См. в воспоминаниях о Муни: «Мы были только неопытные маль-

чишки, лет двадцати, двадцати с небольшим, нечаянно зачерпнувшие ту самую каплю запредельной стихии, о которой писал поэт» (Н. С. 75). Это же стихотворение цитировалось Брюсовым 7 января 1903 г. в его лекции о Фете (см. прим. к ст-нию «День»).

На образах этого стихотворения построен конец статьи Андрея Белого «Рембрандтова правда в поэзии наших дней (О стихах В. Ходасевича)»: «Пока вся кровь не выступит из пор, не станешь ты поэтом правды» — хочется перефразировать Ходасевича. <...> Про Ходасевича говорят: «Да, и он поэт тоже»... И хочется крикнуть: «Не тоже, а поэт Божьей милостью, единственный в своем роде». И он может сказать языком Баратынского о характере музыки своей, что красавицей ее не назовут, но что она поражает «лица необщим выраженьем». И это «необщее выраженье» — тeneвая, суровая Рембрандтова правда штриха: духовная правда!» (Записки Мечтателей. 1922. № 5. С. 139).

Беловой автограф в альбоме А.А. Ахматовой (РГАЛИ, архив А.А. Ахматовой; записано 22 июня 1921 г.).

«Перешагни, перескочи...» — Шиповник. 1. М., 1922. С. 13. Без даты.

В ТЛ-2 и ССт-27 ошибочно датировано «1921»; Ходасевич исправил дату на «1922» в экземпляре, принадлежащем Н.Н. Берберовой.

СХ: П<етер>Б<ург>, 11 января 22 г.

КХ: 11 янв<аря> кончил: последние 3 стиха. Начато еще весной 921.

«В ту пору (1921 г. — *Ред.*) и я носил пенснэ» (*Ходасевич В.* Поездка в Порхов // В. 1935. № 3634 (16 мая)). В письме от 27 января 1923 г. Гершензон писал Ходасевичу: «А больше всех мне понравилось искание пенснэ или ключей, — до восторга. Seriously, это, по-моему, лучшее в книжке» (СЗ. 1925. Кн. 24. С. 229; De Visu. 1993. № 5. С. 31). См. также: «...есть у Ходасевича стихи, к которым он сам, видимо, не прислушивается. <...> это стихотворная записка: «Перешагни, перескочи...» — почти розановская записка, с бормочущими домашними рифмами, неожиданно короткая — как бы внезапное вторжение записной книжки в классную комнату высокой лирики» (Промежуток // *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173); Порыв и взрыв: Ходасевич и Белый (к анализу стихотворения «Перешагни, перескочи...») // *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 261–264.

Беловой автограф, без даты, с разночтением в ст. 4: Звездой, скатившейся в ночи... — находится на обороте листа с экспромптом «Люблю граненые стаканы» (архив И.И. Ивичи-Бернштейна).

«Смотрю в окно — и презираю...» — СХ: П<етер>Б<ург>, 21–25 мая 1921.

КХ: 21–25 мая, ночью, в постели (число 25 подчеркнуто. — *Ред.*).

Червяк — ср.: «Червяк, раздавленный судьбой...» (1884) С.Я. Надсона.

Сумерки — Петербургский сборник. Пг., 1922. С. 35. Без даты.

СХ: 5 ноябр<я> 921 г., П<етер>Б<ург>.

КХ: 5 ноября, в сумерки по дороге на Кронверкский.

Кронверкский — см. прим. к ст-нию «Элегия» («Деревья Кронверкского сада...»).

Вакх — Сполохи. 1922. № 10. С. 2. Без даты и разделения на строфы.

СХ: 8 ноября 921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 8 ноября. Никто этих стихов не понимает.

Вакх (греч. миф.) — бог растительности, покровитель виноделия и веселья; бог исступления и — по Ницше и (вслед за ним) В.И. Иванову — дух музыки, из которого родилась греческая трагедия. Как метафора источника поэтического вдохновения образ Вакха часто встречается в поэзии. См.: Богомолов Н.А. «Никто этих стихов не понимает» // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 212–215.

Лида — Петербург. 1921. № 1 (декабрь). С. 8. Без даты; Голос России. 1922. № 1073 (30 сентября).

В ТЛ-1 ст. 11 читается: Она молчит, сложивши руки.

СХ: Бельское Устье, 16 авгус<та> — 30 окт<ября> 921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 30 окт<ября>, П<етер>Б<ург>. Начато в Бельском Устье, 16 авг<уста>, в виде шуточных стихов, в письме к Бор<ису> Диатропову. Потому и игра слов: *высоких слов... но грудь высока*.

В своих воспоминаниях А.И. Ходасевич пишет: «Еще у него была большая симпатия к Борису Александровичу Диатропову (1883–1942. — *Ред.*), который не был ни поэтом, ни писателем, но был умным человеком, большой культуры и тонкой души. Владя с ним охотно встречался, спорил, играл в шахматы и переписывался» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 409). В письме к Диатропову от 16 августа 1921 г. из Бельского Устья Ходасевич описывает имение, его окрестности и жителей, особенно молодежь. «Девушки: жена агронома, штук 6 учительниц из школы (ученость не сочетается с красотой и здесь, как в других местах), какие-то две зубастые порховитянки, еще кто-то, еще какие-то и — она: дочь кучера, ставшего землемером. Однако, не в кучере дело: <следуют первые восемь строк ст-ния>. Конечно, о сей особе я мог бы для себя написать сто поэм, по длине равных Барсовой Коже, но сейчас не выйдет, и Вам не занятно» (СС (96–97)–4. С. 433).

Барсовая Кожа — «Витязь в барсовой шкуре» (или «Витязь в тигровой шкуре»), поэма грузинского поэта XII в. Шота Руставели.

О Бельском Устье см. также: Воспоминания А.И. Ходасевич (Ново-Басманная, 19. С. 403); Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 96–98.

Ангел Паденья — Люцифер, утренняя звезда.

Ср. ст-ния А.С. Пушкина «Калмычке» (1829) и Е.А. Баратынского «Лиде» (1821, 1826).

Бельское Устье — Сполохи. 1922. № 11 (сентябрь). С. 2. Без даты и разделения на строфы.

СХ: П<етер>Б<ург>, 31 дек<абря> 921.

КХ: П<етер>Б<ург>. 31 декабря. Кончил, поехал в Дом Литер<аторов>, на встречу Нового Года. Сидел за столом с Замятиными, Чуковскими, Слонимским и Н. <Н.Н. Берберовой>. С этого вечера и началось.

Замятин, Евгений Иванович (1884–1937) — прозаик, драматург, критик; его жена — Людмила Николаевна (урожд. Усова, 1883? 1887? –1965).

Чуковский, Корней Иванович (наст. имя и фамилия Корнейчуков Николай Васильевич, 1882–1969) — писатель, критик, переводчик; его жена — Мария Борисовна (1880–1955).

Слонимский, Михаил Леонидович (1897–1972) — прозаик, в те годы начинающий писатель.

Берберова, Нина Николаевна (1901–1993) — в те годы начинающая поэтесса, ставшая третьей женой Ходасевича.

О вечере см.: *Чуковский К.* Дневник 1901–1929. М., 1991. С. 185; КМ. С. 170–173.

О *Бельском Устье*, где Ходасевич отдыхал в колонии для петроградских писателей и художников, см. в письме к Б.А. Диатроптову от 16 августа 1921 г.: «Обсуждаю вопросы об урожае <...>. Собственно, у нас не одно имение, а два: “Бельское Устье”, где живем мы + старушка Леткова (любовь Михайловского) с сыном + художник Милашевский, — и “Холомки”, в 2-х верстах отсюда. Там живут Добужинские и Чуковские. Все это — в 15 верстах от Порхова, Псковской губернии, на берегу реки Шелони. У нас лучше, хотя в “Холомках” роскошный дом — а у нас какая-то разгромленная дыра. У нас нет ни единой комнаты с целыми рамами, в потолках пули, обои в клочьях. Спим на сенниках, мебель анекдотическая, смесь ампира, лишенного обивки (в ней ходят невесты в окрестных деревнях), с новыми табуретками, пахнущими смолой. Живем во 2 этаже, ибо нижний разгромлен слишком. Зато у нас великолепный вид, верст на 15 вдаль, у нас церковь и кладбище в ста шагах, у нас аисты, радуги, паровая мельница, агроном, мастер по части жестоких романсов...» (СС (96–97)-4. С. 431–432). См. также письмо к В.Г. Лидину от 27 августа 1921 г. (там же. С. 434).

Леткова-Султанова Е.П. — см. прим. к ст-нию «Гостю».

Милашевский, Владимир Алексеевич (1893–1976) — художник, автор воспоминаний «Вчера, позавчера...» (М., 1989), где писал о Ходасевиче и жизни и Бельском Устье (С. 225–236).

Добужинский, Мстислав Валерианович (1875–1965) — живописец, театральный художник, близко связанный с «Миром Искусства», мемуарист; его жена — Елизавета Осиповна (урожд. Волькенштейн, 1874–1965).

Дышу на них туберкулезом... — В 1916 г. Ходасевич заболел туберкулезом позвоночника.

Ст. 25–26 — ср.: «У Ходасевича на лбу была неизлечимая экзема, которую он прикрывал челкой. Он считал ее той печатью, которой Бог отметил Каи-

на — угрюмого неудачника — в знак его отверженности» (Чуковский Н. Литературные воспоминания. С. 97). Ср. «Ангел Паденья» в ст-нии «Лида».

«Горит звезда, дрожит эфир...» — Голос России. 1922. № 1073 (30 сентября). Без даты. *Эфир* с заглавной буквы, а *твой* — со строчной.

СХ: 4 дек<абря> 921. П<етер>Б<ург>.

КХ: 4 дек<абря>, днем.

Ст. 1 — ср. ст-ние А.С. Пушкина «Ночной зефир...» (1824).

«Играю в карты, пью вино...» — Новая Россия. 1922. № 2. С. 29. Без даты.

СХ: 4–6 февр<аля> 22, Москва.

КХ: 4–6 февр<аля>, в Москве, у Миши, в ожидании гостей и преферанса <число «4» подчеркнуто>.

Миша — старший брат Ходасевича (см. прим. к ст-нию «В заседании»).

Ходасевич был страстным игроком и считал, что стиль игры много говорит о человеке (Н. С. 39–40, 154). Одно время он собирался писать книгу (но так и не написал) о русских писателях и игре в карты; см. сноску к статье «Пушкин, известный банкомет» (В. 1928. № 1100 (6 июня)): «Эта статья представляет собою часть подготовительного материала к работе об «Игроках в литературе и в жизни», которая появится в журнале «Современные Записки»». К пониманию ст-ния многое дает письмо к А.И. Ходасевич от 3 февраля 1922 г.: «Офелия гнула и пела» — кто не гибнет, тот не поет. Прямо скажу: я пою и гибну. И ты, и никто уже не вернет меня. Я зову с собой — *погибать*. Бедную девочку Берберову я не погублю, потому что мне жаль ее. Я только обещал ей показать дорожку, на которой гибнут. Но, доведя до дорожки, дам ей бутерброд на обратный путь, а по дорожке дальше пойду *один*. Она-то просится на дорожку, этого им всем хочется, человечкам. А потом не выдерживают» (СС (96–97)-4. С. 441). См. также цитируемое в письме ст-ние А.А. Фета «Офелия гнула и пела...» (1846).

Автомобиль — Лирический круг. Страницы поэзии и критики. 1. М., 1922. С. 25–26. Без даты; Жар-птица. 1922. № 8. С. 6. Без даты; с заметкой: Петроград. С разночтениями в ст. 2: Пустая ночь, сырая мгла.; и в ст. 15: Но знаешь? Мне являться начал; Дни. 1922. № 13 (12 ноября). Без даты; с тем же разночтением в ст. 2.

СХ: П<етер>Б<ург>, 1921 2–5 дек<абря>.

КХ: 2–5 дек<абря>. Перед тем куда-то ходил ночью по Фонтанке. Это — угол Фонтанки и Невского. Крылья — эскиз (акварель) Иванова «Благовещенье» (Румянцевский Музей).

«Благовещенье» (акварель, белила, 1850-е гг.) А.А. Иванова (1806–1858) ныне находится в Государственной Третьяковской галерее.

Это, может быть, единственное ст-ние Ходасевича в традиции «двуликого, мрачного, демонического Петербурга» (Северное сердце // В. 1932. № 2543 (19 мая); СС (96–97)-2. С. 224–226). Ср. «моторы» / «автомобили» у Андрея Белого в рома-

не «Петербург», у А.А. Блока в ст-нии «Шаги командора» (1912), у О.Э. Мандельштама в стихах 1916–1920 гг. (сб. «Tristia») и у самого Ходасевича в ст-нии «Из окна», 2. Ср. также ст-ние М.А. Кузмина «На улице моторный фонарь...» (1925).

Вечер («Под ногами скользь и хруст...») — Красная Новь. 1922. № 4 (8) (июль/август). С. 87. Как второе ст-ние цикла «Заметки». Без даты и названия. Слова *Твой* и *Ты* набраны с строчной буквы. С разночтением в ст. 10: Почему на склоне лет.

СХ: 23 марта 22, П<етер>Б<ург>.

КХ: 23 марта. История с проволокой. Стихи плохи.

Н.Н. Берберова дала нам следующий комментарий к «истории с проволокой»: «...Ходасевич вышел встречать меня на угол Морской улицы, к гостинице «Астория», когда я вечером в темноте по глубокому снегу возвращалась с Галерной, где тогда помещалось отделение русской литературы Зубовского института (позже — Института Истории Искусств), к себе домой на Кирочную (теперь улицу Салтыкова-Щедрина). Была вьюга и полный мрак, и я попала в какую-то проволоку, которая по непонятной причине была протянута поперек тротуара. Он распутал проволоку, освободил меня, а потом оборвал кусок ее и сделал из нее для меня браслет. Этот браслет я носила на руке года два, а потом потеряла его, купаясь в Балтийском море». См. также: КМ. С. 165–166. Реплика «Стихи плохи», возможно, отсылает к нарочитому употреблению неточных рифм ст-ния. Ср. ст-ние А.А. Блока «Всюду ясность Божия...» (1907).

«Странник прошел, опираясь на посох...» — Красная Новь. 1922. № 4 (8) (июль/август). С. 87. Как первое ст-ние цикла «Заметки». Без даты. Перепеч.: СЗ. 1923. Кн. 15. С. 160. Без даты; не входило в ТЛ-1 и ТЛ-2.

СХ: 13 апр<еля> 922, П<етер>Б<ург>.

КХ: 11 апреля, днем, у окна в Доме Иск<устств>. (Дата здесь — неправильна; вероятно, Ходасевич ошибся, переписав «11 апреля» из примечания к предыдущему ст-нию — «Старым снам затерян сонник...» — в СХ. — Ред.)

Порок и смерть — Петербургский сборник. Пб.: Летопись Дома Литераторов, 1922. С. 37. Без даты.

СХ: 2 ноября 921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 2 ноября.

Элегия («Дерева Кронверкского сада...») — Петербургский сборник. Пб., 1922. С. 36. Без даты; Голос России. 1922. № 1031 (13 августа). Без даты. В отделе «Литературная неделя»; с заметкой: «Стихи В. Ходасевича мы берем, с разрешения изд. З.И. Гржебина, из выходящего из печати сборника стихов поэта «Тяжелая Лира»».

СХ: 20–22 ноября 921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 20–22 ноября, на Кронверкском, у Вали.

Валя — Валентина Михайловна Ходасевич (в замужестве Дидерихс, 1894–1970), племянница поэта, театральная художница. В это время жила в квартире Горького на Кронверкском проспекте против Кронверкского сада на Петербургской стороне, за Петропавловской крепостью. См. ее воспоминания: *Портреты словами*. М., 1987. С. 121, 125–126. См. также: *Ходасевич В., Марголина-Ходасевич О.* Неизданные письма к Н.Н. Берберовой. Berkeley, 1979 (куда вошли 15 ее писем). Портрет Ходасевича, написанный ею, воспроизведен в ж. «Аполлон» (1916. № 8. Между с. 12 и 13). О тютчевских и пушкинских подтекстах ст-ния см.: *Левин Ю.И.* О поэзии Вл. Ходасевича // *Избранные труды. Поэтика, семиотика*. М., 1998. С. 217.

«На тускнеющие шпигели...» — Лирический круг. Страницы поэзии и критики. 1. М., 1922. С. 26. Без даты. С посвящением О.Д. Форш; Сполохи. 1922. № 9 (июль). С. 2. С датой: Москва 1922. Без посвящения. Ст-ние имеет посвящение и в ТЛ-1 и ТЛ-2.

СХ: 24 окт<ября>. 921, П<етер>Б<ург>.

КХ: 24 окт<ября>, у окна в Доме Искусств. Первой прочел Форш и посвятил ей по ее просьбе. В самом деле, шел первый снег.

Писательница Ольга Дмитриевна *Форш* (1873–1961) в те годы была соседкой Ходасевича по Дому Искусств, описанному ею в романе «Сумасшедший корабль» (1931). В своих воспоминаниях «Диск» Ходасевич оставил ее портрет: «...О.Д. Форш, начавшая литературную деятельность уже в очень позднем возрасте, но с великим усердием, страстная гурманка по части всевозможных идей, которые в ней непрестанно кипели, бурлили и пузырились, как пшенная каша, которую варить она была мастерица. Идеи занимали в ее жизни то место, которое у других женщин порой занимают сплетни...» (В. 1939. № 4179 (14 апреля); СС (96–97)-4. С. 281). Ср. отзыв о ней в рецензии Ходасевича на книгу М.Л. Слонима «Портреты советских писателей»: «Даже умная по природе, но сбита с панталыку Форш, изо всех старческих сил поспешающая за событиями и идеями (что выходит несколько непочтенно), в сущности только и делает, что “вникает в революцию”. (Она, признаюсь, нередко напоминает мне ту анекдотическую старуху, которая при виде верблюда ахала: ишь, проклятые большевики, что с лошадьё сделали!)» (В. 1933. № 2914 (25 мая)).

Март — Красная Новь. 1922. № 4 (8) (июль/август). С. 87. Как третье ст-ние цикла «Заметки». Без даты и названия.

СХ: 30 марта 22, П<етер>Б<ург>.

КХ: 30 марта. Плохо.

«Старым снам затерян сонник...» — Эпопея. 1922. № 2 (сентябрь). С. 16. Без даты. Под заглавием «К***». С разночтением в ст. 4: Погляди на тусклый свет.

СХ: 11 апр<еля> 22, П<етер>Б<ург>.

КХ: 13 апр<еля>, Страстная Пятница, кажется; у окна в Доме Иск<усств>.

В 1922 г. Страстная Пятница приходилась на 14 апреля. Ходасевич ошибся в КХ при переписке даты из СХ (см. прим. к ст-нию «Странник прошел, опираясь на посох...»).

Ср. начало эссе «Окно на Невский»: «Из окна моего виден Невский проспект. Виден не поперек, а вдоль, вплоть до угла Садовой. Под самым окном прямым, широким разбегом уходит в даль» (Лирический круг. 1. М., 1922. С. 79; СС (96–97)–1. С. 487). Из его окна также были видны несколько церквей, а купол храма и шестиконечный крест — вероятно, Казанского собора, находящегося недалеко от Дома Искусств.

Машинопись с правкой (РГАЛИ; под названием «К***»).

«Не верю в красоту земную...» — Воля России. 1922. № 2 (30) (1 октября). С. 8. Без даты. Не входило в ТЛ-1.

СХ: 27 марта 22, П<етер>Б<ург>.

КХ: 27 марта, в постели, больной, под болтовню С. Бернштейна.

Бернштейн, Сергей Игнатьевич (1892–1970) — филолог-лингвист, преподавал в Институте истории искусств (так называемом Зубовском) в Петербурге. В те годы занимался изучением авторского чтения стихов, записывал голоса поэтов. О чтении Ходасевичем собственных стихов он писал в статье «Стих и декламация» (Русская речь. Новая серия. Л., 1927. Вып. 1. С. 17–18). См. также: *Бернштейн С.И.* Голос Блока / Публ. А. Ивича и Г. Суперфина // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 455; *Шилов Л.* История одной коллекции // Л. Шилов. Звучащий мир. М., 1979. С. 121–145.

Ср.: «...когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь; но, еще не набрав сил, он наподобие птенца глядит вверх, пренебрегая тем, что внизу, — это и есть причина его неистового состояния» (Платон. «Федр», 249d–e).

Беловой автограф (карандашом), на обороте бланка Гос. Изд. Всемирная литература, с подписью Ходасевича (чернилами) и его дарственной надписью: «На память милому Петру Никаноровичу Зайцеву. Москва, 2 июня 922» (ИМЛИ, архив В.Ф. Ходасевича).

«Друзья, друзья! Быть может, скоро...» — Московский Понедельник. 1922. № 1 (12 июня). Без даты и разделения на строфы. С разночтениями в ст. 1: Друзья, друзья... Быть может, скоро — ; и в ст. 11: О, если бы и вы за мною.

СХ: П<етер>Б<ург>, 25 дек<абря> 21 (под названием «Цветок»).

КХ: 25 дек<абря>. Это — конец стихотворения. Начало (3 строфы о фокуснике, берущем из воздуха монеты) — выброшено.

Н.Н. Берберова приводит это стихотворение в описании кончины Ходасевича и заключает: «Уходя, он, действительно, каким-то мучительно-изящным движением выпрастывал руку из-под больничного одеяла и, как фокусник (бессознательно), все старался вынуть из воздуха что-то легкое, драгоценное, чтобы уйти с ним вместе туда, где, может быть, по воле его, удалось ему соединиться с матерью, с Белым, с милым другом его Гершензоном, с дальними и близкими, которых он так много терял всю свою жизнь» (Памяти Ходасевича // СЗ. 1939. Кн. 69. С. 261).

Улика — Новая Россия. 1922. № 2. С. 29. Без даты. С одним разночтением в ст. 6: Порой с растерянным лицом (так и в ТЛ-1 и ТЛ-2).

СХ: 7–10 марта 22, П<етер>Б<ург>.

КХ: 7–10 марта. 7 марта была Н. <Н.Н. Берберова>. Потом пришел Верховский, читал сонеты и пил чай.

Верховский, Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт, переводчик (особенно итальянской поэзии эпохи Возрождения, в том числе сонетов Петрарки); историк литературы, известен работами по поэзии пушкинского времени.

«Покрова Майи потаенной...» — Красная Новь. 1922. № 4 (8) (июль/август). С. 88. Без даты. Как четвертое стихотворение цикла «Заметы». Перепеч.: Голос России. 1922. № 1073 (30 сентября). Без даты.

Эфирного — с заглавной буквы.

СХ: 23–24 апр<еля> 22, П<етер>Б<ург> (под названием «На улице»).

КХ: 23–24 апр<еля>, днем, под ужасную истерику А<нны> И<вановны>.

Майя (*санскр.* «магическая сила», «обман») — иллюзия, видимость, как бы покров, накиннутый на мир и скрывающий от человека истинную сущность мира. Ср.: «Я, Майей мира полонен, / В волнах летаю котильона...» (А. Белый. «Первое свидание», 1921).

«Большие флаги над эстрадой...» — Воля России. 1922. № 2 (30) (1 октября). С. 8, Без даты. Перепеч.: Россия. 1923. № 9 (май/июнь). С. 4. Без даты. Не входило в ТЛ-1.

СХ: Рига, 26 июня 22 — Берлин, 17 июля 22.

КХ: 26 июня, Рига — 17 июля, Берлин. Первые стихи за границей.

В конце июня 1922 г. Ходасевич с Берберовой по пути в Берлин пробыли неделю в Риге. См. письмо Ходасевича Б.А. Диатроптову от 26 июня 1922 г. (СС (96–97)-4. С. 446).

Беловой автограф (ИМЛИ, архив В.Ф. Ходасевича); беловой автограф в альбоме М.М. Шкапской (РГАЛИ, архив М.М. Шкапской).

«Гляжу на грубые ремесла...» — Дни. 1922. № 1 (29 октября), с датой: Misdroy. Как «II» цикла «Стансы». С разночтением в ст. 18: Идут такие же к

нему. Перепеч.: Звезда. 1924. № 1. С. 102. Без даты. С тем же разночтением. Не входило в ТЛ-1 и ТЛ-2.

СХ: Misdroy, 19–20 авг<уста> 922.

КХ: 19–20 авг<уста>, Misdroy.

Ст. 15–16 — ср.: «Ты скажешь: ангельская лира / Грустит, в пыли, по небесах!» (Ф.И. Тютчев. «Проблеск», 1825).

Машинопись (РГАЛИ).

«Ни жить, ни петь почти не стоит...» — Голос России. 1922. № 1073 (30 сентября). Без даты. С разночтением в ст. 7: Невоплотимое биенье. Не входило в ТЛ-1.

СХ: Берлин, 21–23 июля 922.

КХ: 21–23 июля, в Берлине.

Баллада («Сижу, освещаемый сверху...») — Петербург. 1922. № 2 (январь). С. 1. Без даты. С разночтением в ст. 21: Несвязные, страстные речи! (так же и в ТЛ-1). Перепеч.: Эпопея. 1922. № 2 (сентябрь). С. 19–20. Без даты.

СХ: П<етер>Б<ург>, 9–22 дек<абря> 921.

КХ: Нач<ато> 9 дек<абря>, когда у нас были Щеголевы. Конч<ено> (почти все написано, кроме 1-ой строфы) — 22 декабря, днем. Вечером читал у Наппельбаум. 22-го был сильный мороз, яркий день с синими сумерками. Только что кончил, буквально еще перо в руке держал, — пришел К.И. Чуковский. Прочел ему. Все время помнил, когда писал, Ван-Гога: Биллиардную и Прогулку арестантов, особ<енно> — Билл<иардную>.

Щеголев, Павел Елисеевич (1877–1931) — историк, литературовед, редактор и издатель журнала «Былое»; в то время жил в Доме Искусств. Как пишет Ходасевич в некрологе о нем, «он работал преимущественно по истории революционного движения в России и по пушкиноведению» (Памяти П.Е. Щеголева // В. 1931. № 2067 (29 января)). Его жена — Валентина Андреевна (урожд. Богуславская, 1878–1931), актриса; ей посвящен цикл ст-ний А.А. Блока «Три послания» (1908–1910).

Наппельбаум — семья известного фотографа Моисея Соломоновича Наппельбаума (1869–1958). Две его дочери — Ида Моисеевна (1900–1992) и Фредерика Моисеевна (1901–1958) — поэтессы, члены гумилевского кружка «Звучащая раковина», куда входила и их близкий друг Н.Н. Берберова. О литературном салоне Наппельбаумов и о том, как поэты читали по понедельникам, см.: КМ. С. 159–165; Чуковский Н. Литературные воспоминания. С. 100–111; воспоминания Иды Наппельбаум «Угол отражения». СПб., 1995, и ее сестры Ольги Грудцовой (1905–1982) «Довольно, я больше не играю... Повесть о моей жизни» / Публ. Е.М. Царенковой; Предисл. и прим. А.Л. Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. 1996. № 19. С. 23–24, 114–116. В то время К.И. Чуковский вел курсы по переводу и критике в Доме Искусств. Кар-

тины В. Ван Гога (1853–1890) «Биллиардная» (точное название «Ночное кафе», 1883) и «Прогулка арестантов» (1890) находились в московском собрании И.А. Морозова. Обе картины были воспроизведены в журнале «Аполлон» (1912. № 3/4).

Описание творческого процесса в этом ст-нии соответствует тому, что сам Ходасевич писал в прозе, например: «Произведение искусства есть преобразование мира, попытка пересоздать его, выявив скрытую сущность его явлений такую, какова она открывается художнику. В этой работе художник пользуется образами, заимствованными из обычной нашей реальности, но подчиняет их новым, своим законам, сохраняя лишь нужное и отбрасывая ненужное, располагая явления в новом порядке и показывая их под новым углом зрения» (Посмертные произведения: Сб. памяти Семена Юшкевича. Париж, 1927. С. 50). Или: «...поэт, не искажая, но преображая, создает новый, собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышимым. Есть каждый раз нечто чудесное в возникновении нового бытия. <...> Чтобы новое бытие не осталось мертво, поэт придает ему движение. <...> “Попадая в поэзию”, вещи приобретают четвертое, символическое измерение, становятся не только тем, чем были в действительности. То же надо сказать о самом поэте. Преобразуется и он. В написанном от первого лица стихотворении, как бы даже ни было оно “автобиографично”, — субъект стихотворения не равняется автору, ибо события пьесы протекают не в том мире, где вращается автор» (Глуповатость поэзии // СЗ. Кн. 30. С. 281). См. также параллели ст-ния с двумя из самых важных документов русского символизма: «Песнь жизни» (1907) Андрея Белого (Арабески. М., 1911; перепеч. в кн.: Символизм как миропонимание. М., 1994) и «О современном состоянии русского символизма» (1910) А.А. Блока (Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5). В «Песни жизни» Белый анализирует миф о легендарном греческом поэте — Орфее; следующие строки кажутся особенно важными в связи с «Балладой»: «Ритм — первое проявление музыки: это — ветер <...>. Песня соединяет ритм (время) и образ (пространство) в слове (причинности). <...> Мифология в образе Орфея наделила музыку силой, приводящей в движение костность материи. Песня — действительный мир, преображенный музыкой...» (Символизм как миропонимание. С. 175–176; курсив наш. — Ред.). Статья Блока использует сходную с «Балладой» последовательность образов: «...лезвие таинственного меча уже приставлено к груди <...>. Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими <...> музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти слова. <...> Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно — и пронзает сердце теурга». (Т. 5. С. 427; курсив наш. — Ред.). Мотив Ада в VIII строфе восходит не только к мифу об Орфее (в трактовке Белого), но и к известному ст-нию В.Я. Брюсова «Поэту» (1907; тоже написанному трехстопным амфибрахием): «Как Данту, подземное пламя / Должно тебе щеки обжечь...». (Блок цитирует эти строчки с своей статье.)

Как возможный подтекст для образа «ветра» см. также у Блока: «...но быть художником — значит выдерживать ветер из миров искусства» (С. 433). Возможно, что статья Блока навеяла и эпитет «черные» в конце ст-ния: «Но именно в черном воздухе Ада находится художник, прозревающий иные миры» (С. 434). Стоит также отметить, что в «Балладе» преобразование реальности под «плавный, вращательный танец» с эпитетом «мерно» созвучно аполлоновскому (не дионисийскому) «порядку», воссозданному поэтом.

Я в комнате круглой моей — «Моя (комната в Доме Искусств. — Ред.), например, представляла собою правильный полукруг. <...> Соседняя комната <...> была совершенно круглая...» (Диск // В. 1939. № 4179 (14 апреля); СС (96–97)–4. С. 280).

Пронзает меня лезвие — образ восходит не только к Блоку (см. выше), но, возможно, к «Пророку» (1826) А.С. Пушкина: «И он мне грудь рассек мечом...». Ходасевич собирался назвать один из своих стихотворных сборников «Нож».

В текущие здезды челом — ср.: «Но пламенно оттуда проступает / Венок из звезд над головой моей...» (Про себя, 2).

Глазами... змеи — и у Пушкина («Пророк»), и у Ходасевича образ заимствован из Библии (Быт. 3: 1 и Мф. 10: 16); эта библейская традиция «змеиной мудрости» лежит также в основе статьи А. Белого «Искусство» (1908).

Орфей — см. ст-ния «Возвращение Орфея» и «Мы».

Черновики, написанные выцветшими (коричневыми) чернилами, с позднейшей карандашной правкой, на оборотной стороне бланков страховых квитанций Центрального банка Обществ взаимного кредита, находятся в архиве И.И. Ивичи-Бернштейна. Они представляют собой три последовательные редакции переработки ст-ния, постепенно приближающиеся к окончательной, печатной его редакции. Поскольку переработки здесь весьма сложны, то, указывая варианты, в данном случае мы даем окончательные варианты строк даже тогда, когда они совпадают с печатным текстом.

Первая редакция записана на бланках № 5608, 5607. Она еще не имеет заглавия. Против первой строфы проставлена карандашом дата 9 дек<абр>–20 дек<абр> 1920 г.>. В разных стадиях переработки здесь представлены все строфы, кроме 8-й, которая здесь совершенно иная. Также иная и последовательность строф, о чем мы будем говорить далее.

Варианты: Ст. 4 — На солнце в 16 свечей. С левой стороны против I и II строф проставлены, соответственно, арабские цифры 1 и 2. Справа против ст. 8 и 9 записаны карандашом с трудом читающиеся две строчки:

[Как будто я <2 нрзб.>

В <нрзб.> двери]

10: На стеклах оконных цветут,

[На стеклах беззвучно]

- 11: [Ч<асы> в жилетном кармане]
Часы с металлическим шумом
12: В жилетном кармане идут.
[В кармане жилетном идут]

Слева против III строфы проставлена карандашом арабская цифра 3. Далее между III и V строфами вставлена справа строфа, против которой проставлена карандашом арабская цифра 4, но она значительно отличается от печатного варианта IV строфы:

О, скука, [скука]
[о чахлая скудость]
[о злая не]
Беспламенной [жизни] моей
[О скудное]
О, если б кто знал, как мне жалко
Себя и [вот] этих вещей!
всех

- 17–18: [И я начинаю качаться,
[И вдруг]
Руками колени обняв
Колени руками]

Далее идет V строфа в ее окончательном варианте со следующими замeнами:

- 17: И [вдруг] начинаю качаться,
я
19: И [вдруг] начинаю стихами
я

Слева проставлена карандашом арабская цифра 5, а также слова: Я / Вдруг со знаком вопроса.

Далее следует строфа, близкая к VI в окончательном варианте, хотя слева проставлена карандашом цифра 7:

О, эти несвязные речи!
Я сам не могу их понять.
[А в пальцы вплетаются пальцы, —]
[Как]
Сплетаются с пальцами пальцы,
Никто б их не мог разорвать.

Между этой и V строфой поставлен значок вставки, как будто предполагалась вставка «б»; такой строфы нигде в автографе нет.

Далее идет строфа, против которой карандашом проставлена арабская цифра 8 с пометой: *переделать*.

Но правда, последняя правда, <так в тексте>

[Срывается]

[Моим]

Я голосом громким пою.

а. [Про] Все [вижу] чую, все слышу, все знаю

б. Все слышу, все чую, все знаю

Про звездную думу мою.

Далее следует значок вставки строфы и нынешняя XI строфа, против которой проставлена цифра 13. Варианты:

41: И нет штукатурного [солн<ца>] неба,

42: [Нет] солнца в шестнадцать свечей:

И

Далее идет VII строфа, против которой карандашом проставлена цифра 9. Она не имеет отклонений от печатного текста но после нее проставлен знак вставки строфы.

Видимо, позже на отдельном бланке были записаны относящиеся к этой же первоначальной редакции еще две строфы, соответствующие IX и X строфам окончательного текста, против которых слева проставлено 11 и 12. Варианты:

[И вижу большими глазами,

Как слушают вещи мои]

38: Вся комната тихо идет,

40: а. [Мне в руки сквозь ветер] дает.

б. [Сквозь ветер мне в руки] дает.

с. (Как в печатном. — *Ред.*)

Под словом «ветер» записано «время» с вопросительным знаком.

Вторая редакция строфы представлена на бланках № 5606, № 5605. В отличие от первой редакции она уже имеет заглавие и следующие отличия от окончательного печатного текста.

2: Я в комнате круглой своей.

Против 3-й и 4-й строк II строфы на правом поле записано позднее карандашом и подчеркнуто:

[Сижу и не знаю куда бы
Повисшие руки де<вать>]

9–10: [Морозные] белые пальмы
[Беззвучные]
На стеклах [оконных] цветут.
беззвучно

IV строфа представлена двумя вариантами переработки, первый из которых перечеркнут карандашом.

[О, скука, о, [скудное]
лютая скудость
Задавленной жизни моей!
Кому же сказать, как мне жалко
Себя и всех этих вещей?]

Второй вариант записан напротив на правом поле и имеет вариант только в 1-й строке: О косная, грубая скудость. Далее:

17: И вдруг начинаю качаться,
я
я
19: И вдруг начинаю стихами
я
вдруг
20: С собой говорить в забытьи.
[Себе]
Тогда

Далее — знак вставки строфы с вопросом и VI строфа со следующими вариантами:

[О эти несвязные речи!]
[<нрзб.>] бурные
смутные
темные
страстные
[Я сам не могу их понять.
А пальцы вплетаются в пальцы,
Никто б их не мог разорвать.]

Против 1–4-й строк на полях карандашом записан вариант, близкий к печатному:

На правом поле карандашом записано: [За звездами].

Далее XI строфа с одной переделкой, относящейся ко второй строке, но потом отвергнутой поэтом: ст. 42: [Над комнатой] <круглой моей?>. На правом поле — еще один вариант начальных строчек:

Ломайся же, белое небо
Разломлено
Трещит шпукат<урное>
известк<овое>
Над комнатой круглой моей.

За XI строфой идет книзу волнистая черта, которой Ходасевич обозначал окончание ст-ния. Впоследствии он решил, по-видимому, добавить еще одну строфу и даже набросал ее, но затем зачеркнул.

[Уснувшую, древнюю душу
Тревожит]
[Просн[ись, дорогая!] Пора
уться настала
С уснувшего, косного мира
Спади, роковая кора!]

Справа на полях еще один вариант начала:

[Недвижному косному миру
Проснуться настала пора.]

Третья редакция ст-ния записана набело на бланке № 5604. Варианты:

- 21: Несвязные, страстные речи!
26: [Врывается] в пенье мое,
Вплетается

<ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ КНИГИ>

«Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?..» — М., 1922. № 6. С. 14. Без даты. Вошло в ТЛ-1, где следовало за ст-нием «День». Перепеч.: В. 1928. № 1066 (3 мая). С ошибочной датой: 1920.

СХ: П<етер>Бург, 21 мая 1921 г.

«Слышать я вас не могу...» — Вошло в ТЛ-1, где следует после ст-ния «Вечер».

СХ: 7 ноября 921 П<етер>Б<ург>.

Невеста — Вошло в ТЛ-1, где следовало за ст-нием «Март».

СХ: 13–16 апр<еля> 922 г. П<етер>Б<ург>.

В письме к А.И. Ходасевич от 2 января 1923 г. Ходасевич писал: «...должна быть выброшена “Невеста”, попавшая нечаянно. Она очень плоха, и в берлинском издании ее нет» (БП. С. 395).

ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

Пятая, и последняя, книга ст-ний Ходасевича «Европейская ночь» появилась в печати только как составная (третья) часть ССт-27. Заглавие книги взято из ст-ния «У моря», 2. Впервые мысль о такой книге зародилась у Ходасевича сразу после сдачи в печать ТЛ-1. 6 октября 1922 г. он писал А.И. Ходасевич: «Я, кажется, к Рождеству смастерю цикл, кот<оро> название сообщаю по секрету: “Европейская ночь”. Туда войдут 3 стих<отворения>, посланные Слонимскому, с продолжением “Каин” (первоначальное название цикла «У моря». — *Ред.*), посланным тебе, то, что пишу, и то, что собираюсь написать. Всего будет штук 12, издам книжечкой и пришлю тебе» (БП. С. 396). 2 января 1923 г. ей же Ходасевич писал: «Я сейчас работаю над тем, что должно было называться “Европ<ейская> ночь”, но будет называться иначе» (там же). В настоящем издании тексты печатаются по ССт-27.

Основные рецензии на ССт-27, многие из которых — развернутые («итоговые») статьи о творчестве Ходасевича: *Адамович Г.* Литературная беседа // Звено. 1928. № 1. С. 3–10; *Айхенвальд Ю.* // Сегодня. 1927. № 278 (9 декабря); *Вейдле В.* Поэзия Ходасевича // СЗ. 1928. Кн. 34. С. 452–469; *Книжник* // Иллюстрированная Россия. 1928. № 8 (145). С. 20; *Крайний А.* Знак (О Владиславе Ходасевиче) // В. 1927. № 926 (15 декабря); *Сирин В.* // Руль. 1927. № 2142 (14 декабря); *Струве Г.* Тихий ад // За Свободу! 1928. № 59 (2391) (11 марта); *Цетлин М.* Поэт и Психея // Дни. 1928. № 1292 (8 января).

Петербург — Дни. 1925. № 888 (25 декабря). Без даты. На странице с общим заголовком: «1825 — 14 декабря — 1925» (столетие восстания декабристов). Дата «1926» в ССт-27 — опечатка.

СХ: Chaville, 12 дек<абря> 1925.

КХ: 12 дек<абря>, Chaville.

Chaville (Шавиль) — пригород Парижа возле Версаля, где Ходасевич жил с 1 октября 1925 г. по 4 марта 1926 г., когда он переехал в Париж.

В свой «петербургский период» (с конца 1920 г. до середины 1922 г.), который он описывает в этом ст-нии, Ходасевич написал свыше 40 ст-ний; это самый плодотворный момент его творческой биографии.

Ст. 9–10 — ср. зачин 8-й главы «Евгения Онегина»:

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

«Жив Бог! Умен, а не заумен...» — СЗ. 1923. Кн. 16. С. 141. Без даты.

СХ: Saagow, 4 февр<аля> — 13 мая 923.

КХ: 4 февр<аля> — 13 мая, Saagow.

Saagow — см. прим. к ст-нию «Брента».

Умен, а не заумен — Ходасевич относился с интересом к поискам эгофутуристов, но резко отрицательно к зауми и культивировавшему ее кубофутуризму; см. его обзор «Русская поэзия» в альманахе «Альциона» (М., 1914; СС (96–97)-1. С. 421–424). Литературная действительность послеоктябрьского периода заставила его отождествить футуристов с большевизмом, и его выпады против них стали резче. См., например, «Парижский альбом, IV»: «Ныне поэзия русская переживает тяжелое испытание. Я бы сказал — испытание глупости» (Дни. 1926. № 1039 (27 июня)); «Декольтированная лошадь» (В. 1927. № 821 (1 сентября)); СС (96–97)-2. С. 159–167); «О Маяковском» (В. 1930. № 1787 (24 апреля)), где он писал, что заумь «свидетельствовала о жуткой духовной пустоте футуристов». См. также письмо Горькому от середины–конца августа 1924 г.: «По-моему, поэзия наша, примерно с 1910–11 года, заметно глупеет. Хуже того: в память бывшего интеллектуализма она довольно упрямо твердит об одной *идее*. Но идея эта — давайте глупеть! Начали акмеисты, продолжили футуристы» (СС (96–97)-4. С. 477).

Ст. 5–8: ср.: «И сказал Господь Моисею, говоря: Скажи сынам Израилевым, и возьми у них по жезлу от колена, от всех начальников их по коленам, двенадцать жезлов <...>. И кого Я изберу, того жезл расцветет; <...> и вот, жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Числ. 17: 1–2, 5, 8); «И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Откр. 12: 5). См. также образ жезла Аарона как образ поэта и живого языка в статье Андрея Белого «Жезл Аарона» (Скифы. Сб. 1. Пг., 1917), а также расцветший жезл в вагнеровской опере «Тангейзер».

Ключи таинственного сада — образ, по-видимому, заимствован из лекции-статьи В.Я. Брюсова «Ключи тайн» (1904): «Пусть же современные художники сознательно куют свои создания в виде ключей тайн, в виде мистических ключей, растворяющих человечеству двери из его “голубой тюрьмы” к вечной свободе» (Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 93).

...ангел, Богу предстоящий — ср.: «Насекомым — сладострастье, / Ангел — Богу предстоит» (Ф.И. Тютчев. «Песнь Радости (Из Шиллера)», 1823).

Ст. 16–17 — ср. ст. 25–28 ст-ния «Не матерью, но тульской крестьянкой...».

Ст. 18–19 — ср. ст. 31–32 ст-ния «Не ямбом ли четырехстопным...».

См. также 1 Кор. 14.

Первоначальный набросок (среди январских стихов 1923 г., написанных в Саарове) находится в «клеенчатой тетради» (БА). Весь этот текст перечеркнут.

Через века пройдет мой трепет —
И вырвется сквозь толщу книг —
Не ваш оторопелый лепет,
А мой обдуманый язык.
[Я, слава Богу, не заумен —
[И я умен, а]
[Я человечески умен] [Умен]
[Я для] [Среди стихов своих игумен
Над]

На правом поле:

[Я среди стихов своих — игумен
В толпе]

Далее:

[Умен] Я, слава Богу, не заумен.
Хожу среди своих стихов,
Как непоблаженный игумен
Среди смиренных чернецов<.>

Там же имеется автограф — записан почти набело и датирован: Нач<ато> 4 февр<аля> 923 Saarow; в конце: Saarow 13 мая 923. Текст дважды перечеркнут карандашом крест накрест. Варианты:

- 13: [Заумно стонет] и ревет.
(Потом вписано на правом поле: Мычит заумно. — *Ред.*)
- 16: Люблю из рода в род мне данный,
[Храню]
- 20: (Имеет вариант начала: [Молю]. — *Ред.*)
- 21: а. [Облекся] в а. [<нрзб.>] оду!
 b. [<Вложить?>] b. [<нрзб.>]
 c. Облечь c. отчетливую
 d. [в обдуманную]

На правом поле: Мгновенно мог облечься в оду.

«Весенний лепет не разнежит...» — СЗ. 1923. Кн. 16. С. 142. Без даты. С разночтениями в ст. 18: Взрываюсь и взлетаю я; ст. 20: По всем орбитам бытия.
СХ: Saarow, 24–27 марта 923.

КХ: 24–27 марта. Очень плохо, переправлено, сколько мог, в 1927, в *Cannet*. *Le Cannet* (Ле-Канне) — городок в Приморских Альпах, неподалеку от городов Канны и Грасс, в котором Ходасевич с Берберовой провели лето 1927 г.

В «клеенчатой тетради» (БА) находится черновой автограф строф I, III–V, с тремя слоями правки чернилами и карандашом, озаглавленный «Enjmbement» <так>. Он датирован: Нач<ато> 24 марта 923–27 Saarow. Весь автограф зачеркнут.

Любовный лепет не разнежит

- a. [Моих подтянутых] стихов
- b. [Забронированных]
- c. Моих заклепанных

Мне стал приятен грубый скрежет
Какофонических миров<.>

Люблю из почернелой тучи
Удар а. [неистойой] стрелы
b. изломанной
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы<.>

- a. И — что таиться? — мне дороже
- b. К чему
Всех гармонических красот —
Дрожь, побежавшая по коже

- a. От [страшных снов] от
- b. [хмеля, обморока]
- c. обморока, хмеля

- a. Иль... (или) холодный пот,
- b. ужаса

[Снов]

- a. Снов, где a. тяжелый и единый, —
b. цельный
- b. Иль сны, где грузный и <единый> — ?

- a. [Лечу и разрываюсь] я,
- b. [Взрываюсь и срываюсь]
- c. [Расплескиваюсь я]
- d. (Разорван, всплескиваюсь я)

- е. Взрываюсь и [срываюсь]¹
 f. взлетаю
 Как грязь, разбрызганная шиной[,]
 [В] а. [В безднах] бытия
 б. По злым орбитам
 всем

Беловые автографы в письмах к А.И. Ходасевич от 26 апреля и 4 мая 1923 г. (РГАЛИ).

Слепой — Петроград. 1923. № 2 (15 мая). С. 13. Без даты. С разбивкой на три трехстишия и со следующими разночтениями: ст. 2: Наугад идет слепой, ст. 7: Дом, мужик, забор, корова. Перепеч.: Огни (Прага). 1924, 14 января.

СХ: Берлин, 8 окт<ября> 1922 — Saagow, 10 апреля 1923.

КХ: 1922, 8 окт<ября> Берлин — 1923, 10 апреля, Saagow.

См.: *Безродный М.* «Слепой» Ходасевича: Опыт анализа простого стихотворения // *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* / Ed. by D.M. Bethea, L. Fleishman, A. Osipov. Stanford, 2007. Part 1. С. 233–236.

Беловые автографы в письмах к А.И. Ходасевич от 26 апреля и 4 мая 1923 г. (РГАЛИ).

«Вдруг из-за туч озолотило...» — Беседа. 1923. № 1 (май/июнь). С. 10. Как четвертая часть цикла «Зимние стихи»; цикл датирован: Saagow, 1923.

СХ: Saagow, 19–28 янв<аря> 1923.

КХ: 19 февр<аля>. В очень ясный день, часа в 3. 28 февр<аля>. Вернувшись с прогулки перед ужином. Saagow. (По-видимому, Ходасевич ошибся, списывая дату с СХ. — *Ред.*)

Ст. 3 — ср.: «Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье...» (Ф.И. Тютчев. «Последняя любовь», между 1851 и 1854).

Первая черновая редакция с двумя слоями правки чернилами и карандашом, перечеркнутая двумя карандашными чертами, находится в «клеенчатой тетради» (БА). Дата в правом верхнем углу: 19 янв<аря> 23 г. Saagow. В конце стоит: 28 янв<аря> 23.

Окончательные варианты первых двух строф совпадают с печатным текстом. Поэтому в этом случае мы приводим только варианты:

- 1: Вдруг [из окна по]золотило
- 2: И [книгу], и [в стакане] чай.
- 3: Остановись еще, светило,

¹ Над строчкой стоит знак перестановки слов с вопросом. В строке «е» *срываюсь* зачеркнуто, а затем подчеркнуто одной чертой, что может означать отмену зачеркивания.

[[И] Трепетно себя теряю
И знает лишь душа моя,
[Когда] током истекаю
[Тончайшим]
Каким я
С раздвоенного острия.]

В нижней половине предыдущей страницы тетради находится автограф двух последних строф. Как и в случае с первыми двумя строфами, окончательные варианты последних двух строф совпадают с печатным текстом, и мы приводим только варианты.

- 8: С раздвоенного [бытия] острия
13: [Одна др]
[Лишь]
[Лишь]
14: [Условный] профиль тех высот,
[Минутный]
16: Мой [трепет бьется] и живет.

У моря — весь цикл — Эпопея. 1923. № 4 (июнь). С. 17–21. Первоначальное название всего цикла — «Каин»; белой автограф всего цикла (частный архив, Москва) имеет название: Из цикла «Каин».

1. Россия. 1922. № 3 (октябрь). С. 8. С пометкой: Misdroy <так> 1922. Без названия (с номером «1»). С перестановкой строк в строфе IV (1, 4, 3, 2); Дни. 1922. № 48 (24 декабря). В цикле «У моря», 1. Без даты. С тем же разночтением; Эпопея. 1923. № 4. С. 17. Как первое в цикле «У моря». Без даты. С тем же разночтением.

СХ: Misdroy, 15 авг<уста> 922.

КХ: Misdroy, 15 авг<уста> 922. Утром, в постели, в отчаянии.

В 1922 г. Ходасевич провел некоторое время (13–27 августа) на морском курорте Мисдрой (см. прим. к ст-нию «Стансы»). Ср. КЖ за 15 августа: «В ресторан. / К морю. / Письма Ход<асевич> и Вале. / Веч<ером> в кафэ» (С. 29).

...*Каин / С экземою между бровей* — После убийства брата Каин был проклят Богом. «Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. <...> И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4: 12, 15). Знак Каина относится к самому поэту, страдавшему экземой (см. прим. к ст-нию «Бельское Устье»).

2. Россия. 1922. № 3 (октябрь). С. 8. Без названия (с номером «2»). С разночтениями в ст. 19–20: И разом весь ослабеваает, / Как сердце вдруг захолодет. Дни. 1922. № 48 (24 декабря). В цикле «У моря», 2. Без даты. С теми же разночтениями и ст. 15: Порой прочитывает даже; Эпопея. 1923. № 4. С. 18–19. Как второе ст-ние в цикле «У моря». Без даты. С теми же разночтениями, что в газ. «Дни».

СХ: Берлин, 2 сент<ября> 922.

КХ: 2 сент<ября> 922, Берлин.

Канотье — соломенная шляпа.

В статье «Голос “оттуда”» Ходасевич писал: «...признаюсь, я был удивлен, увидев в четвертой книге “Звезды” стихотворение с эпиграфом из моих стихов, писанных уже в эмиграции. Уж очень, должно быть, “ударно” высказался советский поэт, если ему позволили нарушить обет молчания! <...> “Под европейской ночью черной / Заламывает руки он. В. Ходасевич”». Ст-ние, о котором он пишет, — «Русский иностранец» Н.Л. Брауна. В нем описывается печальная участь русских эмигрантов; это вынудило Ходасевича заявить: «“Он”, о котором здесь говорится, не имеет никакого отношения к эмиграции» (В. 1931. № 2228 (9 июля)).

Беловой автограф был послан А.И. Ходасевич в письме от 4 сентября 1922 г. (не сохранился). См. в этом письме: «Вот тебе еще стихотворение. Пожалуй-ста, присоедини его к стих<отворению>, которое я послал Слонимскому и кот<орое> начинается: “Лежу, ленивая амеба”. Надо печатать так: 1. “Лежу...” 2. “Сидит в табачных магазинах...” Иначе 2-е не имеет смысла. Под стихами непременно: *Misdroy, 1922*» (БП. С. 397).

3. Эпопея. 1923. № 4. С. 19–20. Как третье ст-ние в цикле «У моря».

СХ: Saarow, 9 дек<абря> 922–20 марта 923.

КХ: 9 дек<абря> 922 — 20 марта 1923, Saarow. 9 дек<абря> — только 2 строфы. Кончил 20 марта, перед ужином, под разговор Белого с Н. <Н.Н. Берберовой> в соседней комнате. Было очень хорошо писать.

Ср. КЖ за 20 марта 1923 г.: «Шкловский. Белый. Шкловский. С ним у Горького. / Шкловский» (С. 41). В это время Андрей Белый часто навещал Ходасевича и Берберову. См.: Н. С. 68–69; КМ. С. 188–202.

Мария, Заступница, Звезда Морей — перевод с латыни наименования Богородицы как покровительницы мореплавателей у католиков (Maria, Mediatrix, Stella Maris). Заступницей зовут Деву Марию и православные (см., например, в поэме А.А. Блока «Двенадцать»: «Ох, Матушка-Заступница!»).

Ср. ст-ние П.А. Вяземского «Рыбак» (1853).

В «черной тетради» (БА) — черновой автограф строф I–III, VI–VIII, с дополнительной строфой, которая не имеет соответствий с окончательным текстом. Он датирован: Нач<ато> 9 дек<абря> 922. Saarow. Варианты:

- 5: а. [Качало] [И в море все ему не мило]
 б. Качало. а. [Он смотрел уныло]
 б. Было все не мило,
 с. Было все постыло
- 6: а. [Смотрел] И [влажный] ветер и простор
 б. И жаркий ветер и простор
 с. И небо и его простор
- 7: [Как] мачта острая чертила
- 8: Петлистый а. на небе узор
 б. [по небу]
 с. в синеве
 д. медленный
 е. плавный свой

Потом следует строфа, не имеющая сходства ни с чем в печатном тексте:

[Явленья мира, как вы жалки
 Тому, кто к жизни обречен.]
 И в самой буре, как в качалке,
 Лениво полудремлет он.

Варианты этой строфы (все зачеркнуты):

- 1: а. [О как] явленья мира жалки
 б. [Увы,] явленья мира жалки
 с. Явленья мира, как вы жалки
 д. Явленья мира, все вы жалки
- 2: Тому, кто к жизни присужден.

Этой строфе, по-видимому, предшествовал зачеркнутый вариант:

[Под вечер] [Хотел уснуть]
 К чему какие-то качанья,
 (Которым есть земной предел)
 Когда а. положен им предел?
 б. [земля всему]
 [И даже бури не хотел
 Но он и
 Но буря налетела <нрзб.>]

Ст. 9 отсутствует, но см. зачеркнутый вариант выше, где есть *Под вечер* и *Но буря налетела*.

- 10: О как
 11: а. [Когда над ним то поднимался]
 б. Когда шатаясь, то вздымался,
 12: а. [То опускался небосклон]
 б. То книзу стлался небосклон
 с. То стлался книзу небосклон
 д. То растилался небосклон

(Окончательного текста 11–12 нет. — *Ред.*)

- 21: По еще сердитый
 (Над строкой записано: в лае волн. — *Ред.*)
 22: Серdito [<нрзб.>]... к бортам,
 (Окончательного текста 21–22 нет. — *Ред.*)
 23: Поплыл [корабль] полуразбитый
 [Плывет]
 24: К [своим родимым а. желтым] берегам
 б. рыжим]
 25: Встречали матери и жены
 26: [Спасенных чудом рыбаков]
 27: Он [обошел] их стороною,
 28: а. [И шаткой] поступью своей
 б. [И крепкой]

Другие варианты VII строфы (все зачеркнуты):

- 25: а. [Меж тем, как хвалили]
 б. Пока молились и рыдали
 26: Хваля Звезду Морей
 27: Он обошел
 25: Молились, плакали, смеялись
 26: а. Хваля
 б. Хвалили Звезду Морей
 с. Молились <Звезде Морей>
 28: Счастливых жен и матерей.

Сохранились два варианта VIII строфы:

- 29: Исчез, как виденье
 30: [Ведь] а. В тумане мелкого частого дождя
 б. В дымке холодного
 31: И на а. торжественные (песно)пенья
 б. хвалебные их

- 29: Ушел подставив спину
30: [Потокам] холодного дождя,

4. Эпопея. 1923. № 4. С. 20–21. Как четвертое и пятое ст-ния в цикле «У моря» (пятое начинается с IV строфы). С разночтениями в ст. 10–11: Солнце кружится колесом. / Захрипел сквозь зубы: Уймись же! —.

СХ: Saarow, 10 дек<абря> 922 — 19 марта 1923.

КХ: 10 дек<абря> 22 — 19 марта 1923, Saarow. Кончил тоже на народе: Белый, Шкловский и т.д.

Ср. КЖ за 10 декабря 1922 г.: «Ракицкий. Веч<ером> у Горького (карты)» (С. 36); и за 19 марта 1923 г.: «Гуляли со Шкловским. Шкловский, Горький. Белый. Мар<ия> Игн<атьевна Будберг>. Ракицкий. Васильева» (С. 40).

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — прозаик, критик и литературовед. Летом 1922 г. бежал из Петрограда, спасаясь от ареста по делу партии эсеров, и прибыл в Берлин одновременно с Ходасевичем. Осенью 1923 г., по словам Ходасевича, «он выхлопотал себе амнистию и вернулся в Сов<етскую> Россию» (Новый Журнал. 1952. Кн. 29. С. 205–206). В воспоминаниях Шкловского дан портрет Ходасевича в петербургском Доме Искусств (см.: Сентиментальное путешествие // *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». М., 2002. С. 230).

В «черной тетради» (БА) — черновой автограф, весь зачеркнутый. В начале стоит дата: Нач<ато> 10 дек<абря> 922; в конце: Saarow, 19. III. 923. За исключением ст. 4, окончательные варианты совпадают с печатным текстом и нами ниже не приводятся. Варианты:

- 4: а. И шумит на песке детвора.
 b. Врезжит
- 9: [Протуберанцами бешено] брызжа,
10: Солнце а. [пышет сухим огнем.]
 b. кружится колесом.
- 11: а. Он [стучит кулаком]: уймись же.
 b. Зарычал он сквозь зубы: уймись же.
 c. [Прохрипел]
 d. Он хрипит сквозь зубы: уймись же.
 e. Он сквозь зубы хрипит: уймись же.

Следует отброшенный (весь зачеркнутый) вариант другой строфы:

Побежал, заметался. Ишь ты,
Как расстроился человек.
Замелькали заборы, <пары?>
Дети, виллы, шары аптек.

И был вариант 1-й строки: [Крикнут: К чему, куда бежишь ты!]

- 17: [Пристает] к бездомной собаке
18: И а. [за ней ходит] весь день,
 б. [ходит за ней] весь день,
20: а. [Пропадает] и пес, как тень.
 б. [Провалился] и пес, как тень.

Вся VI строфа была вставлена позднее. Она первоначально начиналась:

[Одурманило, подхватило,
Потерял свое канотье]

И за ней следует начало другой строфы: [И опять, опять подхватило,].

Берлинское — СЗ. 1922. Кн. 13. С. 124. С датой: Misdroy-Berlin, 1922; Россия. 1924. № 1 (10) (февраль). С. 81. Без даты. Без отдельного названия, как вторая часть цикла «Берлинское» (первое ст-ние — «Нет, не найду сегодня пищи я...»). Со следующими разночтениями:

- 12: Светящихся, прозрачных рыб.
14: На глянце чуждого стекла,
20: Ночную голову свою.

СХ: Берлин, 14–24 сент<ября> 922 (без названия; ошибочно датировано «1923» в ССт-27).

КХ: 14–24 сент<ября> Берлин. Это — о кафе Prager Diele.

Кафе «Прагер Диле» — на Прагер-платц. Ходасевич посещал его 14, 16–21, 23 и 24 сентября 1922 г. (КЖ).

Ст. 19–20 соотносятся с легендой об Орфее и его голове, оторванной менадами.

Черновой автограф в «клеенчатой тетради» (БА), без заглавия, имеет даты начала в правом верхнем углу листа: Нач<ато> 14 сент<ября> 922, Берлин, и окончания в левом нижнем углу: Берл<ин> 24/IX. 922. Весь текст перечеркнут двумя перекрещивающимися чертами карандашом. Перед каждой строфой (в том числе и начальной) стоит знак разделения. За исключением ст. 16 и всей V строфы, окончательные варианты совпадают с печатным текстом и нами не приводятся.

- 4: а. (Как в печатном. — *Ред.*)
 б. [Зеленый свет, лиловый мрак.]
8: [С асфальтовым [блестящим] каким-то дном,
 [С <агатовым?> дном,]

- 9: a. [Плывут беззвучные трамваи]
 b. [Зеленоглазые]
- 11: [Их] электрические стаи
- 12: a. [Ленивых, молчаливых рыб]
 b. [Подводных лодок или] рыб.
 c. Светящихся, ленивых рыб.
 ? прозрачных
- 13: [И] [Сквозь зеленеющую] гнилость[.]
- 14: [Там ск<атерть?>] На толще [гладкого] стекла,
- 16: a. [Там скатерть нашего] стола
 b. [Вдруг]
 c. [Салфетка]

Зачеркнутые слова *скатерть* и *вдруг* потом были подчеркнуты, и получилось:
 Вдруг скатерть моего стола.

- 17: a. И [глядя]
 b. созерцающая жизнь чужую,
 c. [Там]
- 18: [Вдруг] с отвращеньем узнаю[.]
 Там
- 19: Отрубленную, голубую,
 20: Ночную голову свою<.>

Над V строфой — помета о предполагавшейся ее переделке: М<ожет> б<ыть>: 1, 4, 3, 2? Помета зачеркнута позднее тем же карандашом, которым перечеркнут весь текст.

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 12 октября 1922 г. (РГАЛИ);
 другой — в письме к М.М. Шкапской от 12 июля 1923 г. (РГАЛИ).

«С берлинской улицы...» — СЗ. 1923. Кн. 15. С. 162. Без даты. С посвящением: Андрею Белому. Петроград. Литературный альманах. 1. 1923. С. 73. С датой: 1923, Saarow. Без посвящения. Смежные строки напечатаны в одну строку, так что ст-ние состоит из семи двустижий.

СХ: Берлин, окт<ября> 922 — Saarow, 24 февр<аля> 923.

КХ: 24 февр<аля> Saarow. Начато еще в октябре 922, в Берлине. Было посвящено Белому. М<ожет> б<ыть>, это об его пьянстве. Это у меня связано с определенным местом: угол Geisbergstrasse и Ansbacherstrasse.

Когда Ходасевич и Берберова приехали в Берлин 30 июня 1922 г., они поселились в пансионе Nürnbergplatz на Geisbergstrasse, 21; позднее они переехали в пансион Крампе (Crampe) на Viktoria-Luise Platz, 9, в двух кварталах от угла Geisbergstrasse и Ansbacherstrasse.

Когда луна горит¹ в белках безумных глаз².
блестит в белки
глядит

Нам песьи головы привинчены к плечам.
[Клыками песьими (белыми) как улыбаться нам?]

Черновой автограф, датируемый: Берлин, окт<ябрь> 922, находится в «черной тетради» (БА). В автографе ст-ние написано двустихиями. Он весь зачеркнут. Первые три строфы идентичны печатному варианту. IV строфа существует в нескольких вариантах, ни один из которых не соответствует печатному.

- a. [На темной [черной] родине они теперь, — а мы —
Как ведьмы тощие на перекрестках тьмы]
- b. Песьеголовые — все позабыли мы.
Песьеголовые — на перекрестках тьмы]

Дальнейшие варианты следуют после текста, соответствующего V строфе печатного варианта:

- c. [Как ведьмы, по́ трое, стоим мы [мы на углах стоим]
Как ведьмы, по трое, — на перекрестках тьмы]
- d. Как ведьмы, по трое тогда [выходим] мы;
Как ведьмы, по трое — на перекрестки тьмы

С левой стороны на поле против варианта «d» поставлен крест.

- 17: Нечеловечий [дух] вздох,
- 20: [Глядит с] Поверх сутулых плеч.

Далее следует текст, полностью соответствующий VII строфе, а затем варианты IV строфы, значительно отличающиеся от печатного.

- a. [В [сухом] пустом неистовстве [преобразились мы
Плащи] < закостенели? >]
- b. О, этот каторжный песьеголовый час!
демонский
лающий

¹ Стоит знак перестановки, предполагавший вариант: Когда горит луна...

² Далее — знак разделения строк.

О, трудно вынести
Зеленой точкою [блест<ит>] глядит луна из глаз,
Когда глядит луна в белки стекл<янных> глаз,
горит

Возле верхнего края листа записан набросок этой строки.

[Луна в белки стеклянных глаз]

- с. [В сухом неистовстве косятся пальцы рук.
В сухом неистовстве и мы, и все вокруг]
- d. [Сухим неистовством обуревают нас.]
[песьеголовый час]
- е. В сухом неист<овстве> и мы, и все вокруг
Сухим н<еистовств>ом обуреваем дух<.>

Беловой автограф с посвящением Андрею Белому (РГАЛИ, архив А. Белого);
ст-ние разбито на двестишестидесять.

An Mariechen — Беседа. 1923. № 3 (сентябрь/октябрь). С. 75–76. Без даты.
В цикле «Берлинские стихи». Перепеч.: Русский Современник. 1924. № 4. С. 39–
40. С датой: Берлин, 1923.

СХ: 20–21 июля 1923, Берлин (без названия).

КХ: 1923, 20–21 июля, Берлин. Это дочь хозяйна пивной на углу Lutherstrasse
и Augsburgerstrasse. Там часто бывали с Белым. Mariechen — некрасивая, жал-
кая, чем-то напоминала Надю Львову. Белый напивался, танцевал с ней. Тол-
стяк, постоянный гость, любовник хозяйки, играл на пьянино. Хозяин, сле-
пой, играл в карты с другими посетителями. «К Fraülein Mariechen» мы никого
не водили, кроме Чаброва. Однажды там был Каплун, но не знал, где находит-
ся. Это было место для разговоров о «последнем».

См.: «<Белый> полувлюбился в некую Mariechen, болезненную, запуган-
ную девушку, дочь содержателя маленькой пивной; она смущалась чуть не до
слез, когда Herr Professor, ломая ей пальцы своими лапищами, отплясывал с
нею неистовые танцы, а между танцами, осушая кружку за кружкой, расска-
зывал ей, то рыча, то шипя, то визжа, все одну и ту же запутанную историю, в
которой она ничего не понимала» (Н. С. 67). Ср.: «Одно время любил захо-
дить я в убогую, тусклую, переполненную вечерами захожими пьяными ма-
ленькую пивную; и — наблюдать, как в открытую дверь забегают потрепан-
ные хулиганы, чтоб опрокинуть пред ночью последний коньяк; <...> вот не-
кто потертый и серый, с опухшими веками и в проломленном котелке, —
толстячок, именуемый постоянными посетителями герр-директором; <...> вот
герр-полицист из участка, играющий в карты с ослепшим владельцем пивной;

а вот фрейлейн Марихэн, его очень милая дочка, с утра и до вечера разносящая пиво. <...> Сама дочка слепого хозяина оказалась чуткою, с художественною натурою, изучающей в свободные от работы минуты французский язык, литературу, поэзию, музыку; я ей дал почитать перевод моего “Петербург”, и никогда не забуду я тонкой оценки его от — кого? От служительницы бедной пивной!» (Белый А. Одна из обитателей царства теней. С. 33, 35).

Львова, Надежда Григорьевна (1891–1913) — поэтесса, застрелившаяся из-за неразделенной любви к Брюсову. Ср.: «Надя Львова была нехороша, но и не вовсе дурна собой <...> сама она была умница, простая, душевная, довольно застенчивая девушка» (Н. С. 41).

Чабров (наст. фам. Подгаецкий), Алексей Александрович (1888?–1935) — актер (см.: КМ. С. 188, 202–203).

Каплун (наст. фам. Сумский), Соломон Гитманович (Германович) (1891–1940) — журналист и политический деятель (меньшевик), заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха», выпустившего в 1922 г. восемь книг Андрея Белого, а также журнал «Беседа», выходящий под редакцией Горького, Белого и Ходасевича с 1923 по 1925 г. О дружбе Каплуна и Белого в те годы пишет А.М. Ремизов в «Мерлоге» (см.: Минувшее: Исторический альманах. 1987. 3. С. 220–221).

См.: Куликова Е.Ю. «Смертный венчик» Mariechen (О бодлеровском подтексте одного стихотворения В. Ходасевича) // Кормановские чтения: Материалы межвуз. конф. (Ижевск, апрель 2004) / Сост. Е.А. Подшивалова, Д.И. Черашняя. Ижевск, 2005. Вып. 5.

Машинопись, без названия и с датой: Берлин 1923 года (ИМЛИ). В этой машинописи ст. 26–27 читаются: Одной в березняке пустом — / И нож под левым, миловидным (по-видимому, опечатки); белой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 2 сентября 1923 г. с пометой: «Можно, в крайнем случае. К N.N.» (РГАЛИ).

«Было на улице полутемно...» — Россия. 1923. № 6 (февраль). С. 9. Без даты. Под номером «II» вместе с «I» («Черные тучи проносятся мимо...» — см.: Не собранное в книги). II строфа читается:

Вырвался свет, занавеска взвилась,
Быстрая тень по стене пронеслась...

Струги. I. Берлин, 1923. С. 16. С датой: Saagow, 1922 (вместе со ст-нием «Черные тучи проносятся мимо...»). С теми же разночтениями.

СХ: Saagow, 23 дек<абря> 922.

КХ: 1922, 23 дек<абря> Saagow.

Черновой автограф в «клеенчатой тетради» (БА), с датой: Saagow, 23. XII. 922. Он весь зачеркнут карандашом. Варианты:

3—4: [Вырвался] Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Черная тень со стены сорвалась —
Быстрая

Над текстом по верхнему краю листа: [В пустыне уходил убежал пророк
былой.]. Далее рисунок лица и буквы: В.В.В.Б.Б. Под текстом, отделенное про-
дольной чертой: [И] Век долгожданный, динамитный.

Беловой автограф журнальной редакции ст-ния (БА; фонд А.В. Бахраха).
Под номером «II», вместе с «I» («Черные тучи проносятся мимо...»). С датой:
Saarow. 1922. Ст. 3 первоначально читалась: [Свет промелькнул,] занавеска
взвилась; беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 2 января 1923 г.

«Нет, не найду сегодня пищи я...» — Беседа. 1923. № 3 (сентябрь/октябрь).
С. 73–74. Без даты. В цикле «Берлинские стихи»; Россия. 1924. № 1 (10) (фев-
раль). С. 80. Без даты. Как первая часть цикла «Берлинское». Ст. 19 читается:
Пока не дрогнет сердце, схвачено.

СХ: 23 марта 1923 — 10 июня 1923, Saarow.

КХ: 23 марта — 10 июня. Saarow.

Черновой автограф, даже во многих своих окончательных чтениях отлича-
ющийся от печатного текста, — в «клеенчатой тетради» (БА). Датирован: Saarow.
23.III.923 — 26.IV.923. Над датой, зачеркнуто, стоит: Entre le loup et le chien <(фр.)
«между волком и собакой», т.е. в сумерки>. Варианты:

- 4: а. [Да [нрзб.] дождик] с высоты)
б. <пошлый?>]
с. (Как в печатном. — Ред.)
6: Нисходит серо-синий мрак
10–12: И повернувшись [от]бежит,
у
[И шаркнет лапою когтистою
Об отшлифованный гранит.]

На правом поле записано:

- Другая — лапою когтистою
[Об] [мокрый] шаркает гранит.
О серый
- 13: [Другая жи<лится>]
Т[а] жил[и]тся, присев на корточки,
е я
- 14: [И с]весив набок языка.
По

КХ: 10 июня, Saagow. Отделано 31 авг<уста> 1924, в Causway, в Ирландии, в отеле, у моря.

Causway — Giant's Causeway, на северном побережье Ольстера. Ходасевич с Берберовой были в Ирландии со 2 августа по 26 сентября, когда гостили у Натальи Михайловны Кук (Cooke), двоюродной сестры Берберовой, которая жила в пригороде Белфаста Холивуд (Holywood).

Шаляпин, Федор Иванович (1873–1938) — выдающийся русский певец.

В первоначальном наброске, находящемся в «клеенчатой тетради» (БА) и датированном: Нач<ато> Saagow, 10 июня 923, весь текст зачеркнут дважды перекрестными чертами сначала чернилами, а затем карандашом. В начале и в конце, а также после каждого двустушия стоит знак разделения строф. Заглавие отсутствует. I и II строфы полностью совпадают с печатным вариантом. Следующие далее четыре строфы являют собой совершенно иной вариант, не имеющих никаких соответствий с печатным.

Остановись, прислушайся, послушай:
Многоголосой, дикою кликушей

Взывает о себе ночная тварь.
[мокрая]
страстная
Потом к траве приблизь ручной фонарь.

Там пяденицы слабыми крылами
сонными
Колышутся под мокрыми листьями.

(И) [Там капелька по травке вниз течет,]
И червь червя захватом страстным жмет.

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 11 сентября 1924 г. с первоначальным названием «На даче» (затем название снято вообще; РГАЛИ).

Под землей — Беседа. 1923. № 3 (сентябрь/октябрь). С. 74–75. Без даты. В цикле «Берлинские стихи». С разнотечением в ст. 4: Над изразцовою стеной.

СХ: 21 сент<ября> 1923, Берлин.

КХ: 21 сент<ября> Берлин. Видел на Viktoria-Luise Platz. Проследил старика (впрочем, лет 50 с чем-нибудь) до Kurfürstendamm.

Ср.: «Западная часть города <Берлина>, особенно бесконечный Курфюрстендамм, оказалась средоточием русских эмигрантов» (Возвращение в жизнь // Андреев В. История одного путешествия. М., 1974. С. 247).

Аид (греч. миф.) — подземное царство мертвых.

«Все каменное. В каменный пролет...» — Беседа. 1923. № 3 (сентябрь/октябрь). С. 77. Без даты. В цикле «Берлинские стихи».

СХ: 23 сент<ября> 1923. Берлин.

КХ: 23 сент<ября>, Берлин.

Ходи по камню до пяти часов — ср.: «“Ходи по камню до пяти часов” — характерная особенность берлинской жизни того времени: человек, забывший или потерявший ключ от своего дома, ночью никаким образом не мог попасть в свою квартиру — входные двери накрепко запирались, а дворники или швейцары бывали только в самых богатых домах. Я как-то спросил Ходасевича, что такое “окарино”. Он посмотрел на меня с презрением и, блеснув пенсне — его пенсне всегда блестело нестерпимо резко, — сказал: — Итальянская глиняная дудка вроде флейты. Надо знать, — и только-только не добавил “молодой человек”» (Андреев В. Возвращение в жизнь // Знамя. 1969. № 6. С. 104).

...мачехой российских городов — Берлин в 1921–1923 гг. был самым крупным центром русской эмиграции (свыше 100 тыс. граждан бывшей Российской империи жили в немецкой столице). Ср.: «Берлин оказался чем-то вроде узловой станции, — куда бы ни стремился русский эмигрант, на некоторое время он задерживался в Германии в ожидании “окончательной” визы. Говорили, что русское население Берлина в начале двадцатых годов достигало двухсот или даже четырехсот тысяч человек» (Возвращение в жизнь // Андреев В. История одного путешествия. С. 245–246). См. также письмо Андрея Белого Р.В. Иванову от 18 ноября 1923 г.: «...русских в Берлине — сотни тысяч: квартал Шарлоттенбург немцы называют, шутя, Шарлоттенград» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 254).

«Встаю расслабленный с постели...» — Беседа. 1923. № 1 (май/июнь). С. 7–8. Как первая часть цикла «Зимние стихи». Цикл датирован: Saagow, 1923.

СХ: Saagow, 5–10 февр<аля> 923.

КХ: 5–10 февр<аля>.

Не с Богом бился я в ночи — ср.: «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари; <...> И сказал: отпусти Меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. <...> И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь» (Быт. 32: 24, 26, 28).

Москвы бунтарские призывы — революционные призывы, обращенные Коминтерном к западному пролетариату.

О, если бы вы знали сами, / Европы темные сыны — ср.: «О, если б знали вы, друзья, / Холод и мрак грядущих дней!» (А.А. Блок. «Голос из хора», 1914).

Хранилище — Звено. 1924. № 97 (8 декабря). С. 2. Без даты. Одновременно — в ж. «Ленинград». 1924. № 22 (37) (1 декабря). С. 5. Без даты.

СХ: 23 июля 1924. Париж.

КХ: 23 июля, Париж. Последние стихи, посланные Гершензону, из Ирландии. Я знал, что ему понравятся.

Ср.: «Денежные дела заставили меня прожить до августа <1924 г.> в Париже, а потом в Ирландии» (Н. С. 153). Ходасевич послал ст-ние М.О. Гершензону (см. прим. к ст-нию «Ручей») в письме от 6 августа 1924 г., где писал: «В Париже я был в первый раз, но не стал ничего смотреть. Музеи отложены на осень. Сейчас — глаза не смотрят. Скажу по правде: даже в Италии, чтобы смотреть на прошлое, мне приходится делать над собой некоторое усилие» (De Visu. 1993. № 5. С. 34); в варианте ст-ния в письме первая строка читается иначе: «Едва хожу, гляжу лениво...». 17 августа Гершензон отвечал ему: «Ваши стихи очень хороши, и вы понимаете, как близки мне; стих: “Претит от истин и красот” я мог бы взять эпиграфом к своим письмам “из двух углов”» (СЗ. 1925. Кн. 24. С. 233; De Visu. 1993. № 5. С. 35). «Переписка из двух углов» (Пб., 1921) — книга, составленная из писем, написанных Гершензоном и В.И. Ивановым друг другу в июне–июле 1920 г., когда они жили в одной комнате в «здравнице для переутомленных работников умственного труда» (см. прим. к ст-нию «Ручей»).

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 11 сентября 1924 г. (РГАЛИ).

«Интриги бирж, потуги наций...» — Дни. 1924. № 570 (21 сентября). С да-той: Венеция, 20 марта 1924 года; Россия 1925. № 4 (13). С. 203. Без даты.

СХ: 19–20 марта 1924. Венеция.

КХ: 19–20 марта, Венеция. С трудом написал. Начал у Флориана, кончил дома. Плоховато.

Ходасевич с Н.Н. Берберовой пробыли в Венеции с 14 по 22 марта 1924 г. «В Венеции Ходасевич был и окрылен, и подавлен: здесь когда-то он был молод и один, мир стоял в своей целостности за ним, еще не страшный. Теперь город отбрасывал ему отражение того, что есть: он не молод, он не один, и никто и ничто не стоит за ним, защиты нет. Голуби на Пьяцце ворковали и носились над нами, пароходик вез нас мимо каменного кружева старых дворцов, “которые так постарели, — говорил Ходасевич, — что сейчас рухнут”» (КМ. С. 250). Ср. письмо Ходасевича М.О. Гершензону от 6 августа 1924 г.: «Мы пробыли восемь дней в Венеции, которая, как ни странно, приметно одряхла за тринадцать лет, что я не видел ее. Первое впечатление — гнетущее: прах, пыль, кажется — любой дом можно легонечко растереть между пальцами» (De Visu. 1993. № 5. С. 34).

Флориан — кафе на южной стороне площади Сан-Марко.

Прокурации — дворцы на северной («Старые») и южной («Новые») сторонах площади Сан-Марко. Ср.: «Газетчики пробегают под Прокурациями. Во всех окнах бусы, зеркальца, стекло — те наивные блестящие вещи, которые никому не пришло бы в голову продавать или покупать где-нибудь кроме Венеции» (Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994. С. 8).

Урсула — имеется в виду репродукция картины венецианского художника Витторе Карпаччо (1460/5–1525/6) «Сон святой Урсулы» («Il sogno di Sant'Orsola»), одна из девяти сцен из жизни святой, написанных в 1490–1495 гг. для Скуолы Св. Урсулы в Венеции и ныне находящихся в Академии изящных искусств в Венеции. Картина изображает спящую святую, ее корону и собачку, а также туфли возле кровати; на нее падает свет из открытой двери, в которой стоит ангел, возвещающий ее мученическую кончину.

«Братья *Алилари*» — известная фирма художественных репродукций, венецианская лавка которой находилась на улице (Salizzada San Moisè, 1347–1349), выходящей прямо на южную сторону площади Сан-Марко. Об образе Венеции в творчестве Ходасевича см. прим. к ст-нию «Полдень».

В «черной тетради» (БА) находится автограф, с датой: Венеция, 19–20–21 марта 24. Он весь зачеркнут дважды перекрестными чертами карандашом. Варианты: ст. 3: А всё под сенью прокураций. После II строфы — зачеркнутая строфа, не вошедшая в печатный текст:

Горит парча, сияют бусы,
Дымится вкусный шоколад,
Играет локон светло-русый,
Шаги стихают и шуршат.

11: Что некто мудрый и сердитый

19: А как бы в легкой и приятной
просто

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 24 апреля 1924 г. с припиской: «Если надо заглавие — “В Венеции”. Лучше без заглавия» (РГАЛИ).

Соррентинские фотографии — Благонамеренный (Брюссель). 1926. Кн. 2 (март/апрель). Брюссель. С. 15–20. Без даты.

СХ: Sorrento, 5 марта 1925 — Chaville, 27 фев<раля> 1926.

КХ: Первые 17 стихов — в Sorrento, в начале 1925 (5 марта). Потом — в Chaville, в феврале 1926. Кончил 27 фев<раля>, наспех, чтобы читать у Цетлиных (обещал). Писал деловито, каждый день, иногда уезжая для этого в Париж, в кафэ Lavenue. Иногда писал с увлечением. По звуку это мои любимые стихи. «Изнутри» — нет, не то. Все так и было, как рассказано.

Шавиль — см. прим. к ст-нию «Петербург».

Цетлины — см. прим. к ст-нию «По бульварам». Ср. КЖ за понедельник 1 марта 1926 г.: «У Цетлиных (мои стихи; Зайцевы, Бунины, Мережковские, 4 Познера, 2 Оцуца, Бахрах, Ладинский, Вейдле, Вишняки, Рудневы, Мельгунов, Шмелев...)» (С. 82). В.В. Вейдле пишет об этом вечере в статье «Ходасевич читает “Соррентинские фотографии”» (Тех, кого уже нет, № 18) // Новое

Русское Слово (Нью-Йорк). 1976. 20 июня; Новый Журнал. 1993. № 192/193. С. 353–356.

В ст-нии переплетаются три плана: соррентинские впечатления, воспоминания о жизни в Москве и в Петрограде.

О *Сорренто* см.: «Наконец, в начале октября <1924>, мы съехались с Горьким в Сорренто, где и прожили вместе до 18 апреля 1925 года. С того дня я Горького уже не видал» (Н. С. 153; см. также: КМ. С. 221–229). Горький жил не в самом Сорренто, а недалеко от города, на Капо-ди-Сорренто, высоко над Неаполитанским заливом, с видом на Неаполь, Везувий, остров Прочида и Каstellамаре на севере. От Сорренто до Амальфи на южном берегу полуострова — недалекая поездка; на Капри — где долго жил Горький до Первой мировой войны — также легко добраться на парохоме.

...*фотограф-ротозей* <...> *один приятель мой* — сын Горького Максим Алексеевич Пешков (1897–1934), страстный фотограф-любитель и мотоциклист. О мотоциклетке Ходасевич пишет в очерке «Горький»: «Иногда Максим сажал одного или двух пассажиров в коляску своей мотоциклетки, и мы ездили по окрестностям или просто в Сорренто — пить кофе» (СЗ. 1937. Кн. 63. С. 274; Н. С. 158).

Домишко низкий и плюгавый и далее — воспоминания о московской жизни в 7-м Ростовском переулке.

Как бы сползая... — см. ст-ние «Эпизод» и прим. к нему.

Полуподвал, гроб — см. ст-ние «2-го ноября».

Айдесский — см. прим. к ст-нию «У моря («А мне и волн морских прибой...»).

А между тем уже с окраин и далее — описание католического пасхального шествия.

Плеть, багряница и т.д. — атрибуты распятия Христа.

Денница — хотя Денница — одно из имен Люцифера (и в этом смысле часто встречается у символистов), здесь (с прописной буквы) означает наступление Зари — пасхального искупления человечества — и подразумевает в этом контексте Деву Марию. Ср. лат. *Stella Matutine*. Ср. сходное употребление в ст-нии А.С. Пушкина «Кольна» (1814): «Денница красная выводит / Златое утро в небеса...» (Ходасевич цитирует это в статье «Поэтическое хозяйство Пушкина» // Беседа. 1923. № 2. С. 199).

На восьмигранном острие / Золотокрылый ангел... — шпиль Петропавловского собора в Петропавловской крепости в Петербурге.

Огромный страж России царской — Петропавловская крепость и собор, усыпальница русских царей от Петра I до Николая II.

Подробности о публикации содержатся в переписке Ходасевича с редактором «Благонамеренного» Д.А. Шаховским (см.: Архиепископ Иоанн. Биография юности. Париж, 1977. С. 179–193). Стихи были отправлены ему 27 февраля 1926 г.; в следующем письме, от 1 марта, Ходасевич послал переделанные пять последних строк.

В «клеенчатой тетради» (БА) находится черновой автограф, без заглавия. В начале стоит: Нач<ато> 5 марта 925. Sorrento. Окончательные варианты совпадают с печатным текстом и нами не приводятся. Исключение представляют особенно сложные случаи, где мы производим весь процесс работы над текстом. Выражаем нашу глубокую благодарность Евгению Бешенковскому за расшифровку черновиков.

I, 3: [Точь-в-точь вертлявая] олива,

I, 4: Ничем, никак не стеснено.

II, 2: а. [Забудет счет снимкам и пленкам]

б. [Забудет снимкам счет и пленкам]

с. Перемешает список <пленкам>
запись

д. (Как в печатном. — *Ред.*)

е. [В прогулке счет забудет пленкам]

II, 3: [(Запечатлеет двух)] <друзей,>

II, 4: На Капри, с [<нрзб.>] козленком, —

II, 6: (На правом поле (в скобках): Очаровательный. — *Ред.*)

II, 8: (На правом поле: закоптелую. — *Ред.*)

II, 9: (Против этой строки на правом поле — прочерк и запись: Sorrento. — *Ред.*)

Далее зачеркнуты четыре строки, не вошедшие в печатный текст.

[Когда же едкой кислотой
И проявителем густым
Два мира [будут] встанут перед ним,
Сплетенные между собою]

II, 10–13 существуют в двух вариантах переработки и, по-видимому, в первоначальном замысле должны были быть началом III строфы.

[Так сделал нынешней зимою
Один приятель мой. Пред ним
[На замутненном негативе]

Смешались воды,
Смешались и вода, и дым
Смешались вода и

На негативе замутненном
[Под соррентинским небосклоном]
[Его знакомый]
Его знакомый]

Далее запись рифмующихся строк: ababccdd efefgghiihkkllmnnm efefgghiihkkllmnnm?, показывающая колебание в выборе строфы. Далее идет второй вариант переработки тех же строк:

Так сделал [прош<лоу>] нынешней зимою

Один а. [приятель] мой. Пред ним

б. [знакомец]

а. Смешались вода и дым мешались?

б. Мешались смешались?

На негативе [замутненном] помутнелом. 2) ?? NB

II, 14–15: В последовательности их переработки:

[Его знакомый грузным телом]

[прозрачным]

попирал

[А коз<лик>]

Везувий рожками бодал]

[Его знакомый грузно]

[Его знакомый грузным телом]

Его знакомый а. легким телом

б. [смутным]

Полупрозрачно [попирал] заслонял

II, 16: Черты [гранитных] исполинов

II, 20: — И а. [сувениров] пикников —

б. итальянских

с. соррентинских?

Потом вписано на левом поле: (Ни?)

II, 21: Двух совместившихся [бытий] [минут] миров

II, 23: [Так протек<ает>]

а. [В себе другие] затая

б. [Виденья прошлого тая,]

II, 24: а. [Так протекает] жизнь моя

б. [Ему подобна]

с. [Такой же мнится]

На правом поле записано следующее:

Но слезы (не текут) (не льются)
Покой...
Мотоциклетка стрекотнула
И кинулась в ноч<ной> туман

Затем Ходасевич начал работу над окончанием III строфы и завершил ее 30 января 1926 г. Дата проставлена на левом поле против окончательного варианта. Окончание III строфы представлено в нескольких версиях.

[Куда ни обращаю я взора —
[Всё тот]
Он всё маячит предо мной,
Как бы а. [ползущий] с косогора
в. сползая
Над Москвой-рекой]

[Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой,
Он всё маячит предо мной,
Куда ни обращаю я взора.]
[Здесь, на пластах остывшей лавы,
Он жалкой тенью набежал
[На] И на зеленый величавый
Амальфитанский перевал]

[И на зеленый, величавый
Ам<альфитанский перевал>]

Против последних двух строчек на правом поле запись: 8 + 24 +, а далее отделенная продольной чертой окончательная версия окончания III строфы.

Как бы сползая с косогора
Над мутною Москвой-рекой,
а. [Куда ни обращаю] я взора —
b. [Куда бы я ни кинул<?>]
c. [Куда ни отведу]
d. И как ни отвожу
Он все маячит предо мной.

Затем Ходасевич поставил «2» против первых двух строк и «1» против строк 3 и 4 и сделал знак перестановки.

[На] И на зеленый, величавый
Амальфитанский перевал
[Здесь на пластах остывшей ла<вы>]
[В пластах окаменелой лавы]
Он жалкой тенью набежал,

- a. [Слепым и нищим он] стал
- b. Стопою нищенскою

На пласт окаменелой лавы...
[В пластах]

Против последней строчки на правом поле проставлена цифра 45, которая также дважды повторена и зачеркнута на левом поле.

Нижний край листа вырезан ножницами вместе с текстом. Судя по двум сохранившимся словам [Дверь <ведет?>], там был записан вариант начала IV строфы, работа над которым продолжается на обороте листа, где записаны строки, отсутствующие в печатном тексте.

[Весна. На режущем ветру]
[Март] [По [разъезж<ему?>] раскисшему двору
[Вход]
Кровавый след своей культяпки
Трехногий тащит пес]

[И вижу я: четыре бабы]

Далее — начало переработки IV строфы.

[Раскрыта дверь]
[Раскрыта дверь в полуподвал.
[Четыре женщины теснятся]
[Две женщины выходят боком]
[Выходят осторожно, боком.]

В верхнем правом углу листа записаны варианты рифм, имеющие, по видимому, отношение к этому двустистию: глубоком, (на)скоком, оком, потоком, широко, сокам, соком, клоком, широко, роком, проком.

Ниже, по правому полю записаны позднее рифмующиеся слова, относящиеся к предпоследнему четверостишию IV строфы: агавы, павы, лавы, плюгавый, величавый, лавы, забавы, лягавый, [клевыи,] оравы, Саввы, трухлявый, курчавый.

Против окончательного варианта строки 16 в правом поле: пышнолистые.

IV, 17: [Качаясь, белый гроб плывет,]

IV, 19: а. [В гробу а. [неписаном] плывет.]

б. некрашенном

в. [Почти по во<здуху>] плывет

с. [Как будто в] воздухе плывет

д. [Качаясь, в]

е. В [нагретом]

Далее, на двух страницах тетради, строки 20–23 в нескольких стадиях переработки:

[И я [неволью] поднимаюсь

И в [ослепите<льном>] моем саду]

[И я с]

[И с камня я вст<аю>]

[И под<ымаюсь>]

[И с]

Далее, после продольной черты:

[И я неволью поднимаюсь

И в ослепительном саду

[За страш<ным>] За скорбным шествием иду,]

[Я сам] [неволью поднимаюсь

[И я]

И в ослепительном саду

[За [старым] шествием иду,]

тайным

[Как шел тогда, иду, иду]

[В агавах цепляясь]

[Не отставая.] [За корни] [О чуждый камень

спотыкаясь]

[К моим

По-прежнему высок и розов

[Московский вечер] Церк<овный> купол, а над ним

[Морозо<в>] [Церковный купол], дым морозов —

Вороньи стаи,

Давно рассеявш<ийся> дым]

[И я <нрзб.> поднимаюсь
И в]
[И я встаю]
[И от а. [него] не отрываясь
 b. [мечты]
 с. него

Я в ослепительном саду
За тайным шествием иду
О чуждый камень спотыкаясь.]

Против последних двух строк на левом поле записаны слова: *Я сам* и [*Как шест<вие>*].

Далее снова следуют варианты тех же строк:

[И я саду
О чуждый камень спотыкаясь
За тайным иду]
[И с поднимаюсь
 [я]
[Я сам] за шествием иду,
В саду
[За] О чуждый камень спотыкаясь]
[И я, невольно поднимаюсь]

[И я подчиняюсь
За тайным шествием иду
В саду
О чуждый камень спотыкаясь]

И, от [него] не отрываясь,
Я сам, в оливковом саду,
За тайным шеств<ием> иду,
О ч<уждый> камень спотыкаясь<.>

Окончательного варианта строки 22 (*смутным*) — нет.

Против последней строки с правой стороны на поле стоит дата, по-видимому, окончания работы над строфой — 15 февр<аля> 926. На левом поле — цифра 68, исправленная из 69. Следом стоит знак разделения строф, и до конца листа в правом нижнем углу записаны стихотворные строки, вошедшие в переработанном виде в окончательный текст V строфы (строки 24–26):

Прошли домой семинаристы
[<1 нрзб.>]
Сменился вечер ночью мгливой.
[Конец Страстного Четверга]]

Эти строки отделены продольной чертой от следующих. Против них в правом верхнем углу стоят:

[Направо — скалы, море — слева.
За поворотом поворот
Влетаем шумно]
[<3 нрзб.>]

Далее идут первые пять строк V строфы, и затем:

[Все повороты обогнули,
[Еще] [предупредительный гудок]
[Влетаем] И в том же рокоте и гуле
Влетаем в темный городок.
Сорренто спит в сырой ложбине,
[Стучится] Прибой стучится в берега
Мы шумно въехали в Сорренто,

[А там [покой и] тишина
глухая
[Гора [на] налево чуть видна
Огней а. <нрзб.> лента а. немеркнущая лента]
б. мерцающая б. из<менчивая>
[Тумана голубая лента]
[Чуть] В порту Неаполя видна,]

Затем Ходасевич зачеркивает текст от *Все повороты* до *В порту Неаполя* и почти начисто записывает на поле:

Сорренто спит в сырых громадах.
<нрзб.>
Мы шумно ворв<ались> туда
И стали. Слышно, как вода
Бормочет в дальних водопадах.
[Страстная П<ятница> всегда]
[Стр<астная> Пятница всегда
Полна б<нрзб.>]

[Страстная Пятница <проснулась?>
обвилась,

И к небу сыростью
Тоска земная поднялась.]

[Стр<астная> П<ятница> всегда
Полна возд<нрзб.> привидений,
Гнетет б<езумною> тоской,
И [смадом] тайны гробовой,
И смрадной тяжестью сомнений]

[Страстная Пятница всегда
Полна привидений
[Гнетет тоской]
Землю дышит гробовой
Гнетет
И смрадной тяжестью сомнений]

[Страстная Пятница всегда
Полна кровавых привидений]
[гнетет]

На правом поле — дата: 17 февр<аля> 926.

Затем Ходасевич почти начисто записывает на поле 10–14-ю строки
V строфы:

В Стр<астную> Пятницу всегда
На глаз приметно мир пустеет,
Как бы подземный ветер веет,
Айдесский, древний,
И ущербляется луна.
Сегодня в облаках она.

Справа против этих строк — дата: 18 февр<аля>. Далее следует:

[Всё спит]
[Всё]
[Всё спит. От сырости ночной
Потеет улиц камень се<рый?>]

[В домах и в улицах темно].
[Лишь окна грязной остерии]
[Все спит.] В одной лишь остерии
Мерцает [мутное] потное окно.

Зайдем от холода. Вино
Плохое, терпкое. Сырые
Темнодубовые скамьи.
[Плакаты грязные.] Бочонок
[Хозяйка старая <нрзб.> Хозяйка <нрзб.> грязная.]

Попытка продолжения — в правом верхнем углу:

[Голодный]
[Мячит не]
[На нем — [хозяйской друг] семьи.
[Голодный] Свернулся [серенький] дымчатый котенок
Вот сполз и ластится у ног.
Какой голодный! Сколько блох.]

Поверх всего текста от *В домах и в улицах* до *Сколько блох* рукою Ходасевича дважды написано: «не надо». Далее, на правом поле, продолжение:

[Мерцает] [Темно. В одной лишь остерии
[<нрзб.>] Мерцает потное окно.
Зайдем от холода. Вино.
Плохое, терпкое. Сырые]

Пустынны улицы сырые.
[Сквозь запотелое окно
Одна лишь све<тит>]
[<нрзб.> потное окно]
За всеми ставнями темно.
Сквозь запотелое окно
Одна лишь светит остерия.
Зайдем от холода. Вино

Далее, на следующей странице, продолжение:

[Плохое, терпкое. Хозяин,
Облокотившись, полуспит.
[Время <нрзб.>]
[Вдруг дверь звенит —]
[Но]
И входит]
[И вдруг] [И вдруг]
[И наконец вдали, с окраин,]
[Чуть сл<ышно>
Глухое кв<аканье>]

На следующей странице — несколько вариантов продолжения V строфы:

[И вскоре из-за поворота
[Явился б<нрзб.>]
Выходит <нрзб.> белый балахон]

a. Огни за ставнями	a. [мелькнули]
b. За ставнями огни	b. [мигнули]
	c. [мелькнули]
	d. мигнули,

С резных балконов, из ворот
[Проснувшись, выглянул народ]
[высыпал]

[Спросонья головы мелькнули]
[Лен<иво?>] [Проворно] головы a. [мелькнули]
Спросонья b. [взглянули]
c. мелькнули

[Спросонья] [Проворно] высыпал народ.
И, ежась,
[(молчит, снимает шляпы, ждет.)]

Текст отчеркнут, с зачеркнутой пометой: «надо».

Далее, после продольной черты:

[Тогда]
[И вот]
[И между те<сными домами?>]
[И меж]
[И вот меж тесными домами,]
[Над]
[И между]
[И на дальнем повороте]
[Мельк]
[И вдруг на [дальнем] повороте —]
[тесном]
[И вд<руг>] [Тогда на дальнем повороте]
[И вдруг на дальнем повороте
явилось зарево огней]
[И вдруг] [Тогда на дальнем повороте
Явились отсветы огней,
И стало пение слышне<й>

Пронесят [крест] гвозди, молоток]

[В теснине сумрачных домов
Колышется толпа голов,
Переливаясь и чернея,
А над тол<пою>]

Слева на поле:

все стихии
Играют розами М<арии>

Далее — строки 2–11, со следующими первоначальными вариантами:

VI, 2: Толпа колышется, [чернеет] —
VI, 4: Кольцом огней [окружена]

На поле против VI, 11 — цифра 43, исправленная из 42. Далее:

[Но слезы не текут, не льются.]
[И <нрзб.> голуби, над Ней
По Несутся
отсветы огней.]

На левом поле против этих строк стоит вопросительный знак. На поле в правом верхнем углу — снова наброски:

[На портале плоском
Земная слава зажжена
И эл<ектричеством>, и воском]
[На порт<але> плоском
И, возр<одившись> в снопах огней,
Летит земная слава к ней
И эл<ектричеством>, и воском
На порт<але> плоском
[И плавятся в снопах огней
[Земное] сердце перед ней
[сердца земные]
И эл<ектричеством>, и воском]

Далее — окончание VI строфы (строки 12–22), со следующими отброшенными вариантами:

VI, 12: Но жалкою людскою дрожью
[скорбною]

[горькою]
[скорбною]
VI, 13: Не дрогнут ясные черты.
[вечные]

После VI, 22 — одна отброшенная строка: [Своей улыбкой всенародной.]

На левом поле — цифра 54. На правом поле — дата: 20 февр<аля> 26;
зачеркнута цифра 54, и пометы: «Скорченный венок?», а также шесть слов,
неразборчиво записанных столбиком и густо зачеркнутых. На следующей стра-
нице начинается длительная работа над VII строфой:

[И] [Но над согбенными плечами]
[Своей] воздушною тропой,
Плывя
В собор, [сияющий] огнями
играющий
Она [вступила.] [Над толпой]
[восх<одит.>]
вступает. [Что ж] А над нами]
[Но над согбенными плечами
По<качиваясь?>]

[Но над]
[Покачиваясь над толпой,
В собор, играющий]

[Но над согб<енными> плечами
[Она] Уже в собор
Как в шатер]
Вошла, как в золотой шатер,
Переливающий огнями, —
[А над толпой
Остался [отбл<еск>] ответ голубой]

[Но над согбенными плечами
Она вошла уже в собор]

[Но над согбенными плечами
[Она] [Ты поднимаешься собор]
[В] [Уже] [Из] в собор,
[Весь] Как в костер,
Переливающий]

[Но над согбенными плечами
[С] [Ты] [площади] в собор
Из мрака площади в собор,
Как в костер,
Переливающий огнями,
Вступаешь ты. А над толпой]

[Но над согбенными плечами
Из мрака площади в собор
[Вступ] Она вступает, как в шатер,
Переливающий огнями.]
[И] [Но] над
Она]

[Но над согбенными плечами
Из мрака площади, в собор,]

[Но над согбенными плечами]
[Из мрака]
[Ты] [Уже восходишь ты в собор,]
[Но над согб<енными> плечами]
[Ты поды<маешься>]

Работа продолжается на следующей странице:

[Но над согбенными плечами
[Ее внесли уже в собор,]
[Как бы из тьмы в з<латой костер?>]
[Несомая уже в собор,]
[Ее внесли уже в собор,]
[Из]
[Уже вошла она <в собор>]
Она вошла уже в собор [—]:
[Из нашей тьмы <в золотой костер.>]
Из мрака площади — в костер,
Переливающий огнями.]

[Но над согбенными плечами
Она вошла уже в собор,
Из мрака площади — в костер,
Переливающий огнями.]

[Но над согбенными плечами
Она вошла уже в собор:

[Из нашей тьмы]
Как птица дивная — в костер,
Переливающий огнями.]

[Но над согбенными плечами
[Ее] Она вошла уже в собор —
[В] Как в распахнувшийся костер,
Переливающий огнями.]

[Но над согбенными плечами
Она вошла уже в собор —
Из нашей тьмы ночной — в золотой костер,
[на свой]
Переливающий огнями.]

[Но над согбенными плечами
Она вошла уже в собор —
В огромный золотой костер,
Переливающий огнями.]

[Меж тем согбенными плечами
Она уж внесена в собор[, —],
[В] Из тьмы ночной — в золотой костер,
Переливающий огнями.]

[Меж тем согбенными плечами
Она уж внесена в собор,
Из полусумрака — в костер,
Переливающий огнями.]

[Меж тем согб<енными> плечами
Она уж внесена в собор,
Из тьмы ночной — в золотой костер,
Переливающий огнями.]

На следующей странице начинается иной вариант:

[Меж тем — она уже в соборе:]
В снопах огней, в гремящем хоре, —
А [над толпою, площадной]
[на домах] [стенах и сад<у>]
[притихшею] толпой
[затихшею]
Над расходящейся толпой

[Порхает] ответ [голубой]
Явился [золотой] [голубой]
голубой золотой]
Яснее проступают лица,
[Бледнеет] [Зарею занялся простор]

С правой стороны:

[В зеленом небе:
Над островерхую]
[Над розоватою горой
Горит зеленая Денница]
[Осеребренные зарей.]
[В зеленом небе над горой
над розоватою
Переливается Денница]
[Пылает влажная] Денница
Переливается
[просит грудь]
[Над розов<атую>]

Слева против последней строчки — цифра 62. Далее:

[Над островерхую горой
Переливается Денница]

Далее после продольной черты — отработанный вариант VII строфы записан почти начисто; внизу проставлена цифра 62 и запись: 62 + 68/130. Так как в нескольких строках печатного варианта нет, а есть только отброшенный вариант, мы даем всю строфу:

Меж тем — Она уже в соборе,
В снопах огней, в гремящем хоре,
А над притихшею толпой
Явился ответ голубой.
Яснее проступают лица,
[Осеребренные зарей.]
Как бы напудрены зарей.
Над островерхую горой
Переливается денница.

На следующей странице начинается работа над VIII строфой:

[Домой. Теперь налево скалы,
Направо с уровнем воды
сады]

[Направо] [Порозовевшие в заре,]
[А справа —]
[Домой.]
[Мотоциклетка,] [<точно птица?>]
[Летит [ка<к>] под]

[Мотоциклетка, [точно птица],
легче птицы,
Летит под серою скалой.
Сквозь]

[Мотоциклетка легче птицы
Летит под серою скалой]

[Мотоциклетка [под скалой]
возле скал
Летит приземистым полетом]
[Летит приземистым полетом
Мотоциклетка возле скал,]
[Мотоциклетка [в] мимо скал
[Лет] Летит извилистым полетом]

Далее — продолжение на правой стороне страницы (сверху вниз):

[Летит извилистым полетом
[Мотоциклетка возле с<кал>]
Мотоциклетка мимо скал]
[Мотоциклетка у скалы
Летит извилистым полетом,
И с каждым новым поворотом
[Из расточающейся мглы]
Из [расступающейся] мглы]
опускающ<ейся>

[Летит извилистым полетом
Мотоциклетка [мимо скал]
под скалой
И с каждым новым поворотом
[В] [В] [Все ширится пере<до мной>]
[В] [Заме<тней?>]
[Все ш]
[Все шире] даль передо мной.

Просторней
Все [голубей, все шире] воды,
шире, все синее

В тумане Прочида лежит.
Везувий к северу дымит
(Предвестие плохой погоды)
[Но небо чисто и легко —]
<нрзб.>

[В своей хламиде темно-ржавой
[К<ак>]
[К<ак> дырявой
И]

В своей хламиде темно-ржавой,
[Давно] прожженной и дырявой,
Сто раз
Как старик
[Стоит Везувий,] покрытый площ<адною> сла<вой>
[Как]
[Он всё <столь?> грозен и велик]

Слева против этих строк:

[В <нрзб.>]
Недобрый, не старик, —
Покрытый площадною славой
[Он всё торж<ествен> и велик]

На следующей странице:

[Мотоциклетка под скалой
Летит извилистым полетом,
И с каждым новым поворотом
Просторней даль передо мной.]
[Глядя] [См<отря>]
[Глядя в воду]
[Смотря]
[Глядя]
[С<мотря>]

На правом поле против этих строк:

[Мы [поворачиваем] [вправо]
[влево]
[Бегут] [налево] берега,

На следующей странице продолжается с середины листа. Верхняя половина вырвана.

[Через отроги Апеннин
Глядит во мглу]
[В призрачных [долин] равнин]

Глядит сквозь призрак Апеннин
На призраки своих равнин

На правом поле — цифра 38, исправленная из 34. Далее отделено продольной чертой:

[И над волной кастелламарской
Огромный страж России царской
Глядит сквозь призрак Апеннин
На призраки своих равнин.]

[Пред ним]
[не светел]
[Г<де> хрипый петел]
[Где на рассвете так не светел
Где день]
[Где на] рассвете так не светел
Необозримый небосвод
[Где так] [лениво] [хрипый петел]
 <нрзб.>
 лениво

[В пустом курятн<ике> [В избе]
[В пустом курятнике поет]
Где деревенский хрипый петел
В пустом курятнике поет]

На следующей странице:

[Где только <горд?> и терпелив]

Направо против этой строки:

[Где [разбегается] позёмок,
 <1 нрзб.>
 разлетается
 разбегается
 потешается

Сухой и хлесткий ветерок,
Злой
[Где] Над вереницами котомок
Полу] [Вдоль нена[езженных] дорог,]
катанных

Слева надпись: «надо». Далее:

[Где затерялись города]
[Где лес за лесом убегает]

После продольной черты:

[Где в школу мать не провожает]
[Своих некормленных детей]
От рук отбившихся детей
[Где с <возголившихся?> церковей [опозоренных
церковей]

Где Ольга ходит поутру
По неметеному двору.
И [голосит] причитая, рвет свой волос,
И на ее истошный голос
В окошко выглянет сосед —
И прочь: своих довольно бед.]

На следующей странице:

[И над волной кастелламарской
Огромный страж России царской
Глядит сквозь призрак Апеннин
На призраки своих равнин,
Где на рассвете так не светел
Необозримый? небосвод,
Где так лениво хриплый петел
В пустом курятнике поет;
Где потешается позёмок,
Сухой и хлесткий ветерок,
злобный
Над вереницами котомок
Вдоль ненакатанных дорог;
Где]

[И, отражен кастелламарской
Зеленоватою волной,
Огромный страж России царской]

Воспоминанье прихотливо.

Бог знает, чем оно живет

[Когда]

[Среди волнений и забот]

[Среди волнений и забот,]

Бог весть, когда, в кот<оры> годы,

[Когда] [Как знать, среди каких забот]

И после скольких эпитафий,

[Которая]

[Когда] [и как] среди каких забот

утрат

<нрзб.>

И после скольких эпитафий,

[Вновь] [предо] Передо мною проплывет

Тень соррентинских фотографий?

На что наляжет тень теней,

Восстав из памяти моей!

Далее в правом верхнем углу сверху вниз:

[Воспоминанье прихотливо.

Бог знает, чем оно живет,

И <то,> что нынче живо,

Когда воскреснет в свой чер<ед>]

[Бог весть, когда, в который час,

Среди каких утрат, забот

И после скольких эпитафий

[Передо мной опять] всплывет

Когда же в памяти

Тень соррентинских фотографий?

[На что наляжет]

[На что наляжет тень теней,]

[Во]

[И э<то>] Уж это будет тень теней

все мутней]

[Воспоминанье прихотливо.

Когда [восстанет] в свой черед

[возникнет]

То, что еще сегодня живо?]

[Воспоминанье прихотливо.

Когда же в па<мяти> всплывет

То, что еще сегодня живо.]

На следующей, и последней, странице:

[Воспоминанье прихотливо.
Бог [ведает,] когда всплывет
[весть, когда и как]
То, что еще сегодня живо.
Когда же снова мне мелькнет
Среди каких утрат, забот
И после скольких эпитафий —
[На что наляжет] в свой черед
И что закроет
Тень соррентинских фотографий?
Уж это будет тень теней,
Всё и мутней.]

После продольной черты:

[Воспоминанье прихотливо.
То, что еще сегодня живо, —
Бог ведает, [когда] всплывет,
[зачем]
когда
Среди каких утрат, забот,
И после скольких эпитафий?

(Против этих двух строк: «надо».)

[Когда же в памяти всп<лывает>]
[Невольно <в памяти> всплывет]
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фотографий?
[Уж это будет — тень теней
Без прежней яркости своей]
[Но в памяти блестит моей
Как сновиденье прежних дней]

На левом поле — цифры 12. 52. На правом — дата: 26 февр<аля> 926. Под этой датой — отработанный вариант последней строфы:

Восп<оминанье> прихотливо.
Как сновидение — оно
Как будто вещей правдой живо,
Но так же <нрзб.> и темно
 дико

И так же, вероятно, лживо...
Бог ведь, когда, зачем всплывет,
Среди каких утрат, забот,
И после скольких эпитафий,
И что закроет в свой черед
Тень соррентинских фот<ографий>?

На левом поле — цифра 52 и дата: 27 февр<аля> 926, Chaville.

Окончательная строфа из «Соррентинских фотографий» записана набело несколько страниц позже в «клеенчатой тетради». Она перечеркнута чернилами.

Эта строфа (без даты) была отправлена редактору «Благонамеренного» 1 марта 1927 г.

Беловой автограф в письмах к М.А. Фроману (без даты и 14 апреля 1926 г.; собрание С.В. Поляковой).

Из дневника («Должно быть, жизнь и хороша...») — Дни. 1926. № 995 (2 апреля). Без даты.

СХ: Meudon, 1–2 сент<ября> 1925.

КХ: 1–2 сент<ября> 1925. (Стрела от числа «1» к следующей фразе. — Ред.)

Почти всё написал одним духом, вечером, у окна, в Meudon.

Meudon (Медон) — с 14 августа по 21 сентября 1925 г. Ходасевич с Берберовой жили в этом юго-западном предместье Парижа. 21 сентября: «4 ч. переезд в Париж, к Познеру» (КЖ. С. 76). 1 октября они поселились в Шавиле.

Перед зеркалом — СЗ. 1925. Кн. 24. С. 170. С датой: 1924. Ст. 16 читается: Впрочем, так и всегда в середине.

СХ: 18–23 июля 1924. Париж.

КХ: 18–23 июля, Париж.

Эпиграф — первая строка «Ада» в «Божественной комедии» Данте. I строфа, в переводе М.Л. Лозинского, читается:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Останкино — подмосковное дачное место к северу от столицы. «...С самого раннего детства балет был моей страстью. Подумывали отдать меня в театральное училище, но по болезни я очутился гимназистом, отчего первое время немало страдал. Утешение находил я в том, что сделался усерднейшим посетителем дачных танцулек и всевозможных балов...» (Черепанов // В. 1936. № 3942 (19 марта); СС (96–97)-4. С. 296).

В образности двух последних строф отражается «Ад» дантовской «Комедии»: *пустыня* («*gran deserto*», I, 64); *пантера* («*lonza*», I, 32; у Лозинского «рысь», в других русских переводах «леопард»).

Виргилий — Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.), римский поэт, переводчик Данте по Аду и Чистилищу в «Божественной комедии».

Окна во двор — СЗ. 1924. Кн. 20. С. 225–226. Без даты. С разночтением в ст. 5: Тарелки, кастрюли, пьянино гремят; Русский Современник. 1924. № 4. С. 41–42. Без даты и с пометкой «Париж». С перестановкой строф (V, IV) и с разночтениями в двух последних строках: Всегда в темноте и всегда в тесноте — / В такой тесноте и в такой темноте!

СХ: 16–21 мая 1924. Париж.

КХ: 16–21 мая, Париж. Мы жили на Boulevard Raspail, 207, на 5 этаже, ужасно. Писал по утрам в Ротонде.

Ротонда (Café-Restaurant de la Rotonde, 105, Boul. du Montparnasse, на углу бульвара Распай) — знаменитое парижское кафе (описанное Э. Хемингуэем, И.Г. Эренбургом и др.), в то время излюбленное место художественной богемы. Ходасевич был там 18–21 мая (КЖ. С. 60).

Ст. 1–2 — ср.: «Одна мне осталась надежда: / Смотреться в колодезь двора...» (А.А. Блок. «Окна во двор», 1906).

О параллелях с «Големом» Майринка см.: *Лекманов О.* Ходасевич и Майринке (заметки к теме) // Блоковский сборник. Tartu, [2003]. [Вып.] XVI. С. 163–164.

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 24 июля 1924 г. с теми же разночтениями, что и в «Русском Современнике».

Бедные рифмы — Новый Дом. 1926. № 1. С. 3. Без даты.

СХ: Париж, 2 октября 1926.

КХ: 2 октября, в Париже, в Closerie des Lilas, потом на Pigalle, с невероятными усилиями. Утром надо было «дозарезу» дать в первый номер «Нового Дома». Это было воскресенье, омерзительное.

Ср. КЖ за субботу (не воскресенье) 2 октября 1926 г.: «В Посл<едние> Новости. / В Cl. d. L. На Pigalle» (С. 93).

Closerie des Lilas («Клосери де Лиля») — в то время литературно-художественное кафе в Париже, на углу бульвара Монпарнас.

Pigalle (Пигаль) — площадь в Париже, центр ночной жизни Монмартра.

«Новый Дом» — литературный журнал, основанный в Париже в 1926 г. четырьмя молодыми эмигрантскими писателями: Ниной Берберовой, Довидом Кнудом, Юрием Терапиано и Всеволодом Фохтом. Во втором номере была помещена статья Ходасевича «Цитаты»; третий, и последний, номер вышел в 1927 г.

Бедные рифмы — рифмы, в которых не совпадают опорные (находящиеся перед ударной гласной) согласные. В ст-нии все рифмы, кроме «таким — пугающим» — бедные.

«Сквозь ненастный зимний денек...» — СХ: Париж, янв<арь> 1927. (После этого ст-ния Ходасевичем была проведена черта через всю страницу и в конце черты написано «книга», т.е. ССт-27.)

КХ: В январе, утром, в темноте, в кафэ на Place Daumesnil.

Place Daumesnil (Плас Домениль) — площадь в Париже, на правом берегу Сены.

Баллада («Мне невозможно быть собой...») — СЗ. 1925. Кн. 25. С. 248–249. Без даты.

СХ: Париж, июнь 1925 — Meudon, 17 авг<уста> 1925.

КХ: Начал в июне, в кафэ возле École Militaire, вечером; всё вдруг «увидел», но написал только первые 4 строфы. Кончил в Медоне, 17 авг<уста>. Был очень хороший вечер, хотелось писать, как редко.

École Militaire — Гос. Военная школа в Париже, фасад которой выходит на Марсово поле.

Мне лиру ангел подает — автореминисценция: «И кто-то тяжелую лиру / Мне в руки сквозь ветер дает» («Баллада» в ТЛ).

Шарло — так во Франции называют Чарли Чаплина.

Ст. 19–20 — ср. начало ст-ния «Ночь».

Венетийский — венецианский. Ср.: «И вот мы в Италии. Сперва — неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости. <...> Я только частично участвую в его переживаниях, я знаю, что он сейчас смешивает меня с кем-то прежним, и позже такие строчки, как

Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей,

мне будет естественно делить с его возлюбленной (Женей Муратовой) 1911 года» (КМ. С. 249).

Сюжет конца баллады ориентирован на притчу о бедном Лазаре (Лк. 16: 19–31).

Беловой автограф в письме к Б.А. Диатропову от 15 ноября 1925 г. (собрание Д.Б. Диатропова) с пометой: «Не в службу, а в дружбу: спишите стихи мои и дайте Нюре (А.И. Ходасевич. — Ред.). Я ей на днях напишу, но еще раз переписывать собственные стихи — нет сил». Ср. в письме к А.И. Ходасевич от 17 октября 1925 г.: «Я написал “Балладу”, кот<орая> мне очень нравится» (РГАЛИ).

Джон Боттом — СЗ. 1926. Кн. 28. С. 189–196. Без даты. Разночтения: 6, 3: Пришел и Боттому тогда; 37, 1: Ключи тряхнул апостол Петр.

СХ: Париж, 9 марта — 19 мая 1926.

КХ: 9 марта — 19 мая. План — еще в Chaville, одновременно с «Соррентинскими фот<ографиями>». Впрочем, задумано еще в 1923, в Saarow'e.

Английский Неизвестный солдат был похоронен в Вестминстерском аббатстве 11 ноября 1920 г., в присутствии короля Георга V, во вторую годовщину перемирия, окончившего Первую мировую войну. В рецензии на кн. 28 СЗ Ю.И. Айхенвальд писал: «Исключительной красотой обладает “Джон Боттом” В.Ф. Ходасевича. Это — в стиле старинной английской баллады выдержанное стихотворение с наивными интонациями, в своем складе и музыке напоминающее слепого музыканта Ивана Козлова. <...> надо отдаться непосредственному очарованию этих замечательных стихов о “неизвестном солдате”, на самом деле составленном из двух солдат, об этом Кто-Нибудь, об этом общем и ничьем Анониме, который, однако, имел когда-то на земле свое имя, свою жену, “Джонову жену”, и свою собственную руку, теперь замененную рукой посторонней. *Такого* упрека войне, как в этой художественной, полной мысли и чувства балладе, еще до сих пор не было сделано никем» (Руль. 1926. № 1717 (28 июля)). 31 июля 1926 г. Ходасевич написал в ответ: «...по-моему, благодарить критика за лестный отзыв — значит отчасти унижить его: ведь он пишет не ради удовольствия автора. Но на сей раз позвольте мне сделать как будто то же, да не совсем то: поблагодарить Вас не за *похвалу*, а за то что Вы, один из немногих, *поняли* моего “Боттома”: его смысла, так хорошо и точно услышанного Вами, — не понимают. Впрочем, и в этом случае слово “поблагодарить” не совсем подходит. — Мне было ужасно приятно Ваше упоминание о Козлове» (СС (96–97)–4. С. 501–502). См. также его письмо к Айхенвальду от 28 октября 1926 г. (Там же. С. 502–503).

В ст-нии Ходасевич пользуется английской балладной строфой, построенной на чередовании безрифменных четырехстопных нечетных стихов с рифмующимися трехстопными четными.

Козлов, Иван Иванович (1779–1840) — поэт, переводчик; в 1818 г. у него появились признаки паралича ног, а через три года он ослеп.

В «черной тетради» (БА) сохранился черновой автограф XXXVIII строфы, без даты, с несколькими первоначальными вариантами ее переработки.

Пошел понуро прочь.
С тех пор томится бедный Джон,
И рай ему невмочь.

С тоской.
а. [И прошептал] тихонько Джон
б. Тогда [про]сказал
С великою тоской:
«А здесь признает ли она
С чужою-то рукой?
<нрзб.>

[И от апостола] И от апостола
[Пошел понуро прочь.]
С тех пор томится бедный Джон,
И рай ему невмочь
[И]
[И от ворот]
И от ворот [в свои сады] в свои сады
Пошел понуро прочь.
С тех пор томится бедный Джон
И рай ему невмочь.

Звезды — СЗ. 1925. Кн. 26. С. 214–215. Без даты. С эпиграфом из ст-ния Г.Р. Державина «Гром» (1806): «Твои следы суть бездны звезд».

СХ: Париж, 23 сент<ября> 1925 — Chaville, 19 окт<ября> 1925.

КХ: 23 сент<ября>, Париж: начато в квартире Познера. Был с Бахрахом в театрике на rue de la Gaitée <Gaité>. Кончил в Chaville 21 февраля. Очень хорошие стихи. («21 февраля», судя по СХ и по дате первой публикации, должно быть, описка. — *Ред.*)

«Rue Gaité даже в Париже в своем роде единственная улочка. Крошечная, узкая, грязная, расположенная почти на окраине, в квартале, заселенном рабочими, ремесленниками, мелкими чиновниками <...>. На этой улочке имелось четыре театрика, не более как на 500 зрителей, столько же кино, бесчисленное количество кафе, баров, ресторанчиков, закусовых. Часов в 10–12 ночи здесь светло, как днем» (*Боровой А. Из воспоминаний «Моя жизнь» / Публ. С.В. Шумихина // Диаспора VI. Новые материалы. Париж; СПб., 2004. С. 29.*)

Познер, Соломон Владимирович (1880–1946) — секретарь Союза русских журналистов в Париже, секретарь (с 1924 по 1933 г.) Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, отец писателя В.С. Познера. О нем см.: *Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies*. 1994. I, 1. С. 269–275. Вернувшись в Париж из Медона 21 сентября 1925 г., Ходасевич жил в квартире Познера до переезда в Шавиль 1 октября 1925 г.

Бахрах, Александр Васильевич (1902–1985) — критик, журналист. О нем см.: *Переписка В.Ф. Ходасевича с А.В. Бахрахом / Публ. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение*. 1993. № 2. С. 170–205.

Шапокляк — складная шляпа-цилиндр на пружинах.

Плывет Полярная Звезда и далее — Возможно, эти строки перекликаются с образностью 13-й песни «Рая» из «Божественной комедии» Данте. См.: *Андреева И.* Неуловимое создание. М., 2000. С. 96–97.

День Четвертый — согласно Библии, в этот день Бог сотворил небесные светила: звезды, солнце и луну (Быт. 1: 14–19).

[На правом — ангелок
На левом —]
[Кто он, усталый, полусонный,]
Реши: амур — иль ангелок.

И [бантик розовый, крылатый,]
этот бант легкокрылатый
Присевший над плечом нагим
[Реши:] усталый, полусонный
сонный, розоватый
Кто ж он: Амур иль [серафим]
херувим

А этот бантик розоватый
[Ведь]
[Но]
[И]
Присевший над плечом нагим —
Кто ж он: Амур легкокрылатый?
Иль задремавший серафим?

НЕ СОБРАННОЕ В КНИГИ

В этом разделе собраны ст-ния Ходасевича, по разным причинам не вошедшие в его прижизненные сборники и ССт-27. Как правило, все ст-ния фигурируют в СХ, и мы расположили их в соответствующем порядке. Мы не включаем только ст-ние «Двор», опублик. в газ. «Сегодня». 1926. № 157 (20 июля), с подписью Ходасевича, и перепечатанное и в СС-2, и в БП, так как оно, без сомнения, принадлежит Н.Н. Берберовой. См.: *Берберова Н.Н. Стихи. 1921–1983.* Нью-Йорк, 1984. С. 30.

Осенние сумерки — Гриф. М., 1905. С. 145. Без даты.

СХ: 1904.

Беловой автограф (ЗК) с датой: 2 декабря 1904. Разночтения:

10: Мигают, как чьи-то глаза!..

11: ...Я замкнут здесь... С злобой, с любовью.

Зимние сумерки — Гриф. С. 144. Без даты.

СХ: 1904.

Беловой автограф (ЗК), под заглавием «В сумерках», с датой: 5 ноября 1904.

Разночтения:

- 3–4: Краски закатные, розово-странные,
Над куполами плывут.
6–7: Смотрят из окон огни...
Звон колокольный вливается благостно...
10–11: Так же, как я, как и тот,
Кто утешается грустными звуками,

«Схватил я дымный факел мой...» — Гриф. С. 146. Без даты.
СХ: 1904.

Беловой автограф (ЗК) с датой: 7 ноября 1904. Разночтения:

- 8: Струистым отсветом повитым.
14: К пустым полям и к чахлым травам,

Этими тремя ст-ниями Ходасевич дебютировал в печати. Позднее, в ответе на анкету «Ваше первое литературное выступление» (Новая Газета (Париж). 1931. № 1), он рассказывал: «Я был знаком с С.А. Соколовым (Кречетовым), который редактировал альманахи “Грифа”. Однажды, в самом начале 1905 г., я прочитал ему (без всякой мечты о печатании) три стихотворения. К удивлению моему (и к великой, конечно, гордости), он сам предложил их напечатать. В ближайшей книге альманаха они появились. Я навсегда остался благодарен С.А. Соколову, но думаю, что в ту минуту он слишком был снисходителен: стихи до того плохи, что и по сию пору мне неприятно о них вспоминать, хотя я писал их восемнадцати лет». Факт дебютирования этими ст-ниями удостоверяется и в СХ. О С.А. Соколове см. комм. к ст-нию «Ночи».

Отшельник — Новь. 1907. № 46 (25 февраля). Без даты. Это ст-ние (как и следующее) было напечатано под рубрикой «Молодые поэты».

СХ: 1905, лето, Лидино.

Беловой автограф (ЗК) с датой: 29 апреля 1905. Лидино; беловой автограф без заглавия (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Зимой — Новь. 1907. № 46 (25 февраля). Без даты.

СХ: 1906 4–7/ХІІ.

Беловой автограф (ЗК) с датой: 4–7 декабря 1906. Москва.

Ст. 10 — ср.: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...» (А.С. Пушкин. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», 1829). По-видимому, наиболее ранняя из пушкинских реминисценций в поэтических текстах Ходасевича.

Дѡма — Руль. 1908. № 90 (26 апреля). Без даты. Как первое ст-ние цикла «Вечера» (цикл подписан: «Вячеслав Ходасевич»).

СХ: 1908, начало.

В списке ст-ний (ЗК), под заглавием «Один», с датой: 16–17 января 1908. Москва. Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера). Возможно, машинопись представляет собой более позднюю редакцию. Разночтения:

- 3–4: Круги, спирали, росчерки, зигзаги,
Потом бегут рифмованные строчки...
- 7: В уединении навек отвергнут
- 16: Дни побегут, как ровная дорога.
- 18: Всю жизнь мою я по часам размеру,
- 20: И бытия земного не прославлю.

Мышь — Руль. 1908. № 90. (26 апреля). Без даты. Как второе ст-ние цикла «Вечера».

СХ: 1908, начало.

Ср. цикл «Мыши» (1913) в СД и «Из мышинных стихов» (Не собранное в книги). Ст-ние написано пэоном первым; ср. о «поющем» пэоне в ст-нии «Не ямбом ли четырехстопным...». Вероятно, это же ст-ние Ходасевич имел в виду, когда в очерке «Брюсов» он вспоминает: «Как он (Брюсов. — *Ред.*) радовался, когда “открыл”, что в русской литературе нет стихотворения, написанного чистым пэоном первым! И как простодушно огорчился, когда я сказал, что у меня есть такое стихотворение и было напечатано, только не вошло в мои сборники. — Почему ж не вошло? — спросил он. — Плохо, — отвечал я. — Но ведь это был бы единственный пример в истории русской литературы!» (Н. С. 41).

Весенний рассказ — Живописная Неделя (приложение к газ. «Волжский Листок»). 1908. № 18. С. 1. Без даты.

СХ: 1908, весна.

В списке ст-ний (ЗК), под заглавием «Рассказ», с датой: 25–27–29 февраля 1908. Москва.

Прощание — Кривое Зеркало. 1910. № 25 (20 июня). С. 10. С датой: 1908.

СХ: 1908, лето, Гиреево.

Верстка СД-1 (архив Л.С. Киссиной), с датой: 4–7 августа 1908. Гиреево. Разночтения:

- 1: Итак, прощай. Холодный лег туман.
- 10: Я всё забыл. Прости: всё шуткой стало,

Песня («Опрозраченный месяц повис на ветвях...») — Голос Москвы. 1913. № 132 (9 июня). Без даты.

Ст-ние отсутствует в СХ.

Беловой автограф (РГАЛИ) с датой: 1910. Разночтения:

- 6: Огибает скалистый утес
11: И не смотрит назад, но спешит, но спешит,
19: Не о рыцаре бедном пою,

Весна — Новая Жизнь. 1914. Июнь. С. 3. Без даты. Как первая часть цикла «В немецком городке» (см. прим. к ст-нию «Акробат»).

СХ: 1914, январь.

Машинопись с правкой (РГАЛИ).

Серенада. *Надпись к силуэту* — Жар-птица. 1923. № 11. С. 6. Без даты.

СХ: 1914, январь (отмечено как часть цикла вместо со ст-ниями «Весна» и «Акробат»).

Машинопись с правкой (РГАЛИ). Разночтения:

- 5: Сиренью сладко вея,
16: Мечтать — о чем-нибудь.

На седьмом этаже. *Подражание Брюсову* — Новая Жизнь. 1915. Апрель. С. 87. Без даты.

СХ: 1914, март.

Весной — Наша Родина. 1916. № 11/12 (10/23 апреля). Без даты.

СХ: 1914, март.

«Вот в этом палаццо жила Дездемона...» — Арион. Кн. 1. М.; Киев. 1915. С. 29. Без даты.

СХ: 1914 5/V.

Машинопись (РГАЛИ).

Ст-ние отсылает к воспоминаниям о пребывании в Венеции в 1911 г. См. прим. к ст-ниям «Успокоение» (1911) и «Нет ничего прекрасней и привольней...» (1925–1926). В ст-нии речь идет о так называемом «доме Дездемоны» — палаццо Контарини-Фазан на Большом канале.

О публикации ст-ния писал Ходасевич в письме к Б.А. Садовскому от 27 августа 1914 г.: «В Киеве ужасы: два целых и три десятых эстета собрались издавать журнальчик. Я дал им стишков. Экая ерунда!» (Н. С. 347).

«На мостках полусгнившей купальни...» — Альбом героев войны. 1914. № 2. С. 4. Без даты.

СХ: 1914, 16/V, Томилино.

Машинопись (РГАЛИ).

Из мышинных стихов — Аполлон. 1914. № 10 (декабрь). С. 8–9. Без даты.

СХ: 1914, 17/IX (без заглавия).

Машинопись без заглавия (РГАЛИ).

Ст-ние написано через два месяца после вступления России в войну (июль 1914 г.). В письме к Б.А. Садовскому от 9 ноября 1914 г. Ходасевич заметил: «P.S. Я послал мышинные стихи в Аполлон (т.е. о войне, одно стих<отворение>» (Н. С. 349).

«На этих прочтенных страницах...» — Наша Родина. 1916. № 9/10 (17 марта). Без даты.

СХ: 1914, 19/IX (под заглавием «Аглае»).

«На новом радостном пути...» — Общественная работа в глубоком тылу. Отчет о деятельности Центрального бюро Московской городской управы с 1 июля 1914 г. по апрель 1915 г. М., 1915. С. 251. С прим.: «Литерат<урно>-Худож<ественный> Кружок: яйцо с автографами членов Совета Общества». В статейке «Выставка яиц» сообщалось: «Остроумная идея, долженствующая вызвать новый приток средств в Центральное Бюро Управы, оказывающей помощь жертвам войны, удалась на славу. “Вся Москва” постаралась à qui mieux mieux, и образцы “яичного творчества” смотрятся с большим интересом. Хороший афоризм стоит хорошего рисунка <...>. Серии простых, белых, деревянных яиц, покрытых афоризмами, стихами, подписями, так же задерживают внимание, как и длинная вереница раскрашенных яиц» (Там же. С. 245). См. также воспоминания Ходасевича о «Кружке» в газ. В. 1937. № 4073–4074 (10 и 17 апреля).

Ст-ние отсутствует в СХ.

Черновой автограф (РГАЛИ), с попытками продолжения (в круглых скобках — варианты, не зачеркнутые автором):

(В тот день,) когда воскреснет старый Вавель,
Для славы, прерванной судьбой, —
Да не падет еврей, к<a>к Авель,
Под братской польскою рукой.

Два скорбных (чуждых) племени вмеща
В пределах горестных своих,
Ты для одних — земля (страна) родная,
Ты край изгнания — для других.

Позор перед лицом племен
Тому, кто сел за стол обильн<ый>
И оттолкнул рукою сильной
Такого ж нищего, к<a>к он!

О, Польша!

(СС (96–97)-1. С. 524)

Вавель — краковский замок, где находятся гробницы польских королей.

См. письмо Ходасевича к Б.А. Садовскому от 9 ноября 1914 г.: «Впрочем, здесь ходят слухи, будто французы устраивают “немецкие зверства” не хуже самих немцев. <...> Нет, кажется, прав я был, говоря, что во всей Европе одни мы европейцы. Верите *вы*, ибо *мы*, поляки, кажется, уже немножко режем *нас*, евреев» (Н. С. 348–349). Ср. также письмо Ходасевича к С.В. Киссину от 9 августа 1915 г. (СС (96–97)–4. С. 395–397).

На Пасхе. Отрывок из повести — Жизнь. 1918. № 10 4 мая (21 апреля). С. 4. Без даты. Пасха 1918 г. — 5 мая (22 апреля).

Ст-ние отсутствует в СХ.

Черновой автограф с пометой «начато 13 марта 1917» (РГАЛИ).

Этот отрывок представляет собой главу задуманной Ходасевичем повести в гекзаметрах. В РГАЛИ сохранился ее план: «1. Вступление. 2. Пасха. 3. Княгиня. 4. [Муки страдания] Муки. 5. Плач. 6. Похороны. 7. Дитя. 8. Заключение». Там же сохранились черновые наброски других глав. Видимо, к «Вступлению» относятся строки:

Сердце! В преданьях былого как жадно созвучий ты [ищешь]
Песне все той же заветной, которой заслушалось ныне.
Воину сладко сказанье о славных делах Александра.

Далее под цифрой III зачеркнутые строки:

[В прежние годы князя Белозеровы мало живали
В «Дедове»: только на лето князь Андрей Константиныч
В вотчину ездил с семьей — да и то не каждое лето.
Крепко его в Петербурге держали дела.]

Под цифрой II — черновик с многочисленными исправлениями. Редакторы БП дают следующую его сводку:

Скатертью белой покрыт, играл хрусталем многоцветным
Круглый обеденный стол. Над столом зажженная люстра
Слабо струила в паркет свечей розоватые светы, —
Вечер же сизый, холодный смотрел в двухсветные окна;
Стены, покрыты муаром, в серебристо-жемчужной истоме
Таяли. Тихий слуга задернул гардины. Алмазный
Блеск пробежал по столу. Серебро заиграло.

(БП. С. 411–412)

Судя по газетной публикации и этим фрагментам, действие данной «повести» происходит в конце XVIII в.; отсюда и отсылка к державинскому ст-нию

«Анакреон в собрании» (1791) в концовке «Отрывка» (эти же державинские строки использованы в качестве эпиграфа в ст-нии Ходасевича «Поэту», СД). Во 2-й строке «Отрывка» — автореминисценция: ср. начало ст-ния «Авиатору».

«Черные тучи проносятся мимо...» — Россия. 1923. № 6 (февраль). С. 9. Без даты. Под номером I (вместе с II: «Было на улице полутемно...»). Струги. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 16. С датой: Saagow, 1922 (вместе с тем же ст-нием).

СХ: Москва 1920 – Saagow, 18 нояб<ря> 922.

Черновой автограф на отдельном листе (БА) с датой: 1919–1922. Варианты:

3: (В двух вариантах, ни один из которых не соответствует печатному. — *Ред.*)

а. [В черную ночь косяком прорезают]

б. Хлесткая пыль понеслась по дороге,

5: [Совам и] Соснам и совам [вот] потеха:

ночная

7: Ты же, светляк, [заверни] свой фонарик

Беловой автограф в письме к А.И. Ходасевич от 2 января 1923 г. (РГАЛИ); черновой автограф (РГАЛИ).

В архиве А.В. Бахраха (БА) сохранился беловой автограф ст-ний «Черные тучи проносятся мимо...» и «Было на улице полутемно...», по которому они напечатаны в альманахе «Струги». Оба датированы: Saagow, 1922.

«Трудолюбивою пчелой...» — Беседа. 1923. № 1 (май/июнь). С. 9. Как третья часть цикла «Зимние стихи». С датой: Saagow, 1923. (Первые ст-ния цикла: «Встаю расслабленный с постели...» и «Сквозь облака фабричной гари...».)

СХ: Saagow, 5 февр<аля> 923 (под заглавием «Мысль»).

«Сквозь облака фабричной гари...» — Беседа. 1923. № 1 (май/июнь). С. 8–9. Как вторая часть цикла «Зимние стихи» (вместе со ст-ниями «Встаю расслабленный с постели...» и «Трудолюбивою пчелой...»).

СХ: Берлин, 4 окт<ября> 922 — Saagow, 11 февр<аля> 923.

В прим. в ССт-61 Н.Н. Берберова сообщала: «На моем экземпляре (страница из журнала) имеются два варианта, вписанные рукой Ходасевича: 9 строка: вместо “должно быть” — “быть может”. 13 строка: вместо “растущую” — “грозящую”» (С. 222).

Себе — Сполохи. 1923. № 19/20 (май/июнь). С. 1. Без даты.

СХ: Saagow, 23 апр<еля> 923 (без заглавия и с прим. в «клеенчатой тетради»).

Зачин ст-ния переключается с тютчевским «Не рассуждай, не хлопочи!...» (1850).

Черновой автограф имеется в «клеенчатой тетради» (БА). Заглавие вписано позднее карандашом. На правом поле дата: Saarow. 22.IV.923. Он весь зачеркнут. Первоначальный вариант:

Не жди, не призывай, не верь.
[Что будет — есть уже теперь.
Глаза усталые смежи,
О будущем не ворожи.]

Далее идет зачеркнутый знак разделения строф (видимо, предполагалось два четверостишия), после которого следует 2-й вариант 4-й строки и вариант окончания:

[О счастья не ворожи.
Но знай: придет твоя пора, —]
И шею брей для топора.

Затем в 1-й строке изменено «призывай» на «уповай», а строки 2–5 записаны последовательно на правом поле. Варианты:

3–4: [И веки красные] смежи,
[И ни о чем не] ворожи,

«Доволен я своей судьбой...» — Воля России. 1924. № 1/2. С. 6. Без даты. По ошибке опущена строка 14. Она восстановлена по двум известным нам автографам (см. ниже).

СХ: Saarow. 10 июня 1923 (с прим. «Отрывок»).

Ср.: «Доволен скромною судьбой...» (А.С. Пушкин. «Послание к Юдину», 1815).

Это ст-ние (под заглавием «Отрывок») было послано Ходасевичем в письме к М.М. Шкапской от 12 июля 1923 г. (РГАЛИ, архив М.М. Шкапской). Разночтение в ст. 16: И долго, долго ждать мы будем...

Второй автограф (машинопись), без даты и под заглавием «Отрывок» (ИМЛИ, архив В.Ф. Ходасевича). В письме к М.А. Фроману от 14 апреля 1926 г. Ходасевич пишет: «Зато, если у Вас есть “И весело, и тяжело”, “Не жди, не уповай, не верь”, “Доволен я своей судьбой” и “Песня турка” — выбросьте их: это наброски, неудачные, я их выбросил» (СС (96–97)-4. С. 501). Все ст-ния были, тем не менее, опубликованы самим Ходасевичем, и одно из них («И весело, и тяжело...») он даже включил в ССт-27.

Романс («В голубом эфира поле...») — Россия. 1924. № 2 (11). С. 147. С датой: Венеция, 20 марта 1924 г. В разделе «А.С. Пушкин (1799–1924)». С прим.: «Окончание Пушкинского наброска. Первые пять стихов написаны Пушкиным в 1822 году»; Последние Новости. 1924. № 1231 (27 апреля). С датой: 20 марта 1924 г. Венеция.

СХ: 20 марта 1924, Венеция.

Эта попытка продолжения пушкинского наброска находится в ряду аналогичных экспериментальных текстов русских поэтов, «продолжающих» незаконченные произведения Пушкина. До Ходасевича опыты окончания этого же наброска Пушкина были предприняты А.Н. Майковым («Старый дож», 1888: «Ночь светла; в небесном поле / Ходит Веспер золотой...») и С. Головачевским (в кн.: «Мене текел парес». М., 1906), а из современников — Г.А. Шенгели и М.А. Фроманом. В своей рецензии на сборник Головачевского (см.: Золотое Руно. 1906. № 5; подпись: Сигурд) Ходасевич привел его «искажение» пушкинских строк (СС-2. С. 28). Ходасевич упомянул Майкова и Головачевского в статье «Египетские ночи» (см.: Ипокрена. 1917. № 2. С. 33).

Ходасевич не дает традиционного, обычно принятого в его время чтения начальной строки пушкинского наброска: «Ночь светла; в небесном поле...». Он воспользовался восьмитомным собр. соч. Пушкина, вышедшим под ред. П.О. Морозова в начале XX в. (СПб.: Кн-изд. Т-во «Просвещение»; см. прим. к ст-нию «Я родился в Москве. Я дыма...»). Зачин его «Романса» оказался близок к обнаруженному позднее черновому автографу пушкинского ст-ния, опубликованному впервые Т.Г. Цявловской (см.: Вновь найденный автограф Пушкина «В голубом небесном поле» // Литературное наследство. Т. 58 (Пушкин, Лермонтов, Гоголь). М., 1952. С. 279–286). Ходасевич заменил ст. 2 на вариант, предложенный П.В. Анненковым и использованный Майковым.

Подобно предшествовавшим «продолжениям» пушкинских текстов, «Романс» Ходасевича вызвал ожесточенную полемику. Об этом говорит и письмо Горького к Ходасевичу от 10 августа 1924 г.: «Бывает у меня П.П. Муратов, милый и весьма интересный человек. <...> Муратову не нравится “Романс” в “России”, а мне — нравится. Да и он, в сущности, говорил лишь о том, что “оканчивать” Пушкина — не надо» (Новый Журнал. 1952. № 31. С. 197). Резкую критику вызвал «Романс» у А.И. Куприна (см. его открытое письмо в парижской «Русской Газете» от 3 мая 1924 г. Саркастический ответ Ходасевича см. в газ. «Последние Новости». 1924. № 1251 (22 мая)).

Тассова октава — ср.: «Но слаще, среди ночных забав, / Напев Торкватовых октав!..» («Евгений Онегин», гл. 1, строфа XLVIII), а также: «И вдали напев Торквата / Гармонических октав...» (И.И. Козлов. «Венецианская ночь», 1825); ср. также: «И слышать Тассовых октав волшебный звук...» (Е.П. Ростопчина. «Италия», 1831). Имеется в виду песнь венецианского гондольера на текст поэмы Торкватто Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» (1580–1581) (см.: Горохова Р.М. «Напев Торкватовых октав» (об одной итальянской теме в

русской поэзии первой половины XIX века) // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 82–123).

Лидо — остров, ограждающий Венецианскую лагуну от Адриатического моря.

Сохранился первоначальный набросок этого стихотворения с вариантами I, II, III и VII строф в «черной тетради» (БА). Первая строфа в автографе зашифрована:

Н. т. В. н. п.
Х. В. з.
С. Д. п. в. г.
С. д. м.

Криптограмма соответствует традиционному виду текста в изданиях Пушкина:

Ночь тиха в небесном поле
Ходит Вesper золотой
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

II строфа, которая начинается инициалами «Д. м.» (т.е. «Догаресса молодая»), соответствует в этом черновике Ходасевича печатному тексту, за исключением 3-й строки, где Ходасевич предполагал употребить эпитет «Нежной» вместо «Белой».

III строфа представлена тремя зачеркнутыми вариантами:

1. [3 нрзб.] моря
[3 нрзб.] и наконец
(Строка отсутствует. — *Ред.*)
Запевает [1 нрзб.]
им гребец
2. Плещет легкая гондола
По волнам — и наконец
(Строка отсутствует. — *Ред.*)
Запевает им гребец.
3. [3 нрзб.]
Над кормилом (?)
[1 нрзб.] повисает он

В нижнем левом углу — два стиха, относящиеся к IV строфе:

[Догарессе докучают
Звуки Т<ассовых> стихов
октав]

VII строфа в черновике представлена двумя вариантами, из коих первый настолько зачеркнут, что можно разобрать лишь разрозненные слова:

Не находят
Не ревнует
указует
Возвращаться ко дворцу.

Второй ее черновой вариант читается следующим образом:

- 1: a. [Ветер сзади]
b. [Сзади ветер]
c. [Из-за] Лидо ветер дует
d. (Как в печатном. — Ред.)
- 2: a. [И притихшему] гребцу
b. [И умолкшему]
c. (Как в печатном. — Ред.)
- 3: (Как в печатном. — Ред.)
- 4: a. [Поворачивать к] дворцу
b. (Как в печатном. — Ред.)

Всем этим наброскам предшествует начатое четверостишие, в котором, по-видимому, формулируется творческая идея, лежащая в основе «Романса» Ходасевича:

По моде скроенный, готовый
Я приобрел себе костюм
[И тем] И той <одеждой?> ложной новой
[Прикрыл] Величие пустынных дум.

«Пока душа в порыве юном...» — Беседа. 1925. № 6/7 (книжка вышла в марте). С. 140–141. Без даты.

СХ: 22 авг<уста> 1924, Holywood.

Holywood — морской курорт, пригород Белфаста; см. прим. к ст-нию «Дачное».

В прим. в ССт-61 Н.Н. Берберова пишет: «На моем экземпляре в первой строке последней строфы “А” переправлено на “Но”» (С. 222).

Первоначальный набросок, под заглавием «Начинающему поэту», с датой: 12/V 1920 (РГАЛИ):

Пока душа в избытке юном —
Ее бесстыдно обнажи.
Беспечно вверх болтливым струнам
Ее святые мятежи;
Ее заветные волнения,
Ее молитвы — без смущенья
В летучий стих переложи.

(БП. С. 413)

Сохранился черновик этого стихотворения в «черной тетради» (БА). С датой: Париж, 27 июля 24. В близком к печатному тексту виде представлены лишь две первые строфы. Варианты:

- 2: Ее [бесстыдно] обнажи.
Бесстрашно
3: Свободно вверх болтливым струнам
7: [Величие тобой открытых] истин:
Величие добытых
Несокрушимость важных

Далее в автографе следует зачеркнутая строфа, не вошедшая в окончательный текст:

женщин
Стань на колени пред одной (Склони)
И верь, что ею мир увенчан,
Как самой [избранной] звездой.
чистою

За ней — две строки, являющиеся, по-видимому, первоначальным наброском последней, V строфы:

.....
Одну постигнешь благодать:
.....
Сомкнуть уста и замолчать.

Песня турка — Беседа. 1925. № 6/7. С. 139. Без даты.

СХ: Holywood, 8 сент<ября> 1924.

Н.Н. Берберова вспоминает, что «Ходасевич считал стихотворение слабым» (ССТ-61. С. 222).

Соррентинские заметки, 1–3 — Последние Новости. 1925. № 1635 (23 августа). Без даты.

1. Водопад — СХ: Сорренто, 16 февр<аля> 1925 (без заглавия).

2. Пан — СХ: Сорренто, 18 окт<ября>1924 (без заглавия).

3. Аффродита — СХ: Сорренто, март 1925 (без заглавия).

Стихотворный цикл написан Ходасевичем на вилле Il Sorito под Сорренто, где они с Н.Н. Берберовой жили в гостях у Горького с начала октября 1924 г. по 18 апреля 1925 г.

«Я сердцеед, шутник, игрок...» — Жар-птица. 1926. № 14. С. 22. Без даты. В СХ отсутствует.

Эпиграф взят из гётевской баллады «Der Rattenfänger» («Ich bin der wohlbekannte Sænger...», 1804). Ср. разработки старинной немецкой легенды у В.Я. Брюсова («Крысолов», 1904) и в поэме М.И. Цветаевой под тем же заглавием (опубликована в ж. «Воля России» в 1925–1926 гг.). О встрече Ходасевича и Цветаевой в Праге в 1924 г. см.: Страницы былого // Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М., 1989. С. 205–206.

Ночь — СЗ. 1928. Кн. 34. С. 223. Без даты.

СХ: Париж, 11 окт<ября> 1927.

Ср. первую строфу со стихами из «Баллады» (1925): «И ангелов наотмашь бью, / И ангелы сквозь провода / Взлетают в городскую высь».

Грамофон — СЗ. 1928. Кн. 34. С. 224. Без даты.

СХ: Париж, 6 дек<абря>1927.

«Травиата» — опера (1853) Джузеппе Верди (1813–1901).

Скала — СЗ. 1928. Кн. 37. С. 226. Без даты.

СХ: 14 дек<абря> 1927. Париж. Без заглавия. Разночтение: 1: «Для вас нет у меня ни слова».

Беловой автограф находится в архиве Н.Н. Берберовой в библиотеке Байнеке при Йельском университете. В прим. в ССт-61 Берберова писала: «На моем экземпляре (рукописном) четвертая строка читается: “Друзья минувших лет!” Написано <...> после долгого разговора о символизме и символистах» (С. 223). Ср. написанную вскоре статью «О символизме» (В. 1928. № 954 (12 января); СС (96–97)-2. С. 173–177).

Ср. ст-ние А.С. Пушкина «Арион» (1827).

Дактили — СЗ. 1928. Кн. 35. С. 197–198. Без даты.

СХ: Париж, янв<арь> 1927 — 3 марта 1928.

Ст-ние написано «шестипалым», по словам автора, размером, так называемым элегическим дистихом (сочетанием гекзаметра с пентаметром), призванным, как и число строф в ст-нии и число стихов в каждой строфе, обыграть физическую особенность отца поэта, Фелициана Ивановича Ходасевича (ок. 1834–1911), имевшего на левой руке шесть пальцев. Он учился в Императорской Академии художеств в Петербурге. По мнению В.М. Ходасевич, ее дед «талантом не блистал, любил живопись, но плохо в ней разбирался. У него не было чувства цвета и тона» (Портреты словами. М., 1987. С. 22).

Бруни, Федор Антонович (1799–1875) — исторический живописец, академик, ректор Академии художеств в 1855–1871 гг.

Там, где фиванские сфинксы... — Два сфинкса, привезенные из Фив в 1832 г., стоят перед зданием Академии художеств на набережной Невы.

Там, где Вилия в Неман... — Ф.И. Ходасевич познакомился с будущей женой, Софией Яковлевной Брафман (1846–1911), мамой поэта, во время поездки в родную Литву и Польшу. См.: *Ледницкий В.* Литературные заметки и воспоминания // *Опыты* (Нью-Йорк). 1953. № 2. С. 166; по его мнению, ст. 2–3 II строфы содержат реминисценции из «Пана Тадеуша» и «Конрада Валленрода» Адама Мицкевича.

...А шестой — это я. — Ходасевич был последним из шести детей Ф.И. Ходасевича.

...скорбь о святом ремесле. / Ставши купцом по нужде... — Отец поэта, всю жизнь мечтавший посвятить себя целиком творчеству художника, должен был зарабатывать на жизнь фотографическим ремеслом в Туле (где снимал семью Л.Н. Толстого; см.: *Толстая С.А.* Дневники. М., 1978. Т. 1. После С. 352) и в Москве (открытая им студия была первой в городе).

Мир созерцает художник... — ср. ст. 7–8 ст-ния «Невеста» (1922).

В «черной тетради» (БА) сохранился автограф начала ст-ния, с датой: На-ч<ато> 22. XII. 926 Париж.

Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго,
Бруни его обучил мягкой кистью водить.
В Вильну свою возвратясь, смиренный и нищий художник,
Русских и польских церквей много он там расписал.

Среди бумаг в этом же фонде Карповича (БА) сохранился прозаический план (отдельный листок) ст-ния:

1) Художник. Вильно. Забросил. Москва, где я родился. Только на старости лет, для себя, на покое. [На муштабель неувер<енный> локоть. Подмосковные цветы да портреты внуков.]

[Без< выходные? >] Соблазны [искусства таковы — но не собл<азн?> искусством.]

Жизнь взяла свое. Собл<азн> творч<ества> — собл<азн> безвыходный.

2) Счастливец. Да счастлив. Говорит — я похож. Да, согласен на тот же путь. Но — где 6-й палец? Покой — вот счастье.

3) [Прятал, ск<рывал?>] Прятал. Скрытность — след<ствие> отказа. Помалкивал. Помню — на муштабель уже неувер<енный> локоть. Бол<ьшая> палитра. Пучок кистей. [<2 нрзб.>]. Подмоск<овные> цветы. Портреты внуков — *Для себя*.

4) Жизнь гряд<ущей> своей не предвидя — пока что шестипалым размером: сын поминает отца. А там видно будет...

Похороны. *Сонет* — СЗ. 1928. Кн. 37. С. 224. Без даты. Печатается по автографу (без даты и под заглавием «Сонет»), находящемуся в фонде Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке).

СХ: Париж, 9 марта <1928> (под заглавием «Сонет»).

В прим. в ССт-61 Н.Н. Берберова сообщает: «Было задумано как *Tour de force*, как “сонет в четырнадцать слогов”» (С. 223). Ср. «Зимняя буря» (1924), другой «моносиллабический сонет» Ходасевича. О таких «сверхкоротких размерах» см.: *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890–1925 годов в комментариях. М., 1993. С. 107–108.

Веселье — СЗ. 1928. Кн. 37. С. 225. Без даты.

СХ: Париж, 25 марта — 28 окт<ября 1928> (без заглавия).

Автограф, без даты, находится в фонде Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке).

Я — СЗ. 1932. Кн. 50. С. 232–233. С датой: 1929.

СХ: Париж, 10–11 мая <1928> (без заглавия).

В прим. в ССт-61 Н.Н. Берберова свидетельствует, что ст-ние задумано в середине 20-х годов. Автограф-машинопись, без заглавия и без даты, находится в фонде Берберовой (библиотека Байнеке). Разночтения:

2 На страшных дрогах повезут,

4 При виде [моего]¹ лица.

5–6: Оно их [страшно поразит] тайно [поразит] восхитит
И зависть странную родит.

15: Но свет, иль сумрак, дивный *том*²

17–22: (Вписаны рукой Ходасевича. — *Ред.*)

21: Ни потаенного огня,

23–26: (Зачеркнуты. — *Ред.*)

25: [Не подражайте и поэту,]

¹ Над строкой: [мертвого].

² Позднее все запятые зачеркнуты.

К Лиле. *Слатинского* — В. 1930. № 1766 (3 апреля). Без даты.

СХ: 12 марта — 30 апр<еля> 1929 (под заглавием «С латинского»).

Н.Н. Берберова пишет: «Сначала называлось “Перевод с латинского”, потом “С латинского”. Ввиду очень личного характера стихов Ходасевич хотел придать им вид перевода из другого автора. На моей копии есть даже подпись: “Перев. А. Лучинин”» (ССт-61. С. 224). Ст-ние обращено к Н.Н. Берберовой.

Кентавровая скорее кровь / В бальзам целебный обратится — по греческому мифу, жена Геракла Деянира пропитала его одежду кентавровой кровью; это стало источником мучений, заставивших его броситься в огонь. Ср.: «Покров, упитанный язвительною кровью, / Кентавра мстящий дар...» (А.С. Пушкин. «Из А. Шенье», 1835).

Тартар (греч. миф.) — подземное царство.

Марон — Вергилий (см. прим. к ст-нию «Перед зеркалом»).

Пелион — гора в Греции, родина кентавров. Условное имя адресата ст-ния отсылает к русской поэтической практике начала XIX в. (см. прим. к ст-нию «За окном — ночные разговоры...»).

В автографе-машинописи ст-ния, без даты и с подзаголовком «С латинского», в фонде Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке), есть два разночтения:

17: В беззвучный хаос погрузиться

24: На миг залюбоваться дашь.

На обороте этой машинописи рукой Ходасевича набросана запись схемы балладной формы (включая *envoi*) с заготовками рифм.

НЕ ОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ И НЕОКОНЧЕННОЕ

В этом разделе собраны ст-ния, обнаруженные в фондах Ходасевича и его знакомых (главным образом РГАЛИ) и большей частью впервые опубликованные в БП; некоторые тексты, напечатанные после его смерти, а также тексты, впервые восстановленные нами по автографам в фонде Карповича (БА) и напечатанные в СС-1. Мы также включаем описание этих автографов. За редкими исключениями, эти ст-ния в СХ не указаны. Однако в СХ перечислены четыре ст-ния, тексты которых не дошли до нас (см. ниже, раздел «Несохранившееся»).

«Я угасну... Я угасну...» — *Ходасевич В. Стихотворения* / Публ. Н.А. Богомолова // Русская литература. 1989. № 2. С. 164; БП. С. 193.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 30 октября 1904. Первое ст-ние, записанное Ходасевичем в записной книжке, куда он заносил автографы стихов 1904–1906 гг.

«Что-то нужно. Что-то нужно...» — БП. С. 193–194.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 4 ноября 1904.

Бал — БП. С. 195.

Ярхо, Григорий Исаакович (1886–1954) — переводчик; видимо, учился вместе с Ходасевичем в гимназии.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 9 ноября 1904.

Проклятый — БП. С. 196.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 16 ноября 1904.

Последний гимн — БП. С. 196–197.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 28 ноября 1904.

Часовня — БП. С. 197–198.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 4 декабря 1904.

Поздно — БП. С. 199.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 5 декабря 1904.

Обман — БП. С. 199–200.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 6 декабря 1904.

Звезде — БП. С. 200.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 15 декабря 1904. Петербург.

Мариночке — БП. С. 200–201.

Мариночке — Марина Эрастовна Рындина (см. введение к комм. раздела «Молодость» в наст. изд.).

Беловой автограф (ЗК), с датой: 2 января 1905. Лидино.

«Я опьянялся цветами мирскими...» — БП. С. 201.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 13–14 января 1905. Москва.

Иная красота — БП. С. 202.

Рындина М.Э. — см. введение к комм. раздела «Молодость» в наст. изд.

Эпиграф взят из монолога Сенеки в поэме А.Н. Майкова «Три смерти. Лирическая драма» (1851).

Беловой автограф (ЗК), с датой: 14 января 1905.

«Я не знаю худшего мучения...» — БП. С. 202.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 14 января 1905.

Достижение: 1) «На небе собираются тучи...», 2) «Я очнулся. Вдали, на востоке...», 3) «Что это? Что это? Толпы врагов?..», 4) «О золотое светило!..» — БП. С. 202–204.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 18–19 января 1905.

Достижения — БП. С. 204–205.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 22 января 1905.

Правда пробуждения — БП. С. 205.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 24 января 1905.

«И снова голос нежный...» — БП. С. 205–206.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 8 февраля 1905.

Ангелы — БП. С. 206.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 29 марта 1905.

Сближение — БП. С. 206–207.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 4 апреля 1905.

Вновь — БП. С. 207.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 16 апреля 1905; беловой автограф (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

С простора — БП. С. 208.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 2 мая 1905. Лидино; беловой автограф (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Белые башни — Русская литература. 1989. № 2. С. 164; БП. С. 208–209.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 3 мая 1905. Лидино; беловой автограф (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Счастье — Вестник Русского Христианского Движения. 1978/IV. № 127. С. 118–119. Разночтение в ст. 9: На, калека! Прочь, корона!

Печатается по беловому автографу (ЗК), с датой: 12 мая 1905. Лидино (БП. С. 209); беловой автограф в письме к Г.Л. Малицкому от 16 июня 1905 г. (см. прим. к ст-нию «Протянулись дни мои...»):

Дорогой Жорж!

Благодарю за отзыв о стихах, местами, — говорю искренно, — слишком лестный. Они того не стоят. Но раз уж ты стал снисходителен, то посылаю тебе еще стихов, которые на этот раз даже ты уже изругаешь. Очень плохи. Что ж

делать? Лучше их нет. За пожелание блага нарождающемуся детищу — спасибо, но оно умерло еще во время утробной жизни. Выражаясь языком менее медицинским, — я его бросил. Дрянь.

Итак, вот стихи. Напиши о них. Ругать не стесняйся. (Следуют тексты стиха «Счастье», «Если сердце захочет плакать...», «У людей». — *Ред.*)

Вот. Будь любезен, сообщи, что скажешь. Ты знаешь, я люблю твою критику. И не с тех пор, как получил твое последнее письмо, а раньше. Этому поверь.

Ну, целую тебя.

Твой Владислав

Мариночка кланяется.

Дорогой Жорж! Мне сегодня исполнилось 19 лет! Грустно! Ей-Богу! Мне хотелось бы всегда иметь 18.

Прощай.

В.

Пиши.

(СС-1. С. 376)

Малицкий, Георгий Леонидович (1886–1953) — музейвед, историк, ученый секретарь Государственного Исторического музея в Москве; соученик Ходасевича по гимназии, поэт-любитель. Ходасевич цитирует его стихи в гимназическом сочинении «Правда ли, что стремиться лучше, чем достигать?» (РГАЛИ).

«Если сердце захочет плакать...» — Вестник Русского Христианского Движения. 1978/IV. № 127. С. 117.

Печатается по беловому автографу (ЗК), с датой: 13 мая 1905. Лидино (БП. С. 210); белой автограф в письме к Г.Л. Малицкому от 16 июня 1905 г. (см. прим. к ст-нию «Счастье»).

У людей — Вестник Русского Христианского Движения. 1978/IV. № 127. С. 118. Разнотчение в ст. 3: Как все вокруг спешат докучно.

Печатается по беловому автографу (ЗК), с датой: Январь 1905, Москва — 15 мая 1905, Лидино (БП. С. 210–211).

Ст. 15–16 — отсылка к распятию Иисуса Христа.

Беловой автограф в письме к Г.Л. Малицкому от 16 июня 1905 г. (см. прим. к ст-нию «Счастье»); белой автограф в письме к А.Я. Брюсову от 26 июня 1905 г. (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Вечером в детской — БП. С. 211.

Валя Х. — вероятно, племянница Ходасевича, Валентина Михайловна Ходасевич; см. прим. к ст-нию «Элегия» («Дерева Кронверкского сада...»).

Беловой автограф (ЗК), с датой: 16 мая 1905. Лидино.

Песня («Над рекою...») — БП. С. 211–212.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 16 мая 1905. Лидино.

Deo ignoto — БП. С. 212.

Заглавие заимствовано из Евангелия: «И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны; Ибо, проходя и осматривая ваши святины, я нашел и жертвенник, на котором написано: “неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам...» (Деян. 17: 22–23).

Эпиграф взят из ст-ния П. Верлена «O mon Dieu vous m'avez blessé d'amour...» («О мой Боже, ты уязвил меня любовью...» — *фр.*) (1875).

Беловой автограф (ЗК), с датой: 17 мая 1905. Лидино; беловой автограф в письме к А.Я. Брюсову от 26 июня 1905 г. (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Диск — БП. С. 213.

Аполлон (*греч. миф.*) — бог солнца, сын Зевса и Лето.

Геба (*греч. миф.*) — богиня цветущей юности, дочь Зевса и Геры, виночерпий на пиру богов.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 23 мая 1905. Лидино; беловой автограф в письме к А.Я. Брюсову от 26 июня 1905 г. (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

«Ухожу. На сердце — холод млеющий...» — БП. С. 213.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 23 мая 1905. Лидино; беловой автограф в письме к А.Я. Брюсову от 26 июня 1905 г. (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Жизнь-полководец. *Marche funèbre* — БП. С. 213–214.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 24 мая 1905. Лидино; беловой автограф в письме к А.Я. Брюсову от 26 июня 1905 г. (РГБ, архив А.Я. Брюсова).

Горгона — БП. С. 214.

Горгона (*греч. миф.*) — чудовище со взором, превращающим все живое в камень.

Беловой автограф (РГАЛИ), с датой: 24–25 мая 1905. Лидино.

Друзьям — БП. С. 214–215.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 29 мая 1905. Лидино.

Ликующие — БП. С. 215.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 7 июля 1905. Лидино.

Пилат — Русская литература. 1989. № 2. С. 165; БП. С. 215–216.

Пилат, Понтий — правитель Палестины (26–36 н.э.); по Евангелию, отдал Иисуса Христа (*Сына Божия*) на распятие, умыв руки в знак своей непричастности к казни.

М. — М.Э. Рындина (см. введение к комм. раздела «Молодость» в наст. изд.).

Икар (греч. миф.) — юноша, который поднялся на крыльях, но упал, приблизившись к солнцу.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 15–16 июля 1905. Лидино. Первоначальный вариант ст. 3: Хвала же Богу за избранье!; ст. 19: И мне в безумно-смелой вере.

«Только вечером нежное...» — БП. С. 216.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 10 сентября 1905. Москва.

«Меня роднят с тобою дни мечтаний...» — БП. С. 217.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 12 сентября 1905. Москва; беловой автограф (РГБ, архив А.Я. Брюсова), с надписью: Александру Брюсову Владислав Ходасевич. С эпиграфом: Ты изменил ненайденной отчизне. *К. Бальмонт*. Ст. 4 читается: «Мы сон ночной опять переживали днем», ст. 5–6: «Ты отошел от жертвоприношений / Богам Неведомым. Пошел к богам отцов», ст. 11: «Но славлю жизнь за то, что я не стар». Его III строфа (отсутствует в ЗК):

Мы жили. Протекли мгновенья снов,
И я остался прежним, чуждым искушений,
Вдали от Дьявола, Общественных основ,
Но, соблазненный, ты вступил на путь падений.

(Минувшее: Исторический альманах. 1993. № 14. С. 383)

Брюсов, Александр Яковлевич (1885–1966) — брат В.Я. Брюсова, переводчик, поэт, писавший под псевдонимом Alexander, автор книги «По бездорожью» (М., 1907). Позднее — профессор археологии (его биография помещена в ж. «Сов. археология». 1965. № 3). В 1896–1904 гг. он учился в одном классе с Ходасевичем в Третьей московской гимназии; вторая жена Ходасевича некоторое время была его гражданской женой.

«Навсегда разорванные цепи...» — БП. С. 217.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 25 октября 1905. Лидино.

«Мы все изнываем от жизненной боли...» — БП. С. 217–218.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 19–20 декабря 1905. Москва.

Гриф — Русская литература. 1989. № 2. С. 165; БП. С. 218, где печатается по беловому автографу (ЗК), с датой: 23 декабря 1905.

Существует второй вариант ст-ния, названного «*Epistola in urbem ardentem*» («Послание в пылающий город» — лат.), с посвящением: Г<риф> (РГАЛИ);

СС-1. С. 223). В нем I и II строфы переставлены. Ст. 6 читается: Томящийся меж тяжких стен! IV строфа:

И капли мертвенного яда
Сотрет, уста прижав к устам,
Полузамершая дриада,
Родная северным лесам.

Из материалов записной книжки можно понять, что этот вариант был окончен 13 сентября 1906 г., но первоначального не отменил.

Гриф — прозвище С.А. Соколова (см. прим. к ст-нию «Ночи»). В его письме к Ходасевичу от 26 октября 1905 г., написанном на, очевидно, специально подобранной для такого случая кроваво-красной бумаге, читаем: «Милый Владислав Фелицианович и Вы, милая Заря (М.Э. Рындина. — *Ред.*)! Ничуть не удивительно, что мы, живущие среди дымного вихря, под кровавым дождем, не скоро собираемся писать письма, но Вам, в Вашем тихом осеннем ските (имение Лидино. — *Ред.*), где все часы принадлежат себе и своему раздумью, преступно забывать о дружественных людях. Когда я представляю себе Ваш задумчивый остров, с длинными аллеями, где ветер гонит, кружа, облетевшие желтые листья, с потемневшим свинцовым озером, с грустными голыми ветвями, поникшими печально, если я думаю о Ваших тихих вечерах, когда за окном ветер поет о несказанном и невозможном, хотя и знакомом сердцу, мне кажется, что это все — лишь Беклиновская картина, изящная и поэтическая неправда, художественный вымысел. Иначе думать не дает та беспощадная “правда”, которая окружает нас здесь и властно берет и внимание, и мысли, и кровь. С ней слиться и дышать в ней легко и свободно — нет сил, но нет сил и уйти от нее. С тех пор, как Вы уехали, мы живем в сплошном кровавом дыму, и каждый день кидает в поле зрения так много, что то, что была вчера, кажется бывшим давно...» (РГАЛИ; Русская литература. 1989. № 2. С. 170).

Спящей — БП. С. 218–219.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 27–28 декабря 1905. Лидино.

Забытый — БП. С. 219.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 28 декабря 1905. Лидино.

«Мы мерзостью постыдно-рьяной...» — БП. С. 220.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 19 февраля 1906. Москва.

Диалог — БП. С. 220–221.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 15 мая 1906. Лидино.

«Мой робкий брат, пришедший темной ночью...» — БП. С. 221.

Беловой автограф (ЗК), с датой: 16 октября 1906. Москва.

Афине — СС-1. С. 224, где печатается по беловому автографу (РГАЛИ);

БП. С. 222, где после текста — отточие.

Афина (греч. миф.) — вечно девственная богиня мудрости и родов.

...*богине светлоокой* — см. гомеровскую «Одиссею», песнь первую, 44.

...*рожденную без крови* — Афина родилась из головы Зевса.

Ночью — БП. С. 222.

Марина — М.Э. Рындина (см. введение к комм. раздела «Молодость» в наст. изд.).

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

В снегах — БП. С. 223.

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты. Ст. 13 первоначально был: И небо кровью окропит закат.

Парки — БП. С. 223.

Парки (римск. миф.) — богини судьбы, изображавшиеся в виде трех старух, прядущих нить человеческой жизни.

Беловой автограф (РГАЛИ), с датой: 22 февраля 1907. Москва.

Горе — БП. С. 223–224.

Беловой автограф (РГАЛИ), с датой: 4–5 марта, 1907. Москва.

«Люблю говорить слова...» — СС-1. С. 223–224.

Беловой автограф (РГАЛИ), с датой: 30 апреля — 22 мая 1907. Лидино.

«Плащ золотой одуванчиков...» — БП. С. 269.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 28 мая 1907. Лидино.

Одинокая — БП. С. 225.

Беловой автограф (РГАЛИ), с датой: 25 июня 1907. Лидино. Между строфами IV и V первоначально была еще одна:

Там, где песочная яма,
Ждет мой любовник, тоскует.
Выйду — он просто и прямо
В губы меня поцелует...

«Когда истерпится земля...» — БП. С. 269–270.

Источник эпиграфа не установлен. Гоголевские писания и письма 1840-х гг. (в частности, адресованные Н.М. Языкову, С.П. Шевыреву, М.П. Погодину, и др.) изобилуют подобными призывами. Согласно комм. Н.А. Богомолова, фраза, возможно, восходит к «Выбранным местам из переписки с друзьями», из статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844): «На колени перед Богом, и проси у Него Гнева и Любви!» (СС (96–97)-1. С. 526).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: Июль 1907. Лидино.

На прогулке — БП. С. 225.

Беловой автограф (РГАЛИ), с датой: 8–9 июля 1907. Лидино.

«Гремите в литавры и трубы, веселые люди!...» — БП. С. 226.

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

«О, горько жить, не ведая волнений...» — БП. С. 227.

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

Розы — СС-1. С. 226.

Видимо, обращено к Е.В. Муратовой (*царевна*; см. прим. к ст-нию «Матери») и, следовательно, должно быть отнесено к 1910–1911 гг.

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

Театр. Месть — БП. С. 231.

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

«О старый дом, тебя построил предок...» — БП. С. 270.

Незаконченный сонет; в оригинале оставлено место для пяти строк.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

«Зазвени, затруби, карусель...» — БП. С. 270–271.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

Раскаяние — БП. С. 271.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 4 ноября 1911. Арбат, 49.

Случайность — БП. С. 271–272.

Возможно, между строфами III и IV — пропуск.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

Романс («День серый, ласковый, мне сердца не томи...») — СС-1. С. 227.

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

«Подпольной жизни созерцатель...» — Русская литература. 1989. № 2. С. 167; БП. С. 234.

СХ: 1914, 27/V, Томилино.

Машинопись (РГАЛИ).

Последние две строки ст-ния «Я знаю все людские тайны...» (21 июня 1921 г.) являются повторением концовки этого ст-ния.

Сон — БП. С. 235–236.

СХ: 1914, 11/IX.

Машинопись с правкой (РГАЛИ), с датой: 11 сентября 1914. Москва. Ст. 30 первоначально был: По направлению к роще. Ст. 36 вписан от руки.

П. С<ухоти>ну («Стыд неучтивому гостю, рукой отстранившему чашу...») — Русская литература. 1989. № 2. С. 167; БП. С. 272.

Сухотин, Павел Сергеевич (1884–1935) — поэт, автор книги «Стихотворения. Польша» (М., 1914); драматург, искусствовед; секретарь журнала «София».

Вакх (римск. миф.). — см. прим. к ст-нию «Вакх».

Флора — богиня растительности.

Дерзкою волей певца... — ср. «Дактили», 5: Мир созерцает художник — и судит, и дерзкою волей, / Демонской волей творца — свой созерцает иной.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 1914.

Поэту-пролетарию — БП. С. 272.

Байрону, Пушкину вслед... — т.е. поэт так же гордится своим пролетарским происхождением, как Байрон и Пушкин гордились древностью своего дворянства.

Терпуг — род напильника.

Шульговский, Николай Николаевич (1880–1937?) — автор книги «Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения» (СПб.; М., 1914). См. рец. Ходасевича на нее: Поэту или читателю? // София. 1914. № 4; СС-2. С. 163–165.

Брюсов и Белый — имеются в виду как теоретики стихосложения.

Черновой автограф (РГАЛИ), на одном листе со ст-нием «П. С<ухоти>ну», теми же чернилами. Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера) под заглавием «М.Г<ерасимову?>», где последняя строка: Много ль тебе до певца? Стань чудотворцем — и всё.

В воспоминаниях «Пролеткульт» Ходасевич писал следующее о Герасимове, Михаиле Прокофьевиче (1889–1939), сыне железнодорожного рабочего: «Меня попросили написать статью о книжке стихов Герасимова. Он был не совсем новичок в литературе — еще в 1915 г. я довольно сочувственно отзывался о нем в “Русских Ведомостях”. Я согласился и написал о Герасимове то, что думал, т.е. что человек он даровитый, но пока еще целиком зависит от своих учителей-

символистов, преимущественно от Блока и Брюсова» (В. 1937. № 4062 (23 января); СС (96–97)-4. С. 225). Статья Ходасевича о книжке стихов Герасимова: Стихотворная техника М. Герасимова // Горн. 1918. № 2/3; СС-2. С. 301–304.

Бювар — СС-1. С. 225.

СХ: 1915, 5/П.

Леила — условное имя из поэзии пушкинского периода.

Машинопись с правкой (РГАЛИ), с датой: 5 фев<раля> 1915.

Утро («[Как мячик,] скачет по двору...») — БП. С. 273.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 16 мая <1915>.

Моисей — СС-1. С. 225–226.

СХ: 1915, 30/V.

Моисей (библ.) — древнееврейский пророк, выведший еврейский народ из Египта; во время скитаний евреев по Синайской пустыне иссек жезлом воду из скалы (Исх.: 17, 1–7).

Егова (Иегова, Ягве) — имя Божье у еврейского народа.

См. в письме Ходасевича к С.В. Киссину от 28 июля <1909 г.>: «Я, конечно, не происхожу от Моисея, а от какой-нибудь иерихонской сволочи. Но нельзя ли назвать Моисея моим предком? Сия поэтическая вольность мне необходима. К тому же — неприятность родственникам. Как думаешь? Из-за этого “страха иудейска” у меня застряли стихи!» (цит. по: *Киссин С.* (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 206).

Машинопись с правкой (РГАЛИ), с датой: 1909 — 30 мая 1915.

S. Pario — БП. С. 238–239.

СХ: 1911, июнь — 1915 дек<абрь>.

S. Pario — по-видимому, местечко в Италии, которое Ходасевич посетил в 1911 г.

Машинопись с правкой (РГАЛИ), с датой: Июнь 1911 — декабрь 1915. Второй экземпляр машинописи (РГАЛИ). Черновой автограф первых 20 строк, разбитых на четверостишия (РГАЛИ).

«С грохотом летели мимо тихих станций...» — БП. С. 273.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

«Помн<ю>, Лила, наши речи вкрадчив<ые>...» — БП. С. 273–274.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

«У черных скал, в порочном полусне...» — БП. С. 274.

Темира — см. прим. к ст-нию «За окном — ночные разговоры...».

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

«Сойдя в Харонову ладью...» — БП. С. 240.

Харон — см. прим. к ст-нию «К портрету в черной рамке».

Беловой автограф (РГАЛИ), без даты.

Пэон и Цезура. *Трилистник смыслов* — Русская литература. 1989. № 2. С. 168; БП. С. 241.

СХ: 1916, 14/1 («Цезура» — с прописной буквы).

Пэон — здесь в значении регулярного пропуска метрического ударения на четвертом слоге (ср. прим. к ст-ниям «Мышь» и «Не ямбом ли четырехстопным...»).

Цезура — регулярная внутристиховая пауза.

О ст-нии см.: Мазур С.Ю. Эротика стиха. Герменевтический этюд // Даугава. 1990. № 10. С. 88–94. См. также: Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 106–107.

Машинопись (РГАЛИ).

Отчаянье — БП. С. 274.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 31 июля 1916. Там же — еще один вариант ст-ния:

Уж траурный ангел торопит
Земное кончать бытие,
А жадное сердце всё копит,
Всё копит богатство свое.

И днем, и в полуночной тени
Как будто подземный скупец
Червонцы прожитых мгновений,
Считая, бросает в ларец.

Когда же глухое биенье
Замедлит порой он слегка,
Отчетливей слышно паденье
Червонца на дно сундука.

[А ночью, когда привскочу я,
Ужасным разбуженный сном]

Есть и вариант II строфы:

В подземной, таинственной сени
Багряный, горбатый скупец

Червонцы прожитых мгновений,
Считая, бросает в ларец.

(БП. С. 420)

См. прим. к ст-нию «Сердце».

Santa Lucia — БП. С. 275.

Santa Lucia — популярная итальянская песенка.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: Март — 13 ноября 1916.

«**Полно рыдать об умершей Елене...**» — БП. С. 275.

Ср. в очерке Ходасевича «Город разлук. *В Венеции*»: «О, легкие тени венецианского утра! Вы, похожие на людей, — только лукавые призраки. Не в жутком сумраке ночи, но в добела раскаленном и трепетном воздухе дня проплываете вы, словно из кулисы в кулису. Да, из сырого Аида поднялись вы сюда, на поверхность земли, еще раз погреться на солнце, мелькнуть и исчезнуть. Знаю, любо вам обмануть наивного путника, на миг облекшись воздушной плотью, ибо велика ваша тоска по земле и велика жажда проникнуть в круг тех, кто живет. Привет вам!» (Московская Газета. 1911. № 114 (23 сентября); СС-1. С. 82–83; СС (96–97)-3. С. 12).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 1916.

Про мышей. Вечер — БП. С. 241–242.

Ст-ние писалось для книги для маленьких детей, задуманной К.И. Чуковским. См. в письме Ходасевича к нему от 13 ноября 1916 г. (СС (96–97)-4. С. 407) и прим. к нему (С. 630–631). Ср. в письме от 9 декабря 1916 г.: «“Мышей” я все еще не доделал, но мечтаю сделать на днях» (РГБ, архив К.И. Чуковского). Персонажи этого ст-ния присутствуют также в цикле «Мыши». См. в письме к А.И. Ходасевич от 20 июня 1916 г.: «Сырник приехал только вчера. <...> Свечник тоже сюда собирается, но его задержала какая-то работа. То же и Книжник: никак не может догрызть какую-то книгу: очень жесткая. Должно быть, Вячеславова» (РГАЛИ).

Бараночник — А.И. Ходасевич.

Машинопись с правкой (РГАЛИ), с датой: 6 февраля 1917. Черновой автограф (РГАЛИ).

Другой вариант начала:

Пять лет уже прошло, как я живу с мышами.
Приязнь великая наладилась меж нами.
Да что и ссориться? Я этим не грешу:
Они себе шуршат, а я себе пишу.
То пошумят в шкапу, то за диваном... Ладно!

Ворон — БП. С. 277–278.

Клевал глаза в Карпатах — имеются в виду ожесточенные бои против австрийских войск в Карпатских горах во время Первой мировой войны.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 17 декабря 1917.

«Ты о любви мне смятенно лепечешь...» — БП. С. 278.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 25 февраля, 19 декабря 1917.

Буриме («Огни да блески на снегу...») — БП. С. 278–279.

Буриме — см. прим. к ст-нию «Буриме. Для второго изд<ания> “Сч<астливого> Домика”».

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты. Рифмы записаны рукой А.И. Ходасевич.

«Я родился в Москве. Я дыма...» — БП. С. 279.

Ср. второй вариант ст-ния: «Я родился в Москве. Я дыма...» (25 апреля 1923, Saagow).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 1917.

«Хорошие стихи меня томят...» — БП. С. 280.

...истинно приятный лимонад — см.: Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна, / Как летом вкусный лимонад (Г.Р. Державин. «Фелице», 1782).

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

«Я знаю: рук не покладает...» — БП. С. 280–281.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты. В архиве сохранился еще один черновой автограф с датами работы: 3 дек<абря> 917, 4/XII 917 (наброски первых трех строф), а также перебеленный автограф строф I и III.

Пятое четверостишие в СС-1 (С. 228), как и в списке у С.В. Поляковой (Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166), отсутствует. В СС-1:

10–12: Алеют щеки, снег скрипит —
И белый голубь из-под крышки
В лазурь прозрачную летит.
15: А вслед ему светло и лихо

Ср. ст-ние «2-го ноября».

«Я гостей не зову и не жду...» — БП. С. 281.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 6 января 1918. Первоначальные наброски под заглавием «Сочельник», с датой: 15/XII 917.

«За шторами — седого дня мерцанье...» — БП. С. 281.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 9 января 1918.

Современнику — БП. С. 282.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 27 февраля/12 марта 1918.

Призраки — *Богомолов Н.А.* К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 180.

Без названия; БП. С. 282.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 22 марта 1918.

Голубок — СС-1. С. 228, где ст. 1 читается: Ты раскрыла дверцу клетки; БП. С. 282.

Традиционно на праздник Благовещения (25 марта/7 апреля) выпускают птиц на волю. Ср. ст-ние А.С. Пушкина «Птичка», 1823.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 16–17 апреля 1918.

«Дрожит вагон. Заледенелых окон...» — Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 165. Печатается по списку у С.В. Поляковой, с датой: Июнь 1918.

«Пейте горе полным стаканчиком!...» — БП. С. 283.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

«Судьей меня Господь не ставил...» — БП. С. 283.

Черновой автограф (РГАЛИ) в тетради 1917–1918 гг.

«Давно пора сказать тебе открыто...» — СС-2. С. 462.

«Клубится пар над суповой миской...» — СС-2. С. 463.

«Когда во все концы земли...» — *Андреева И.* Неуловимое создание. М., 2000. С. 73.

Набросок находится рядом с черновиком ст-ния «Полдень» (1918).

«Раскрыты двери настезь. Гроб дубовый...» — СС-2. С. 463.

«Я не старик, ты не старушка...» — Новое литературное обозрение. 1991. № 2. С. 165. Печатается по списку у С.В. Поляковой, без даты.

«Вот смотрите: я руку жгу...» — СС-1. С. 229. Без даты.

«Редея, леса червленеют...» — БП. С. 283.

Персефона (греч. миф.) — богиня подземного царства.

Застигийский — от названия реки подземного царства — Стикс (*греч. миф.*).

Черновой автограф (РГАЛИ). Без даты. Первоначальный вариант под заглавием «Осеннее приношение» (РГАЛИ).

В СС-1 (С. 229) опубликована только I строфа. Разночтения:

1–2: Леса, червленея, редеют,
Сгорая в незримом огне;

В списке у С.В. Поляковой (см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166) после первых шести стихов в скобках идут строки:

В грядущую долгую зиму
В айдесской мгле
Тебе вспоминать сокрушенно
О милой, родимой земле,
А мне ледяные узоры
Следить на морозном стекле.

Отрывок в этом списке датирован маем–июнем 1918 г.

«Жестокий век! Палач и вор...» — БП. С. 284. СС-1. С. 230–231.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты. Был эпиграф (потом зачеркнут): «Жрецы ль у вас метлу берут?».

В списке у С.В. Поляковой (см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166) после 9-го стиха читается дополнительно: Среди родни неблаго-родной.

«Мы вышли к морю. Ветер к суше...» — БП. С. 284. СС-1. С. 229.

В СХ записано: «В альбом (Скажите: совершая путь...) 1916, 29/IV», по-видимому, не опубликовано. Нам неизвестно, идентичны ли эти два ст-ния.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: Апрель 1916 — 22 июня 1919.

Листик — БП. С. 284–285.

Черновой автограф (РГАЛИ), с пометой: Нач<ато> 6 июля 1919.

В списке у С.В. Поляковой (см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 167) с вариантами в скобках:

5–7: Как семя мучится в земле (мучилось),
Пока не даст росток (пока прозяб).
Как трудно движется в стебле (двигался)

«В городе ночью...» — Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 180; БП. С. 285.

См. прим. к ст-нию «Высокий, молодой, сильный...».

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 7 сентября 1919.

«Высокий, молодой, сильный...» — БП. С. 285–286.

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера), с датой: 7 сентября 1919.

На машинописи — помета: «С немецкого». Не исключено, что ст-ние (как и ст-ние «В городе ночью...», также написанное верлибром) действительно является переводом.

Стансы («Во дни громадных потрясений...») — СС-1. С. 230; БП. С. 286.

СХ: 25/XI — 4/XII 1919.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 25/XI — 4/XII 1919. Эта рукописная копия имеет отброшенный вариант II строфы:

Доволен малым будь! Кончину
Спокойно жди, живи в тиши
И тихо на весах души
Взвесь золотую середину.

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера), в которой ст. 1 читается: Во дни народных потрясений. Без даты. В списке у С.В. Поляковой (см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166):

1–2: Во дни народных потрясений
Душе ясней сквозь хворь и боль

«Душа поет, поет, поет...» — СС-1. С. 231; БП. С. 287.

СХ: 5/XII 1919.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«В семнадцать лет, когда до слез, до слез...» — БП. С. 287.

Марина — М.Э. Рындина (см. введение к комм. раздела «Молодость» в наст. изд.).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 20 декабря 1919.

«Двусмыслица, прекрасная царевна...» — СС-2. С. 463.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Вот уж дым всклубился черный...» — СС-2. С. 464.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Я помню в детстве душный летний вечер...» — Памир. 1988. № 3; БП. С. 287–288, где печатается по черновому автографу (РГАЛИ). После слов «Всем показала зад» следовало зачеркнутое:

Меня позвали
Со Степкою, приятелем моим,
Шипулинской кухарки сыном, мы убрали
В сарай велосипед мой трехколесный,
Служивший мне конем, когда въезжал я
Торжественно, как Николай Второй.

Ст-ние относится к ряду ст-ний в ПЗ, написанных белым стихом. См. описание двора, где прошло детство Ходасевича, в автобиографическом очерке «Младенчество» (СС (96–97)–4. С. 200, 203–204).

«Четыре звездочки взошли на небосвод...» — Вестник Русского Христианского Движения. 1978/IV. № 127. С. 123.

Печатается по авторизованному списку рукой А.И. Ходасевич с правкой В.Ф. Ходасевича (архив И.И. Ивича-Бернштейна), с датой: 21/I. 920.

Рукой Ходасевича приписан и эпиграф; он взят из письма (1865–1866) Н.А. Огаревой к А.И. Герцену, опубликованного в сб. «Русские пропилеи», под ред. М.О. Гершензона. Т. 4 (М., 1917). С. 292. (В предисловии редактор выражает «искреннюю благодарность В.Ф. Ходасевичу за добрую помощь в настоящей работе».) Его же рукой сделана комментирующая эпиграф и следующая за стихотворным текстом помета: «В сер<едине> 60-х годов Нат<алья> Алексеевна Огар<ева>, подразумевая себя самое, Герцена, его покойную жену и Огарева, писала Г<ерце>ну. Вот эти слова и служат эпиграфом к моим стихам».

Ходасевичем же внесены изменения в стихотворный текст, записанный здесь А.И. Ходасевич:

3: На тайный рок в [их неуклонный ход]
16: Ни жизнь, ни смерть [уже] не разделила.

21 января 1920 г. Московский союз писателей устроил в помещении Малого театра вечер памяти Герцена. В программе 1-го отделения читаем: «Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, Андрей Белый и Владислав Ходасевич: Стихотворения — “Герцену”. Прочтут авторы». Ст-ние, надо думать, написано Ходасевичем специально для этого вечера. См. описание другого вечера во время этих «герценовских торжеств» в очерке Ходасевича: Парижский альбом. VI // Дни. 1926. № 1063 (25 июля).

«Надо мной в лазури ясной...» — СС-1. С. 231; БП. С. 288.

I строфа — пушкинский черновой набросок (1830?).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 25 апреля 1920.

«В беседе хладной, повседневной...» — Наше Наследие. 1988. № 3. С. 80.

Относится к Е.В. Муратовой (см. прим. к ст-нию «Матери»). См. ее воспоминания: Встречи (В.Ф. Ходасевич) // Неуловимое создание. С. 121–123.

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 13 июня 1920.

В списке у С.В. Поляковой (см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166) разночтения:

1: В беседе [скудной] [бедной] повседневной

5: Увы! Стареем, милый друг.

добрый

После ст. 10 в скобках: Раскрыв «Счастливый домик» мой.

В другом автографе, с незначительными разночтениями, начало ст-ния датируется: 20. IV. 1920 г. (см.: Киссин С. (Муни). Легкое бремя. М., 1999. С. 373).

«Апрельский дождик слегка накрапывал...» — Русская литература. 1989. № 2. С. 169; БП. С. 289.

По всей вероятности, это ст-ние памяти Муни (см. прим. к ст-нию «В моей стране»).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 24 июня 1920.

Незначительные разночтения см.: Киссин С. (Муни). Легкое бремя. С. 374.

«Страшны туманные поляны...» — Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 165. Печатается по списку у С.В. Поляковой, с датой: Июнь 1920.

Относится к Е.В. Муратовой (см. прим. к ст-нию «Матери»).

Ср. другой автограф (РГАЛИ), с датой: 20 апреля 1920:

Еще причуды не иссякли
В стихах извилистых моих
[Ты узнаешь себя, не так ли?]
Но в этой притче каждый стих
Весь о тебе поет.

.....

Ты узнаешь себя, не так ли,
В моем фонарике?

(Неуловимое создание. С. 15)

«Я хожу по острым иголкам...» — Киссин С. (Муни). Легкое бремя. С. 373.
Черновой автограф, с датой: 19. IX. 1920.

«Нет, не хочу ни пышной славы...» — СС-2. С. 464.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Люблю в природе — рост и тленье...» — СС-2. С. 464.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Постой, товарищ, — погляди-ка...» — СС-2. С. 464.

Возможно, набросок ст-ния «Пускай минувшего не жаль...» (ТЛ).

Черновой автограф (РГАЛИ)

«Я помню вас, дары богов...» — *Киссин С. (Муни)*. Легкое бремя. С. 374.

Другой (сокращенный) вариант: Неуловимое создание. С. 58. СС-2. С. 464.

Относится к Е.В. Муратовой (см. прим. к ст-нию «Матери»).

Черновой автограф (РГАЛИ), с датой: 5 июня 1920.

Сонет («Своих цепей так не расторгнешь, нет!...») — БП. С. 244–246.

СХ: 8–17 июня 1921. П.Б.

Ерихонские (Иерихонские) *трубы* — согласно библейской Книге Иисуса Навина, «Иерихон заперся, и был заперт от *страха* сынов Израилевых <...> Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена *города* до своего основания...» (Нав. 5:16; 6:19).

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера). В списке у С.В. Поляковой (см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 166), разночтение в ст. 4: Закрой глаза и складывай сонет.

«Я знаю все людские тайны...» — Русская литература. 1989. № 2. С. 171.

СХ: 21 июня 1921. П.Б.

Ср. в письме к А.И. Ходасевич от 3 февраля 1922 г.: «Я, брат Мышь, под людьми вижу землю на три аршина. Под тобой, прости меня, — тоже. Теперь я — Медведь, который ходит сам по себе. <...> Теперь хожу я один, и нет у меня никого, ради кого стоит ходить по легким дорожкам. Вот и пошел теперь самыми трудными, и уж никто и ничто, даже ты, меня не вернет назад» (СС (96–97)-4. С. 441).

Концовка этого ст-ния является повторением последних двух строк ст-ния «Подпольной жизни созерцатель...» (27 мая 1914 г.).

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера).

«В каком светящемся тумане...» — БП. С. 246.

СХ: 21 июля 1921. П.Б.

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера).

Т-ой («Моим ты другом быть не хочешь...») — БП. С. 246.

СХ: ПБ. 23 окт<ября> 921.

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера).

«Не люблю стихов, которые...» — БП. С. 247.

СХ: ПБ. 13 дек<ября> 921.

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера).

«Иду, вдыхая глубоко...» — БП. С. 289.

Черновой автограф (РГАЛИ), без даты.

Автограф первых четырех строк (архив А. Ивича-Бернштейна; СС-1. С. 232), без даты и с разночтением в ст. 2: Болот петровских испаренья. Под наброском — список ст-ний из ТЛ: «День», «Психея! бедная моя!..», «Душа», «Из окна», «Из дневника», «Буря», «Люблю людей, люблю природу...», «Гостю», «Пускай минувшего не жаль...», «Ласточки», «Когда б я долго жил на свете...», «Смотрю в окно и презираю...» (ст-ние «День» позже было поставлено между ст-ниями «Из дневника» и «Буря»). Поэтому можно предположить, что эти строки были написаны летом 1921 г. в Петрограде когда Ходасевич готовил свой новый сборник.

На оборотной стороне того же листа — наброски отдельных строк:

«Счастливый домик!»

[Наш] Он разрушен

.....

Что делать!

Для не будет песен, нет

Строки 3–4 процитированы Ходасевичем (без указания автора) в мемуарной статье о петроградском Доме Искусств (см.: «Диск» // В. 1939. № 4178, 4179 (7 и 14 апреля); СС (96–97)-4. С. 274).

«Я сон потерял, а живу как во сне...» — СС-1. С. 232.

Черновой автограф (архив И.И. Ивича-Бернштейна). Без даты. Первые две строфы и зачеркнутая, неоконченная строфа отделены от последних трех продольной чертой. Далее в автографе — зачеркнутый (и неразборчивый) набросок другой строфы. Первоначальные варианты предпоследней строфы:

И падают звуки, и сердце горит,

[Весь] [И] мир [предо мною] в осколки летит.

Над словом «бреду» в предпоследней строке Ходасевич написал «аду»; это слово, видимо, можно рассматривать как равноправный вариант.

В том же архиве сохранились четыре фрагмента (также 1921 г.), не имеющие никакого отношения к этому наброску. Ниже приводятся тексты этих фрагментов.

Первый и второй из них (на одном листе):

От этой книги смертью веет.
А все
И томно
[Земное] сердце тяготеет
К земле.

Далее после знака разделения и продольной черты:

Но

земным пристрастьем
С [любовью к жизни] неразлучна
К тебе,

Когда ж умру — разлукою
твердь.
[Мне] [Так! Без тебя, мой друг —]
Так! Видно, без тебя, подруга,
И жизнь не в жизнь, и смерть не в смерть.

Третий и четвертый фрагменты — на двух отдельных листах.

Третий фрагмент:

[Ты, сердце, хочешь одного:
Покоя.]
[Когда б я мог слышать снова
Твой голос]
[Воздушным пламенем объятый,]
[купол золотой]
[<нрзб.>]

Четвертый:

горенья
Горю — от моего [сгаранья]
[дальнем]
[Вам в этом сумраке светлей.]

[Страдаю] —
Пою — и ваше очищенье

Далее после знака разделения:

Боль. Страд<анье?>
И ваши сердца
Оно(а) пропитывает пряно
И уязвляя и целя,

горький горького
Как томный аромат циана (— запах томного)
От сорванного миндаля.

«Косоглазый и желтолицый...» — БП. С. 290.
Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера), без даты.

«Вот повесть. Мне она предстала...» — КМ. С. 184.

Приводится в следующем контексте: «И мы говорили с ним о других неоконченных стихах и о том, что я могла бы, может быть, продолжить одну его начатую поэму, которую он никак не может дописать <...>. Я взяла бумагу и карандаш и, пока поезд медленно шел от одного пограничного контроля к другому, приписала к этим его четырем строкам свои четыре:

Так из руки твоей горячей
В мою переливалась кровь,
И стала я живой и зрячей,
И то была — твоя любовь».

«Мечта моя! Из Вифлеемской дали...» — Воздушные Пути (Нью-Йорк). 1965. № IV. С. 120; СС-1. С. 234–235.

Публикуется здесь, как и в СС-1, по черновому автографу, без даты, находящемуся в «клеенчатой тетради» (БА) среди ст-ний, датированных ноябрем 1922 г.

I строфе предшествовало:

[Затихло все. Безмолвию послушна,
[Ночь]
Звездоочитая]
[В безмолвии созвездия вела.] велела могла
Но был сердит Иосиф простодушный
И всё от яслей прочь толкал осла.

Кто б ни кричал в руках у повитухи, —
Трибун, поэт или простой торгаш, —
Над ним
Всезвездные над ним клубятся духи,
вьются
[<витают?>]
роятся

[И говорят с улыбкою: он] наш!
И ангелы вызывают громко:
[ликуя, кличут]

И в ту лазурь, и в то время
Системою рассéченных шаров
Врезаются сквозь годов —
Младенца опрок<инутое> темя
И синева моск<овских> куполов
маковки

И в ту лазурь, и в то былое время
[Пересеченьем]
Системой полушарий и шаров
Врезаются — живот, небесный кров,
Младенца опрокинутое темя
И синева московских куполов
[маковки]

А

Вслед за этими набросками в тетради — строки, очевидно к ст-нию «Пыль. Грохот. Зной. По рыхлому асфальту...» никакого отношения не имеющие. Они датированы: 30 окт<ября> 922. Берлин:

Настроили, нагромоздили,
Взлетели в воздух, просверлили
И землю самую.

«Старик и девочка-горбунья...» — СС-1. С. 235–236.

Черновой автограф в «клеенчатой тетради» (БА). Автограф не датирован, но находится среди берлинских ст-ний конца 1922 г. и по тематике примыкает к ним. Разночтения:

3: Поет [печальная] певунья
6–7: [Вокруг] прохожие спуют...
Довольно! Рощи не бывают,

«Помню куртки из пахучей кожи...» — СС-1. С. 236–237.

Черновой автограф в «клеенчатой тетради» (БА) записан на одной стороне листа в два столбца. Два слоя правки чернилами и карандашом. Весь текст перечеркнут одной карандашной чертой. В конце проставлена дата: Saarow, 28–29 янв<аря> 923. Первоначальное расположение строф было: I, II, III, IV, VI, V, VII. Разночтения:

- 1: Помню куртки из скрипучей кожи,
2: (Первоначально начиналась: [Тру<пный?>]. — *Ред.*)
5: [Разве мы тогда] — боролись!
[Или] [плохо]
7–8: То ли бы [пробил] и т.д.
То ли бы [спустились греться] в ад.
10–11: Кто бы это видел сквозь туман?
[Что там]
А теперь? Как вспомнишь, — злое слово,
[право]
17: Выползли на берег крабы
[слабы]
24: (Под строкой записано и зачеркнуто:
А уж нас под <вью?>, капитан!
Если правду молвить, капитан. — *Ред.*)
25: [И] тебе одно теперь осталось:
Что ж?

Ср. черновой набросок 1919 г. (РГАЛИ):

Ходим в куртках из скрипучей кожи,
Курим трубки, мерзнем, ждем пайков...
Знаешь ли? — давно мы все похожи
На хороших, честных моряков.

К полюсу, скрипя под крепкой стужей,
Наш корабль идет еще, идет, —
А за ним смыкается все туже
Полосой непроходимой лед.

День за днем — суровой, многотрудней
.....
Вот он, ровный свет полярных будней:
Ни надежд, ни лишней суеты.

Скоро нас затрет. Тогда мы сядем
В узенькие сани, как в гроба,

На собаках ремешки приладим
И поедем. Черная труба

Скроются оснеженные рей
(БП. С. 423)

Некоторые соображения о связи с Пастернаком см.: *Богомолов Н.А. Ходасевич и Пастернак: ранние пересечения // The Real Life of Pierre Delalande. Stanford, 2007. Pt. 1. С. 242–245.*

«Раскинул над собой перину...» — Воздушные Пути (Нью-Йорк). 1965. № IV. С. 121; СС-1. С. 237–238, где публикуется по черновому автографу в «клеенчатой тетради» (БА), с датой: Нач<ато> Сааров, 1 марта 1923.

Справа, напротив 1-й строфы, зачеркнут вариант начала:

Я с<ейчас?>
Сейчас сосредоточу что-то
Над переносицей, во лбу.
Трудна лишь первая дремота

- 9: а. [Сейчас и я начну] считанья
b. [Пора и мне в мои]
с. [Начнитесь, вечные]

За III строфой следует неоконченный набросок IV строфы:

Разваливается сознание, [Соз]
[За лепестками лепесток,]
Как [разопревший артишок,]
перепревший
Роняющий
[Как]
За лепестками лепесток

«Мулатка с крупными ноздрями...» — СС-1. С. 238.

Черновой автограф в «черной тетради» (БА), с датой: Нач<ато> 27.III.923. Сааров. Набросок был начат в день завершения работы над стихами «Весенний лепет не разнежит...» (ЕН) и «И весело и тяжело...» (ПЗ).

«Я родился в Москве. Я дыма...» — СС-1. С. 239.

СХ: Сааров, 25 апр<еля> 923, с прим. «(в клеенчатой тетради)».

Восемь томиков — Сочинения и письма А.С. Пушкина: В 8 т. / Под ред. П.О. Морозова. СПб.: Изд. т-ва «Просвещение», 1903.

Ср. более ранний черновой вариант «Я родился в Москве. Я дыма...» (1917) в наст. изд.

Публикуется по черновому автографу в «клеенчатой тетради» (БА), с датой: Saagow, 25.IV.923.

Эпиграф в черновике зачеркнут:

Иду в чужбину, прах отчизны
С дорожных отряхнув одежд.
Пушкин

Эпиграф взят из чернового наброска 1824 г. «Презрев и голос укоризны...».

Разночтения:

7: [Вот:] восемь томиков, не больше, —
9: Вам — [иль ярмо надеть <на выю>]

Первоначальный вариант начала IV строфы читался:

[Вам нужен пыльный прах отчизны,
<грязный?>
Ее бессмысленный народ]
[Вам н<ужен?>]

14: А где б я ни был — шепчут мне

Первые две строфы впервые были опубликованы Н.Н. Берберовой в статье «Памяти Ходасевича» (СЗ. 1939. Кн. 69. С. 257). Перепечатаны, с добавлением III строфы, в ее автобиографии: КМ. С. 184, с разночтениями. Ср.: *Ледницкий В. Литературные заметки и воспоминания // Опыты* (Нью-Йорк). 1953. № 2. С. 173–174.

В кафе — СС-1. С. 239–240.

Черновой автограф в «черной тетради» (БА). Текст сохранился в двух вариантах, один из которых датирован: 28 февр<аля>. 1923, Saagow, а другой — Преров, 25 авг<уста> 923. В первом варианте, без заглавия, сохранились наброски I и VI строф, а также текста («И, осенясь их глупым знаком <...> божка»), помещенного нами в вариантах к V строфе. Чтения этого первого варианта обозначены ниже буквой П.

2: С его ввалившейся щеки, (П)
С его [ввал<ившейся>] щетинистой щеки,

4: Волос тугие завитки. (П)

- 12: а. Дреднот, вперед [и пулемет]
b. Метро, дреднот, поворот

V строфе предшествовало:

[Вот зрелище! Он им утешен:
Проклятый европейский мир
Истерт, изъеден, грязен, грешен,
Изношен до бесстыдных дыр.]

Против этих строк на правом поле сохранились наброски:

Он видит, как
Арийский ненавидит

A на следующем листе:

[Арийцы! Как
Их св<етлых> белизна,]

Оба наброска относятся по тематике к V строфе.

- 17: Ему [мерзка] противна до страданий
19: а. [Соборов,] башен и преданий
b. [<нрзб.> соборов] и преданий

На правом поле против V строфы записан текст другой строфы, черновой набросок которой сохранился в П:

И, осенясь их глупым знаком,
Целует бережно, слегка
Покрытый евр<опейским> лаком
Зад негрит<янского> божка.

Варианты из П:

- 2: а. [Целует бережно, слегка]
b. [Целует нежно втихомолку]
c. Целует он исподтишка
3: Покрытый [черным] лаком
4: Зад [африканского] божка

- 22: a. Колоколов летучий звон...
 b. Колоколов [вечер<ний>] звон...

Стоящий на первом месте вариант VI строфы в П:

- 1: a. Их тревога,
 b. Ему [противна] их тревога
 c. Ему забавна их тревога
 d. Сердец крылатая тревога
 2: a. Их колоколен чистый звон...
 b. (На левом поле вписано (И). — *Ред.*)
 c. Колоколов крылатый звон...
 3: Их упоит <ельного> Бога
 [утешительного]
 4: Заочно презирает он.
 Не зная

VII строфа сохранилась в нескольких вариантах. Они все зачеркнуты:

- a. Он подозвал к себе лакея
 Он расплатился
 По улицам
 b. И он из [<нрзб.>] стакана
 пьет
 И потихоньку из кармана
 c. И он из потного стакана
 сосет,
 Из кармана
 Тихонько что-то достает
 d. a. [На глянце винного] стакана
 b. И вот, на хрустале стакана

Разглядывая тонкий пот,
 Он [, улыбаясь,] из кармана
 осторожно
 Какой-<то> достает

Далее — знак разделения строф и два неразобранных слова начала строфы:

- e. <Пойдя?> И вот когда из ресторана
 <Домой?> Посвистывая он придет
 Он осторожно из кармана
 Какой-то сверток достает.
 f. [Вошел,]
 идет

- И [Он] что-то из-за книг
 С полки достает
 г. [И выйдя в <ночь?> из ресторана]
 И прочь уйдя из ресторана,
 проверив счет,
 Он
 h. И возвратясь из ресторана
 Он зажигает в спальне свет
 И вынимает из кармана
 Какой-то маленький предмет.

Далее в автографе набросок:

[Вот

 И в поэтическом бреду —
 Всегда при нас и на виду]

Следующие четыре наброска не имеют дат, но расположены среди ст-ний 1923 г. в тетрадях «черной» и «клеенчатой» (БА).

«На свете только есть дырявый...» — СС-1. С. 240.

Черновой автограф в «клеенчатой тетради» (БА). Разночтения:

- 2: Вот этот [самый] башмачок
 [рв<аний?>]
 [<рыжий?>]
 3: Да [этот <беленький?>] курчавый
 [белокуренький]
 4: Над [бледным] ухом завиток
 [этим]

Далее — начало II строфы:

Зачем тебе, такой убогой,
 [<3 нрзб.>]

Возможно, что это набросок ст-ния «An Mariechen» (20–21 июля 1923). Ср. ст-ние А.А.Фета «Только в мире и есть, что тенистый...» (1883).

«В этой грубой каменоломне...» — СС-1. С. 240–241.

Черновой автограф в «черной тетради» (БА). I строфе предшествовало два наброска:

[Пред этой дикою громадой
Стой]
[Блуди себя. Сосредоточься. Помни:]

Первоначальные варианты:

7–8: Как молнию в лапе орлей,
[Весь] Как смерть, как дух

«Перестань мне сниться, если можешь...» — СС-1. С. 241.
Черновой автограф в «черной тетради» (БА).

«Нет, есть еще забавные минуты...» — СС-1. С. 241.
Черновой автограф в «черной тетради» (БА). Зачеркнутые варианты:

- 1: а. А все же есть минутные забавы.
б. Нет, есть у меня
с. Есть у меня
3–4: Стоят (и т.д.)
Протягивает (и т.д.)

НЭП — СС-1. С. 238.

Черновой автограф в «черной тетради» (БА). Автограф не датирован, но находится среди стихов 1923 г. Зачеркнутые варианты:

- 11: а. Вот уж тут бы я сказал:
б. Вот когда бы я сказал:

«“Проходят дни, и каждый сердце ранит...”» — Воздушные Пути (Нью-Йорк). 1965. № IV. С. 122–123. Печатается по СС-1. С. 241–242.

Начальная строфа взята из несохранившейся элегии Муни, первая строка которой процитирована в прозе Муни «На крепких местах» (см.: *Киссин С. Легкое бремя*. С. 149).

Ростопчина, Евдокия Петровна (1812–1858) — поэт, прозаик. См. статью Ходасевича: Графиня Е.П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика // *Русская Мысль*. 1916. № 11 (отд. II). С. 35–53. Перепеч. в кн.: Статьи о русской поэзии. СПб., 1922. С. 7–42; СС-2. С. 46–65; СС (96–97)-2. С. 17–38.

Публикуется по черновому автографу в «клеенчатой тетради» (БА) с двумя слоями правки чернилами и карандашом. Дата отсутствует. Указано только место написания — Мариенбад (проставлено в правом верхнем углу). Датируется временем пребывания Ходасевича в Мариенбаде: с 5 декабря 1923 г. до 11 марта 1924 г. Разночтения:

Далее последовал еще один вариант переработки строфы, начинавшийся со второй строки:

[Томивш<ие>]
Из тех, что так нас мучили порой.
[Т<огда>] нас так
[Когда-то]
И мир теперь мое ласкает зреньё
Не , но честной наготой.

Затем Ходасевич соединил первую строку предпоследней редакции с окончательным вариантом. Этим и объясняется сделанный нами выбор окончательного текста, несмотря на его относительную незаконченность.

В раннем наброске (в тетради 1918–1920 гг., РГАЛИ) после первых двух строф набросана третья:

[И нет тебя.] Один во тьме полночной
Чертя слова на листке,
Я говорю с тобою, друг заочный,
На только нам понятном языке.
(БП. С. 424)

В четвертом выпуске альманаха «Воздушные Пути» (С. 122–123) напечатана другая редакция ст-ния. Там есть и прим. Владимира Вейдле, в котором говорится, что «ты» во II строфе — Муни (о нем см. прим. к ст-нию «В моей стране»).

26 мая 1836 — Воздушные Пути (Нью-Йорк). 1963. № III. С. 17. Под заглавием «27 (должно быть «26». — Ред.) мая 1836» (дата последнего дня рождения при жизни Пушкина).

Ст-ние пронизано пушкинскими реминисценциями, в том числе из стихов, написанных в последний год жизни поэта.

Застигийский — см. прим. к ст-нию «Редея, леса червленеют...».

Беловой автограф под заглавием «26 мая 1836», с датой: 1924, Рим (частное собр., Англия). Черновой автограф в «черной тетради» (БА), без заглавия, с датой: Нач<ато> 26/III <19>24, Рим. Весь текст зачеркнут. Разночтение:

4: [Лежат] кругом

Ходасевич пытался переработать I строфу, но затем вернулся к первоначальному варианту:

Запятн<анный> позором славы
Пресыщ<енный>

Добром и злом
См<отри> теперь, поля, дубр<авы>

- 7: а. Теперь противны рощи, бабы
b. Несносны [эти] нивы,
с. Теперь несносны нивы,

Далее в черновике оставлено место для строфы, а затем следуют строки, имеющие сходство с III строфой печатного текста:

И что-то все ему пророчит,
все обставшее
И все язвит.
А он грядущего не хочет,
Нет, он высокого
Минувшим — сыт.
И низким

На правом поле записана строфа, не вошедшая в печатный текст:

[Уж мир иной его объемлет]
А тайный слух
Всё ту ж пророческую внемлет
Ворчню старух

III и IV строф в черновике нет.

«Как совладать с судьбою-дурой?..» — СС-1. С. 242–243.

Черновой автограф в «черной тетради» (БА). Набросок датирован: Нач<ато> Рим, 9.IV.924. Ст. 3 первоначально: [И точно я, такой же] хмурый. Последнюю строку Ходасевич зачеркнул, но нового варианта (кроме начатого «Он») не нашел.

Зимняя буря — Опыты (М.). 1994. № 1. С. 172.

Беловой автограф в альбоме В.С. Познера (Париж), с датой: 6 мая 1924.

«Мне б не хотелось быть убитым...» — СС-1. С. 243.

Черновой автограф в «черной тетради» (БА), с датой: Париж 28.VII.24 г.

«Великая вокруг меня пустыня...» — СС-1. С. 243.

Черновой автограф, без даты, в «черной тетради» (БА). Впервые опубликовано Н.Н. Берберовой в ССт-61 (С. 190), где печаталось по машинописи, сделанной с этого автографа. В примечаниях к нескольким таким «незакон-

ченным отрывкам и наброскам» Берберова пишет, что они были «написаны в первые годы жизни в Париже». Судя по местонахождению в «черной тетради», этот незаконченный отрывок относится к 1924–1925 гг. На правом поле против строки 5 записано: (разводили). Между строк 11–12 стоит зачеркнутая строка: Когда вожди <вез> народа перед.

«Под звук бэлотт, под гомон баров”...» — СС-1. С. 244.

Бэлотт (фр. *belote*) — карточная игра.

Первая строка (в кавычках) взята из «Лирической поэмы» Н.Н. Берберовой (СЗ. XXX. 1927. С. 223).

Черновой автограф, без даты (БА). Набросок находится на отдельном листе (рядом с ним — автограф ст-ния «Кто счастлив честною женой...»). Разночтения:

1 начиналась: [Во]

2: [Во] имя Божие не жгут,

3: [И] львы (и то не часто) рвут

Существует начало II строфы и знак разделения, показывающий возможность существования III:

[Но опасайся произнеть]

[Но]

[[Но] все ж его произносить,

А

Остерегайся [не] слишком явно]

«Кто счастлив честною женой...» — СС-1. С. 244.

Существует в трех черновых редакциях, записанных карандашом на двух отдельных листах бумаги (БА). Две первоначальные записаны рядом на одном листе. Последняя — на другом листе и более отчетливым почерком. Мы публикуем наш текст с этого последнего автографа.

Набросок впервые был напечатан в ССт-61 (С. 191) по машинописной копии (сделанной с этого автографа) из архива Н.Н. Берберовой, с датой: <около 1925–1926 г.>.

Варианты последней редакции:

1: Кто счастлив верною женой,

3: [Я] прав последней правотой.

5: [Мне не пристало] волочиться

Далее после знака разделения идет начало II строфы: «Ты».

Варианты первоначальной редакции:

Кто счастлив верною женой [—],
[доброю]
К блуднице в дверь не постучится.
Кто прав последней правотой —
За справедливостью пустой
[предпоследней, за]
[Не станет [мелко]] волочиться.
[жалко]
Тому [не нужно]
не стоит

Против первых двух строк стоит полукруглая скобка; они пронумерованы, соответственно, 2, 1, и стрелка ведет в конец строфы. Это измененное расположение строк мы и видим во второй редакции:

К бл<уднице> в дверь не постучится
Кто счастлив вер<ною> жен<ой>
[Тому не стоит] волочиться
Мне не пристало
За справедливостью пустой
Кто прав последней правотой

«Мы не гуляли, не кутили...» — СС-1. С. 244.

Публикуется по черновому карандашному автографу, без даты, на половине отдельного листа, на обороте которого — автографы «Кто счастлив честною женой...» и «“Под звук элотт, под гомон баров”...» (БА).

После II строфы стоит знак разделения строф, предполагающий III строфу.

«Нет ничего прекрасней и привольней...» — СС-1. С. 244–245.

Ст-ние навеяно воспоминаниями об итальянской поездке 1911 г. (расставание с Е.В. Муратовой в Венеции — ср. прим. к ст-нию «Успокоение»). Итинерарий автора в этом ст-нии таков: он выходит из здания железнодорожного вокзала, садится в гондолу и едет по Большому каналу до моста Риальто, возле которого находятся рыбный и овощной рынки (Pescheria, Erberia); гуляет по главной улице города (Merceria), ведущей на площадь Сан-Марко; вечером сидит в кафе на площади и слушает один из оркестриков, развлекающих туристов; он думает о возлюбленной (Жене Муратовой), едущей из Венеции в Вену, через Mestre и Pontebba (первая и последняя остановки в Италии по дороге на север).

Вальполичелла — сорт итальянского красного вина.

«Тангейзер» — опера (1845) Рихарда Вагнера (1813–1883, Венеция).

Черновой автограф на отдельном листе (БА). Набросок впервые был напечатан в ССт-61 (С. 191–192), по машинописи, сделанной с этого автографа. Автограф без даты. Н.Н. Берберова относит его к 1925–1926 гг.

Разночтения:

- 3: а. [И выйти из вокзала одному]
б. [И выйдя из вокзала — по другому]
- 5: [Венеции заблещет панорама.]
[предстанет]
- 6 предшествовало:
[Но не всходи тогда на парходик,
С толпою не мешайся]
- 6: Помедли [перед нею, а потом]
[не спеши]
[закури]
- 7: Сядь в гондолу[,] и подплывя к Риальто
А
- 8 предшествовало:
[Подумай с что поезд
Уж, вероятно, Местре миновал.]
Местре, вероятно,
- 8–9: Вдохни [всей грудью] запах рыбы, [камня]
[легонько]
[Нагретого] и овощей лежалых,
- 14 предшествовало:
[Пройдись по пьяце.]
- 15–16: С бутылкою вальполичелла. В [восемь]
[Услышь]
- 19 первоначально начиналась:
[Про<ехала>]
- 20: а. [Как на сердце [легко] и горьковато.
[свежо]
Как будто свежего вкусило]
б. [На сердце и свежо, и горьковато.]
с. [На сердце — как миндаль]

В фонде М.М. Карповича (БА), на отдельном листе, без даты, находится план незавершенной прозы, который образами и мотивами частично связан со ст-нием:

Венеция. Свобода. Безделье. Вдвоем. Вживание в жизнь гор<ода>, к<а>к в жизнь природы. Час дня, погоду — обеду, 5 час<ов> чаю, веч<ером>, муз<ыка> на Пьяц<ц>е. Отливы толп равны отливам моря. [Город]

Город, люди — известны. Американки. Хром<ой> газетчик — сегодня пьян, а завтра нет, а потом на 1/2.

Улич<ная> женщ<ина> 2<-го> разряда. D<onna>V<erde>¹: так прозвали за платье, в кот<ором> всегда. Наружность. [лет 25, не менее] Б<ыть>м<о-жет,> уж под 30. Дела не важны. Днем — с мат<ерью> и девочкой. [Веч<ером>] Под вечер — с корот<ким> человечком. Иногда и мать с ними.

Отъезд. Чемодан у <кафе> Квадри. [Думаем: неужели] Надо проследить. Кто? Куда? — Проводы. Buon viag<g>io, Guido². — А, Guido!

Потом — долго — одна. [Одна Сперва] Тут и она нас заметила.

[Улы<бка>] Раза два — улыбки... (Возле <Albergo Orientale> Cap<ello> Nero.) [Ах] Ох, эта улыбка...

Мы думали, дело плохо.

Вдруг: утром. Поразит<ельно>: в белом с дев<очкой> в белом — с бук<е-том> роз нанимала гондолу (гондолу!) на вокзал. Не для Гвидо же! И вечером она — у <кафе> Флориана. [В В чер<ном>] <1 нрзб.> В малин<овом> плаще (не идет)... Он — мальчишка, лет 19. Что Гвидо! Конечно — раньше было. Ведь вот — влюбился же. [Был счастлив.]

Днем — из P<alazzo> Ducale. У <церкви> Giov<anni> e Paolo с девочкой. [Festa notturna³] Сытость в глазах! В походе. Festa notturna. В гондоле! Мать — никогда. Разве что выныривала откуда-то, тоже в порядке и сытости... Для приема поручений. О, счастье!

У театра *Fenice*. Ювелир. Не что-нибудь, не мозаика, не кораллы. Нет — толстые зол<отые> браслеты. Купил! Б<ыл> счастлив дурак. И главное — она была сыта, и дев<очка> и старуха.

Перед моим отъездом: утро, рынок, мать важная с др<угими> старухами, с розами. Ус<п>еть <?>, ус<п>еть <?>.

Москва. Осень. Письмо. *Gazzettino*⁴. А мне сказали... Лживый флорент<и-нец>?. Право, жаль, что проза... И жаль, что не сыта. И дев<очка> и мать.

И что не прочно все о 3-х женщинах.

Всем надо счастья. Счастье — это тепло, сытость, покой...

А я свободен! А мне ничего не надо! А у меня *нет* желаний.

Не случайно, что этот текст (вероятно, набросанный после повторной поездки в марте 1924 г.) восходит и к более ранним очеркам («Ночной праздник (Письмо из Венеции)» и «Город разлук. В Венеции»; оба — 1911), к ст-ниям «Полдень» и «Встреча» (1918; ПЗ), и к плану Ходасевича, связанному с его воспоминаниями о пребывании в Венеции в 1911 г. вместе с Е.В. Муратовой, датирован 1918–1919 гг.

¹ Женщина Зеленая, т.е. Женщина в зеленом (*ит.*).

² Счастливого пути, Гвидо (*ит.*).

³ Ночной праздник (*ит.*).

⁴ Газетчик (*ит.*).

О нем см.: *Богомолов Н.А.* История одного замысла // Русская литература первой трети XX века. С. 568–579. См. также: *Андреева И.* Неуловимое создание. С. 85–89; более поздний план в БА неточно приводится на С. 98–99.

«Как больно мне от вашей малости...» — СС-1. С. 245.

Черновой автограф, без даты, на отдельном листе (БА). Набросок впервые был опубликован по машинописной копии (ССт-61. С. 191), сделанной с этого автографа Н.Н. Берберовой. Она относит ст-ние к 1925–1926 гг.

Разночтения:

- 2: От [робости], от [без] мятежности
[гибкости] [не]
[шаткости]
[вялости]
- 7: [Из этой мягкотелой] сырости,

Ходасевич цитирует окончательные строки в статье «Цитаты» (см. т. 2 наст. изд.).

«Гремит вода. По стенкам таза...» — СС-1. С. 245.

Черновой автограф в «клеенчатой тетради» (БА), записанный в тетради среди ст-ний 1923 г., но имеющий дату «1926 янв<аря>». Разночтения:

- 1–2: Гремит вода по стенкам таза,
Резвится зайчик [на стене.]
- 3: а. [Я [восс<едаю?>]
выхожу, [как] Лазарь
точно
невоскресший
- б. [Я воскресаю к вам, как Лазарь]

Зачеркнув этот вариант строки, Ходасевич затем подчеркнул его и, таким образом, снова к нему вернулся.

- 4: [Повитый в белой пелене]

Далее зачеркнуто еще два наброска:

Смотрите: я еще не Лазарь
Из сени гробовой
Гремит вода по стенкам таза,
Бормочут люди за стеной.
Я

«Сквозь дикий грохот катастроф...» — СС-1. С. 246.

Черновой автограф, без даты, на отдельном листе (БА). По неточной машинописной копии этого автографа, набросок впервые был опубликован в ССт-61 (С. 192). По мнению Н.Н. Берберовой, ст-ние написано в 1926–1927 гг.
Разночтения:

- 2: Первоначально начиналась: Твой [голос]
3: Далее следует зачеркнутая строка:
[Но счастьем даром не бывать,]
- 4–5: а. [Не разгадать и не понять:
Проклятье или благодать?]
б. [Нам] не понять, не разгадать:
Проклятье [то иль] благодать, —
- 8–9: [Мы жизни] лучшие мгновенья
[На] жертву звукам отдаем, —
- 12–13: [Лишь] нам простого счастья нет.
[<нрзб.>]
Тому, что в песне рождено,

Мы — СС-1. С. 246–247.

СХ: Париж, январь–10 дек<абря> 1927. Заглавие отсутствует.

Беловой автограф (БА). Без даты. Помимо белого автографа имеется и черновик на отдельном листе, с обильной правкой и без заглавия (БА).

Разночтения белого автографа:

IV: далее Ходасевич оставил пустое место для еще одной строфы.

- 10: Первоначально начиналась: [О прелести]
11: Первоначально начиналась: [Тогда]

Разночтения черного автографа:

В верхнем правом углу листа:

Не прел<естная> мудрость
Но мудрая прелесть;

Не мудростью [, не тайною] речей [своей]
[тайн<ственных>]
[возвышенных]
умышленных
Камням повелевал певец Орфей.

Далее:

О прелестях [утраченной] жены
Орфеевой
[певец. И] тигры, и слоны
[Внимали песням] [и медведи,]
[Тогда рыдали]
Когда взрыдали
Когда взрыдали тигры и слоны
О прелестях Орфеевой жены

Далее — знак разделения строф, и:

[К нему текли — [под] [чтоб сладко]
[под звон]
[Звериный сон души]
[К нему текли — под песню про]

Далее — знак разделения строф, и:

[Косматый сон звериных душ.]
[К нему текли — под песню про]
звериный
[Спадал со зверских]
[С косматых душ спадал под мирный звон]

Далее — знак разделения строф, и:

Нам, потерявшим Эвридику, нам
Что прелесть мудрости земным камням?
камням земным?
Он мудрой прелестью [им] был сладок им.
Ты промолви к ним

Слева проставлена арабская цифра 2. Справа на поле записано:

[Так] Из каменной и из звериной тьмы,
[На <нрзб.> света] [<нрзб.> мы]
[Под песнь Орфея] вылупились — мы
Тогда впервые —
Прорезались

Над и под текстом — рисунки карандашом, вензели В.Х. и дважды повторенное слово «георгин».

«Сияет навощенный пол...» — СС-1. С. 247.

Черновой автограф (БА).

Ст-ние не закончено и не датировано, датируется на таком же основании, как и предыдущее — «Утро». Находится на листе с зачеркнутыми набросками другого ст-ния:

[Отец — рабочий, сын — солдат
Солдат приехал на побывку.
За стариком садятся в ряд]

Далее следуют первоначальные наброски нашего ст-ния:

[Закажем по бокалу пива.]
[Сегодня пусто и т<епло>.]

Вариант нашего текста: 6: [Блестят] Горят зеркальные плафоны.

«Всё только смерти да поминки!..» — СС-1. С. 248.

Черновые автографы в «красной тетради» (БА). Два наброска, без даты, каждый на отдельном листе, находятся рядом с черновиком статьи об Андрее Белом, писавшейся в начале 1934 г. в связи со смертью писателя: Андрей Белый. Черты из жизни // В. 1934. № 3173, 3177, 3179 (8, 13, 15 февраля).

«В последний раз зову Тебя: явись...» — СЗ. 1940. Кн. 70. С. 127–128 (с искаженной последней строчкой); Воздушные Пути (Нью-Йорк). 1963. № III. С. 18.

Печатается по СС-1. С. 247–248. Черновой автограф в «красной тетради» (БА), с двумя слоями правки чернилами и карандашом; дата проставлена карандашом в левом верхнем углу: Нач<ато> 13/II 34. Первая строка зачеркнута, но затем слева карандашом поставлена фигурная скобка и знак вопроса. По-видимому, автор решил ее восстановить. На этом основании мы и помещаем ее в основном тексте.

II строфе предшествовал зачеркнутый вариант:

В последний раз! Нет в [мире] ничего
жизни
[Светлее]
[Святее] и [печальнее] прощанья.
Прекрасней уяснее

[Оно есть] агнец сердца моего,
[В нем чистый]
Оно есть

[Влекомый на] кровавое закланье
[Влечется на]
Влекомый на

- 6: [Страшнее и [прекраснее] прощанья.
[возвышенной]
12: Над общею могилой. (Потом «ю» переправлено на «й»,
и вставлено «их». — Ред.)

См.: В последний раз твой образ милый... (А.С. Пушкин. Прощанье. 1830).
Ср. ст-ние И.И. Козлова «Еврейская мелодия» (1836):

Робеem мы
Не за себя перед могилой,
Стремясь над бездной грозной тьмы
Еще к бытью с истлевшей силой.

Памяти кота Мурра — Опыты (Нью-Йорк). 1953. № 2. С. 5. Под заглавием
«На смерть Кота Мурра» и с датой: Париж, 1932. Печатается по СС-1. С. 216–
217.

О *коте Мурре* и любви Ходасевича к кошкам см.: Младенчество (СС (96–
97)-4. С. 192–193.

Огненная река — Флегетон, река, опоясывающая подземное царство (*греч.*
миф.).

...с воробьем *Катулл*... — см. ст-ния Гая Валерия Катулла Веронского (87 или
84 до н.э. — после 54 до н.э.) «Птенчик, радость моей подруги милой...» и
«Плачьте, о Купидоны и Венеры...» (*Катулл*. Книга стихотворений. М., 1986. С. 5);
условные названия: «К воробью Лесбии» и «На смерть воробья Лесбии».

...с ласточкой *Державин* — ср. элегию Г.Р. Державина «Ласточка» (1792,
1794).

Ст-ние публикуется по беловому автографу, без даты, в архиве Н.Н. Бер-
беровой (библиотека Байнеке), где оно названо «Памяти Кота Мурра». Чер-
новой автограф (БА), под заглавием «Памяти Кота Мурра», на отдельном
листе, с датой: 2 февр<аля> 34. Знак перебелки не относится к I строфе. Разно-
чтения:

- 10: а. [Сей] срок, положенный [земному] лихолетью
в. Мой срок, положенный [людск<ому>] лихолетью
12: Мечтою [пристальной] всё чаще я лечу.

Далее в автографе строфа, не вошедшая в окончательный текст:

[Все чаще верится:] под элизейской сетью
И верится тогда:
Дерев невянущих — [с тобою, друг] опять,
мы встретимся
[Две тени любящих, мы встретимся,] чтоб третью,
Два друга, два две тени
Равно нам милую любовно поджидать.

Н.Н. Берберова писала: «Ходасевич недооценил этих своих стихов при жизни, он считал, что они написаны “на случай”. В 1931 году умер черный кот Мурр, и тогда же были написаны эти стихи» (ССт-61. С. 223).

«Сквозь уютное солнце апреля...» — СЗ. 1939. Кн. 69. С. 253–254. С датой: 21 апр<еля> 37; в группе «Трех стихотворений (из литературного наследия)». Печатается по СС-1. С. 217.

СХ: 21 апр<еля> 37. Париж.

Н.Н. Берберова писала: «Ходасевич не напечатал эти стихи при жизни, т.к. считал, что в них чувствуется какое-то запоздалое настроение “Тяжелой Лиры” и они не гармонируют с тем, что он пишет в данное время» (ССт-61. С. 224).

Черновой автограф, правленный чернилами и позднее карандашом, — в «красной тетради» (БА). Под текстом дата: 21 апр<еля> 37. Разночтения:

4–5: И — а. [под ветку] скворец-пустомеля.

б. [вприпрыжку]

[И] — над северным краем земли

7–9: Поплотней котелки нахлобуча,

Попроворней [те двое] пошли.

[И под [звук] градобойного] гула —

Окончательные исправления совпадают с печатным текстом.

«Нет, не шотландской королевой...» — Орион (Париж). 1947. С. 7. Без даты. С посвящением «To Katherin <sic> Herburn». По машинописному автографу (без посвящения), сохранившемуся в архиве Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке). Печатается по СС-1. С. 217.

СХ: 20 июня 1937. Париж. (Последнее ст-ние в СХ.)

Шотландская королева — Мария Стюарт (1542–1587). В ст-нии имеется в виду фильм по пьесе Максвелла Андерсона «Мария Шотландская» («Mary of Scotland», 1936; режиссер Джон Форд) с Кэтрин Хэпбёрн в главной роли. Н.Н. Берберова писала: «Нашла в бумагах Ходасевича стихи “Нет, не шотландской королевой”. Он не хотел их печатать при жизни. В 1935–36 годах шел в

Над [умиленную] душой,
восхищенною
За умилен<ие,> за сходство —
Будь счастлива [,!] Господь с тобой!

«Не ямбом ли четырехстопным...» — СЗ. 1939. Кн. 69. С. 254–255. В группе «Трех стихотворений (из литературного наследия)». Печатается по СС-1. С. 218–219.

Музыка — музыка (форма, употребительная в русской поэзии XVIII–начала XIX в.).

Хотинская ода — «Ода блаженная памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» М.В. Ломоносова — первое ст-ние, написанное в классической русской, силлабо-тонической системе стихосложения четырехстопным ямбом.

Камена (римск. миф.) — муза.

Ст. 17–28 — ср. начало: строфы V–VII оды Г.Р. Державина «Водопад» (1791–1794).

Спондей — столкновение двух подряд ударных слогов в ямбической стопе.

Пэон — стихотворная стопа, здесь в смысле «пиррихий», ямбическая или хорейская стопа с пропуском метрического ударения. Ст. 31–32 — ср.: 18–19 ст-ния «Жив Бог! Умен, а не заумен...».

См.: Хьюз Р. Ходасевич: Ода русскому четырехстопному ямбу // Блоковский сборник XIII (Русская культура XX века: Метрополия и диаспора). Тарту, 1996. С. 170–184; Богомолов Н.А. Из истории одного культурного урочища русского Парижа // НЛО. 2006. № 81. С. 153.; Кукин М.Ю. Зримое и незримое в поэтическом мире: Последнее стихотворение Ходасевича // Начало: Сб. работ молодых ученых. Вып. 2. М., 1993. С. 155–180.

В фонде Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке) сохранился набросок плана этого ст-ния:

1. Ты занесен с высот Музикии, ты [выше] крепче Росс<ийских> твердынь и славнее знамен. Никто не помнит взятия Хотина, но Хот<инская> ода — наш первый [наш] крик жизни.

[Из тебя узнали росс<ийские> певцы, что]

2. Тебя возлюбил за то, что ты — закон и свобода. В тебя вложили лучшее.
3.

Там же находится беловой автограф, с датой: 1938. Черновой автограф (там же). Разночтения:

- 2: [Тем]
[Заветным]
[Святым], заветным, допотопным?

Потом вписано «ямбом?» над словами «заветным» и «допотопным».

- 3: О чем? Пускай о нем самом —
4: О [незакатном] ямбе том?

Далее следует несколько набросков, не получивших отражения в окончательном тексте:

Воистину — в потоке нашем
Он уцелел как древний Ной

[Как Ной — могучий, плодливый и хмельной?]
и над ним —

Смеется сын смешком плохим
*

Остервенелая квадрига

И чем они остервенелей
Тем надо быть умелей

Эй, мальчики, посторонитесь!

Ну, доскакали и в нем
Я вам, м<альчишки?>, бью челом

- 7: Ты крепче всех твердынь России, (Окончательный вариант отсутствует. — Ред.)

Строфа IV в черновике отсутствует.

Есть два зачеркнутых варианта V строфы, значительно отличающиеся от окончательного текста, которые находятся на разных листах среди вариантов других строф. Окончательной V строфы нигде нет.

- a. [С тех пор то лепетом, то громом]
То сладким лепетом, то громом
С тех пор российской лиры лад
По четырем твоим подъемам,
Как оный славный Водопад —

Далее под строфой: [Гремит]
[Поет] И помета карандашом: гремят?

- d. Тех брызгов, где, как сон, повисла
Живая радуга мечты,
[Играя] Сияя переливом смысла
Играя счастьем высоты

С правой стороны строфы проставлены цифры 1, 4, 3, 2, а с левой — значок перестановки начальных слов двух последних строчек.

Наброски не вошедшей в основной текст строфы, которые могут относиться к «опущенной» в основном тексте строфе, могут быть и вариантами V строфы, потому что непосредственно ей предшествуют в автографе, но могут быть и набросками совершенно самостоятельного стихотворения с заглавием «На этом пире», которое подчеркнуто одной чертой. (Таким образом Ходасевич обычно выделял заглавие.)

[На этом пире
хоть на посл<еднем> месте быть]
Хоть на посл<еднем> месте
Мной не заслуж<енная> честь

Покуда конь Петров стоит
И слышится ям<б> 4-ст<опный>

Коснуться
Изогнут и вьется
Мед<ный> Змий Россию

Учителей моих

Дотоле б<удет> жить Россия
[Покуда мед<ный>]
Доколе конь П<етров> стоит —
До

Существует два варианта последней строфы:

- a. И прежде своего народа
[Он] В тебе открыл он
Что и в законе есть свобода,
a. И над свободой есть закон
b. И над свободой — закон

И прежде своего народа

Т

- в. [В нем]
[Изменчива его] природа
Таинственна его природа
- а. [Он — ямб, спондей, молосс,] пэон.
в. В нем спит спондей, поет пэон
В его законе есть свобода
- а. И над свободою — закон
в. В его свободе <есть> закон,
-
- Ему один закон — свобода,
В его свободе есть закон

На обороте листа с планом этого ст-ния — набросок, не имеющий никакого отношения к самому стихотворению:

Я напишу вам мадригал
В манере уж давно не модной<.>

ШУТОЧНОЕ

Ввиду значительной роли, которую играет шуточное, альбомно-матригальное и эпистолярно-пародийное стихотворство в поэтическом наследии Ходасевича и его литературного окружения, мы выделяем эти тексты в особый раздел, хотя далеко не всегда граница между шуточным и серьезным у Ходасевича отчетливо обозначена. Сам автор не придавал этим поэтическим досугам большого значения и, как правило, не включал их в СХ. Мы не публикуем в настоящем томе только несколько текстов, носящих слишком интимный характер. Также не публикуются нами и коллективно написанные ст-ния, в создании которых принял участие и Ходасевич (КМ. С. 465; воспоминания А.В. Бахраха в ж. «Континент». 1975. № 3. С. 310).

«У Наташи глазки черные...» — СС-1. С. 253.

Публикуется по тексту в мемуарах А.И. Чулковой-Ходасевич, где приводится с таким объяснением: «Будучи не то в последнем классе гимназии, не то на первом курсе университета, он написал в альбом своей маленькой племяннице Наташе Кан следующие стихи...» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 392).

Наташа Кан — дочь младшей из сестер Ходасевича — Евгении Фелициановны, в то время бывшей замужем за адвокатом Борисом Николаевичем Каном. Этой же любимой сестре поэт — когда ему было около шести лет — посвятил первые стихи: «Кого я больше всех люблю? / Ведь всякий знает —

Женичку...» (Младенчество // СС (96–97)-4. С. 205; там же приводятся другие его детские сочинения).

Как если бы мы были гомоскуалисты — Н. С. 367–368. Экспромт, без даты, был написан на обороте программы концерта военного оркестра.

На бульваре у грека... — подразумевается знаменитая кофейня «Кафе Грек» на Тверском бульваре, где бывало много писателей, артистов, художников. См., в частности, у Б.Л. Пастернака: «Хотя у летней кофейни на Тверском бульваре не было своего названия, звали ее все “Café grec”. Ее не закрывали на зиму, и тогда ее назначение становилось странною загадкой» («Охранная грамота», часть первая, главка 8). Далее описывается игра в «греческой кофейне» Маяковского с Ходасевичем в орел и решку (часть третья, главка 4).

Арцыбашев, Михаил Петрович (1878–1927) — прозаик, драматург. О нем Ходасевич писал: «И вот господа Арцыбашевы, Каменские, а за ними десятки других, помельче, стали проповедовать “освобождение личности”. К этому гадкому делу было приплетено имя Ницше, — и под флагом индивидуализма стало преподноситься русской читающей публике самое обыкновенное хулиганство» (Надсон (1912) // СС-2. С. 108; СС(96–97)-1. С. 393).

На даче — СС-1. С. 254.

Эпиграф взят из ст-ния И.А. Бунина «Одиночество» (1903).

Включено в письмо к Б.А. Садовскому от 16 января 1913 г., где сопровождается ремаркой: «Вот стихи, которые написал я почти всерьез. <...> Нюра (А.И. Чулкова. — *Ред.*) Вам кланяется и говорит, что это “Сатирикон”. А я думал, что это юбилейный дар академику» (Н. С. 334). В 1913 г. исполнилось десять лет со дня присуждения Бунину Пушкинской премии Академией наук. В следующем письме, от 23 января 1913 г., Ходасевич добавляет, откликаясь на сообщение о готовящемся журнале «Галатее»: «Стишки мои печатайте, коли хотите, но подпись должна быть другая: *Елисавета Макшеева*. Не Бунина, поверьте, страшусь, но юмористики. Да и надо же дать какую-нибудь работу будущим биографам: пусть поспорят, я или не я» (Н. С. 335).

О псевдониме «Елисавета Макшеева» см. прим. к ст-нию «Поэту».

На отъезд милого — Экспромт в альбоме свояченицы В.Я. Брюсова — Б.М. Рунт. См.: *Немирова М.А.* Автографы из старого альбома: Альбом автографов поэтов серебряного века Брониславы Рунт (1885–1983) из коллекции Государственного музея В.В. Маяковского. М., 2006. С. 40. Под ст-нием В.Я. Брюсов написал: «Владя, отчего ты, / Стих слагая сотый / (Ах, не миллионный!), / Все глядишь, как сонный? / Иль неблагосклонны к Владе Зефирыты?...» (1920) (Там же).

Шурочке по приятному случаю дня ее рождения. *Подражание Петрарку* — СС-1. С. 256.

Адресат шуточного сонета-послания — жена Б.А. Диатроптова (см. прим. к ст-нию «Лида»), Александра Ионовна (урожд. Каблукова, 1882–1962).

Миф о влюбленных *Пираме* и *Фисбее* обработан Овидием в «Метаморфозах» (4, 55 и сл.) и в шутивном виде у Шекспира в пьесе «Сон в летнюю ночь».

Фисбея — обычно в русском варианте — Тисба (или Фисба).

Хариты (греч. миф.) — богини красоты, радости, олицетворение женской прелести.

Химеры (греч. миф.) — огнедышащие чудовища с пастью льва, туловищем козла и задом дракона.

Машинопись (РГАЛИ), без даты; (архив Д.Б. Диатроптова) с такой же подписью. Разночтения:

7: Всё мирнава блаженства панорама
13–14: Нет Зависти, бежали прочь Химеры —
И песню венчает вас пиит.
(БП. С. 257)

Датируется по помете Б.А. Диатроптова на машинописи. Ст-ние приводится в мемуарном очерке Д.Б. Диатроптова «О моих родителях» (см.: Наше Наследие. 1988. № 3. С. 93).

«Бедный Бараночник болен: хвостик, бывало проворный...» — СС-1. С. 255; БП. С. 257–258.

СХ: 1914, 16/ХП.

Публикуется по тексту в мемуарах А.И. Чулковой-Ходасевич с исправлениями по машинописи (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера). В мемуарах ст-ние приводится в следующем контексте: «Однажды, играя со своим сыном, я напевала детскую песенку, в которой были слова: “Пляшут мышки впятером за стеною весело”. Почему-то эта строчка понравилась Владе, и с тех пор он как-то очеловечил этих мышат. Часто заставлял меня повторять эту строчку, дав обе мои руки невидимым мышам — как будто мы составляли хоровод. Я называлась “мышь-бараночник” — я очень любила баранки. В день нашей официальной свадьбы мы из свадебного пирога отрезали кусок пирога и положили за буфет, желая угостить мышат, — они съели. Впоследствии в 1914 году, когда я заболела крупозным воспалением легких и была близка к смерти, Владя после кризиса преподнес мне шуточные стихи, которые, конечно, не вошли ни в один сборник его стихов...» (Ново-Басманная, 19. С. 397). См. прим. к циклу «Мыши».

Кишмиш — СС-1. С. 256–257; БП. С. 258.

Липскеров, Константин Абрамович (1889–1954) — поэт, переводчик с восточных языков. Ходасевич рецензировал его сборник стихов «Песок и розы»

(М., 1916) (см.: Утро России. 1916. № 65 (5 марта); СС-2. С. 232–234). Вспоминая о 1918–1919 гг., А.И. Чулкова пишет: «У нас часто бывал поэт Константин Липскеров — поэт хороший, утонченный, любящий Восток, влияние которого чувствовалось в его стихах. Я помню, что Владя написал ему шуточные стихи (к сожалению, они у меня не сохранились) и в ответ получил тоже шуточные стихи от Липскерова» (Ново-Басманная, 19. С. 401).

Публикуется по автографу (РГАЛИ, архив К.А. Липскерова; там же машинописная копия), который сопровождается следующей ремаркой Ходасевича: «Для Липскерианцев! Важно! Прочтите! Это не сам К. Липскеров написал, это — так называемая пародия. Не надо на этих стихах основываться, судя о миросозерцании и времяпрепровождении погибшего пиита. *Владислав Ходасевич уже покойный (1886–1961)*».

Черновой автограф (РГАЛИ).

Разговор человека с мышкой, которая ест его книги — Елка: Книжка для маленьких детей. Пг., 1918. См.: Русская поэзия детям. Л., 1989. С. 735.

Черновой автограф (РГАЛИ). Автограф — также в рукописной книжке четырех ст-ний Ходасевича: Стихи для детей. М., 1920; в обложке, с надписью автора (ИМЛИ, архив В.Ф. Ходасевича).

Из трех остальных ст-ний, «Луна» и «Вычитанные страны» — переводы из Р.-Л. Стивенсона, которые были опубликованы в «Детском цветнике стихов» (М., 1920). Последнее, под заглавием «Английская песенка», было опубликовано в другой редакции в «Детском уголке» в ж. «Перезвоны». 1926. № 10 (2). С. 283. Без даты. С подзаголовком: (С английского). Не исключено, что и «Разговор...» является переводом. «Луна» и «Вычитанные страны» перепечатаны в БП. С. 353–354.

Пуškai все дамы без труда...» — СС-2. С. 466.

Леда (греч. миф.) — жена спартанского царя Тиндарея, соблазненная Зевсом, посещавшим ее под видом лебедя.

Кувака — марка минеральной воды.

Написано, видимо, в качестве новогоднего экспромта.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Из того, что надежды и сны...» — СС-2. С. 467.

Черновой автограф (РГАЛИ).

«Как восплачется свет-княгинюшка...» — СС-1. С. 257.

Частично приводится в «Литературной летописи» Гулливера (псевдоним Ходасевича с Н.Н. Берберовой. — *Ред.*): Вельможи // В. 1935. № 3662 (13 июля). Полностью впервые в статье «О Горьком (Из воспоминаний)» в следующем контексте: «На деле Тео (Театральный отдел Наркомпроса. — *Ред.*) ничем не

управлял, отчасти по общим тогдашним условиям, отчасти же потому, что во главе его стояла Ольга Давыдовна Каменева, жена председателя Московского Совета и сестра Троцкого, не имевшая о театре ни малейшего понятия, занявшая свой высокий пост благодаря влиянию брата и мужа. Назначение Каменевой причиняло страшные душевные муки жене Горького, Марии Федоровне Андреевой, считавшей, что возглавление Тео по праву должно принадлежать ей (что отчасти было бы справедливо, потому что она, как-никак, бывшая артистка, а Каменева — не то акушерка, не то зубной врач). Вражда между высокопоставленными дамами не затихала. Мария Федоровна вела под Каменеву подкопы, но та стойко оборонялась, в чем ей помогал В.Э. Мейерхольд. Однажды в Петербурге, в квартире Горького, сымпровизировал я на эту тему целую былинку, из которой помню лишь несколько строк...» (В. 1937. № 4109 (10 декабря); Н. С. 188, 265).

Каменева О.Д. (1883–1941) заведовала Тео в 1918–1919 гг.

Андреева М.Ф. (урожд. Юрковская, в замуж. Желябужская, 1868–1953).

«Ей-богу, мне не до стихов...» — БП. С. 259.

Нюра — А.И. Чулкова (см. введение к комм. раздела СД в наст. томе).

Беловой автограф (РГБ, архив Г.И. Чулкова, среди писем к Г.И. Чулкову), с припиской: «Я потому занялся сочинением сей баллады, что хотелось посидеть подольше: нет сил встать и идти. Однако зайдите, если можете. Надо подумать, а мы уж думать сами не можем. Так всё запуталось. В.Х.»

Пути и перепутья — БП. С. 260.

«Пути и перепутья» — собрание ст-ний В.Я. Брюсова в 3 томах (М., 1908–1909). В эпиграмме отражен перелом в отношениях Брюсова и Ходасевича, наступивший после 1917 г. (Н. С. 46–50). Латинская фраза в ст. 4 является перефразировкой девиза: «per aspera ad astra» (*лат.* «через тернии — к звездам»).

Список рукой М.М. Шкапской в ее альбоме (РГАЛИ, архив М.М. Шкапской).

«Не только в древности неслышные слова...» — БП. С. 259.

Оцуп, Николай Авдеевич (1894–1958) — поэт, в 1920–1921 гг. участник 3-го «Цеха поэтов», позднее романист, мемуарист; с 1922 г. в эмиграции. См. рец. Ходасевича на его сборник «В дыму» (Париж, 1926): СС-2. С. 405–407, 542–544.

Дом Зингера — дом на Невском проспекте, в котором помещалось отделение компании по производству швейных машин «Зингер». Этот дом увенчан глобусом (*пустая голова*).

Машинопись (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера); список рукой М.М. Шкапской в ее альбоме (РГАЛИ, архив М.М. Шкапской).

Памятник («Павлович! С посошком, бродячею каликой...») — Вестник Русского Христианского Движения. 1978/IV. № 127. С. 123; БП. С. 260.

Эпиграф — см. прим. к ст-нию «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...».

Павлович, Надежда Александровна (1895–1980) — поэтесса, в то время жила в Доме искусств в том же коридоре, что и Ходасевич. Автор «Из воспоминаний об Александре Блоке» (см.: Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 2) и поэмы «Воспоминания об Александре Блоке», в одной из частей которой («Маскарад на Миллионной») упомянут и Ходасевич.

И Ходасевич, едкий, терпкий,
Со скуки забредя в тот зал,
Острот небрежных фейерверком
Кружок соседей ослеплял.
(Павлович Н. Думы и воспоминания. М., 1966. С. 35)

Пройди от финских скал вплоть до донских станиц — ср.: «От финских хладных скал до пламенной Колхиды...» (А.С. Пушкин. «Клеветникам России», 1831).

Площадь Урицкого — тогдашнее название Дворцовой площади, в центре которой стоит Александровская колонна (Александрийский столп).

Белицкий, Ефим Яковлевич (1895–1940) — издательский работник, возглавлял издательство «Эпоха», в те годы заведующий отделом управления Петроградского Совета. Окна его кабинета выходили на пл. Урицкого.

По справке Н.Н. Берберовой, в эпиграмме, перефразирующей «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) А.С. Пушкина, говорится о поездке Павлович в составе группы поэтов в турне (гонорар был выплачен продуктами питания). Монументальная «гора» яиц в ст-нии Ходасевича перекликается с комическим эпизодом, рассказанным в мемуарах К.И. Чуковского, где, между прочим, сообщается: «В Ленинграде в голодные годы распространился среди писателей слух, что откуда-то с юга в Дом литераторов скоро прибудет целый вагон яиц. О яйцах мы в то время забыли и думать, но теперь многие из нас, и наши жены, и дети только и жили мечтою о них» (Чуковский К. Что вспомнилось // Прометей. Т. 1. М., 1966. С. 247).

Печатается по списку рукой М.М. Шкапской в ее альбоме (РГАЛИ, архив М.М. Шкапской) и идентичной машинописи (РГАЛИ, архив А.Е. Ойслендера).

«Право же, только гексаметр сему изобилью приличен...» — СС-1. С. 260.

Беловой автограф (архив И.И. Ивичи-Бернштейна); беловой автограф в письме к Б.А. Диатроптову от 16 августа 1921 г. (архив Д.Б. Диатроптова). См. прим. к ст-ниям «Лида», «Бельское Устье», «Шурочке по приятному случаю ее дня рождения».

«Люблю граненые стаканы...» — СС-1. С. 259.

Берман, Лазарь Васильевич (1894–1980) — поэт, прозаик, посещал собрания «Цеха поэтов», один из основателей издательства «Эрато», в котором вышел второй его сб. «Новая Троя» (П., 1921).

Полонская, Елизавета Григорьевна (наст. фам. Мовшензон, 1890–1969) — поэтесса, участник группы «Серапиевы братья», в то время жила в Доме искусств.

Издатель — Бернштейн, Игнатий Игнатьевич (псевдоним: Александр Ивич, 1900–1978), основатель петроградского издательства «Картонный домик», писатель, критик.

По словам дочери Бернштейна, С.И. Богатыревой: «В первые годы после революции в большой моде были литературные игры и шуточные стихи (буриме, пародии, эпиграммы). “Петербургский” юмор — изысканный, тяготеющий к старинным литературным формам (вспомним хотя бы написанные гекзаметром эпиграммы Осипа Мандельштама на Лозинского или его послание к Шилейко) — заметно отличался от “московского”, который был попроще, прозаичнее, грубее. Темы, впрочем, в обеих столицах выбирались равно “земные”: еда, безденежье, жилье. <...> Это стихотворение ВФХ — образец “петербургского” юмора. Оно написано на пари с моим отцом, в комнате отца. ВФХ должен был за 10, кажется, минут сочинить 6 строф на заданную тему. В качестве темы отец предложил свой письменный стол, который ВФХ описал весьма подробно и обстоятельно (игрушечные канцелярские счеты, те самые, я помню: они дожили до моего детства и казались мне единственной забавной вещью на письменном столе). “Малютка Берман” — поэт Лазарь Берман. Его книга “Новая Троя” (Петроград, 1921), только что вышедшая в свет и лежавшая на столе, была поводом для создания стихотворения: ВФХ, полистав сборник, заметил, что такого рода стихи можно сочинять с любой скоростью и в любом количестве, не задумываясь. В доказательство он предложил пари, которые блистательно выиграл» (СС 1. С. 423–424).

Беловой автограф (архив Ивича-Бернштейна). С подписью: «Лазарь Берман». Без даты. Разночтение в ст. 12: [Леона] Бермана стишки. Подпись: [Леон] Берман.

«Люблю я старой толстой Сафо...» — СС-1. С. 259–260.

Ст-ние, по имеющимся свидетельствам, писалось на пари, по условиям которого надо было написать на любую тему 24 стиха в виде одного предложения. Выигравший получал коробку папирос «Сафо». См. в очерке Ходасевича «Торговля (Из воспоминаний)»: «У подъезда его (Дома искусств. — Ред.) день и ночь толклись папиросники — мальчишки и девчонки, наперебой кричавшие: А вот, а вот харьковская махорка! А вот, а вот “Ира”! А вот, а вот старая толстая “Сафо”! (Говорят, одна пожилая писательница, проходя мимо,

была очень обижена, приняв последнее восклицание на свой счет» (В. 1937. № 4067 (27 февраля)). Нам сообщили, что курильщики предпочитали старые выпуски «Сафо», они были толще и более плотно набиты, поэтому торговцы на Невском выкрикивали к восторгу публики: «Старый толстый Сафо». См.: *Богатырева С.* «Старая толстая Сафо» // Вопросы литературы. 1987. № 9. С. 275–279.

...с изяществом жирафа — ср.: «Изысканный бродит жираф» (Н.С. Гумилев. «Жираф», 1908)

Бернштейн, Игнатий — И.И. Бернштейн (см. прим. к ст-нию «Люблю граненые стаканы...»).

Любимец муз и Кузмина — в издательстве Бернштейна «Картонный домик» вышел сб. стихов М.А. Кузмина (1872–1936) «Эхо» (1921). В письме к нам Бернштейн предупреждал: «Не подумайте худого!»

Пасынок — Эдгар (Гаррик) Гренцион (1907–?), сын А.И. Ходасевич от первого брака, впоследствии киноактер (псевдоним — Э. Гарик); ему посвящена сказка Ходасевича «Загадки» (1922); *глистящий* — словечко, придуманное для него Ходасевичем.

Шершеневич, Вадим Габриэлевич (1893–1942) — поэт-футурист, прославленный денди, с 1918–1919 гг. лидер *имажинистов*. Его упоминает Ходасевич в рец. на «Роман без вранья» (1927) А.Б. Мариенгофа (см.: Цыганская власть // В. 1927. № 751 (23 июня)).

Беловой автограф (архив И.И. Ивича-Бернштейна).

Аполлиназм — СС-1. С. 261.

Аполлиназм — неологизм, возможно обыгрывающий термин «плеоназм». Прямой объект пародирования в ст-нии неизвестен, но оно высмеивает одновременно «магическую» трактовку поэзии как «волшебства» у символистов и футуристические словесные эксперименты.

Лай, Демодок — персонажи «Одиссеи» Гомера.

Майя — см. прим. к ст-нию «Покрова Майи потаенной...».

Беловой автограф (БА). Без даты. Ст. 6 — мы исправляем опisku: «медли».

Сочинение — СС-1. С. 261.

По свидетельству Н.Н. Берберовой (*Ниничек*), ст-ние описывает ожидание ею Ходасевича на вокзале в Париже.

Беловой автограф (БА). Без даты.

Предупреждение врагу — Новый Журнал. 1944. № 7. С. 292–293. В публикации «Письма В.Ф. Ходасевича к М. Вишняку». С датой: 2 мая 1925, Париж.

«Родник» — книжный магазин и издательство, в помещении которого располагалась редакция «Современных Записок».

Коварский, Илья Николаевич (1880–1962) — владелец этого магазина.

Вишняк, Марк Вениаминович (1883–1977) — член редколлегии «Современных Записок». См. его «Современные Записки». Воспоминания редактора» (СПб.; Дюссельдорф, 1993).

Чугунная Маска — подпись, обыгрывающая прозвище персонажа романа Александра Дюма «Железная маска» (1848–1850).

«Париж обитая, низок был бы я, кабы...» — Мосты. 1965. № 11. С. 246.

Сестрица — сестра Ходасевича, Евгения Фелициановна (1876–1960), в первом браке Кан, во втором Нидермиллер.

Ст-ние — имитация силлабических вирш XVII в., но без цезуры; первое и третье двустишия написаны 13-стопным стихом (женское окончание), второе и четвертое двустишия — двенадцатисложным (мужская клаузула). Ст. 1–2 намекают на то, что и французский стих является силлабическим.

Текст приводится в мемуарах А.В. Бахраха «По памяти, по записям...» с таким объяснением: «Послание это писалось в одном из парижских монпарнаских кафе и датировано январем 1927 года». О нем см. в прим. к ст-нию «Звезды». 21 января 1927 г. Ходасевич с Берберовой были у него в гостях (*Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. М., 2002. С. 97).

«Алек, чтобы в стройном гимне...» — Мосты. 1965. № 11. С. 246.

Мы исправляем неправильное прочтение в ст.1: «...в стройном темпе...» (так во всех предыдущих публикациях). Эпиграф взят из рецензии В. Сирина на ССт-27 (Руль. 1927 (14 декабря)), где находится в следующем контексте: «Его любимый ритм — ямбический, мерный и веский. Пусть он местами строг до сухости; неожиданно он захлебывается упоительным пэоном, острая певучесть перебивает холодноватый ход стиха. Трепетность его хора удивительна».

В. Сирин — псевдоним, которым Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) пользовался до 1940 г. Набоков неоднократно называл Ходасевича величайшим русским поэтом XX в. См. его некролог Ходасевича (СЗ. 1939. Кн. 59). См. также: Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. 1987. Вып. 3. С. 277–291.

Об этом ст-нии А.В. Бахрах пишет: «Как видно из текста, в это время у Ходасевича был рецидив прилипчивой и очень мучившей его экземы, и он хотел получить от меня какой-то рецепт».

«Общею Музою нашей была Бронислава когда-то...» — *Дон Аминадо*. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк, 1954. С. 155; Наша маленькая жизнь. Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994, С. 584.

Экспромт, относится к *Брониславе* Матвеевне Рунт (в замуж. Погорелова, 1884–1983), свояченице Брюсова, в 1905 г. — секретарь «Весов»; эмигрантка. См. ее мемуары: *Погорелова Б.* Валерий Брюсов и его окружение; «Скорпион» и «Весь» // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 24–45, 312–321.

Экспромт приводится в следующем контексте: «А милая наша насмешница Броня Рунт, “председательница оргий”, могло ли ей прийти в шалую ее голову, замученную папильотками, обрамленную завитушками, что много, много лет спустя, где-то в угловом парижском кафэ, на бульвар Мюра, два когдатошных аборигена, два усердных посетителя ее Вторников или Сред в Дегтярном переулке, будут не без печали, смешанной с благодарностью, — вспоминать далекое прошлое, и воспоминания опять закончатся стихами, и на экземпляре “Счастливого домика”, подаренного поэтом Ходасевичем автору настоящей хроники, будут написаны последние, грустным юмором овеянные гексаметры?»

«Сквозь журнальные барьеры...» — Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 46 и 216.

«Хвостова внук, о, друг мой дорогой...» — Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 110; Встречи 1926–1971. М., 2002. С. 91. Ст-ние было, по словам Терапиано, записано в так называемую «перекресточную тетрадь» (рукописный альбом поэтического объединения «Перекресток»).

Ст-ние вскоре было перепечатано. См.: *Роголя-Левицкий Ю.* Горе-авторы нашего Зарубежья // Возрождение. 1953. Кн. 30 (ноябрь-декабрь). С. 175. Вариант в ст. 1: Хвостова брат, поэт мой дорогой. Здесь указан и адресат эпиграммы — основатель парижского «Союза молодых поэтов и писателей» Александр Яковлевич Браславский.

Хвостов, Дмитрий Иванович (1757–1835) — поэт-графоман, излюбленный объект иронических панегириков в 10–30-х годах XIX в.

«Я с Музою не игрывал уж год...» — Воздушные Пути (Нью-Йорк). 1965. № IV. С. 124. Без даты. Датируется предположительно.

Раевский, *Георгий* (Георгий Авдеевич Оцуп, 1897–1963) — поэт, член литературной группы «Перекресток», брат поэта Николая Оцупа.

Автограф-машинопись (БА).

Ночь в отеле Сельтик — СС-1. С. 264.

Ст-ние, первоначально называвшееся «Герои в отеле Сельтик», представляет собой пересказ первого романа Н.Н. Берберовой «Последние и первые» (1930).

Беловой автограф (БА). Без даты. Разночтения:

2: [Он угнетен]

5: [И] Ньюша [тут же] суетится

«Тот, кто на дверь наклеил объявление, что каждую среду...» — Новый Журнал. 1944. № 7. С. 303.

Шуточное послание М.В. Вишняку (см. прим. к ст-нию «Предупреждение врагу»), с датой: 6 ноябр. 930; с подписью: Дудкин, и припиской: «Ничего, кроме скуки и Державина!» В это время Ходасевич работал над последней главой биографии Державина, которая печаталась в СЗ.

Подражания древним. Ст-ния 2, 4, 5, <6> и <8> — СС-1. С. 265, вне цикла. Печ. по списку Н.А. Богомолова с черновых автографов на одном листе (БА), большей частью карандашом и часто зачеркнутых. Комментарии — также Богомолова. Название заимствовано из цикла А.С. Пушкина (1. «Чисто лоснится пол...» 2. «Славная флейта, Феон...»), однако антологические эпиграммы заменены эпиграммами в современном понимании слова. См.: *Богомолов Н.А. «Подражания древним» Вл. Ходасевича // Vademecum. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2009 (в печати).*

1. Парафраз эпиграммы Пушкина, начинающейся той же строкой (1835). *Князь Дундук* — кн. Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794–1869), вице-президент Российской Академии наук. В письме к А.Л. Бему от ноября 1935 г., рассказывая о деятельности парижского Пушкинского Комитета, Ходасевич писал: «...на заседаниях Комитета мне все хочется предложить, чтобы почтили вставанием память кн. М.А. Дондукова-Корсакова. Боюсь только, что не поймут, в чем дело, да и согласятся» (цит. по: *Янгиров Р. Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов // НЛО. 1999. С. 195; Ливак Л. Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2002. [Т.] IV. С. 439*). В примечании к своей публикации Р.М. Янгиров приводит также записанный И. Соколовой, подругой поэтессы А.С. Головиной, с ее слов, экспромт Ходасевича:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Почему такая честь?
Потому что ж... есть!
А в Париже тридцать шесть! —

Со следующим (неточным) пояснением: «В Париже в 1937 году, к столетию гибели Пушкина, был образован комитет по организации “Пушкинских дней”, в него входил и Ходасевич. Потом он с ними разругался и ушел, их было 37, а осталось 36!» (*Головина А. Вилла «Надежда»: Стихи. Рассказы. М., 1992. С. 357*).

2. *Ты помнишь, что изрек, / Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?* — неточная цитата первых двух строк ст-ния К.Н. Батюшкова «Ты знаешь, что изрек...» (1821).

До новой свадьбы Милюкова — один из наиболее известных политических деятелей эмиграции Павел Николаевич Милюков (1859–1943) овдовел в 1935 г. и вскоре вновь женился.

3. В автографе к слову «Вера» сделано примечание: «Вера Зайцева», впоследствии густо зачеркнутое. Парафраз шуточного двустипхия, приписывавшегося Пушкину: «Все изменяется под нашим зодиаком: / Лев Скорпионом стал, а Дева стала Раком». Ходасевич относит стихотворение к Борису Константиновичу (1881–1972) и Вере Алексеевне (1879–1965) Зайцевым, которых знал еще с московских времен. Отметим, что в одном из «донжуанских» списков Ходасевича фигурирует «Вера (З.)» (БА), которую, видимо, можно отождествить с В.А. Зайцевой. *Уж Глебом стал Борис* — намек на повесть Б. Зайцева «Путешествие Глеба. 1. Заря» (Берлин, 1937).

4. *Антоний* (Храповицкий, 1864–1934 [1936?]) — митрополит, глава Синода Русской Зарубежной Церкви.

Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) — митрополит, глава Западно-Европейского Экзархата, назначенный патриархом Тихоном.

И никого во всем приходе / Благословить он не хотел — парафраз строк: «И ничего во всей природе / Благословить он не хотел...» (А.С. Пушкин. «Демон», 1823). События, лежащие в основе стихотворения, связаны с кризисом в Зарубежной Русской Православной Церкви и борьбой за влияние двух ее предстоятелей на паству.

5. *Песчинка как в морских волнах...* — из ст-ния М.В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743).

...он в Раисиных грудях — речь идет о поэтах (и историках) Михаиле Генриховиче Горлине (1909–1943) и Раисе Ноевне Блох (1899–1943), друзьях Ходасевича, к которым обращены многие его шуточные стихи.

<6>. Ст. 3–4 первоначально читались: «Раз в Монте-Карло Казем Беку / Гукасов предложил обед. *Дарует небо человеку / Замену зол и частных бед*» (А.С. Пушкин. «Бахчисарайский фонтан», 1824).

Гукасов, Абрам Осипович (1872–1969) — предприниматель, финансист, владелец нефтяных приисков, издатель газеты «Возрождение» (1925–1940), в которой Ходасевич сотрудничал.

Казем-Бек, Александр Львович (1902–1977) — лидер правой партии «Союз младороссов»; в 1956 г. вернулся в СССР.

<7>. Первоначальный вариант эпиграммы:

Сказал Иванов, глядя в небо:
Ирина, право же, мила:
Она, к<а>к ветреная Геба,
Кормя Зев<есова> орла,
Разок-другой и мне дала.

Во втором варианте ст. 1–3 читались:

Под шум грозы в начале мая
Иванов, <небо?> созерцая,
Сказал: Ирина так мила!

Иванов — поэт, прозаик, мемуарист Георгий Владимирович Иванов (1894–1958), отношения с которым для Ходасевича были весьма важны (подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 376–391; *Арьев А.Ю.* Ничья: Письмо и открытка Георгия Иванова Владиславу Ходасевичу // *Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.*: Сб. статей. СПб., 2002. Кн. 2. С. 277–280).

Ирина — его жена, поэтесса Ирина Владимировна Одоевцева (1895–1990). Ст-ние использует многие образы ст-ния Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза» (1829).

<8>. Первоначально планировались названия: «Ночь в редакции П<оследних> Н<овостей>», «Голоса в ночи». У ст. 2 существует равноправный вариант: «Где наши денежки, Зелюк?» (Ходасевич не зачеркнул ни тот, ни другой, объединил фигурной скобкой и поставил вопросительный знак.)

П.Н. *Милюков* был главным редактором парижской газеты «Последние Новости».

Могилевский, Владимир Андреевич (1879–1974) — заведующий конторой и бухгалтер «Последних Новостей».

Зелюк, Орест Григорьевич (1888–1951 или 1950 — журналист и издатель, владелец типографии «Франко-русская печать», печатавшей «Последние Новости».

Gieb meine Jugend mir zurück! — слова из «Фауста» И.-В. Гёте, использованные Пушкиным как эпиграф к ст-нию «Таврида» (1822). Вероятно, в ст-нии идет речь о событиях, описанных Андреем Седых: «Слухи о Зелюке в общем правильны. Он обанкротился. Пассив достигает 2 миллионов. Не имея денег, он слишком развернул дело, купил на 800 тысяч машин, дал большой кредит заказчикам и попал в руки ростовщиков. Подвел он не “П<оследние> Н<овости>”, а нашего администратора В.А. Могилевского, который наивно выдавал ему дружеские векселя, не проставляя на них суммы. Проставлял Зелюк. Проставлял так хорошо, что Могилевскому представил к оплате на 140 000 франков опротестованных векселей. Бедняге пришлось заложить свою дачу,

занимать направо и налево. <...> Словом, Могилевский вывернулся. А что будет с Зелюком — не могу знать. Он очень запутан. <...>» (Письмо М.С. Миль-руду, около 15 декабря 1935 г. // *Абызов Ю., Флейшман Л., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. Кн. IV: Между Гитлером и Сталиным. С. 188).

Куплеты — СС-1. С. 266.

Viandox — бульонные кубики.

Обращено к *Раисе* Блох и *Михаилу* Горлину.

Верцингеторикс (у Ходасевича описка — «Венцингеторикс») — вождь галлов, побежден Юлием Цезарем и задушен в Риме в 46 г. до н.э.

Беловой автограф (БА). Без даты. Первоначальный вариант заглавия — «Стансы»; слово «кипя» заменило собой первоначальный вариант «варясы» (ст. 9).

«Не могу Вас не воспеть я...» — СС-1. С. 266.

На обороте письма к Н.Н. Берберовой. Под текстом — приписка: «На 75-летие Софьи Иоан<новны> Ландау» (мать Марка Алданова).

Беловой автограф (БА). Без даты.

«Задумаешь его почтить эпиталамой...» — СС-1. С. 267.

Беловой автограф (БА). Без даты. На той же странице — записи Ходасевича о Чайковском, вызванные, по всей вероятности, работой Н.Н. Берберовой над его биографией. На этом основании датируется серединой 30-х гг. (см.: Рец. Ходасевича на книгу Берберовой: В. 1936. № 4005 (21 мая)). Здесь же рядом — вариант начала:

[Начнешь ему писать эпиталаму —
Выходит эпитафия.]

«Г.Л.: Среду и субботу...» — СС-1. С. 267.

Г.Л. — Лозинский, Григорий Леонидович (1889–1942), историк, литературовед, переводчик; брат М.Л. Лозинского; как и Ходасевич, член Пушкинского комитета. См. запись в «Камер-фурьерском журнале» за четверг, 18 апреля 1935 г.: «К Лозинскому (редакц<ионная> комис<сия> Пушкинского комитета: Лозинский, Бунин, <Н.К.> Кульман, <М.Л.> Гофман)» (С. 254). См. также письмо Ходасевича к А.Л. Бему от 6 ноября 1935 г.: «...в комитете сидит человек сорок, из которых читали Пушкина четверо: Гофман, Лозинский, Кульман и Ваш покорный слуга» (публ. Р. Янгирова; Новое литературное обозрение. 1990. № 37. С. 194).

Дундук — подразумевается вице-президент Академии наук М.А. Дондуков-Корсаков (1794–1869), которому посвящена известная эпиграмма Пушкина 1835 г.

Автограф-машинопись (БА). Без даты. Ст. 5–8: в машинописи первоначально читались:

Чтоб скорее всем собором,
Соблюдя приличный кворум,
Нам сойтись у камелька —
И могучим грянуть хором,

Автограф-машинопись в письме к Г. Л. Лозинскому (Исторический архив Forschungstelle Osteuropa an der Universität Bremen: HA. FSO Bremen. Ф. 45; бумаги Пушкинского комитета).

На погребение Тейтеля — СС-1. С. 267–268.

Тейтель, Яков Львович (1851–1939) — известный в дореволюционные годы судебный следователь (единственный следователь-еврей в царской России), организатор сети филантропических учреждений, один из руководителей русского еврейства в эмиграции.

Макеев, Николай Васильевич (1889–1974) — журналист, в это время муж Н.Н. Берберовой.

Прегель, София Юльевна (1894? 1897?–1972) — поэтесса, прозаик.

Черновой автограф (БА). Без даты. Первое название: «На [смерть] Тейтеля». Разночтения:

10: Не [скорби] и плеч не горбь,

13: За душевной [сильной] мукой

19: Будет в Сонином [желудке]

24: (Слово «дивные» зачеркнуто, и под ним записано карандашом «мощные» с вопросительным знаком. — *Ред.*)

«О други! Два часа подряд...» — СС-1. С. 268–269.

Адресаты ст-ния — *Горлина*, *Раиса Ноевна* (урожд. Блох, 1899–1943), сестра издателя «Петрополиса», Якова Ноевича; поэт, переводчик и литературовед; погибла в немецком концлагере. См. рец. Ходасевича на ее сб. «Тишина» (Новые стихи // В. 1935. № 3585 (28 марта)).

Горлин, *Михаил Генрихович* (1909–1943) — поэт, переводчик, ученый-славист; погиб в концлагере. См. рец. Ходасевича на его сб. «Путешествие» (1936) (Новые стихи // В. 1937. № 4060 (9 января)). Горлин был секретарем французского слависта Андре Мазона. См. о них: *Каннак Е.* Памяти ушедших // Русская Мысль. 1980. № 3306 (1 мая). Научные труды Горлина и Блох были изданы парижским Институтом славяноведения в 1957 г.

Бенсерад — *Isaac de Benserade* (1612–1691), придворный поэт Людовика XIV («Король-Солнце»), член Французской академии.

Текст реконструирован по черновой рукописи, хранящейся в архиве М.М. Карповича (БА) (текст этот записан на четырех отдельных листах). Приводим его ниже. Первый набросок начала находится на обороте третьего листа:

[О други! Два часа подряд
Смотрю на сло<во Бенсерад>]
[О други! Два часа подряд]

Друзья [мои. Сей] Бенсерад
 безвестный
Внуш[ает] горьких мыслей ряд.
 ил мне
[Конечно], я не Бенсерад —
[Что слава?]
Пожалуй
Но этому совсем не рад.

[Веда<йте?>] [Смотрите:]
[Др<узя?>] Ве

Варианты публикуемого текста:

Начальным строкам предшествовало:

[Друзья мои! Бросаю взгляд
На домик тот, где Бенсерад
Провел годов]

[Друзья! Безвестный Бенсерад
Внушил мне горьких мыслей ряд
Зачем и я не Бенсерад?
Я]

О, други! Я совсем не рад
Тому, что

Ст. 2 заменила две зачеркнутые строки:

[Гляжу на дом, где] Бенсерад —
[Провел годов безвестный ряд, —]

II строфа, ст. 3: далее три зачеркнутые строки:

[Был огород — и в нем рассада.]
[В хозяйстве много было лада.
По вечерам, когда прохлада]

6: [Сход<ила? >] С небес лилась на стогны града —
8: Срывалась [с лиры] Бенсерада.

III строфе предшествуют две зачеркнутые строки:

[Скажу вам прямо: «Бенсераду
Я полон зависти: к]

1: [Как рифмы льнули] к Бенсераду[!]
3: Легко, приятно[!] [два] дня к ряду —

Далее три зачеркнутые строки:

[И попевал [ст<ихи?>]-таки к параду,
И сам король ему в награду
[И сам король ему в награду]
6: И сам король [ему за то] в награду
[за труд]

IV строфе предшествует несколько перечеркнутых вариантов:

[Не смейтесь же над Бенсерадом!
Он был всего лишь Бенсерадом.]

На правом поле:

Хоть б<ыл> он только Бенс<ерадом>
[Он счастлив был не слав<ы>
[Он] Не одурманен славы чадом,
Он ей не приходился чадом]

[Не смейтесь же над Бенсерадом!
[Не оду<рманен> [Пускай он не был]
Не одурманен славы чадом,
[чад]

[Он ей не приходился чадом]
Пусть не был ей родным он чадом, [чадо]
[А все же [родина] потомство]

[Не повернулись [жирны<м>] толстым задом
[И продает] [Ведь] И гордо продает номадам
[Но]
Открытки с милым Бенсерадом].]

[А все ж потомство толстым задом
Не повернулось к
И гордо продает номадам
Открытки с томным Бенсерадом]]

С левой стороны на поле в два столбца записаны рифмующиеся слова:
[параду] [до упаду] гаду эстраду чаду аду номаду [тираду] стаду. Немного
левее: отрадам чадам отрядам. По-видимому, сюда же следует отнести слово
«рядом», написанное над строфой и отделенное от нее чертой.

Варианты IV строфы:

1: [Хотел бы я быть] Бенсерадом!
4–7: А все ж [потомство]
[почтительно парадом]
К нему [потомство] ходит на дом
[два века]
[лет двести]
[И гордо продает] номадам
Открытки с [томным] Бенсерадом.

Последняя (V) строфа также является в нескольких вариантах переработки:

[Подумайте ж о Бенсераде]
[подумайте] [Закончим же о Бенсераде:
Когда теней в безмолвном стаде
Бродить [мы будем] я буду
Найдется ль стихоплет
И обо мне,
[И буд] [И]
Хоть в черновой своей тетради
Напишет ли [хоть] шутки ради —
[Черк<нет>] он
Как я теперь — о Бенсераде?]

[Чтоб обо] И обо мне в своей тетради
Чтоб
Черкнет ли он хоть шутки ради
<Черкн>уть хотя бы
Как я теперь — о Бенсераде]

[Закончим же о Бенсераде:
Когда теней в безмолвном стаде
В глухой тоске, в сердечном гладе
Бродить я буду, [как?] [в <дымном?> аде]
Кто обо мне в своей тетради
Черкнет хотя бы шутки ради,
Как я теперь — о Бенсераде?]

Беловой текст до нас не дошел. Он был послан М. и Р. Горлиным, пославшим в ответ на него следующее письмо:

10-VIII. 1935

Pension Poinsard

Lyons-la-Forêt (Eure)

Дорогой Владислав Фелицианович!

Спасибо! Мы недостойны таких стихов, тронуты, раздавлены и уничтожены. Решили отвечать балладой, повторили даже порядок рифм, но дальше не пошли, потому что от солнца и травы впали в полное умственное расслабление. Действительно, Бенсераду жилось недурно, между тем слава его не распространилась дальше угла нашей улицы. Ни здесь, ни в Руане, куда мы поехали, нельзя было достать его стихов. Мы привели в ужас несколько букинистов, которые, однако, придя в смятение, обещали эти стихи поискать. Не думайте, однако, что у нас дикие нравы. Табачник с дочерью, наши соседи, по вечерам играют на клавесидах и поют со слезой чувствительные романсы.

Вдова Poinsard лаконична и едка, как Ларошфуко, отлично жарит курицу и, что еще важнее, часто нам ее подает. Ее собачка хромает на ту же ногу, что и она. Все здесь ругают фармазонов и коммунистов.

Скоро опять будем в Париже, т.е. в Пасси и в Отейе, и, конечно, также в Мюрате. Думать об этом неприятно. Утешаемся лишь одной мыслью — увидеть Вас. Пробудем здесь до 20-го.

Сердечный привет Ольге Борисовне. Еще раз спасибо! Гордимся тем, что отныне вошли в примечания к Вашей биографии.

Всего Вам хорошего. Любящие Вас

*Раиса Блох
Миша Горлин*

На этом основании ст-ние Ходасевича можно датировать июлем 1935 г.

Позднее Горлины прислали и стихотворный ответ на балладу Ходасевича.

Вот он:

Ходасевичу — Горлины
Горацианская ода

Дорогой Владислав
Нам сказала вчера
Что измучил недуг
От Болонских лесов

Фелицианович,
Ольга Борисовна,
черного лебеда,
стихослагателя,

Что ни знатных матрон
Ни восточный Вишняк,
Огнедышащий взор,
Хитрословный язык

шапки фригийские,
ни Фондаминского
ни ослепительный
Марка Алданова

Не прельстили тебя
Дом покинуть и круг,
Что не манят тебя
Вообще никакой

и не заставили
лампой очерченный,
шумные скопища
pulver Olympicus,

Что заждался Бахрах,
Фельзен Пруста давно
Ждут в подвале тебя,
Чтобы строить мосты

Фельзен соскучился,
переПрустивший муж;
нового Цезаря,
в играх Британии.

Если видеть тебя
Близ пенатов твоих
Разреши нам, поэт,
Посетить тебя в час

можно в Болонии
в теплом триклинии,
в день воскресения
последопуденный.

8.XII.1935

Жалоба Амура — СС-1. С. 269.

Амур (римск. миф.) — бог любви.

Гименей (греч. миф.) — бог брака.

Ср. сказку А.С. Пушкина «Амур и Гименей» (1816) и одноименную статью Ходасевича (см.: *Русский Современник*. 1924. № 2; в кн. Ходасевича «О Пушкине». Берлин, 1937. С. 177–193; СС(96–97)-3. С. 500–511).

Приведено в письме Ольги Борисовны Марголиной-Ходасевич к Раисе Блох от 24 октября <1935 г.> (БА), где ст-ние подписано «Антон Мяукин». К письму Ходасевич сделал следующую приписку:

Примеч. редактора к изданию 2035 года:

Черновик без пометок. Датируется предположительно 1974 г., когда поэтесса Р(оза?) Блох вышла замуж за д-ра медицины М(атвея?) Горлина. Чувствуется

влияние Богдановича, Оцупа и других классиков. Инверсия в 3-м стихе напоминает подобную же:

Взявши тыквы штуки три,
Чисто выдолбит внутри.
Руки всунет в тыквы две —
А одна на голове.

При жизни поэта не печаталась. По-видимому, в ней нашло себе выражение чувство безнадежной любви к Р(озе?) Блох, — чувство, как известно послужившее причиной болезни поэта и рано сведшее его в могилу.

Из отзывов критики:

«...Г-жу Блох звали, очевидно, *Раисой*, как следует из текста письма, на котором находится автограф. Редактор мог бы это сообразить сам. В каких отношениях были Р. Блох, О. Ходасевич (?) и Антон Мясунин, нам, к сожалению, не удалось установить».

Катрен в приписке Ходасевича — из русского перевода (1890) книги Вильгельма Буша «*Max und Moritz*», которую Ходасевич очень любил.

Беловой автограф (БА). Без даты и заглавия. На обратной стороне бланка: *Astrologie-Voyance-Travaux Occultes. Fondation Indopsychnique. Fakir Birman. Médium Agrée, 14, rue de Berne, 14 — Paris (8-e).*

Приношение Р. и М. Горлиным — СС-1. С. 269–271.

Горлины — см. прим. к ст-нию «О други! Два часа подряд...».

Фельзен Юрий (наст. имя Николай Бернгардович Фрейдентштейн, 1894–1943) — прозаик, критик, переводчик; погиб в концлагере. См. статью Ходасевича «Романы Ю. Фельзена» (В. 1933. № 2781 (12 января)).

Статьи о Пушкине — книга статей Ходасевича «О Пушкине», вышедшая в берлинском издательстве «Петрополис» в феврале 1937 г.

Как звездочет к царю Додону — см. «Сказку о золотом петушке» (1831) А.С. Пушкина.

Не счесть алмазов... — слова из «Песни Индийского гостя» (опера Н.А. Римского-Корсакова «Садко»).

Беловой автограф в фонде Н.Н. Берберовой (библиотека Байнеке). С датой: 1937 1 мая.

Черновой автограф (БА). Без даты. За исключением I, 10; II, 6; II, 14–15 и III, 20, окончательный текст совпадает с печатным. Варианты:

Начальным строкам предшествовало:

[Друзья мои! Ведь вы читали
О бедном том магарадже

Который десять лет уже
Уснуть не]
[Друзья мои! Ведь вы читали
О]

Справа на полях позднейшие записи:

[Подумал: стоит свеч игра.
[Наклеил франка полто<ра>]
затратил франка полтора]

[Страницы он не дочитал
Зевнул — две недели спал]

Первоначально:

- 1: Друзья мои! Ведь вы [читали]
- 2: О бедном магарадже том,
[сл<авном>]
- 7: [Невероятные] лекарства

Далее зачеркнуто:

[До трех миллионов досчитал —]

- 8–10: [Он о] [И] Язык заглатывал, [при<зывал?>] скликал[,]
Ученых, [магов] заклинал
[И даже] Фельзена читал. (В черновике к этой строке
прим. нет. — *Ред.*)

11 и далее:

Не помогало. [[Он] полцарства]
[Решил отдать он] [наконец,]
[За полчаса простого сна
Решил отдать он свой в<енец?>]
[Он] полцарства
И

После 13-й строки следуют наброски, относящиеся к более поздним строкам:

[Спал две недели. Пробудясь,
Как верный слову — князь
Он отдал]

[Проснулся [бл<агосклонный?>]
Румя<ный> свеж<ий>, благосклонный]
14: Богатства, власти, [счастья], славы!

После 15-й строки следуют зачеркнутые:

[Так размышлял]
[Так думал я почти в слезах]
[Но некий]
Но голос тайный и лукавый
Мне все шептал, [иное.] [нет вреда] в деньгах[,]
[что] что и
[Беды особой нет], [что даже]
[Особой нет беды, что [даже]]

После 17-й строки:

[Затрать-ка франка 1¹/₂"
И я [посл<ал>] индийскому владыке]

20: В [далекий, чужой, неведомый Непал]
21: Статьи о Пушкине [послал.]

Началу II строфы предшествовало:

[Увы, страдалец венценосный
Уж разуверился во всем.]
[По счастью славный тот властитель
Был]

1: [Увы,] несчастливый властитель
5: Он еле [на него] взглянул[,]
[И без]
6: И все ж лениво развернул

7-й строке II строфы предшествовало:

[И стал читать. И вдруг [—] зевнул.
[П<рочтя?>]
[И не дочтя одной страницы]
[И — чудо! Не прочтя страницы]
[Ск<лонил?>]]

- 8: [И чудо! Потом]
[Потом]
11: [Кончая] первую главу.
[Не кончив]

Далее зачеркнуто:

[На цыпочках из залы тронной]
[Придворными из залы тронной]
Он б<ыл> в постель перенесен —
Спал две недели]
[На] [Тихонеч<ко>]

- 14–15: На [пятый] день проснулся он,
[третий]
Румяный, свежий, благосклонный
[И] Я

Затем Ходасевич вернулся к первоначальному «пятый», подчеркнув его одной чертой, и сделал знак перестановки строчек.

Далее зачеркнуто:

[Но разд<елить>]
[Все ж разделить со мной корону]
Он отказался наотрез.
[Как зв<ездочет> к царю Додону]
За то и я к нему не лез
Как зв<ездочет> к царю Додону.
В конце концов]

18: Далее зачеркнуто:

[Она, мол, [высший] дар небес]
вышний

Далее зачеркнуто:

[Корона высший дар небес

Затем Ходасевич вернулся к первоначальной строчке, подчеркнув ее одной чертой.

- 21: Бог с ним исчез]

[П] Ужасный для меня, для вас,
Для чел<овечест>ва, б<ыть> может.
[Раскаянье мне] сердце гложет!
[Тоска, тоска]
[досада]

Позднее эти четыре строки, в таком виде, как в окончательном тексте, были восстановлены и перенесены (указано стрелкой) после ст. 14.

- 9: [Был вечер. Чтоб не покидать
Своих сокр<овищ>]
10: [Мечтал.] [Прилег я]
11: Далее зачеркнуто:

[С неимоверными коврами,
Я видел]

- 13: Далее зачеркнуто:

[Биб?] [Я видел]
[С] [Где я]

- 14: Далее зачеркнуто:

[[Рук] Я знаю: бес меня толкнул
Я ту же книгу развернул.
Чтоб]

- 19: Далее зачеркнуто:

[В полубеспамятстве мечтанья]
[Я свою]
[Свою я книгу]

Продолжается на следующем листе:

[Свою я книгу развернул —
[Источник счастья и страданья.
Прочел страницу и уснул.]
Прочел страницу — и уснул]

- 20: Свою я книгу разогнул —
23: Прочтя страницу я [уснул]
25: Себя язвит[.] [Про<снувшись?>] в кольце огня.

Далее зачеркнуто:

[Проснувшись]
[Когда при [бледном] ярком свете дня]
[Мешков]
[Проснулся]

26: Далее зачеркнуто:

[Мешков я не увидел рядом.
Украли их...]

Блоха и горлинка. *Басня* — Воздушные Пути. 1965. № IV. С. 125. Без даты. Обыграны имена Р.Н. Блох и М.Г. Горлина (см. прим. к ст-нию «О други! Два часа подряд...»). На фотокопии машинописи, воспроизведенной в альманахе, — следующие записи: «Прочел без обиды. *М. Горлин*. Прошу выдать блины в неограниченном количестве — *нисколько не обидевшаяся Раиса Блох*».

Машинопись с правкой от руки Ходасевича (БА). В нем вариант 5-й строки: Но горлинка в ответ: «[А мне какое] дело?». «Гений» первоначально был написан с строчной буквы.

НЕСОХРАНИВШЕЕСЯ

В альбом («Скажите: совершая путь...») — СХ: 1916, 29/IV.

См. прим. к ст-нию «Мы вышли к морю. Ветер к суше...».

«Как не шататься, не клониться...» — СХ: 3 апр<еля> 22. ПБ. Диск <Дом искусств>. 9 час<ов> 45 м<инут> веч<ера>.

«И тайное величье...» — СХ: Париж, 18–19 апреля <1928>.

«Как, в сущности, просто было тогда...» — СХ: 13 марта 1929, Париж.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Война в русской лирике

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское, родное!» — воскликнул Тютчев во дни войны 1854 года. Он был прав, но не до конца. Когда шумит бой, невольно мы прислушиваемся напряженной к его далеким раскатам, нежели к мирному «голосу лир». Однако любовь к поэзии, одно из прекраснейших движений человеческого сердца, никогда не замирает вполне. В форму стихов облакаем мы лучшие и напряженнейшие свои чувства, к книгам поэтов обращаемся в самые тяжелые и самые счастливые минуты жизни. О том, что теперь слову русскому «не до стихов», сам Тютчев сказал стихами. Окончательно не до стихов многим из нас не бывает никогда.

Сейчас Россия подняла меч в защиту свободы и культуры. Мы воюем во имя мира. Все помыслы наши сейчас там, где решаются великие судьбы человечества и маленькие, но бесконечно драгоценные для нас судьбы наших родных и близких и наших благородных союзников. Что же удивительного, если, мысленно присутствуя там, на полях сражений, мы берем с полки книгу стихов и в ней тоже ищем отголосков того, что томит нас неодолимо?

Так и составила эта маленькая книжка. В нее мы включили лучшие, на наш взгляд, стихи о войне, написанные русскими поэтами с того часа, как раздался голос «Певца во стане русских воинов». Здесь собрано не то, что создано было на темы политические, связанные с войнами, для нас уже миновавшими, а по возможности — стихи о самом процессе войны, о ее прекрасном и отвратительном образе, и о чувствах, ей возбуждаемых. Но и при этом в области описательной мы брали лишь то, что относится к войнам, разразившимся при жизни авторов: в настоящую минуту нас более привлекает свидетельство современника, нежели воображение художника. Исключение сделано только для лермонтовского «Бородин»: надеемся, это не нуждается в пояснениях.

Сейчас не время судить, как исполнили мы нашу задачу с точки зрения чисто литературной. Быть может, этот небольшой труд страдает неполнотой и другими промахами. Зато он нам представляется в высшей степени своевременным — и в том его оправдание.

В. Х. 1914, август

Жуковский В. А.

Певец во стане русских воинов

Батюшков К. Н.

Послание к Дашкову («Мой друг! Я видел море зла...»)

Вяземский П. А.

Поминки по Бородинской битве («Милорадовича помню...»)

Рылеев К. Ф.

Партизаны («В лесу дремучем...»)

Давыдов Д. В.

Бурцеву («В дымном поле на биваке...»)

Песня («Я люблю кровавый бой!...»)

Партизан («Умолкнул бой...»)

Пушкин А. С.

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей...»

Война («Война!.. Подъяты наконец...»)

Золото и булат («Все мое, сказало злато...»)

Делибаш («Перестрелка за холмами...»)

Дельвиг А. А., бар.

Отставной солдат («Нет, не звезда мне из лесу светила...»)

Боратынский Е. А.

Смерть Багговута («Взвевает ветер среди рядов...»)

Языков Н. М.

А. Н. Вульф («Прощай! Неси на поле чести...»)

Кольцов А. В.

Военная песня («Затрубили трубы бранные...»)

Лермонтов М. Ю.

«В рядах мы стояли безмолвной толпой...»

Бородино

Валерик

Бенедиктов В. Г.

Бранная красавица («Она чиста, она светла...»)

Разлука («Поле славы предо мною...»)

Тютчев Ф.И.

Проезжая через Ковно («Ты ль это, Неман величавый?...»)

«Вот от моря и до моря...»

Некрасов Н.А.

«Внимая ужасам войны...»

Страшный год («Страшный год! Газетное витийство...»)

Голенищев-Кутузов А.А., гр.

«Мы шли дорогою. Поля по сторонам...»

Шествие войны («Она идет с нахмуренным челом...»)

Мольба («Убийства жаждой не объятый...»)

Орлы («Их горсть — и вот взметает Сулейман...»)

Родная («Покинув родину и дом, она пошла...»)

Плевна («Каким-то медленным огнем...»)

Фет А.А.

Севастопольское братское кладбище («Какой тут дышит мир!...»)

Майков А.Н.

Цавелиха («С гор Али-паша на Сули...»)

Полонский Я.П.

Туда! («Ты знаешь ли тот край, где высятся Балканы...»)

К.Р.

Полк («Наш полк! Заветное, чарующее слово...»)

Бальмонт К.Д.

Крик часового («Пройдя луга, леса, болота, горы...»)

Война («История людей...» и «Боже мой, о Боже мой...»)

Война, не вражда («Мне странно подумать, что трезвые люди...»)

Блок А.А.

На поле Куликовом

Брюсов В.Я.

Война («На камнях скал, под ропот бора...»)

Песня (солдатская) («Так-то, братцы, и с Китаем...»)

Последняя война («Свершилось. Рок рукой суровой...»)

Наши дни («Не вброшены ль в былое все мы...»)

Соловьева П.С.

Воин («Приемля нездешнюю, тайную волю...»)

Садовской Б.А.

Памяти А.В. Самсонова («Орлиным взором ты следил...»)

Русская лирика

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Составитель этого сборника ставил своею целью собрать воедино по возможности все прекраснейшее, чем богата русская поэзия в прекраснейшем из своих отделов — в лирике. Насколько удалось ему разрешить эту задачу, такую простую и в то же время такую трудную, — судить не нам. Однако именно этой задачей объясняются некоторые особенности предлагаемой книги, отличающие ее от других антологий.

В то время как другие подобные издания стараются представить каждого поэта в наиболее характерных, выразительных для него образцах, стремятся выявить его творчество и мирозерцание как можно всестороннее, — мы мало заботились о такой полноте. Мы старались выбрать *лучшие* произведения каждого данного автора, независимо от того, являются ли они в его творчестве типическими или случайными, вполне самостоятельными или отражающими чужое влияние.

Само собой разумеется, что такое разрешение вопроса о содержании сборника спасло нас от тенденциозного и одностороннего подчеркивания какого-нибудь из идейных мотивов русской лирики, например, религиозного или общественного. Нашим мерилом было лишь художественное совершенство.

Мы сознательно не включили в сборник созданий народной, изустной лирики, ограничившись произведениями поэзии письменной, книжной, которую начинаем с Ломоносова, создателя нашего литературного языка, и кончаем стихами К.М. Фофанова, творчество которого подводит нас к ныне господствующей школе символизма.

Читатель не должен на нас сетовать, если в этом сборнике он встретит много произведений, неизменно входящих во все хрестоматии. Что делать! Мы не решались отказываться от стихов гениальных только потому, что их гениальность признана всеми. Вот почему, напр., Пушкину, «солнцу русской поэзии», отвели мы так много места. Но ведь и солнцу небесному много места отведено в нашей планетной системе!..

Мы позволим себе сделать еще одну оговорку. Нельзя отрицать, что в ряду чувств, волновавших многих русских поэтов, чувства и переживания гражданские сами по себе были возвышенны и прекрасны. Но, к сожалению, именно эти переживания редко находили себе столь же прекрасное воплощение. Вот почему гражданские мотивы представлены в нашем сборнике так бедно. Социальные стремления могут и должны *быть* предметом исследований, посвященных истории общественных идеалов, но сами по себе они — не материал для антологии.

Ломоносов М.В.

Вечернее размышление о Божием величестве, по случаю великого северного сияния

Утреннее размышление о Божием величестве

Богданович И.Ф.

Эклога («Уже осенние морозы гонят лето...»)

Радищев А.Н.

Сафические строфы («Ночь была прохладная, светло в небе...»)

Страх любви («О, сильный бог любви...»)

Капнист В. В.

Другу моему («Взгляни, как снегом покровенны...»)

Скромное признание в любви («Ах, пойду, рассею скуку...»)

Державин Г.Р.

Фелице («Благоподобная Царевна...»)

Властителям и судиям («Восстал всевышний Бог, да судит...»)

Ласточка («О, домовитая ласточка!...»)

Памятник («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»)

Анакреон в собрании («Нежный, нежный воздыхатель...»)

Мщение («Бог любви и восхищенья...»)

Нелединский-Мелецкий Ю.А.

К луне («В вечерний мирный час, когда природа дремлет...»)

Дмитриев И.И.

«Стонет сизый голубочек...»

«Без друга и без милой...»

Батюшков К.Н.

Тень друга («Я берег покидал туманный Альбиона...»)

Вакханка («Все на праздник Эригоны...»)

Из Павла Силенциария («Сокроем навсегда от зависти людей...»)

«Есть наслаждение и в дикости лесов...»

Изречение Мелхиседека («Ты знаешь, что изрек...»)

Жуковский В.А.

Светлана («Раз в крещенский вечерок...»)

К самому себе («Ты унываешь о днях, невозвратно протекших...»)
Смерть («То сказано глупцом и признано глупцами...»)
В альбом («Ты свет увидела во дни моей весны...»)
Песня («Минувших дней очарованье...»)
Воспоминание («О милых спутниках, которые наш свет...»)
Море («Безмолвное море, лазурное море...»)
Две загадки («Не человечими руками...» и «На пажити необозримой...»)
Покойнику («Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе...»)
Пушкин А.С.
Роза («Где наша роза...»)
Певец («Слышали ль вы за рощей глас ночной...»)
Слово милой («Я Лилу слушал у клавира...»)
Желание («Медлительно влекутся дни мои...»)
К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость...»)
Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...»)
Домовому («Поместья мирного незримый покровитель...»)
Дорида («В Дориде нравятся и локоны золотые...»)
«Погасло дневное светило...»
Фонтану Бахчисарайского дворца («Фонтан любви, фонтан живой...»)
Муза («В младенчестве моем она меня любила...»)
«Наперсница волшебной старины...»
Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой...»)
Птичка («В чужбине свято наблюдаю...»)
Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»)
Подражания Корану
Андрей Шенье («Меж тем как изумленный мир...»)
К А.П. Керн («Я помню чудное мгновенье...»)
19 октября 1825 г. («Роняет лес багряный свой убор...»)
Буря («Ты видел деву на скале...»)
Пророк («Духовной жаждою томим...»)
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной...»)
Поэт («Пока не требует поэта...»)
«Город пышный, город бедный...»
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...»)
«Я вижу в праздности, в неистовых пирах...»
Анчар («В пустыне чахлой и скупой...»)
«Я вас любил, любовь еще, быть может...»
Стансы («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)
Мадонна («Не множеством картин старинных мастеров...»)
Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...»)

- Заклинание («О, если правда, что в ночи...»)
«Пью за здравие Мери...»
«Для берегов отчизны дальней...»
«Вновь я посетил...»
Полководец («У русского царя в чертогах есть палата...»)
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
К жене («Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»)
Козлов И.И.
Стансы («Настала тень осенней длинной ночи...»)
Сельская жизнь («Блажен, кто мирно обитает...»)
Давыдов Д.В.
Не пробуждай («Не пробуждай, не пробуждай...»)
Вяземский П.А., кн.
«Колокольчик однозвучный...»
«Колокольчик, замотайся...»
Тройка («Тройка мчится, тройка скачет...»)
Дельвиг А.А., бар.
«Пела, пела пташечка...»
Вдохновение («Не часто к нам слетает вдохновенье...»)
Тихая жизнь («Блажен, кто за рубеж наследственных полей...»)
Пушкину («Кто, как лебедь цветущей Авзонии...»)
Кюхельбекер В.К.
Лицейская годовщина 19 октября 1838 г. («Блажен, кто пал, как юноша
Ахилл...»)
Боратынский Е.А.
Лиде («Твой детский вызов мне приятен...»)
Водопад («Шуми, шуми с крутой вершины...»)
Разуверение («Не искушай меня без нужды...»)
Череп («Усопший брат! Кто сон твой возмутил...»)
«Сей поцелуй, дарованный тобой...»
Она («Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...»)
Смерть («Смерть дочерью тьмы не назову я...»)
Н.Л. Боратынской («Своенравное прозвание...»)
Последний поэт («Век шествует путем своим железным...»)
Приметы («Пока человек естества не пытал...»)
«На что вы, дни! Юдольный мир явления...»
«Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..»
Скульптор («Глубокий взор вперив на камень...»)
«Благословен святое возвестивший!..»
На посев леса («Опять весна; опять смеется луг...»)

Одоевский А.И., кн.

Желание непробудного сна («Еще твой образ светлоокий...»)

«Ты знаешь их, кого я так любил...»

Языков Н.М.

Молитва («Молю святое Провиденье...»)

«Прощай, красавица моя...»

А.Н. Вульф («Скажу ль тебе, кого люблю я...»)

Сомнение («Когда зовут меня поэтом...»)

«Бог весть, не втуне ли скитался...»

Туманский Ф.А.

Птичка («Вчера я растворил темницу...»)

Туманский В.И.

Звено («Былых страстей, былых желаний...»)

Веневитинов Д.В.

Веточка («В бесценный час уединенья...»)

Моя молитва («Души невидимый хранитель...»)

Полежаев А.И.

Песнь погибающего пловца («Вот мрачится...»)

Кольцов А.В.

«Не мне внимать напев волшебный...»

Кольцо («Я затеплю свечу...»)

«Ах, зачем меня...»

Звезда («Где б ни был я — всегда...»)

Лермонтов М.Ю.

Мой демон («Собрание зол — его стихия...»)

«Как в ночь звезды падучей пламень...»

Ночь («Погаснул день. И тьма ночная своды...»)

Крест на скале («В теснине Кавказа я знаю скалу...»)

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»)

«Нет, я не Байрон: я другой...»

Русалка («Русалка плыла по реке голубой...»)

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!...»)

Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)

Три пальмы («В песчаных степях аравийской земли...»)

Благодарность («За все, за все Тебя благодарю я...»)

Любовь мертвеца («Пускай холодною землею...»)

Сон («В полдневный жар, в долине Дагестана...»)

Пророк («С тех пор как Вечный Судия...»)

«Выхожу один я на дорогу...»

Тютчев Ф.И.

Видение («Есть некий час в ночи всемирного молчания...»)

Весенняя гроза («Люблю грозу в начале мая...»)

«Святая ночь на небосклон взошла...»
«Как океан объемлет шар земной...»
«О чем ты воешь, ветр ночной...»
На кончину Пушкина («Из чьей руки свинец смертельный...»)
«Эти бедные селенья...»

День и ночь («На мир таинственный духов...»)
Лебедь («Пускай орел за облаками...»)
Осенний вечер («Есть в светлости осенних вечеров...»)
Близнецы («Есть близнецы, для земнородных...»)
«О, вещая душа моя...»
Последняя любовь («О, как на склоне наших лет...»)

«Играй, покуда над тобою...»
«Люблю глаза твои, мой друг...»
«Не то, что мните вы, природа...»
«Смотри, как на речном просторе...»
«Природа сфинкс. И тем она верней...»
«Чему молилась ты с любовью...»

Хомяков А.С.

Два часа («Есть час блаженства для поэта...»)
Видение («Как темнота широко воцарилась!...»)
Труженик («По жестким глыбам сорной нивы...»)
«Поле мертвыми костями...»

Бенедиктов В.Г.

Развалины («Обломки... прах... Все сумрачно и дико...»)
Мой выбор («Я — вечный враг блистательной заразы...»)

Павлова Каролина

«Блещет дол оледенелый...»
«Вчера листы изорванного тома...»
«Не раз себя я вопрошаю строго...»
Сфинкс («Эдипа Сфинкс, увы! он пилигрима...»)
«Бежал корабль, прорезывая бело...»

Росточина Е.П., гр.

Ожидание («Я жду тебя!.. Уж спущены гардины...»)
Нашим будущим поэтам («Не трогайте ее — зловецей сей цевницы!...»)

Никитин И.С.

«В чистом поле тень шагает...»
Воспоминание о детстве («Однообразно и печально...»)

Огарев Н.П.

Вечер («Когда настанет вечер ясный...»)
Дилижанс («Уж смерклося почти, когда мы сели...»)
«Стучу — мне двери отпер ключник старый...»

Щербина Н.Ф.

Детская игра («Дети резвятся, бросая свой маленький диск по дороге...»)

Эллада («Окружена широкими морями...»)

Толстой А.К., гр.

«По гребле неровной и тряской...»

«Змея, что по скалам влечешь свои извивы...»

«Ты клонишь лик, о нем упоминая...»

«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...»

«Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...»

Некрасов Н.А.

Влас («В армяке с открытым воротом...»)

«Внимая ужасам войны...»

Зине («Двести уж дней...»)

Сон («Мне снилось: на утесе стоя...»)

Тургенев И.С.

Весенний вечер («Гуляют тучи золотые...»)

К *** («Через поля к холмам тенистым...»)

В. Н. Б. («Когда в весенний день, о, ангел мой послушный...»)

В дороге («Утро туманное, утро седое...»)

Мей Л.А.

Плясунья («Окрыленная пляской без роздыху...»)

Малиновке («Да! Ты клетки ненавидишь...»)

Над гробом («Не может быть, чтоб этот труп...»)

Плещеев А.Н.

Зимнее катанье («Посмотри, на небе звезды...»)

Полонский Я.П.

Дорога («Глухая степь — дорога далека...»)

«Пришли и стали тени ночи...»

Колокольчик («Улеглась метелица... путь озарен...»)

Двойник («Я шел и не слышал, как пели соловьи...»)

Сон («Затворены душные ставни...»)

Царь-девица («В дни ребячества я помню...»)

Майков А.Н.

«Все думаю тайную в душе моей питает...»

«Я в гроте ждал тебя в урочный час...»

Fortunata («Ах, люби меня без размышлений...»)

Голос в лесу («Давно какой-то девы пенье...»)

Болото («Я целый час болотом занялся...»)

Розы («Вся в розах — на груди, на легком платье белом...»)

Весна («Голубенький, чистый...»)

Из новогреческих песен:

1. Колыбельная песня («Спи, дитя мое, усни!..»)

2. «Меж тремя морями башня...»

Фет А.А.

«Измучен жизнью, коварством надежды...»

«Не тем, Господь, могущ, непостижим...»

Ласточки («Природы праздный соглядатай...»)

Музе («Пришла и села. Счастлив и тревожен...»)

«С бородою седою верховный я жрец...»

«Кому венец: богине ль красоты...»

«Только встречу улыбку твою...»

«Одним толчком согнать ладью живую...»

Ракета («Горел напрасно я душой...»)

«Ты вся в огнях, — твоих зарниц...»

Венера Милосская («И целомудренно, и смело...»)

«Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всеильны...»

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»

«Есть ночи зимней блеск и сила...»

«Только в мире и есть, что тенистый...»

«Офелия гибла, и пела...»

На качелях («И опять в полусвете ночном...»)

Суриков И.З.

«Встало утро, сыплет на цветы рососою...»

Апухтин А.Н.

Из весенних песен («Весенней ночи сумрак влажный...»)

«Ни отзыва, ни слова, ни привета...»

Голенищев-Кутузов А.А., гр.

Встреча Нового года («Вином наполнены бокалы...»)

«День отошел. Беззвучной ночи тьма...»

Летняя ночь («Я видел ночь. Она передо мной...»)

«О, не дыши, весна, мне в сердце сладким ядом...»

Надсон С.Я.

В тени задумчивого сада

Соловьев Владимир

«Вся в лазури сегодня явилась...»

«Бедный друг! истомил тебя путь...»

«Милый друг! Иль ты не видишь...»

«Вижу очи твои изумрудные...»

Имману-Эль («В тьму веков та ночь уж отступила...»)

На Сайме зимой («Вся ты закуталась шубой пушистой...»)

«Нет, силой не поднять тяжелого покров...»

Случевский К.К.

Невеста («В пышном гробе меня разукрасили...»)

После казни в Женеве («Тяжелый день... Ты уходил так вяло...»)

«Дайте, дайте мне, долины наши ровные...»

«Чуть глянул жар румяного востока...»

«Когда больной умрет, и кончится со смертью...»

«Вот она — великая трясина!..»

«Как эти сосны древни, величавы...»

«Ты тут жила! Зимы холодной...»

«В вас о поэзии смешное представленья...»

«Не наседайте на меня отвсюду...»

«Упала молния в ручей...»

Лохвицкая М.А.

Подруге («За смоль эбеновых волос...»)

«На жизнь и вечность полюбя...»

Союз магов:

1. Жрец Солнца («Великий Маг стоял на львиных шкурах...»)

2. Жрица Луны («Но в час, когда слабеет дня влиянье...»)

В саду над бездной («Был труден путь. Был зноен день...»)

Завет дьявола («Ты хочешь власти? — Будет власть...»)

Фофанов К.М.

Дачная прогулка («Тихо бредем мы четой молчаливой...»)

«По городу шел я безмолвно печальный...»

«Под напев молитв пасхальных...»

«О, эта бледная весна!..»

- «А мне и волн морских прибой...» (У моря) 98
- Авиатору («Над полями, лесами, болотами...») 115
- Автомобиль («Бредем в молчании суровом...») 142
- Акробат. *Надпись к силуэту* («От крыши до крыши протянут канат...») 89
- «Алек, чтобы в стройном гимне...» 336
- «Амур в слезах Поэту раз предстал...» (Жалоба Амура) 344
- Ангелы («Близкие, нежные тени...») 239
- Анюте («На спичечной коробке...») 112
- Аполлиназм («На Лая лаем лай! На Лая лаем лаял...») 334
- «Апрельский дождик слегка накрапывал...» 295
- Афине («Тебе, богине светлоокой...») 256
- Афродита («Сирокко, ветер невеселый...». Соррентинские заметки, 3) 214
- «Ах, царевна, как прекрасны...» (Розы) 264
- «Ах, Шурочка! Амурчикова мама...» (Шурочке по приятному случаю дня ее рождения. *Подражание Петрарку*) 327
- «Байрону, Пушкину вслед, родословьем своим ты гордишься...» (Поэту-пролетарию) 270
- Бал («Я шел по скользкому паркету...») 226
- Баллада («Мне невозможно быть собой...») 182
- Баллада («Сижу, освещаемый сверху...») 151
- Бегство («Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной...») 78
- Бедные рифмы («Всю неделю над мелкой поживой...») 181
- «Бедный Бараночник болен: хвостик, бывало проворный...» 328
- «Без мыла нынче трудно жить...» (Пути и перепутья) 331
- Без слов («Ты показала мне без слов...») 113
- Белые башни («Грустный вечер и светлое небо...») 241
- Бельское Устье («Здесь даль видна в просторной раме...») 140
- Берлинское («Что ж? От озноба и простуды...») 164
- «Благовари богов, царевна...» (Завет) 77
- «Близкие, нежные тени...» (Ангелы) 239

- Блоха и горлинка. *Басня* («На пуп откупщика усевшись горделиво...») 347
 «Большие флаги над эстрадой...» 149
 «Бредем в молчании суровом...» (Автомобиль) 142
 Брента («Брента, рыжая речонка!...») 87
 «Брента, рыжая речонка!...» (Брента) 87
 «Будут ли ясно сиять небеса...» (Предупреждение врагу) 335
 Буриме («Огни да блестки на снегу...») 282
 Буриме. Для второго изд<ания> «Сч<астливого> Домика» («И вот он снова —
 неумолчный шорох...») 280
 Буря («Буря! Ты армады гонишь...») 129
 «Буря! Ты армады гонишь...» (Буря) 129
 «Бывало, думал: ради мига...» (Стансы) 135
 «Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго...» (Дактили) 217
 «Была жара. Леса горели. Нудно...» (Обезьяна) 108
 «Была туманной и безвестной...» (Улика) 148
 «Было на улице полутемно...» 167
 «Бьется ветер в моей пелеринке...» (На Грибном рынке) 279
 Бювар («В бюваре из розовой кожи...») 271
 «В Академии Наук...» (Подражания древним, 1) 339
 В альбом («Вчера под вечер веткой туи...») 67
 «В беседе хладной, повседневной...» 295
 «В бюваре из розовой кожи...» (Бювар) 271
 «В высокой башне — темных окон ряд...» (Часовня) 228
 «В голубом эфира поле...» (Романс) 211
 «В городе ночью...» 290
 «В грохоте улицы, в яростном вопле вагонов...» (Весной) 203
 «В душе холодной и лукавой...» (Случайность) 267
 «В забавах был так мудр и в мудрости забавен...» (Памяти кота Мурра) 319
 «В заботах каждого дня...» 90
 В заседании («Грубой жизнью оглушенный...») 134
 «В каком светящемся тумане...» 298
 В кафе («Мясисто губы выдаются...») 307
 «В кольце безумствующих гадин...» (Забытый) 254
 В моей стране («Мои поля сыпучий пепел кроет...») 29
 В Петровском парке («Висел он, не качаясь...») 96
 «В последний раз зову Тебя: явись...» 319
 «В рот — золото, а в руки — мак и мед...» (Золото) 101
 «В семнадцать лет, когда до слез, до слез...» 292
 В снегах («О, белых пчел беззвучные рои...») 257
 «В темноте, задыхаясь под шубой, иду...» (По бульварам) 97
 «В тихом сердце — едкий пепел...» 57

- «В час, когда пустая площадь...» (Закат) 59
- «В час утренний у Santa Margherita...» (Встреча) 106
- «В этих отрывках нас два героя...» 302
- «В этой грубой каменоломне...» 308
- «В этом глупом Schweizerhof'e...» 278
- Вахх («Как волшебник, прихожу я...») 138
- Вариация («Вновь эти плечи, эти руки...») 100
- «Вверху — грошовый дом свиданий...» (Звезды) 191
- «Вдруг из-за туч озолотило...» 159
- «Века, прошедшие над миром...» 63
- «Великая вокруг меня пустыня...» 312
- «Велишь — молчу. Глухие дни настали!...» (Кольца, II) 48
- «Весело чижик поет...» (Весна) 201
- Веселье («Полузабытая отрада...») 220
- «Весенний лепет не развежит...» 158
- Весенний рассказ («Не знаю, ночь ли их свела...») 199
- Весна («Весело чижик поет...») 201
- Весной («В грохоте улицы, в яростном вопле вагонов...») 203
- Вечер («Красный Марс восходит над агавой...») 80
- Вечер («Под ногами скользь и хруст...») 143
- «Вечер холодно-весенний...» 46
- «Вечерние известия!...» (Газетчик) 116
- «Вечерних окон свет жемчужный...» (Вечером синим) 46
- Вечером в детской («О детках никто не заботится...») 244
- Вечером синим («Вечерних окон свет жемчужный...») 46
- «Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива...» (Элегия) 55
- «Взгляни, как солнце обольщает...» (Ручей) 86
- «Висел он, не качаясь...» (В Петровском парке) 96
- «Внимая дикий рев погони...» (Горгона) 248
- Вновь («Я плачу вновь. Осенний вечер...») 240
- «Вновь эти плечи, эти руки...» (Вариация) 100
- «Во дни громадных потрясений...» (Стансы) 291
- «Во мне конец, во мне начало...» (Памятник) 316
- Водопад («Там, над отвесною громадой...». Соррентинские заметки, 1) 213
- Возвращение Орфея («О, пожалейте бедного Орфея!...») 61
- «Вокруг меня кольцо сжимается...» 30
- «Вопрос. Броня, почему ты...» (На отъезд милого) 326
- Ворожба («Догорел закат за речкой...». Мыши, 1) 71
- Ворон («Я выследил его от скуки...») 280
- Воспоминание («Всё помню: день, и час, и миг...». Стихи о кузине, III) 43
- Воспоминание («Здесь, у этого колодца...») 118
- «Воспоминанье прихотливо...» (Соррентинские фотографии) 173

- «Вот в этом палаццо жила Дездемона»...» 204
«Вот, открыл я магазин игрушек...» (Рай) 81
«Вот повесть. Мне она предстала...» 301
«Вот смотрите: я руку жгу...» 288
«Вот уж дым всклубился черный...» 293
«Время легкий бисер нижет...» 50
«Всё было сине. Роща вечерела...» (Сон) 269
«Все былые страсти, все тревоги...» (Молитва. Мыши, 3) 72
«Всё жду: кого-нибудь задавит...» (Из окна, 2) 133
«Всё изменилось под нашим зодиаком...» (Подражания древним, 3) 339
«Всё каменное. В каменный пролет...» 170
«Всё помню: день, и час, и миг...» (Воспоминание. Стихи о кухне, III) 43
«Всё только смерти да поминки!..» 317
«Все тропы проклятью преданы...» 36
«Встаю расслабленный с постели...» 171
Встреча («В час утренний у Santa Margherita...») 106
«Всю неделю над мелкой поживой...» (Бедные рифмы) 181
«Всю ночь мела метель, но утро ясно...» (Музыка) 123
2-го ноября («Семь дней и семь ночей Москва металась...») 102
«Входя ко мне, неси мечту...» (Гостю) 130
«Вчера под вечер веткой туи...» (В альбом) 67
«Высокий, молодой, сильный...» 290
«Высоких слов она не знает...» (Лида) 139
«Выходи, вставай, звезда...» (Звезда) 41
- «Г.Л.: Среду и субботу...» 342
Гадание («Ужели я, людьми покинутый...») 35
Газетчик («Вечерние известия!..») 116
«Где пахнет черною карболкой...» (Под землей) 169
«Гляжу на грубые ремесла...» 150
Голос Дженни («Мой любимый, где ж ты коротаешь...») 62
Голубок («Дверцу клетки ты раскрыла...») 285
Горгона («Внимая дикий рев погони...») 248
Горе («Горе мое, златоносным потоком развейся...») 258
«Горе мое, златоносным потоком развейся...» (Горе) 258
«Горит звезда, дрожит эфир...» 141
«Горьки думы о земном...» (Отшельник) 197
«Горячий ветер, злой и лживый...» (День) 132
Гостю («Входя ко мне, неси мечту...») 130
Граммфон («Ребенок спал, покуда граммфон...») 216
«Гремит вода. По стенкам таза...» 315

- «Гремите в литавры и трубы, веселые люди!...» 262
 Грифу («Привет тебе из тихой дали...») 253
 «Грубой жизнью оглушенный...» (В заседании) 134
 «Грустный вечер и светлое небо...» (Белые башни) 241
- «Да, да! В слепой и нежной страсти...» (Жизель) 131
 «Да, я бежал, как трус, к порогу Хлои стройной...» (Бегство) 78
 «Давно пора сказать тебе открыто...» 287
 Дактили («Был мой отец шестипалым. По ткани, натянутой туго...») 217
 «Дарует небо человеку...» (Подражания древним, <6>) 340
 Дачное («Уродики, уродища, уроды...») 168
 26 мая 1836 («Оставил дрожки у заставы...») 310
 «Дверцу клетки ты раскрыла...» (Голубок) 285
 «Двусмыслица, прекрасная царевна...» 293
 День («Горячий ветер, злой и лживый...») 132
 «День морозно-золотистый...» (Зимой) 197
 «День серый, ласковый, мне сердца не томи...» (Романс) 268
 «Деревья Кронверкского сада...» (Элегия) 145
 Джон Боттом («Джон Боттом славный был портной...») 184
 «Джон Боттом славный был портной...» (Джон Боттом) 184
 Диалог («Дьявол, Вечный Изменник...») 255
 Диск («Чело в лучах и члены гибки...») 246
 «Доволен я своей судьбой...» 210
 «Довольно! Красоты не надо...» (Искушение) 128
 «Догорел закат за речкой...» (Ворожба. Мыши, 1) 71
 Дождь («Я рад всему: что город вымок...») 69
 «Должно быть, жизнь и хороша...» (Из дневника) 178
 Дом («Здесь домик был. Недавно разобрали...») 109
 Дóма («От скуки скромно вывожу крючочки...») 198
 Досада («Что сердце? Лань. А ты стрелок, царевна...») 76
 «Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца...» (Достижения) 237
 Достижение (1–4) 235
 Достижения («Достигнуть! Достигнуть! Дойти до конца...») 237
 «Дрожит вагон. Заледенелых окон...» 286
 «Друзья! В тот час, когда, усталый...» (Друзьям) 248
 «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» 147
 «Друзья мои! Ведь вы слыхали...» (Приношение Р. и М. Горлиным) 344
 Друзьям («Друзья! В тот час, когда, усталый...») 248
 Душа («Душа моя — как полная луна...») 127
 Душа («О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа, не внемлешь миру...») 60
 «Душа! Любовь моя! Ты дышишь...» (К Психее) 126
 «Душа моя — как полная луна...» (Душа) 127

- «Душа поет, поет, поет...» 292
«Дьявол, Вечный Изменник...» (Диалог) 255
- «Ей-богу, мне не до стихов...» 331
«Если б маленький домишко...» (НЭП) 309
«Если сердце захочет плакать...» 243
- Жалоба Амура («Амур в слезах Поэту раз предстал...») 344
«Жеманницы былых годов...» 64
«Жестокий век! Палач и вор...» 288
«Жив Бог! У мен, а не заумен...» 158
«Живу последние мгновенья...» (Последний гимн) 227
Жизель («Да, да! В слепой и нежной страсти...») 131
Жизнь-полководец. *Marche funèbre* («Тяжки шаги моих солдат...») 247
- «За окном гудит метелица...» 47
«За окном — ночные разговоры...» 74
За снегами («Наша елка зажжена...») 50
«За шторами — седого дня мерцанье...» 284
«Забвенье — сознание — забвенье...» (Сердце) 119
Забывтый («В кольце безумствующих гадин...») 254
Завет («Благодари богов, царевна...») 77
«Заветные часы уединенья!..» (Уединение) 116
«Задумаешь его почтить эпिताламой...» 342
«Зазвени, затруби, карусель...» 266
Закат («В час, когда пустая площадь...») 59
«Запоздалая старуха...» (Старуха) 119
Зарница («Когда, безгромно вспыхнув, молния...») 40
«Заслышав голос прорицанья...» (Пилат) 250
«Затянут тиной темный пруд...» (Ликующие) 249
«Зачем ты за пивною стойкой?...» (An Mariechen) 166
Звезда («Выходи, вставай, звезда...») 41
Звезде («Пусть стены круты, башни стройны...») 231
Звезды («Вверху — грошовый дом свиданий...») 191
«Здесь даль видна в просторной раме...» (Бельское Устье) 140
«Здесь домик был. Недавно разобрали...» (Дом) 109
«Здесь, у этого колодца...» (Воспоминание) 118
«Здравствуй, песенка с волн Адриатики...» (Santa Lucia) 276
Зима («Как перья страуса на черном катафалке...») 57
Зимние сумерки («Сумерки снежные. Дали туманные...») 195
Зимняя буря («Ост...») 311
Зимой («День морозно-золотистый...») 197

- «Злые слова навернулись, как слезы...» (На прогулке) 262
 Золото («В рот — золото, а в руки — мак и мед...») 101
- «И весело, и тяжело...» 112
 «И вот он снова — немолчный шорох...» (Буриме. Для второго изд<ания>
 «Сч<астливого> Домика») 280
 «И всё смотрю на дальние селенья...» (S. Pario) 272
 «И снова голос нежный...» 238
 «И я пришел к тебе, любовь...» (Sanctus Amor) 32
 «Иванов! Если ты с Ириной...» (Подражания древним, <7>) 340
 «Играю в карты, пью вино...» 142
 «Иду, вдыхая глубоко...» 300
 Из дневника («Должно быть, жизнь и хороша...») 178
 Из дневника («Мне каждый звук терзает слух...») 136
 Из мышиных стихов («У людей война. Но к нам в подполье...») 205
 Из окна (1-2) 133
 «Из того, что надежды и сны...» 330
 «Из-за стволов забвенная река...» (Как силуэт, II) 31
 «Изломала, одолевает...» (У моря, 4) 163
 «Измученные ангелы мои!..» (Ночь) 216
 «Илье Горбатову не спится...» (Ночь в отеле Сельтик) 338
 «Имей глаза — сквозь день увидишь ночь...» (Ласточки) 136
 Иная Красота («Я не знаю. Я не знаю...») 234
 «Интриги бирж, потуги наций...» 172
 Искушение («Довольно! Красоты не надо...») 128
 «Итак, прощай. Холодный пал туман...» (Прощание) 200
 Ищи меня («Ищи меня в сквозном весеннем свете...») 102
 «Ищи меня в сквозном весеннем свете...» (Ищи меня) 102
- «К большому подойдя окну...» (Ситцевое царство, 2) 79
 К Лиле. *С латинского* («Скорее челюстью своей...») 221
 К Музе («Я вновь перечитал забытые листы...») 65
 К портрету в черной рамке. *Послание к **** («Твои черты передо мной...») 36
 К Психее («Душа! Любовь моя! Ты дышишь...») 126
 «Как больно мне от вашей малости...» 314
 «Как волшебник, прихожу я...» (Вахх) 138
 «Как восплачется свет-княгинюшка...» 330
 «Как выскажу моим косноязычем...» 117
 Как если бы мы были гомоскуалисты («На бульваре у грека Вы яичницу
 кушали...») 325
 «[Как мячик,] скачет по двору...» (Утро) 271
 «Как на бульваре тихо, ясно, сонно!..» (Полдень) 105

- «Как неуверенно-невинна...» (Она. Стихи о кузине, I) 41
 «Как перья страуса на черном катафалке...» (Зима) 57
 Как силуэт (I–II) 31
 «Как силуэт на лунной синеве...» (Как силуэт, I) 31
 «Как совладать с судьбою-дурой?...» 311
 «Какое тонкое терзанье...» (Ущерб) 56
 Кишмиш («Кишмиш, кишмиш! Жемчужина Востока!...») 328
 «Кишмиш, кишмиш! Жемчужина Востока!...» (Кишмиш) 328
 «Клубится пар над суповой миской...» 287
 «Когда б я долго жил на свете...» 131
 «Когда, безгромно вспыхнув, молния...» (Зарница) 40
 «Когда во все концы земли...» 287
 «Когда впервые смутным очертаньем...» 65
 «Когда истерпится земля...» 261
 «Когда меня пред Божий суд...» (Я) 220
 «Когда почти благоговейно...» 56
 Кольца (I–II) 47
 «Косоглазый и желтолицый...» 301
 «Красный Марс восходит над агавой...» (Вечер) 80
 «Кто счастлив честною женой...» 313
 Кузина плачет («Кузина, полно... Всё изменится!...». Стихи о кузине, IV) 44
 «Кузина, полно... Всё изменится!...» (Кузина плачет. Стихи о кузине, IV) 44
 Куплеты («Un vrai Viandox stimule et réconforte...») 341
- Ласточки («Имей глаза — сквозь день увидишь ночь...») 136
 «Лежу, ленивая амеба...» (У моря, 1) 160
 Лида («Высоких слов она не знает...») 139
 Ликующие («Затянут тиной темный пруд...») 249
 «Листвой засыпаны ступени...» (Passivum) 48
 Листик («Прохожий мальчик положил...») 289
 «Лоб...» (Похороны. *Сонет*) 219
 «Лэди долго руки мыла...» 124
 «Люблю в природе — рост и тленье...» 297
 «Люблю говорить слова...» 259
 «Люблю граненые стаканы...» 333
 «Люблю людей, люблю природу...» 130
 «Люблю я старой толстой Сафо...» 334
- «Маленькая, тихонькая мышь...» (Мышь) 199
 «Мама! Хоть ты мне откликнись и выслушай: больно...» (Матери) 58
 Мариночке («Я стройна и красива. Ты знаешь?...») 232

- Март («Размякло, и раскисло, и размокло...») 146
- Матери («Мама! Хоть ты мне откликнись и выслушай: больно...») 58
- Мельница («Мельница забытая...») 88
- «Мельница забытая...» (Мельница) 88
- «Меня роднят с тобою дни мечтаний...» 251
- «Метель, метель... В перчатке — как чужая...» (На ходу) 95
- «Мечта моя! Из Вифлеемской дали...» 301
- Милому другу («Ну, поскрипи, сверчок! Ну, спой, дружок запечный!...») 70
- «Милые девушки, верьте или не верьте...» 94
- «Милый, верный Сырник, друг незаменимый...» (Сырнику. Мыши, 2) 72
- «Милкоков: *Gieb meine Jugend mir zurück!*...» (Подражания древним, <8>) 340
- «Мир земле вечерней и грешной!...» (Слезы Рахили) 85
- «Мне б не хотелось быть убитым...» 312
- «Мне каждый звук терзает слух...» (Из дневника) 136
- «Мне невозможно быть собой...» (Баллада) 182
- «Мне нож подает и торопит...» (Отчаянье) 275
- «Мне нравится высокий кавалер...» (Театр. Месье) 265
- «Может быть, играет Дьявол...» (Обман) 231
- «Мои поля сыпучий пепел кроет...» (В моей стране) 29
- «Мои слова печально кротки...» 49
- «Моим ты другом быть не хочешь...» (Т-ой) 299
- Моисей («Спасая свой народ от смерти неминучей...») 271
- «Мой любимый, где ж ты коротаешь...» (Голос Дженни) 62
- «Мой милый Книжник. Ты совсем...» (Разговор человека с мышкой, которая ест его книги) 329
- «Мой робкий брат, пришедший темной ночью...» 256
- Молитва («Все былые страсти, все тревоги...». Мыши, 3) 72
- «Молчи, склони свое лицо...» (Утро) 33
- Музыка («Всю ночь мела метель, но утро ясно...») 123
- «Мулатка с крупными ноздрями...» 306
- Мы («Не мудростью умышленных речей...») 315
- «Мы были когда-то равны...» (Современнику) 285
- «Мы все изнываем от жизненной боли...» 252
- «Мы вышли к морю. Ветер к суше...» 289
- «Мы мерзостью постыдно-рьяной...» 255
- «Мы не гуляли, не кутили...» 313
- «Мы по улицам темным...» (Ряженые) 34
- Мыши (1–3) 71
- Мышь («Маленькая, тихонькая мышь...») 199
- «Мясисто губы выдаются...» (В кафе) 307

- «На бульваре у грека Вы яичницу кушали...» (Как если бы мы были гомоскуалисты) 325
- «На город упали туманы...» (Осенние сумерки) 195
- На Грибном рынке («Бьется ветер в моей пелеринке...») 279
- На даче («Целый день твержу без смысла...») 326
- «На кифаре ли, на флейте ль...» (На погребение Тейтеля) 342
- «На Лая лаем лай! На Лая лаем лаял...» (Аполлиназм) 334
- «На мостках полусгнившей купальни...» 204
- «На небе собираются тучи...» (Достижение, 1) 235
- «На новом, радостном пути...» 206
- На отъезд милого 326
- На Пасхе. *Отрывок из повести* («Пасха не рано была в тот год. В сребророзовой дымке...») 206
- На погребение Тейтеля («На кифаре ли, на флейте ль...») 342
- На прогулке («Злые слова навернулись, как слезы...») 262
- «На пуп откупщика усевшись горделиво...» (Блоха и горлянка) 347
- «На свете только есть дырявый...» 308
- На седьмом этаже. *Подражание Брюсову* («Падучие звезды бесследно...») 203
- «На спичечной коробке...» (Анюте) 112
- «На тускнеющие шпили...» 145
- На ходу («Метель, метель... В перчатке — как чужая...») 95
- «На щеках — румянец воспаленный...» (Ночью) 257
- «На этих прочтенных страницах...» 206
- «Навсегда разорванные цепи...» 252
- «Над полями, лесами, болотами...» (Авиатору) 115
- «Над рекою...» (Песня) 245
- «“Надо мной в лазури ясной...”» 294
- «“Накинув плащ, с гитарой под полою...”» (Романс) 44
- «Напастям жалким и однообразным...» (Петербург) 157
- «Напрасно проросла трава...» (Невеста) 154
- «Наша елка зажжена...» (За снегами) 50
- «Не верю в красоту земную...» 147
- «Не жди, не уповай, не верь...» (Себе) 210
- «Не знаю, ночь ли их свела...» (Весенний рассказ) 199
- «Не люблю стихов, которые...» 299
- «Не матерью, но тульской крестьянкой...» 124
- «Не могу Вас не воспеть я...» 341
- «Не мудростью умышленных речей...» (Мы) 315
- «Не радостен апрель. Вода у берегов...» (Поэт. *Элегия*) 45
- «Не только в древности неслышные слова...» 332
- «Не ямбом ли четырехстопным...» 321
- Невеста («Напрасно проросла трава...») 154

- «Несчастный дурак в колодце двора...» (Окна во двор) 180
 «Нет, больше не могу смотреть я...» (Утро) 95
 «Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно...» (Про себя, I) 91
 «Нет, есть еще забавные минуты...» 309
 «Нет, молодость, ты мне была верна...» 30
 «Нет, не найду сегодня пищи я...» 167
 «Нет, не хочу ни пышной славы...» 296
 «Нет, не шотландской королевой...» 320
 «Нет ничего прекрасней и привольней...» 314
 «Нет, ты не прав, я не собой пленен...» (Про себя, II) 91
 «Нет у меня для вас ни слова...» (Скала) 217
 «Ни жить, ни петь почти не стоит...» 151
 «Ни розового сада...» 134
 «Ничек глаза тарашит...» (Сочинение) 335
 Новый Год («С Новым Годом! Как ясна улыбка!...») 82
 Ночи («Чуть воют псы сторожевые...») 37
 Ночь («Измученные ангелы мои!...») 216
 Ночь в отеле Сельтик («Илье Горбатову не спится...») 338
 Ночью («На щеках — румянец воспаленный...») 257
 «Ночью и днем надо мною упорно...» (Швея) 94
 «Ну, поскрипи, сверчок! Ну, спой, дружок запечный!...» (Милому другу) 70
 «Нынче день такой забавный...» (Из окна, 1) 133
 НЭП («Если б маленький домишко...») 309
- «О, белых пчел беззвучные рои...» (В снегах) 257
 «О будущем своем ребенке...» 279
 «О, в душе у тебя есть безмерно-родное...» (Сближение) 239
 «О, горько жить, не ведая волнений...» 263
 «О детках никто не заботится...» (Вечером в детской) 244
 «О други! Два часа подряд...» 343
 «О, если б в этот час желанного покоя...» 93
 «О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа, не внемлешь миру...» (Душа) 60
 «О, золотое светило!...» (Достижение, 4) 236
 «О, как мне скучно, скучно, скучно!...» (У людей) 243
 «О, милые! Пурпурный мотылек...» (Старинные друзья. Стихи о кухне, II) 42
 «О, неподвижны вы, недремлющие сестры...» (Парки) 258
 «О, пожалейте бедного Орфея!...» (Возвращение Орфея) 61
 «О старый дом, тебя построил предок...» 265
 «О Творец, ослепшей жизни...» (Deo ignoto) 245
 Обезьяна («Была жара. Леса горели. Нудно...») 108
 Обман («Может быть, играет Дьявол...») 231
 «Обо всем в одних стихах не скажешь...» 90

- «Общею Музою нашей была Бронислава когда-то...» 337
- «Огни да блестки на снегу...» (Буриме) 282
- «Один, среди речных излучин...» 31
- Одинокая («Съежился, скорчился мир мой...») 260
- Окна во двор («Несчастный дурак в колодце двора...») 180
- «Он не спит, он только забывает...» 302
- Она («Как неуверенно-невинна...». Стихи о кухне, I) 41
- «Опрозраченный месяц повис на ветвях...» (Песня) 201
- «Опять во тьме. У наших ног...» 38
- Осенние сумерки («На город упали туманы...») 195
- Осень («Свет золотой в алтаре...») 32
- «Ост...» (Зимняя буря) 311
- «Оставил дрожки у заставы...» (26 мая 1836) 310
- «От крыши до крыши протянут канат...» (Акробат) 89
- «От скуки скромно вывожу крючочки...» (Дóма) 198
- Отчаянье («Мне нож подает и торопит...») 275
- Отшельник («Горьки думы о земном...») 197
- П. С<ухоти>ну («Стыд неучтивому гостю, рукой отстранившему чашу...») 270
- «Павлович! С посошком, бродячею каликой...» (Памятник) 332
- «Падучие звезды бесследно...» (На седьмом этаже. *Подражание Брюсову*) 203
- «Палкой щупая дорогу...» (Слепой) 159
- Памяти кота Мурра («В забавах был так мудр и в мудрости забавен...») 319
- Памятник («Во мне конец, во мне начало...») 316
- Памятник («Павлович! С посошком, бродячею каликой...») 332
- Пан («Смотря на эти скалы, гроты...». Соррентинские заметки, 2) 213
- «Париж обитая, низок был бы я, кабы...» 336
- Парки («О, неподвижны вы, недремлющие сестры...») 258
- «Пасха не рано была в тот год. В сребророзовой дымке...» (На Пасхе. *Отрывок из повести*) 206
- «Пейте горе полным стаканчиком!...» 286
- Перед зеркалом («Я, я, я. Что за дикое слово!...») 179
- «Перестань мне сниться, если можешь...» 309
- «Перешагни, перескочи...» 137
- Песня («Над рекою...») 245
- Песня («“Опрозраченный месяц повис на ветвях...”») 201
- Песня турка («Прислали мне кинжал, шнурок...») 212
- «Песчинка как в морских волнах...» (Подражания древним, 5) 340
- Петербург («Напастям жалким и однообразным...») 157
- Пилат («Заслышав голос прорицанья...») 250
- «Плащ золотой одуванчиков...» 260
- По бульварам («В темноте, задыхаясь под шубой, иду...») 97

- «По вечерам мечтаю я...» (Ситцевое царство, 1) 78
- Подражания древним (1–8) 339
- «По залам прохожу лениво...» (Хранилище) 172
- «“Под звук бэлотт, под гомон баров”...» 313
- Под землей («Где пахнет черною карболкой...») 168
- «Под ногами скользь и хруст...» (Вечер) 143
- «Подпольной жизни созерцатель...» 268
- Поздно («Я задумался. Очнулся...») 230
- «Пока душа в порыве юном...» 212
- «Покорствующий всем желаньям...» (Пэон и Цезура. *Трилистник смыслов*) 275
- «Покрова Майи потаенной...» 149
- Полдень («Как на бульваре тихо, ясно, сонно!...») 105
- «Полно рыдать об умершей Елене...» 276
- «Полузабытая отрада...» (Веселье) 220
- «Помню куртки из пахучей кожи...» 305
- «Помн<ю>, Лила, наши речи вкрадчив<ые>...» 273
- Порок и смерть («Порок и смерть! Какой соблазн горит...») 144
- «Порок и смерть! Какой соблазн горит...» (Порок и смерть) 144
- Портрет («Царевна ходит в красном кумаче...») 74
- Последний гимн («Живу последние мгновенья...») 227
- «Постой, товарищ, — погляди-ка...» 297
- Похороны. *Сонет* («Лоб...») 219
- Поэт. *Элегия* («Не радостен апрель. Вода у берегов...») 45
- Поэту («Ты губы сжал и горько брови сдвинул...») 69
- Поэту-пролетарию («Байрону, Пушкину вслед, родословьем своим ты
гордишься...») 270
- Правда пробуждения («Я беден, беден! Горе мне...») 238
- «Право же, только гексаметр сему изобилью приличен...» 332
- Предупреждение врагу («Будут ли ясно сиять небеса...») 335
- «Привет тебе из тихой дали...» (Грифу) 253
- Призраки («Слышу и вижу вас...») 285
- Приношение Р. и М. Горлиным («Друзья мои! Ведь вы слышали...») 344
- «Прислали мне кинжал, шнурок...» (Песня турка) 212
- Про мышей («Пять лет уж прошло, как живу я с мышами...») 277
- Про себя (I–II) 91
- Пробочка («Пробочка над крепким иодом!...») 136
- «Пробочка над крепким иодом!» (Пробочка) 136
- Прогулка («Хорошо, что в этом мире...») 75
- Проклятый («Проклятый кем-то, вырос я в зыбях...») 227
- «Проклятый кем-то, вырос я в зыбях...» (Проклятый) 227
- Пролог неоконченной пьесы («Самая хмельная боль — Безнадежность...») 52

- «Протянулись дни мои...» 34
- «Проходит сеятель по ровным бороздам...» (Путем зерна) 85
- «Проходят дни, и каждый сердце ранит...» 310
- «Прохожий мальчик положил...» (Листик) 289
- «Прощай же. До встречи весенней...» 288
- Прощание («Итак, прощай. Холодный пал туман...») 200
- «Психея! Бедная моя!..» 127
- «Пускай все дамы без труда...» 329
- «Пускай минувшего не жаль...» 129
- «Пустился в море с рыбаками...» (У моря, 3) 162
- «Пусть стены круты, башни стройны...» (Звезде) 231
- Путем зерна («Проходит сеятель по ровным бороздам...») 85
- Пути и перепутья («Без мыла нынче трудно жить...») 331
- «Пыль. Грохот. Зной. По рыхлому асфальту...» 303
- Пэон и Цезура. *Трилистник смыслов* («Покорствующий всем желаньям...») 275
- «Пять лет уж прошло, как живу я с мышами...» (Про мышей) 277
- Разговор человека с мышкой, которая ест его книги («Мой милый Книжник. Ты совсем...») 329
- «Размякло, и раскисло, и размокло...» (Март) 146
- Рай («Вот, открыл я магазин игрушек...») 81
- Раскаianie («Я много лгал, запугивал детей...») 266
- «Раскинул над собой перину...» 306
- «Раскрыты двери настезь. Гроб дубовый...» 287
- «Ребенок спал, покуда граммофон...» (Граммoфон) 216
- «Редея, леса червленеют...» 288
- Розы («Ах, царевна, как прекрасны...») 264
- Романс («В голубом эфире поле...») 211
- Романс («День серый, ласковый, мне сердца не томи...») 268
- Романс («Накинув плащ, с гитарой под полою...») 44
- Ручей («Взгляни, как солнце обольщает...») 86
- Рыбак. *Песня* («Я наживляю мой крючок...») 117
- Ряженные («Мы по улицам темным...») 34
- «С берлинской улицы...» 165
- «С грохотом летели мимо тихих станций...» 273
- «С Новым Годом! Как ясна улыбка!..» (Новый Год) 82
- С простора («Я не люблю вас, люди, люди...») 240
- «С тех пор к<a>к стал Антоний в моде...» (Подражания древним, 4) 340
- «Самая хмельная боль — Безнадежность...» (Пролог неоконченной пьесы) 52
- Сближение («О, в душе у тебя есть безмерно-родное...») 239

- «Свет золотой в алтаре...» (Осень) 32
- «Своих цепей так не расторгнешь, нет!..» (Сонет) 297
- «Святыня меркнувшего дня...» (Стансы) 66
- Себе («Не жди, не уповай, не верь...») 210
- «Семь дней и семь ночей Москва металась...» (2-го ноября) 102
- Сердце («Забвеньё — сознание — забвеньё...») 119
- Серенада. *Надпись к силуэту* («Счастливая примета...») 202
- «Сидит в табачных магазинах...» (У моря, 2) 161
- «Сижу, освещаемый сверху...» (Баллада) 151
- «Сирокко, ветер невеселый...» (Афродита. Соррентинские заметки, 3) 214
- Ситцевое царство (1-2) 78
- «Сияет навощенный пол...» 317
- Скала («Нет у меня для вас ни слова...») 217
- «Сквозь дикий грохот катастроф...» 315
- «Сквозь журнальные барьеры...» 337
- «Сквозь ненастный зимний денек...» 182
- «Сквозь облака фабричной гари...» 209
- «Сквозь уютное солнце апреля...» 320
- «Скорее челюстью своей...» (К Лиле. *С латинского*) 221
- «Сладко жить в твоей, царевна, власти...» (Успокоение) 76
- «Сладко после дождя теплая пахнет ночь...» 87
- Слезы Рахили («Мир земле вечерней и грешной!..») 85
- «Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?..» 153
- Слепой («Палкой щупая дорогу...») 159
- «Слепящий свет сегодня в кухне нашей...» (Хлебы) 114
- Случайность («В душе холодной и лукавой...») 267
- «Слышать я вас не могу...» 153
- «Слышу и вижу вас...» (Призраки) 285
- Смоленский рынок («Смоленский рынок...») 97
- «Смоленский рынок...» (Смоленский рынок) 97
- «Смотрю в окно — и презираю...» 137
- «Смотря на эти скалы, гроты...» (Пан. Соррентинские заметки, 2) 213
- «Снег навалил. Всё затихает, глохнет...» (Сумерки) 138
- Сны («Так! наконец-то мы в своих владеньях!..») 92
- «Со слабых век сгоняя смутный сон...» 90
- Современнику («Мы были когда-то равны...») 285
- «Сойдя в Харонову ладью...» 274
- «Солнце! Солнце! Огонь палящий!..» (Счастье) 242
- Сон («Всё было сине. Роща вечерела...») 269
- Сонет («Своих цепей так не расторгнешь, нет!..») 297
- Соррентинские заметки (1-3) 213

- Соррентинские фотографии («Воспоминанье прихотливо...») 173
- Сочинение («Ничек глаза тарашит...») 335
- «Спасая свой народ от смерти неминуемой...» (Моисей) 271
- «Спи. Покой твой, сон невесты...» (Спящей) 253
- Спящей («Спи. Покой твой, сон невесты...») 253
- Стансы («Бывало, думал: ради мига...») 135
- Стансы («Во дни громадных потрясений...») 291
- Стансы («Святыня меркнувшего дня...») 66
- Стансы («Уж волосы седые на висках...») 111
- «Старик и девочка-горбунья...» 303
- Старинные друзья («О милые! Пурпурный мотылек...». Стихи о кузине, II) 42
- Старуха («Запоздалая старуха...») 119
- «Старым снам затерян сонник...» 146
- Стихи о кузине (I-IV) 41
- «Странник прошел, опираясь на посох...» 144
- «Страшны туманные поляны...» 296
- «Стыд неучтивому гостю, рукой отстранившему чашу...» (П. С<ухоти>ну) 270
- «Судьей меня Господь не ставил...» 286
- Сумерки («Снег навалил. Всё затихает, гложет...») 138
- «Сумерки снежные. Дали туманные...» (Зимние сумерки) 195
- «Схватил я дымный факел мой...» 196
- «Счастливая примета...» (Серенада. *Надпись к силуэту*) 202
- Счастье («Солнце! Солнце! Огонь палящий!...») 242
- «Съежился, скорчился мир мой...» (Одинокая) 260
- Сырнику («Милый, верный Сырник, друг незаменимый...». Мыши, 2) 72
- «Так бывает почему-то...» 126
- «Так! наконец-то мы в своих владеньях!...» (Сны) 92
- «Там, над отвесною громадой...» (Водопад. Соррентинские заметки, 1) 213
- «Ташился по снегу тюремный фургон...» 278
- «Твои черты передо мной...» (К портрету в черной рамке. *Послание к ****) 36
- Театр. Месть («Мне нравится высокий кавалер...») 265
- «Тебе, богине светлоокой...» (Афине) 256
- «То не прохладный дымок подмосковных осенних туманов...» (Утро) 316
- Т-ой («Моим ты другом быть не хочешь...») 299
- «Только вечером нежное...» 251
- «Тот, кто на дверь наклеил объявление, что каждую среду...» 339
- «Трудолюбивую пчелой...» 208
- «Ты губы сжал и горько брови сдвинул...» (Поэту) 69
- «Ты о любви мне смятенно лепечешь...» 281
- «Ты показала мне без слов...» (Без слов) 113

- «Ты помнишь, что изрек...» (Подражания древним, 2) 339
- «Тяжки шаги моих солдат...» (Жизнь-полководец, *Marche funébre*) 247
- У людей («О, как мне скучно, скучно, скучно!...») 243
- «У людей война. Но к нам в подполье...» (Из мышиных стихов) 205
- У моря (1–4) 160
- У моря («А мне и волн морских прибой...») 98
- «У Наташи глазки черные...» 325
- «У черных скал, в порочном полусне...» 274
- «Увы, дитя! Душе неутоленной...» 60
- Уединение («Заветные часы уединенья!...») 116
- «Уж волосы седые на висках...» (Стансы) 111
- «Ужели я, людьми покинутый...» (Гадание) 35
- Улика («Была туманной и безвестной...») 148
- «Уродики, уродища, уроды...» (Дачное) 168
- Успокоение («Сладко жить в твоей, царевна, власти...») 76
- Утро («[Как мячик,] скачет по двору...») 271
- Утро («Молчи, склони свое лицо...») 33
- Утро («Нет, больше не могу смотреть я...») 95
- Утро («То не прохладный дымок подмосковных осенних туманов...») 316
- «Ухожу. На сердце — холод млеющий...» 246
- Ущерб («Какое тонкое терзанье...») 56
- Февраль («Этот вечер, еще не весенний...») 77
- «Хвостова внук, о друг мой дорогой...» 337
- Хлебы («Слепящий свет сегодня в кухне нашей...») 114
- «Хорошие стихи меня томят...» 283
- «Хорошо, что в этом мире...» (Прогулка) 75
- Хранилище («По залам прохожу лениво...») 172
- «Царевна ходит в красном кумаче...» (Портрет) 74
- Цветку Ивановой ночи («Я до тебя не добреду...») 51
- «Целый день твержу без смысла...» (На даче) 326
- Часовня («В высокой башне — темных окон ряд...») 228
- «Чело в лучах, и члены гибки...» (Диск) 246
- «Черные тучи проносятся мимо...» 208
- «Четыре звездочки взошли на небосвод...» 294
- «Что ж? Высоким Державинским слогом...» 304
- «Что ж? От озноба и простуды...» (Берлинское) 164

«Что сердце? Лань. А ты стрелок, царевна...» (Досада) 76
«Что это? Что это? Толпы врагов?...» (Достижение, 3) 236
«Что-то нужно. Что-то нужно...» 225
«Чуть воют псы сторожевые...» (Ночи) 37

Швея («Ночью и днем надо мною упорно...») 94
Шурочке по приятному случаю дня ее рождения. *Подражание Петрарку* («Ах, Шурочка! Амурчикова мама...») 327

Элегия («Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива...») 55
Элегия («Деревья Кронверкского сада...») 145
Эпизод («... Это было...») 98
«...Это было...» (Эпизод) 98
«Этот вечер, еще не весенний...» (Февраль) 77

Я («Когда меня пред Божий суд...») 220
«Я беден, беден! Горе мне...» (Правда пробуждения) 238
«Я вновь перечитал забытые листы...» (К Музе) 65
«Я выследил его от скуки...» (Ворон) 280
«Я гостей не зову и не жду...» 284
«Я до тебя не добреду...» (Цветку Ивановой ночи) 51
«Я задумался. Очнулся...» (Поздно) 230
«Я знаю все людские тайны...» 298
«Я знаю: рук не покладает...» 283
«Я много лгал, запугивал детей...» (Раскаяние) 266
«Я наживляю мой крючок...» (Рыбак. *Песня*) 117
«Я не знаю худшего мучения...» 234
«Я не знаю. Я не знаю...» (Иная красота) 234
«Я не люблю вас, люди, люди...» (С простора) 240
«Я не старик, ты не старушка...» 287
«Я опьянялся цветами мирскими...» 233
«Я очнулся. Вдали, на востоке...» (Достижение, 2) 235
«Я плачу вновь. Осенний вечер...» (Вновь) 240
«Я помню в детстве душный летний вечер...» 293
«Я помню вас, дары богов...» 297
«Я рад всему: что город вымок...» (Дождь) 69
«Я родился в Москве. Я дыма...» 282, 306
«Я с Музою не игрывал уж год...» 338
«Я сердце, шутник, игрок...» 214
«Я сон потерял, а живу как во сне...» 300
«Я стройна и красива. Ты знаешь?...» (Мариночке) 232
«Я тебя провожаю с поклоном...» (Кольца, I) 47

«Я угасну... Я угасну...» 225
«Я хожу по острым иголкам...» 296
«Я шел по скользкому паркету...» (Бал) 226
«Я, я, я. Что за дикое слово!..» (Перед зеркалом) 179

An Mariechen («Зачем ты за пивную стойкой?..») 166
Deo ignoto («О Творец, ослепшей жизни...») 245
Passivum («Листвой засыпаны ступени...») 48
S. Pario («И всё смотрю на дальние селенья...») 272
Sanctus Amor («И я пришел к тебе, любовь...») 32
Santa Lucia («Здравствуй, песенка с волн Адриатики...») 276
«Un vrai Viandox stimule et réconforte...» (Куплеты) 341

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия Владислава Ходасевича (Дж. Малмстад)	3
---	---

МОЛОДОСТЬ

В моей стране

В моей стране	29
«Нет, молодость, ты мне была верна...»	30
«Вокруг меня кольцо сжимается...»	30
«Один, среди речных излучин...»	31
Как силуэт	
I. «Как силуэт на лунной синеве...»	31
II. «Из-за стволов забвенная река...»	31
Осень	32
Sanctus Amor	32
Утро («Молчи, склони свое лицо...»)	33
«Протянулись дни мои...»	34
Ряженые	34
Гадание	35
«Все тропы проклятью преданы...»	36
К портрету в черной рамке. <i>Послание к ***</i>	36
Ночи	37
«Опять во тьме. У наших ног...»	38

Кузина

Зарница	40
Звезда	41

Стихи о кухне	
I. Она	41
II. Старинные друзья	42
III. Воспоминание	43
IV. Кузина плачет	44
Романс («Накинув плащ, с гитарой под полою...»)	44
Поэт. <i>Элегия</i>	45
«Вечер холодно-весенний...»	46
Вечером синим	46
«За окном гудит метелица...»	47
Кольца	
I. «Я тебя провожаю с поклоном...»	47
II. «Велишь — молчу. Глухие дни настали!...»	48
Passivum	48
«Мои слова печально кротки...»	49
За снегами	50
«Время легкий бисер нижеет...»	50
Цветку Ивановой ночи	51
Пролог неоконченной пьесы	52

СЧАСТЛИВЫЙ ДОМИК

Пленные шумы

Элегия («Взгляни, как наша ночь пуста и молчалива...»)	55
Ущерб	56
«Когда почти благоговейно...»	56
Зима	57
«В тихом сердце — едкий пепел...»	57
Матери	58
Закат	59
«Увы, дитя! Душе неутоленной...»	60
Душа («О, жизнь моя! За ночью — ночь...» И ты, душа, не внемлешь миру...»)	60
Возвращение Орфея	61
Голос Дженни	62
«Века, прошедшие над миром...»	63
«Жеманницы былых годов...»	64

Лары

«Когда впервые смутным очертаньем...»	65
К Музе	65
Стансы («Святыня меркнувшего дня...»)	66
В альбом	67
Поэту	69
Дождь	69
Милому другу	70
Мыши	
1. Ворожба	71
2. Сырнику	72
3. Молитва	72

Звезда над пальмой

«За окном — ночные разговоры...»	74
Портрет	74
Прогулка	75
Досада	76
Успокоение	76
Завет	77
Февраль	77
Бегство	78
Ситцевое царство	
1. «По вечерам мечтаю я...»	78
2. «К большому подойдя окну...»	79
Вечер («Красный Марс восходит над агавой...»)	80
Рай	81

<ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ КНИГИ>

Новый Год	82
-----------------	----

ПУТЕМ ЗЕРНА

Путем зерна	85
Слезы Рахили	85
Ручей	86
«Сладко после дождя теплая пахнет ночь...»	87

Брента	87
Мельница	88
Акробат. <i>Надпись к силуэту</i>	89
«Обо всем в одних стихах не скажешь...»	90
«Со слабых век сгоняя смутный сон...»	90
«В заботах каждого дня...»	90
Про себя	
I «Нет, есть во мне прекрасное, но стыдно...»	91
II «Нет, ты не прав, я не собой пленен...»	91
Сны	92
«О, если б в этот час желанного покоя...»	93
«Милые девушки, верьте или не верьте...»	94
Швея	94
На ходу	95
Утро («Нет, больше не могу смотреть я...»)	95
В Петровском парке	96
Смоленский рынок	96
По бульварам	97
У моря («А мне и волн морских прибой...»)	98
Эпизод	98
Вариация	100
Золото	101
Ищи меня	102
2-го ноября	102
Полдень	105
Встреча	106
Обезьяна	108
Дом	109
Стансы («Уж волосы седые на висках...»)	111
Анюте	112
«И весело, и тяжело...»	113
Без слов	113
Хлебы	114

<ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ КНИГИ>

Авиатору	115
Газетчик	116
Уединение	116
«Как выскажу моим косноязычьем...»	117
Рыбак. <i>Песня</i>	117

Воспоминание («Здесь, у этого колодца...»)	118
Сердце	119
Старуха	119

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

Музыка	123
«Лэди долго руки мыла...»	124
«Не матерью, но тульской крестьянкой...»	124
«Так бывает почему-то...»	126
К Психее	126
Душа («Душа моя — как полная луна...»)	127
«Психея! Бедная моя!...»	127
Искушение	128
«Пускай минувшего не жаль...»	129
Буря	129
«Люблю людей, люблю природу...»	130
Гостю	130
«Когда б я долго жил на свете...»	131
Жизель	131
День	132
Из окна	
1. «Нынче день такой забавный...»	133
2. «Всё жду: кого-нибудь задавит...»	133
В заседании	134
«Ни розового сада...»	134
Стансы («Бывало, думал: ради мига...»)	135
Пробочка	136
Из дневника («Мне каждый звук терзает слух...»)	136
Ласточки	136
«Перешагни, перескочи...»	137
«Смотрю в окно — и презираю...»	137
Сумерки	138
Вахх	138
Лида	139
Бельское Устье	140
«Горит звезда, дрожит эфир...»	141
«Играю в карты, пью вино...»	142
Автомобиль	142
Вечер («Под ногами скользь и хруст...»)	143

«Странник прошел, опираясь на посох...»	144
Порок и смерть	144
Элегия («Деревья Кронверкского сада...»)	145
«На тускнеющие шпиди...»	145
Март	146
«Старым снам затерян сонник...»	146
«Не верю в красоту земную...»	147
«Друзья, друзья! Быть может, скоро...»	147
Улика	148
«Покрова Майи потаенной...»	149
«Большие флаги над эстрадой...»	149
«Гляжу на грубые ремесла...»	150
«Ни жить, ни петь почти не стоит...»	151
Баллада («Сижу, освещаемый сверху...»)	151

<ИСКЛЮЧЕННОЕ ИЗ КНИГИ>

«Слепая сердца мудрость! Что ты значишь?..»	153
«Слышать я вас не могу...»	153
Невеста	154

ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ

Петербург	157
«Жив Бог! Умен, а не заумен...»	158
«Весенний лепет не разнежит...»	158
Слепой	159
«Вдруг из-за туч озолотило...»	159
У моря	
1. «Лежу, ленивая амеба...»	160
2. «Сидит в табачных магазинах...»	161
3. «Пустился в море с рыбаками...»	162
4. «Изломала, одолевает...»	163
Берлинское	164
«С берлинской улицы...»	165
An Marielchen	166
«Было на улице полутемно...»	167
«Нет, не найду сегодня пищи я...»	167
Дачное	168
Под землей	169

«Всё каменное. В каменный пролет...»	170
«Встаю расслабленный с постели...»	171
Хранилище	172
«Интриги бирж, потуги наций...»	172
Соррентинские фотографии	173
Из дневника («Должно быть, жизнь и хороша...»)	178
Перед зеркалом	179
Окна во двор	180
Бедные рифмы	181
«Сквозь ненастный зимний денек...»	182
Баллада («Мне невозможно быть собой...»)	182
Джон Боттом	184
Звезды	191

НЕ СОБРАННОЕ В КНИГИ

Осенние сумерки	195
Зимние сумерки	195
«Схватил я дымный факел мой...»	196
Отшельник	197
Зимой	197
Дёма	198
Мышь	199
Весенний рассказ	199
Прощание	200
Песня («Опрозраченный месяц повис на ветвях...»)	201
Весна	201
Серенада. <i>Надпись к силуэту</i>	202
На седьмом этаже. <i>Подражание Брюсову</i>	203
Весной	203
«“Вот в этом палаццо жила Дездемона”...»	204
«На мостках полусгнившей купальни...»	204
Из мышинных стихов	205
«На этих прочтенных страницах...»	206
«На новом, радостном пути...»	206
На Пасхе. <i>Отрывок из повести</i>	206
«Черные тучи проносятся мимо...»	208
«Трудолюбивою пчелой...»	208
«Сквозь облака фабричной гари...»	209
Себе	210

«Доволен я своей судьбой...»	210
Романс («В голубом эфире поле...»)	211
«Пока душа в порыве юном...»	212
Песня турка	212
Соррентинские заметки	
1. Водопад	213
2. Пан	213
3. Афродита	214
«Я сердцеед, шутник, игрок...»	214
Ночь	216
Граммфон	216
Скала	217
Дактили	217
Похороны. <i>Сонет</i>	219
Веселье	220
Я	220
К Лиле. <i>С латинского</i>	221

НЕ ОПУБЛИКОВАННОЕ ПРИ ЖИЗНИ И НЕОКОНЧЕННОЕ

«Я угасну... Я угасну...»	225
«Что-то нужно. Что-то нужно...»	225
Бал	226
Проклятый	227
Последний гимн	227
Часовня	228
Поздно	230
Обман	231
Звезде	231
Мариночке	232
«Я опьянялся цветами мирскими...»	233
Иная красота	234
«Я не знаю худшего мучения...»	234
Достижение	
1. «На небе собираются тучи...»	235
2. «Я очнулся. Вдали, на востоке...»	235
3. «Что это? Что это? Толпы врагов?..»	236
4. «О золотое светило!..»	236
Достижения	237

Правда пробуждения	238
«И снова голос нежный...»	238
Ангелы	239
Сближение	239
Вновь	240
С простора	240
Белые башни	241
Счастье	242
«Если сердце захочет плакать...»	243
У людей	243
Вечером в детской	244
Песня («Над рекою...»)	245
Deo ignoto	245
Диск	246
«Ухожу. На сердце — холод млеющий...»	247
Жизнь-полководец. <i>Marche funèbre</i>	247
Горгона	248
Друзьям	248
Ликующие	249
Пилат	250
«Только вечером нежное...»	251
«Меня роднят с тобою дни мечтаний...»	251
«Навсегда разорванные цепи...»	252
«Мы все изнываем от жизненной боли...»	252
Грифу	253
Спящей	253
Забывтый	254
«Мы мерзостью постыдно-рьяной...»	255
Диалог	255
«Мой робкий брат, пришедший темной ночью...»	256
Афине	256
Ночью	257
В снегах	257
Парки	258
Горе	258
«Люблю говорить слова...»	259
«Плащ золотой одуванчиков...»	260
Одинокая	260
«Когда истерпится земля...»	261
На прогулке	262
«Гремите в литавры и трубы, веселые люди!...»	262

«О, горько жить, не ведая волнений...»	263
Розы	264
Театр. Месть	265
«О старый дом, тебя построил предок...»	265
«Зазвени, затруби, карусель...»	266
Раскаяние	266
Случайность	267
Романс («День серый, ласковый, мне сердца не томи...»)	268
«Подпольной жизни созерцатель...»	268
Сон	269
П. С<ухоти>ну («Стыд неучтивому гостю, рукой отстранившему чашу...»)	270
Поэту-пролетарию	270
Бювар	271
Утро («[Как мячик,] скачет по двору...»)	271
Моисей	271
S. Pario	272
«С грохотом летели мимо тихих станций...»	273
«Помн<ю>, Лила, наши речи вкрадчив<ые>...»	273
«У черных скал, в порочном полусне...»	274
«Сойдя в Харонову ладью...»	274
Пэон и Цезура. <i>Трилистник смыслов</i>	275
Отчаянье	275
Santa Lucia	276
«Полно рыдать об умершей Елене...»	276
Про мышей	
1. Вечер	277
«Ташился по снегу тюремный фургон...»	278
«В этом глупом Schweizerhof'e...»	278
На Грибном рынке	279
«О будущем своем ребенке...»	279
Буриме. Для второго изд<ания> «Счастливого Домика»	280
Ворон	280
«Ты о любви мне смятенно лепечешь...»	281
Буриме («Огни да блестки на снегу...»)	282
«Я родился в Москве. Я дыма...»	282
«Хорошие стихи меня томят...»	283
«Я знаю: рук не покладает...»	283
«Я гостей не зову и не жду...»	284
«За шторами — седого дня мерцанье...»	284
Современнику	285

Призраки	285
Голубок	285
«Дрожит вагон. Заледенелых окон...»	286
«Пейте горе полным стаканчиком!..»	286
«Судьей меня Господь не ставил...»	286
«Давно пора сказать тебе открыто...»	287
«Клубится пар над суповой миской...»	287
«Когда во все концы земли...»	287
«Раскрыты двери настезь. Гроб дубовый...»	287
«Я не старик, ты не старушка...»	287
«Вот смотрите: я руку жгу...»	288
«Редея, леса червенеют...»	288
«Жестокий век! Палач и вор...»	288
«Мы вышли к морю. Ветер к суше...»	289
Листик	289
«В городе ночью...»	290
«Высокий, молодой, сильный...»	290
Стансы («Во дни громадных потрясений...»)	291
«Душа поет, поет, поет...»	292
«В семнадцать лет, когда до слез, до слез...»	292
«Двусмыслица, прекрасная царевна...»	293
«Вот уж дым всклубился черный...»	293
«Я помню в детстве душный летний вечер...»	293
«Четыре звездочки взошли на небосвод...»	294
«“Надо мной в лазури ясной...”	294
«В беседе хладной, повседневной...»	295
«Апрельский дождик слегка накрапывал...»	295
«Страшны туманные поляны...»	296
«Я хожу по острым иголкам...»	296
«Нет, не хочу ни пышной славы...»	296
«Люблю в природе — рост и тленье...»	297
«Постой, товарищ, — погляди-ка...»	297
«Я помню вас, дары богов...»	297
Сонет («Своих цепей так не расторгнешь, нет!...»)	297
«Я знаю все людские тайны...»	298
«В каком светящемся тумане...»	298
Т-ой («Моим ты другом быть не хочешь...»)	299
«Не люблю стихов, которые...»	299
«Иду, вдыхая глубоко...»	300
«Я сон потерял, а живу как во сне...»	300
«Косоглазый и желтолицый...»	301

«Вот повесть. Мне она предстала...»	301
«Мечта моя! Из Вифлеемской дали...»	301
«В этих отрывках нас два героя...»	302
«Он не спит, он только забывает...»	302
«Пыль. Грохот. Зной. По рыхлому асфальту...»	303
«Старик и девочка-горбунья...»	303
«Что ж? Высоким Державинским слогом...»	304
«Помню куртки из пахучей кожи...»	305
«Раскинул над собой перину...»	306
«Мулатка с крупными ноздрями...»	306
«Я родился в Москве. Я дыма...»	306
В кафе	307
«На свете только есть дырявый...»	308
«В этой грубой каменоломне...»	308
«Перестань мне снится, если можешь...»	309
«Нет, есть еще забавные минуты...»	309
НЭП	309
«Проходят дни, и каждый сердце ранит...»	310
26 мая 1836	310
«Как совладать с судьбою-дурой?...»	311
Зимняя буря	311
«Мне б не хотелось быть убитым...»	312
«Великая вокруг меня пустыня...»	312
«“Под звук бэлотт, под гомон баров”...»	313
«Кто счастлив честною женой...»	313
«Мы не гуляли, не кутили...»	313
«Нет ничего прекрасней и привольней...»	314
«Как больно мне от вашей малости...»	314
«Гремит вода. По стенкам таза...»	315
«Сквозь дикий грохот катастроф...»	315
Мы	315
Памятник («Во мне конец, во мне начало...»)	316
Утро («То не прохладный дымок подмосковных осенних туманов...»)	316
«Сияет навощенный пол...»	317
«Всё только смерти да поминки!...»	317
«В последний раз зову Тебя: явись...»	319
Памяти кота Мурра	319
«Сквозь уютное солнце апреля...»	320
«Нет, не шотландской королевой...»	320
«Не ямбом ли четырехстопным...»	321

ШУТОЧНОЕ

«У Наташи глазки черные...»	325
Как если бы мы были гомосексуалисты	325
На даче	326
На отъезд милого	326
Шурочке по приятному случаю дня ее рождения.	
<i>Подражание Петrarку</i>	327
«Бедный Бараночник болен: хвостик бывало проворный...»	328
Кишмиш	328
Разговор человека с мышкой, которая ест его книги	329
«Пуускай все дамы без труда...»	329
«Из того, что надежды и сны...»	330
«Как восплачется свет-княгинюшка...»	330
«Ей-богу, мне не до стихов...»	331
Пути и перепутья	331
Памятник («Павлбвич! С посошком, бродячею каликой...»)	332
«Не только в древности неслышные слова...»	332
«Право же, только гексаметр сему изобилью приличен...»	332
«Люблю граненые стаканы...»	333
«Люблю я старой толстой Сафо...»	334
Аполлиназм	334
Сочинение	335
Предупреждение врагу	335
«Париж обитая, низок был бы я, кабы...»	336
«Алек, чтобы в стройном гимне...»	336
«Общею Музою нашей была Бронислава когда-то...»	337
«Сквозь журнальные барьеры...»	337
«Хвостова внук, о, друг мой дорогой...»	337
«Я с Музою не игрывал уж год...»	338
Ночь в отеле Сельтик	338
«Тот, кто на дверь наклеил объявление, что каждую среду...»	339
Подражания древним	
1. «В Академии Наук...»	339
2. «Ты помнишь, что изрек...»	339
3. «Всё изменилось под нашим зодиаком...»	339
4. «С тех пор к<a>к стал Антоний в моде...»	340
5. «Песчинка как в морских волнах...»	340
<6>. «Дарует небо человеку...»	340
<7>. «Иванов! Если ты с Ириной...»	340
<8>. «Милуков: Gieb meine Jugend mir zurück!...»	340

Куплеты	341
«Не могу Вас не воспеть я...»	341
«Задумаешь его почтить эпиталамой...»	342
«Г.Л.: Среду и субботу...»	342
На погребение Тейтеля	342
«О други! Два часа подряд...»	343
Жалоба Амура	344
Приношение Р. и М. Горлиным	344
Блоха и горлинка. <i>Басня</i>	347
ПРИМЕЧАНИЯ (<i>Дж. Малмстад, Р. Хьюз</i>)	348

ПРИЛОЖЕНИЕ

Война в русской лирике	601
Русская лирика	604
Алфавитный указатель стихотворений	613

Х-69 В.Ф. Ходасевич

Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; Вступ. статья Дж. Малмстада. — М.: Русский путь, 2009. — Т. 1. Полное собрание стихотворений. — 648 с.

ISBN 978-5-85887-304-4 (т. 1)

ISBN 978-5-85887-303-7

Издательство «Русский путь» готовит к выпуску в свет Полное собрание сочинений В.Ф. Ходасевича (1886–1939), блестящего русского поэта, переводчика и литературного критика, в восьми томах. Издание приурочено к 70-летию со дня смерти.

Родился в 1886 г. в Москве в семье художника. Печататься начал рано (с 1905). С 1922 г. находился в вынужденной эмиграции.

Настоящее издание призвано охватить творческое наследие В. Ходасевича в полном объеме. Оно включает в себя все прижизненные публикации его произведений, написанных до эмиграции и вышедших в свет за границей (будь то отдельные издания или статьи в периодике), а также целый ряд стихов, не собранных в книги и не опубликованных при жизни автора, черновики. Тексты снабжены обширными комментариями и примечаниями известных американских исследователей Роберта Хьюза, Джона Малмстада и Ольги Раевской-Хьюз.

Издание дополняют фотографии из семейного альбома племянницы поэта Нины Нидермиллер.

Владислав Фелицианович Ходасевич
Собрание сочинений в восьми томах

Том 1

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор Т. Есина
Корректор И. Леонтьева
Компьютерная верстка Л. Фирсовой

Подписано в печать 10.12.09. Формат 60х90/16. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 40,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 2021

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-85887-304-4

9 785858 873044

Посмотреть подробную информацию
о книгах и заказать их вы можете
на сайте издательства «РУССКИЙ ПУТЬ»: www.gr-net.ru.
Приобрести книги можно также
в книжном магазине «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. Таганская (кольцевая)),
тел. (495) 915-11-45
и в других книжных магазинах г. Москвы

Отдел продаж издательства «Русский путь»:
(495) 915-10-05

Список опечаток, замеченных в первом томе:

С. 263: после ст-ния «О, горько жить...» поместить ст-ние «О старый дом...» (с. 265).

С. 275: перед ст-нием «Пэон и цезура» поместить ст-ние «Полно рыдать об умершей Елене...» (с. 276).

С.	Строка	Напечатано	Следует читать
352	5 сн.	(архив В. Ивича)	(архив А. Ивича)
389	17 св.	Дума	Дома
405	3 св.	черних<овский>	Черних<овский>
409	6 сн.	мне здесь страдать —	мне здесь страдать —.
413	18–21 св.	вторая строфа с отступом направо	
416	5 св.	с IV и V строф	с 4 и 5 строф
418	1 св.	светлый ад]	[светлый ад]
	11 св.	светлый — передвинуть под: тихий	
432	10–11 св.	передвинуть направо (под: скука)	
434	4–5 св.	передвинуть налево в начало строки	
436	7 сн.	М., 1922	Москва, 1922
439	5 сн.	передвинуть направо (под: с отчетливую)	
442	16 сн.	передвинуть налево (под: [вечер])	
443	12, 13, 15	передвинуть налево в начало строки	
465	2–5 св.	передвинуть направо	
469	14–15 сн.	строка точек между строками	
471	7 сн.	передвинуть направо (под: громадах)	
476	8 сн.	передвинуть направо (под: [дальнем])	
477	12–13 сн.	в одну строку	
490	15 св.	передвинуть направо	
506	8 св.	№ 10 4 мая	№10, 4 мая
544	18 св.	передвинуть налево (под: крабы)	
567	13 сн.	НЛО	Новое Литературное Обозрение
582	2–4 св.	точка после «врагу»; все остальное убрать.	